

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2024 Том 24 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2024 Volume 24 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 15.09.2024. Выход в свет 30.09.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 28,35. Тираж 500 экз. Заказ № 1059. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Базаров А. В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Галенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Danilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor **Konstantin V. Zenkin**

Computer design: **Irina A. Chernova**

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Белов А.А., Данилов А.Н., Денисов А.Ю., Филинская Л.В. Белорусская семья в меняющемся мире.....	571
Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Маркова Ю.С. Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества.....	586
Троцук И.В., Анамоа-Покоо С. Возможно ли надежное социологическое измерение благополучия (на примере Ганы)? (на англ. яз.).....	600
Подлесная М.А. «Этика» войны в письмах солдат-участников СВО к детям.....	615
Нидергаус Е.О., Валеева М.В., Полякова И.Г. «Неформальное» донорство в репродукции: риски и возможности.....	632
Назарова И.Б., Нестеров Р.С. Риски инфицирования вирусом иммунодефицита человека: социологическая оценка.....	645
Савенкова А.С., Субботина М.В. Возможности метода неоконченных предложений в изучении «культуры отмены».....	660

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Злотковский В.И. Проблема поиска оптимальной модели организации местного самоуправления в Российской Федерации (опыт социологического анализа).....	684
Богданов В.С., Почестнев А.А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов.....	699
Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Практики управленческой оценки ресурсности научно-педагогических работников вузов.....	715
Юдина М.А. Алгоритмический менеджмент в фокусе социологии технологий (на англ. яз.).....	734
Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г., Павлова У.О. Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта.....	747

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Цвык В.А., Радкевич К.В., Шабага А.В. Язык и пространство как идентификационные ценности.....	764
Осипов А.М., Бабинцев В.П., Матвеева Н.А. Социология образования в России: тренды и риски последнего десятилетия.....	777
Троцук И.В., Цимбал М.В. Современные магические практики: исторические основания типологизации (Часть 1).....	795
Ростовская Т.К., Натскак О.Д. Неполные семьи: дискурс-анализ диссертационных исследований.....	811
Андрианова Е.В., Давыденко В.А. Социология кино: нарративные оценки зрительских практик.....	824

РЕЦЕНЗИИ

Данилов А.Н. Религиозное многообразие и новые религиозные движения в современном социуме.....	840
Никулин А.М., Никулина Е.С. Теория «малых дел» как народническая практика среднего класса.....	848
Овчинцева Л.А. Многоликость глобальной субурбанизации.....	856
Бигвава А.С. Музейный менеджмент: социологические аспекты.....	863
Троцук И.В. Компендиум по типам «типологического» в социологии.....	868

ЮБИЛЕЙ

К юбилею Г.Г. Татаровой.....	878
------------------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ.....	880
------------------	-----

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Belov A.A., Danilov A.N., Denisov A.Yu., Filinskaya L.V. Belarusian family in the changing world	571
Strelets I.E., Mukhortov D.S., Markova Yu.S. The role of the university educational environment in forming family values: Russian students' assessments	586
Trotsuk I.V., Anamoa-Pokoo S. Is reliable sociological measurement of social well-being possible? The case of Ghana	600
Podlesnaia M.A. "Ethics" of war in the SMO soldiers' letters to children	615
Nidergaus E.O., Valeeva M.V., Polyakova I.G. "Informal" donation in reproduction: Risks and opportunities.....	632
Nazarova I.B., Nesterov R.S. Risks of infection with the HIV: Sociological assessment	645
Savenkova A.S., Subbotina M.V. Possibilities of the unfinished sentences technique in the study of cancel culture	660

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Zlotkovsky V.I. In search for an optimal model of local self-government in the Russian Federation (sociological analysis).....	684
Zborovsky G.E., Ambarova P.A. The practices of managerial assessment of the resources of the university academic staff	699
Bogdanov V.S., Pochestnev A.A. Remote social expertise of national projects	715
Yudina M.A. Algorithmic management in the focus of sociology of technology	734
Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G., Pavlova U.O. Technological discourse in the Russian media: Main strategies for representing artificial intelligence.....	747

SOCIOLOGICAL LECTURES

Tsvyk V.A., Radkevich K.V., Shabaga A.V. Language and space as identification values	764
Osipov A.M., Babintsev V.P., Matveeva N.A. Sociology of education in Russia: Trends and risks of the last decade	777
Trotsuk I.V., Tsymbal M.V. Contemporary magical practices: Historical bases for typology (Part 1)	795
Rostovskaya T.K., Natsak O.D. Single-parent families: A discourse analysis of PhD theses	811
Andrianova E.V., Davydenko V.A. Cinematic sociology: Narrative assessments of the audience practices	824

REVIEWS

Danilov A.N. Religious diversity and new religious movements in the contemporary society	840
Nikulina A.M., Nikulina E.S. Theory of "small deeds" as a populist practice of the middle class	848
Ovchintseva L.A. Many-faced global suburbanization	856
Bigvava A.S. Museum management: Sociological aspects	863
Trotsuk I.V. Compendium of types of the "typological" in sociology	868

ANNIVERSARY

G.G. Tatarova.....	878
--------------------	-----

AUTHORS	880
----------------------	-----

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-571-585

EDN: FPRPLE

Белорусская семья в меняющемся мире*

А.А. Белов¹, А.Н. Данилов², А.Ю. Денисов³, Л.В. Филинская⁴

¹Научно-технологический парк ООО «ИнКата»,
*Пекинский просп., 18, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»,
Минская область, 222210, Республика Беларусь*

²Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

³Белорусский институт системного анализа и информационного,
обеспечения научно-технической сферы
просп. Победителей, 7, Минск, 220004, Республика Беларусь

⁴Центр социологических и политических исследований БГУ,
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by;
denisovartur@gmail.com; filinskalv@gmail.com)

Аннотация. В рамках международного проекта «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», реализуемого Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь в партнерстве с Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и финансируемого Правительством Российской Федерации, Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в 2023 году провел лонгитюдное социологическое исследование на тему «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни». Концептуальная и методологическая основа исследования — меж-

* © Белов А.А., Данилов А.Н., Денисов А.Ю., Филинская Л.В., 2024

Статья поступила в редакцию 04.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

дународная программа «Поколения и гендер», стартовавшая в 2001 году. На основе ее методологии аналогичные проекты были реализованы в 26 странах мира, в том числе в России, Казахстане, Молдове, Японии, Италии, Бельгии, Норвегии и др. В статье представлены результаты второй волны исследования, характеризующие актуальные проблемы функционирования белорусской семьи в меняющихся социально-экономических условиях: тенденции формирования семьи в новых жизненных обстоятельствах, признаки стабильных брачно-семейных связей и эволюция отношения населения к рождаемости. Сделаны выводы о доминирующих репродуктивных установках населения, планируемом количестве детей, изменении межпоколенческих отношений в семье. Результаты исследования будут способствовать разработке дополнительных мер по совершенствованию социально-демографической политики государства.

Ключевые слова: Республика Беларусь; программа «Поколения и гендер»; белорусская семья; социально-экономические условия жизни; отложенная рождаемость; значимость жилищного фактора; уровень рождаемости

Проблемы семьи всегда вызывают социологический интерес, и в Беларуси сложилась и активно функционирует научная школа по социологии семьи. Истоками данного направления можно уверенно назвать народное творчество и фольклор, труды известных просветителей и социальных мыслителей прошлого. В XX столетии были написаны первые крупные научные работы, отражающие социологические аспекты изучения первичной ячейки общества — семьи: монографии С.З. Каценбогена «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана “Бетуала”» (1923) и С.Я. Вольфсона «Социология брака и семьи» (1929), «Семья и брак в историческом развитии» (1937) и др. После возрождения социологии весомый вклад в развитие научного направления и создание социологии семьи в Белорусском государственном университете внесли Н.Г. Юркевич, С.Д. Лаптенка и С.Н. Буровой.

Последнее десятилетие XX века и уже почти четверть XXI века — это тяжелый и болезненный период распада Советского Союза и становление суверенного белорусского государства, а затем изменение социально-экономических условий во всем мире, что в первую очередь сказывается на положении семьи. В тяжелую минуту именно семья скрепляла дух нации и помогала сделать правильный выбор жизненного пути. Власть всегда стремилась максимально поддержать семьи, выстроить социальную политику таким образом, чтобы новые поколения граждан росли в заботе и любви, но для этого важно понять факторы стабильных семейных отношений, где сочетаются национальные традиции и исторический опыт белорусского народа, где семья остается базовой ценностью, но происходит ненавязчивое, осторожное принятие новаций нового мира, осмысленных и апробированных жизнью.

В Беларуси первое исследование по методологии программы «Поколения и гендер» было проведено в 2017 году (N = 9944 человека в возрасте от 18 до 79 лет). В 2023 году (вторая волна лонгитюдного исследования) было

опрошено 2129 человек из состава респондентов, принявших участие в опросе 2017 года (общий уровень достижимости по панели превысил 20 %), и был осуществлен добор для обеспечения соответствия структуры выборки половозрастному составу населения Республики Беларусь на 2023: 200 человек 18–23 лет (на момент проведения первой волны им не было 18 лет, и они не могли попасть в выборку) и 351 человек старше 24 лет (для корректировки структуры выборки в соответствии с актуальной структурой населения). Всего было опрошено 2700 человек, выборка репрезентативна по основным социально-демографическим признакам (предельная ошибка выборки — 2,57 %). Исследование 2023 года позволяло изучить динамику демографических показателей в возрастных когортах и получить репрезентативные данные о социально-демографическом поведении населения Беларуси.

Итак, в Республике Беларусь сформировалась устойчивая социальная норма относительно идеального и желаемого количества детей в семье — в среднем это два ребенка, что при условии реализации репродуктивных намерений позволит обеспечить простое воспроизводство поколений, но такая реализация вряд ли возможна. Идеальное и желаемое количество детей практически не отличается — $2,2 \pm 0,1$ и $2,1 \pm 0,1$ ребенка на одного респондента соответственно (Рис. 1). Такие значения типичны для стран, завершивших второй демографический переход, и сопоставимы с показателями большинства стран Европейского Союза [13] и Организации экономического сотрудничества и развития [10].

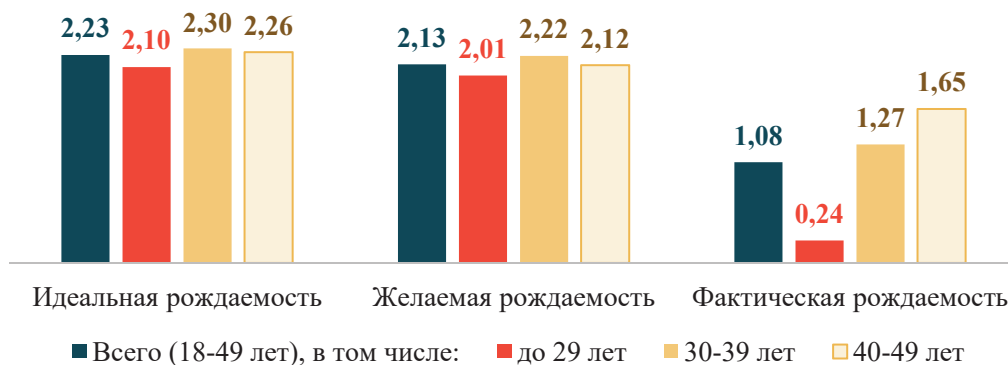

Рис. 1. Репродуктивные установки и фактическое количество детей у респондентов 18–49 лет

Для населения Беларуси характерно сознательное планирование количества детей в семье: доля жителей страны, у которых фактическое количество детей оказалось выше желаемого, находится в области статической погрешности (3,1 %). В то же время около трети населения не реализует свои репродуктивные установки в полной мере. Полная реализация желаемого числа детей характеризует 67 % опрошенных в возрасте 40–49 лет, у 30 %

фактическое количество детей ниже желаемого, еще у 3 % — выше (Рис. 2). Представленные значения также типичны для стран, завершивших второй демографический переход, и соответствуют средним показателям европейских стран [13. С. 41], т.е. основные механизмы неполной реализации репродуктивных установок, видимо, носят универсальный характер.

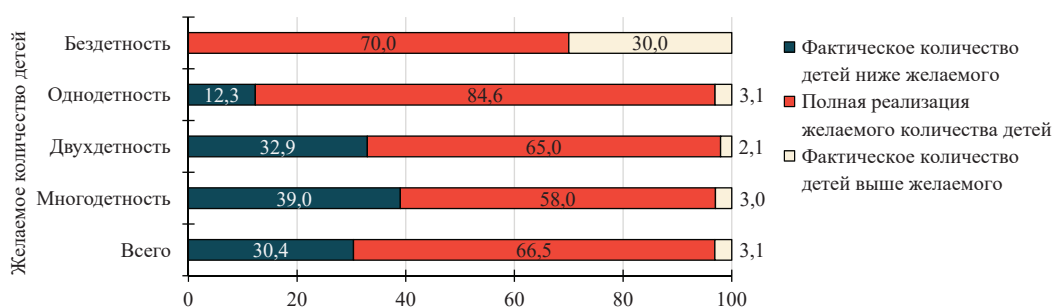

Рис. 2. Степень достижения желаемого количества детей и фактическое количество детей у респондентов 40–49 лет, в %

Основной механизм неполной реализации репродуктивных установок — смещение рождения первого ребенка на все более поздний возраст в связи с необходимостью достижения приемлемого социального статуса и материальных условий. Из числа опрошенных в 2017 году представителей домохозяйств, которые планировали рождение ребенка в течение трех лет, по прошествии этого срока реализовали свои намерения только 26 %, в течение шести лет — 36 %. Среди респондентов, которые в 2017 году не планировали рождение ребенка, дети появились только у 9 %. Таким образом, наличие среднесрочных планов повышает вероятность деторождения более чем в четыре раза, однако уровень реализации таких планов невысок.

В демографической литературе систематическое смещение репродуктивных планов и сопутствующий постоянный рост среднего возраста рождения детей (особенно первых детей) получило название «отложенной рождаемости» (*fertility postponement*) [см., напр.: 14]. Данный феномен, особенно в странах со средним уровнем доходов, сопряжен с высоким риском нестабильного воспроизводства [11. С. 23–24], т.е. со значительными колебаниями показателей рождаемости условных поколений. Так, в ряде стран значения суммарного коэффициента рождаемости (СКР) за два десятилетия менялись в диапазоне от 0,8 до 1,5 ребенка на одну женщину при незначительных изменениях рождаемости реальных поколений [12], и в подобных условиях многие показатели текущей демографической статистики теряют информативность. Кроме того, во многих странах отложенная рождаемость тесно связана со снижением общего уровня воспроизводства населения [7. С. 9].

Соответственно, изучение причин отложенной рождаемости крайне важно для научного обоснования государственной политики в области народонаселения, поэтому с представителями Научно-исследовательского института труда при Министерстве труда и социальной защиты населения Республики Беларусь были согласованы несколько вопросов по данной проблематике. Так, было установлено, что перечень причин, по которым респонденты не реализуют планы по рождению детей, существенно зависит от возраста: до 29 лет преобладают причины, связанные с профессиональной самореализацией и личностным развитием. Для молодежи приоритетными жизненными целями выступают получение образования и построение карьеры, поэтому большинство представителей данной возрастной группы откладывают рождение ребенка, считая, что наличие детей будет препятствовать достижению указанных целей. После 30 лет указанные причины (учеба и карьера) становятся менее важными: в период от 30 до 40 лет, помимо осознания ответственности за рождение ребенка, на первый план выходят материальные факторы — финансовые возможности и жилищные условия; в более старших возрастах (40–49 лет) наиболее существенными факторами становятся неготовность принимать на себя дополнительную нагрузку, связанную с рождением и воспитанием ребенка, проблемы со здоровьем, а также неуверенность в своих силах (Табл. 1–2). Причем прослеживается прямая сильная связь между возрастом женщины при рождении первого ребенка и вероятностью рождения второго ребенка: если первый ребенок рожден до 20 лет, то вероятность родить второго составляет 72 %, от 20 до 24 лет — 66 %, от 25 до 29 лет — 48 %, старше 30 лет — 27 %.

Таким образом, отложенная рождаемость — значимый фактор снижения общего уровня рождаемости в Республике Беларусь, а причины отложенной рождаемости (с точки зрения индивидуальной биографии) согласуются с описанием стран, завершивших второй демографический переход [см., напр.: 9]. Однако подобные причины не всегда приводят к значительному снижению общего уровня рождаемости, например, в Дании увеличение среднего возраста рождения первого ребенка сопровождалось даже некоторым увеличением уровня рождаемости. И хотя такие примеры не многочисленны, в целом модель влияния отложенной рождаемости на общий уровень рождаемости в Беларуси наиболее похожа на страны Восточной и Центральной Европы [7. С. 9].

Таблица 1

Причины отказа от планирования ребенка на следующие 3 года, в %

Причины	в возрасте		
	до 29 лет	30–39 лет	40–49 лет
Уже есть такое количество детей, которое респондент считает оптимальным	5,1	48,2	79,4
Считают, что еще родят ребенка, но не в ближайшие три года	94,9	51,8	20,6

**Причины отказа от планирования ребенка на следующие 3 года
у респондентов, кто в целом ориентирован на рождение
как минимум (еще) одного ребенка, в %**

Причины	в возрасте		
	до 29 лет	30–39 лет	40–49 лет
Ближайшие 3 года планирую потратить на учебу и/или карьеру	52,7	13,7	0
Хочется какое-то время пожить для себя	37,4	18,1	28,6
Ребенок — это большая нагрузка и ответственность	26,8	27,2	71,4
Отсутствие финансовых возможностей для рождения и воспитания ребенка	29,8	31,9	21,4
Отсутствие приемлемых жилищных условий	22,1	27,2	7,3
Отсутствие надежного партнера	20,7	22,8	14,1
Нет уверенности в завтрашнем дне	11,5	22,8	42,7
Проблемы со здоровьем (у респондента или партнера)	1,5	13,7	42,7
Нежелание партнера заводить ребенка	0,7	6,8	21,4

Результаты исследования свидетельствуют о высокой значимости жилищного фактора для уровня рождаемости в городах. Так, Рисунок 3 показывает наличие прямой связи между количеством жилых комнат у домохозяйства и количеством рожденных детей, т.е. у большинства белорусских семей рождение очередного ребенка в значительной степени связано с возможностью расширения жилья. Это обстоятельство актуализирует необходимость выстраивания пронаталистской государственной политики в области жилищного строительства и льготного жилищного кредитования. Причем жилищный фактор значим уже при рождении детей первой очередности, тогда как нынешняя демографическая политика в основном поддерживает многодетные семьи (наиболее подробно влияние характеристик жилого помещения на итоговую рождаемость рассмотрено по данным первой волны [3. С. 78–81]).

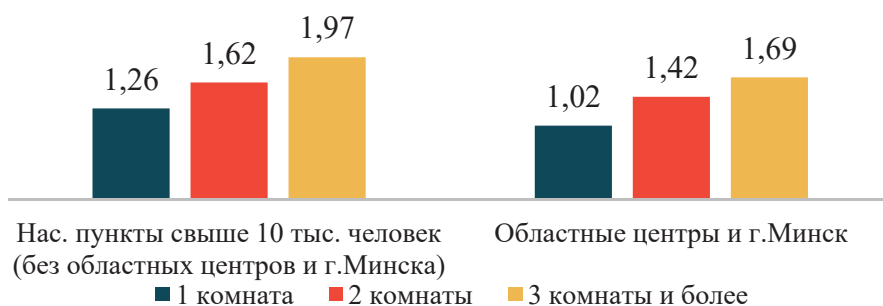

Рис. 3. Рождаемость женщин в возрасте 30–49 лет в зависимости от размера населенного пункта и количества комнат (число детей на одну женщину)

Рождение двух и более детей приводит к существенному снижению среднедушевых доходов семей — в 1,9 раза по сравнению с уровнем среднедушевого денежного дохода. В подушевом эквиваленте рождение двух и более детей снижает доход семьи (в среднем на 25 %) и повышает почти в четыре раза риски оказаться в категории малообеспеченных домохозяйств (Табл. 3).

Таблица 3

Месячный доход и уровень малообеспеченности домохозяйств нуклеарного типа с несовершеннолетними детьми

Количество несовершеннолетних детей	Месячный доход, бел. руб. (среднее значение)		Доля малообеспеченных домохозяйств*, %
	совокупный	подушевой	
1 ребенок	2498,26	814,01	4,8 %
2 ребенка и более	2694,82	610,86	18,4 %

*Здесь и далее расчеты приведены в белорусских рублях; среднедушевой доход по всему населению в 2023 году составил 1170 бел. руб.; среднегодовой курс за 2023 год: 1 бел. руб. = 28,2 росс. руб.

Результаты исследования демонстрируют наличие объективных предпосылок для смещения календаря деторождений на более поздний возраст: для населения, которое находится в оптимальном возрасте для рождения детей, характерны наименее благоприятные для этого финансовые и жилищные условия, поэтому социальной нормой становится семья с одним ребенком. Так, по показателю обеспеченности жилищными условиями самая сложная ситуация характерна для населения в возрасте до 30 лет — лишь 30 % респондентов имеют собственное жилье (в основном проживают с родителями или вынуждены снимать жилье). В старших возрастных группах жилищная ситуация улучшается — в группе от 30 до 39 лет имеют собственную квартиру более 60 %, после 40 лет — 75 %, причем прослеживается тенденция приобретать в собственность жилье с более чем одной комнатой (Табл. 4).

Таблица 4

Жилищная ситуация возрастных групп, %

Характеристика жилья	до 30 лет	30–39	40–49	50–59	60+
Проживают с родителями	29,6	9,8	8,8	9	2,1
Проживают отдельно от родителей в жилье, которое им не принадлежит	40,3	28,2	16,2	9,2	9,2
Проживает в своем отдельном жилье из	30,1	61,9	75	81,8	88,7
одной комнаты	4,4	7,2	3,2	5	7,4
двух комнат	13,3	25,7	28,9	28,9	28,6
трех комнат и более	12,4	29	42,9	47,9	52,7

Таким образом, у большинства населения решение жилищного вопроса приходится на возраст после 30 лет, поэтому для реализации репродуктивного потенциала республики важен уровень денежных доходов населения в возрасте до 30 лет. В идеальном случае величина этих доходов должна обеспечивать проживание двух взрослых людей и ребенка, арендную плату за съемное жилье и возможность откладывать средства на приобретение собственного жилья, что позволит после 30 лет родить еще одного ребенка. Согласно данным в Таблице 5, более 80 % представителей возрастной группы до 30 лет имеют среднемесячный доход из всех источников до 2 тысяч бел. рублей, а средний уровень дохода на одного взрослого составляет 1063,2 бел. рубля.

Таблица 5

Денежные доходы возрастных групп

Интервалы денежных доходов	до 30 лет	30–39	40–49	50–59	60+
До 1000 бел. рублей	27,4 %	24,1 %	32,3 %	49,8 %	75 %
1001–2000	53,3 %	58,3 %	53,5 %	40,6 %	21 %
2001–3000	11,3 %	11,6 %	10,9 %	6,7 %	3,5 %
3001 и более	8 %	6 %	3,3 %	2,8 %	0,5 %
Средний денежный доход на взрослого из всех источников при доходе до 2000 бел. руб.	1063,2	1141,5	1088,9	949,1	810,9

Такой уровень дохода основной массы представителей возрастной группы до 30 лет объективно не позволяет одновременно решать вопросы с арендой жилья, накоплением средств на приобретение собственного жилья, рождением и воспитанием ребенка. В лучшем случае молодая пара из двух работающих людей сможет накопить на двухкомнатную квартиру за 11 лет при условии отказа в течение этого периода от рождения ребенка и сокращения своего потребления до прожиточного минимума (около 400 бел. рублей на трудоспособного взрослого по состоянию на 2023 год). В основу нашей социологической модели были заложены следующие исходные параметры: средний месячный денежный доход каждого человека в молодой паре составляет 1063,2 бел. рубля; уровень потребления молодых людей в месяц соответствует БПМ (в среднем за 2023 год — 391,5 бел. рублей); средняя стоимость аренды съемного жилья — 250 бел. рублей; стоимость одного квадратного метра двухкомнатной квартиры — 2585,7 бел. рублей (по официальным статистическим данным за 2023 год); площадь двухкомнатной квартиры —

50 кв.м. Если молодая пара начнет копить средства для приобретения жилья примерно в 21 год (возраст окончания вуза), то сможет приобрести недвижимость лишь к 32 годам, что предопределяет крайне низкую вероятность рождения второго ребенка.

У белорусской молодежи сформировалось устойчивое представление об оптимальном жизненном пути и рождении первого ребенка: до 30 лет большинство ориентировано на иные жизненные приоритеты, поскольку для реализации репродуктивных намерений отсутствуют объективные условия, поэтому лишь треть молодых людей до 30 лет имеет ребенка. Кроме того, рождение ребенка предусматривает значительные временные затраты по уходу и воспитанию, особенно в первые годы жизни и особенно для матерей, хотя в Беларуси для обеспечения такого ухода предусмотрен трехлетний оплачиваемый отпуск, которым может воспользоваться как женщина, так и мужчина. Однако, согласно устоявшемуся стереотипу, уход за детьми — прерогатива матери, а не отца, роль которого состоит в материальном обеспечении семьи. Делегирование женщине функций по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства в течение первых трех лет жизни ребенка в последующем закрепляется на постоянной основе, даже когда дети становятся более взрослыми.

Первые годы жизни детей приходятся на наиболее активный период жизни родителей с точки зрения самореализации в области образования и карьеры, т.е. рождение ребенка, особенно нескольких детей, значительно снижает возможности женщин с точки зрения профессионального роста. При этом значение имеет не только трехлетний перерыв в трудовой деятельности, но и последующее распределение функций по уходу за детьми, когда, например, в случае болезни ребенка именно женщина остается с ним дома. Закрепление за женщиной указанных функций воспринимается как норма (само собой разумеющееся) и большинством женщин, но с социологической точки зрения подобное принятие роли матери не означает, что женщины будут охотно соглашаться на рождение детей. Ситуация может оказаться прямо противоположной — понимание женщиной своего долга быть «хорошей матерью» может привести к отказу от рождения ребенка, если исполнение этого долга покажется слишком обременительным с точки зрения других сфер жизни и материнства — зачем рожать ребенка, если не сможешь быть для него хорошей матерью. Подобные установки распространены в белорусском обществе: 70 % отметили, что при принятии решения иметь или не иметь детей важным фактором является осознание сложности быть ответственным родителем.

Значительная доля семей с детьми до 10 лет нуждается в поддержке близких родственников в уходе за ребенком, хотя в белорусском обще-

стве наблюдается снижение значения такой помощи как социальной нормы. По данным опроса, 42 % семей получают регулярную внесемейную помощь в уходе за детьми до 14 лет: 39 % семей с детьми до двух лет, 78 % семей с детьми 3–6 лет (максимально используют такие услуги семьи с детьми в возрасте четырех лет — 85 %), 35 % семей с детьми младшего школьного возраста (7–9 лет) и лишь 8 % семей с детьми 10–13 лет. К профессиональным услугам мы относим услуги дошкольных учреждений (детский сад, ясли), групп продленного дня, нянь, самостоятельно организованных групп и других учреждений. Несмотря на наличие в Республике Беларусь современной и развитой инфраструктуры профессиональных услуг по уходу за детьми, во многих случаях необходима помощь родственников. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, охват детей (в возрасте 1–5 лет) учреждениями дошкольного образования в 2022 году составлял 89 %.

В белорусской семье поддержка и помощь по уходу за детьми младше 14 лет, оказываемая бабушками, дедушками и другими родственниками и партнерами, распространена и значима — регулярно ее получают 36 % семей. Однако интенсивность такой помощи зависит от возраста младшего ребенка: до четырехлетнего возраста младшего ребенка каждая вторая (51 %) семья получает помощь в уходе за детьми (за младенцами до года — 41 %); среди семей с детьми 5–10 лет — 34 % (чаще семьи с шестилетними детьми — 43 %); с детьми 11–13 лет — 13 % (Рис. 4).

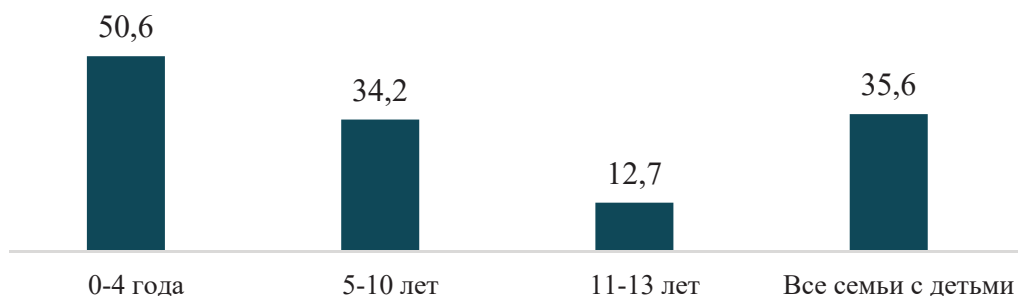

Рис. 4. Помощь родственников и друзей семьям с детьми до 14 лет, в зависимости от возраста младшего ребенка, в %

Актуальность помощи родственников зачастую обусловлена большей гибкостью такой поддержки в условиях, когда институциональные формы не в полной мере решают проблему совмещения родительских обязанностей с трудовой занятостью родителей (особенно на государственных предприятиях). Наниматель позволяет лишь 45 % работников с детьми до 14 лет при необходимости менять график работы в связи с личными

обстоятельствами, например, для адаптации к расписанию детей. Более гибкими в данном вопросе оказались предприятия частного сектора: 75 % женщин с детьми, работающие в частных организациях, отметили, что их наниматели готовы корректировать их рабочий график (39 % на государственных предприятиях) (Рис. 5).

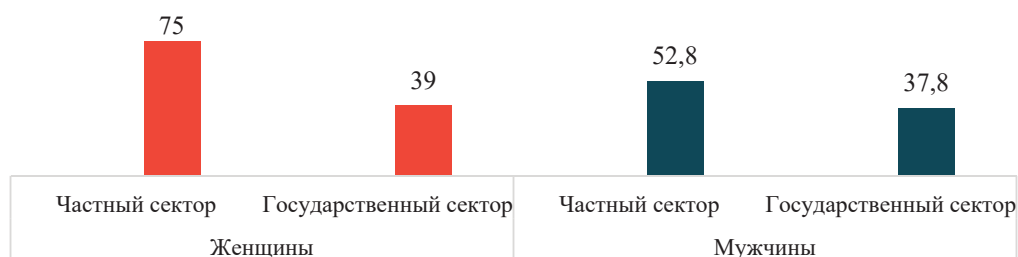

Рис. 5. Доля работников, которым наниматель готов адаптировать график

Вместе с тем наблюдается изменение отношения к обязанности старшего поколения принимать активное участие в уходе за внуками: если в 2017 году более 70 % респондентов считали, что забота о внуках — долг старшего поколения, то в 2023 году такое мнение разделяли менее 60 % (Рис. 6).

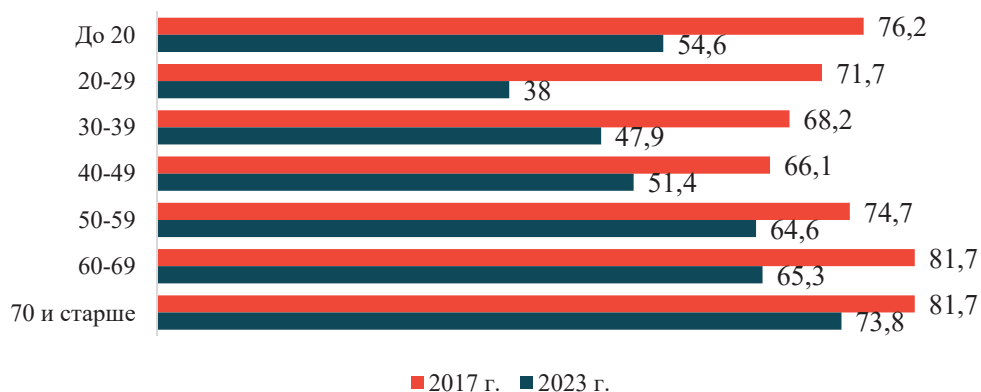

Рис. 6. Доля согласных с утверждением «Родители должны помогать взрослым детям в уходе за внуками», в %

В белорусском обществе по-прежнему сильны традиционные установки, обеспечивающие солидарность поколений, несмотря на распространение индивидуалистических ценностных ориентаций, предполагающих меньшую интенсивность межпоколенческой поддержки. Согласно результатам второй волны, жители Беларуси считают обязательной заботу взрослых детей о пожилых родителях: более трех четвертей (78 %) респондентов согласились с утверждением, что «дети должны брать на себя ответствен-

ность и заботу о родителях, когда родители в этом нуждаются»; 71 % — с тем, что «детям следует обеспечивать финансовую поддержку своих родителей, когда у родителей финансовые затруднения». Число сторонников заботы родителей о взрослых детях составляет чуть более половины взрослого населения страны: «родители должны обеспечивать финансовую поддержку взрослым детям, когда у детей финансовые затруднения» (55 %), заботу о внуках как форму помощи взрослым детям поддерживают 56 %.

Полученные данные свидетельствуют о доминировании традиционных ценностей в межпоколенческом взаимодействии: с одной стороны, забота и внимание к людям пожилого возраста, с другой — желание опекать своих детей как можно дольше. Безусловно, базовые ценности меняются крайне медленно, через замещение одним поколением другого, однако следует учитывать и влияние внешних масштабных эффектов. Конкретные когорты становятся более терпимыми к новым социальным нормам благодаря распространению соответствующих ценностей через образование и средства массовой информации, которые стали представлять эти нормы в более выгодном свете. Сопоставление данных 2017 и 2023 годов показывает, что нормативные представления о взаимопомощи взрослых детей и их родителей меняются: снижаются доли согласных с утверждениями, которые характеризуют ориентации на межпоколенческое взаимодействие (Рис. 7).

Рис. 7. Установки на межпоколенческую поддержку, в %

Таким образом, исследование подтверждает важность изучения проблем семьи в меняющемся мире для обеспечения социальной стабильности и принятия своевременных управленческих решений. При разработке мер демографической политики следует учитывать, что существенное влияние на репродуктивные намерения оказывают возраст будущих родителей, ко-

личество уже рожденных детей, наличие жилья и финансовое положение. Смещения рождения первого ребенка на все более поздний возраст объясняется необходимостью достижения приемлемого социального статуса и материальных условий, поскольку рождение двух и более детей приводит к существенному снижению среднедушевых доходов семей. В этом смысле проблемы белорусской семьи сопоставимы с проблемами, переживаемыми большинством стран Восточной и Центральной Европы, и требуют разработки дополнительных мер по совершенствованию социально-демографической политики Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
2. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
3. Ротман Д.Г., Белов А.А. В интервале репродукции. Социально-экономическое положение женщин фертильного возраста // Белорусская думка. 2018. № 8.
4. Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 3.
5. Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
6. Троцук И.В., Скрынникова М.П. Семейно-брачные ценности молодежи России и Китая: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 3.
7. Beaujouan E., Toulemon L. European countries with delayed childbearing are not those with lower fertility // GENUS. Journal of Population Sciences. 2021. Vol. 77. No. 1.
8. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
9. Neels K., Wachter D. Postponement and recuperation of Belgian fertility: How are they related to rising female educational attainment? // Vienna Yearbook of Population Research. 2010. Vol. 4. No. 8.
10. SF2.2: Ideal and actual number of children // URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_2_2-Ideal-actual-number-children.pdf.
11. Sobotka T. Post-Transitional Fertility: Childbearing Postponement and the Shift to Low and Unstable Fertility Levels. Vienna, 2017.
12. Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T., Neel K. Postponement and recuperation in cohort fertility: Austria, Germany and Switzerland in a European context // Comparative Population Studies. 2011. Vol. 36. No. 2–3.
13. Testa M.R. Family Sizes in Europe: Evidence from the 2011 Eurobarometer Survey // URL: https://www.oecaw.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/EDRP/edrp_2012_02.pdf.
14. Wijk D., Billari C. A fertility postponement, economic uncertainty, and the increasing income prerequisites of parenthood // Population and Development Review. 2024 // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/padr.12624>.

Belarusian family in the changing world*

A.A. Belov¹, A.N. Danilov², A.Yu. Denisov³, L.V. Filinskaya⁴

¹Science and Technology Park LLC “EnCata”,
*Pekinsky Prosp., 18, Chinese-Belarusian Industrial Park “Great Stone”,
Minsk Region, 222210, Republic of Belarus,*

²Belarusian State University
Kalvariyskaya St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus,

³Belarusian Institute of System Analysis and Information Support
of the Scientific-Technical Sphere
Pobediteley Prosp., 7, Minsk, 220004, Republic of Belarus,

⁴Center for Sociological and Political Research of BSU
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus,

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by;
denisovartur@gmail.com; filinskalv@gmail.com)

Abstract. In 2023, the Center for Sociological and Political Research of the Belarusian State University conducted a longitudinal sociological study “Family Formation, Stable Family Relationships and Fertility in the Changing Social-Economic Conditions” in the framework of the international project “Strengthening the Scientific and Educational Potential of the Republic of Belarus in the Field of Collection, Analysis and Use of Demographic Data to Achieve the Sustainable Development Goals”, implemented by the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus in partnership with the United Nations Population Fund (UNFPA) and funded by the Government of the Russian Federation. The conceptual and methodological basis of the study is the international research program “Generations and Gender” launched in 2001. Based on the methodology of this program, the similar studies were conducted in 26 countries, including Russia, Kazakhstan, Moldova, Japan, Italy, Belgium, Norway, etc. The article presents the results of the second wave of the study, focusing on the current functional problems of the Belarusian family in the changing social-economic conditions: trends in family formation in the new life circumstances, criteria of stable family relations, and the evolution of social attitudes towards having children. The authors make conclusions about the dominant reproductive attitudes, the planned number of children, and changes in the family intergenerational relations. The results of the study will contribute to the development of additional measures to improve the state social-demographic policy.

Key words: Republic of Belarus; “Generations and Gender” program; Belarusian family; social-economic conditions; postponed childbearing; importance of the housing factor; birth rate

References

1. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries’ youth (on the example of Russia,

* © A.A. Belov, A.N. Danilov, A.Yu. Denisov, L.V. Filinskaya, 2024

The article was submitted on 04.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

- Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
2. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opasenyi (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
 3. Rotman D.G., Belov A.A. V intervale reproduksii. Sotsialno-ekonomicheskoe po-lozhenie zhenshechin fertilnogo vozrasta [In the reproduction interval. The social-economic status of women of childbearing age]. *Belaruskaya Dumka*. 2018; 8. (In Russ.).
 4. Trotsuk I.V., Paramonova A.D. "Status" instituta sem'yi v sovremennom obshchestve i semeyno-brachnye tsennosti molodezhi ["Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (3). (In Russ.).
 5. Trotsuk I.V., Savelieva E.A. Sravnitelnye issledovaniya tsennostnykh orientatsiy: vozmozhnosti, ogranicheniya, logika razvitiya [Comparative studies of value orientations: Potential, limitations, and the logic of development]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (4). (In Russ.).
 6. Trotsuk I.V., Skrynnikova M.P. Semeyno-brachnye tsennosti molodezhi Rossii i Kitaya: sravnitelny analiz [Family-marital values of the youth of Russia and China: A comparative analysis]. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*. 2014; 3. (In Russ.).
 7. Beaujouan E., Toulemon L. European countries with delayed childbearing are not those with lower fertility. *GENUS. Journal of Population Sciences*. 2021; 77 (1).
 8. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4.
 9. Neels K., Wachter D. Postponement and recuperation of Belgian fertility: How are they related to rising female educational attainment? *Vienna Yearbook of Population Research*. 2010; 4 (8).
 10. SF2.2: Ideal and actual number of children. URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_2_2-Ideal-actual-number-children.pdf.
 11. Sobotka T. *Post-Transitional Fertility: Childbearing Postponement and the Shift to Low and Unstable Fertility Levels*. Vienna; 2017.
 12. Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T., Neel K. Postponement and recuperation in cohort fertility: Austria, Germany and Switzerland in a European context. *Comparative Population Studies*. 2011; 36 (2–3).
 13. Testa M.R. Family Sizes in Europe: Evidence from the 2011 Eurobarometer Survey. URL: https://www.oeaw.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/EDRP/edrp_2012_02.pdf.
 14. Wijk D., Billari C. A fertility postponement, economic uncertainty, and the increasing income prerequisites of parenthood. *Population and Development Review*. 2024. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/padr.12624>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-586-599

EDN: FPLPFS

Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества*

И.Э. Стрелец¹, Д.С. Мухортов¹, Ю.С. Маркова²

¹Московский государственный институт международных отношений МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

²Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, 15, Пермь, 614990, Россия

(e-mail: sagitil@mail.ru; dennismoukhortov@mail.ru; julyamarkova@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена оценке современным студенчеством роли вуза как института социализации в укреплении ценности семьи, подготовке к вступлению в брак, рождению и воспитанию детей. По результатам социологического исследования, проведенного в 2023 году, авторы рассматривают спектр проблем, связанных с содержанием учебного процесса, и формулируют предложения по его оптимизации в контексте демографической политики государства. Эмпирической базой исследования выступили: 1) материалы анкетного опроса российской студенческой молодежи (бакалавриат и магистратура) из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, Оренбурга, Пскова, Краснодара, Перми и Ставрополя (N=719); 2) результаты серии фокус-групп со студентами Пермского государственного национального исследовательского университета (N=36). Цель статьи — характеристика представлений российского студенчества о влиянии вузовской среды на формирование и реализацию ценности семьи. По мнению опрошенных представителей российского студенчества, в настоящее время образовательная среда вуза продолжает быть сфокусированной на решении учебных задач: передаче знаний и навыков, требуемых для успешного трудоустройства выпускников, и создании благоприятных для обучения условий — обеспечении студентов местами в общежитии, формировании стипендиального фонда. Авторы утверждают, что принимаемые меры по укреплению семейных ценностей в вузах пока недостаточны: наиболее низко опрошенные студенты оценивают такие условия, как учет семейного положения целевых выпускников при их распределении, наличие психологической и медицинской служб, использование разных форматов обсуждения проблем семьи и деторождения. В то же время в ряде вузов актуализируются и усиливаются установки на поддержание баланса учебной деятельности и воспитательной работы в сфере заботы о семье и семейных ценностях. Авторы делают вывод о необходимости дальнейшего совершенствования учебно-методических, организационных, инфраструктурных и иных условий поддержания семейноберегающей среды вуза.

* © Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Маркова Ю.С., 2024

Статья поступила в редакцию 14.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Ключевые слова: семейные ценности; университет как институт социализации; демографическая политика государства; учебный процесс; личностная зрелость выпускника бакалавриата и магистратуры

В ряде публикаций последних десятилетий констатируется, что период личностного созревания подрастающего поколения растягивается на годы, и «подростковый период» психологически продлевается до 30–40 лет [12; 13]: выпускники бакалавриата, магистратуры и даже аспирантуры не стремятся завести семьи, регистрировать отношения и снимать жилье, продолжая жить с родителями — где устроен быт и сохраняется возможность поддерживать привычный уровень потребления, параллельно выстраивая профессиональную карьеру [2; 22]. Все больше распространяется феномен социального инфантилизма — нежелание выполнять социокультурные функции взрослых людей в разных сферах жизнедеятельности, в том числе в семейно-бытовой [9; 20]. Как показало наше исследование созидательных ценностей в студенческой среде (2022–2023) [17], родители студентов, пережив экономические и политические потрясения 1990-х годов и стремясь обеспечить материальное благополучие своих детей, не в полной мере способствуют их социальному взрослению.

Свою лепту в «консервацию» указанных тенденций вносит система вузовского образования, которая, будучи нацелена на подготовку квалифицированных специалистов, далека от обозначенных государством демографических проблем. А ведь с точки зрения демографии студенчество — самая перспективная страта, поскольку отличается полноценной фертильностью, коммуникативной активностью и высокой мобильностью.

Философы, политологи, психологи и социологи отмечают, что сегодня отечественное высшее образование нацелено на формирование у студентов различных компетенций по предметным отраслям, а не мировоззрения, востребованного государством и социумом, — где приоритетные позиции занимают созидательные ценности, включая ценность семьи как основы общества и целостности страны. Впрочем, за социологическими сводками и аналитикой, как и за объективной констатацией проблем, зачастую не следуют предложения по изменению сложившейся ситуации.

Постсоветская система высшего образования на протяжении трех десятилетий подвергается перманентному реформированию, связанному с адаптацией к сложной системе нормативов. Деидеологизация вузовского образования привела к вытеснению воспитательных функций при фокусировке на оказании «образовательных услуг» по формированию профессиональных компетенций [16]. Очередная волна обновлений, совпавшая по времени с обострением противоречий с «коллективным Западом», привела к смене нарративов [26] и возвращению задач воспитания в образовательный процесс. В нынешних динамичных условиях необходимо учитывать и общественный запрос на укрепление семейных ценностей и решение демографических задач, поставленных государством, в учебно-воспитательном процессе на всех

уровнях отечественной системы образования. Вузовской среде должна быть отведена значимая роль в формировании брачно-семейных ценностей студента, в подготовке студентов к роли супругов и родителей. Поэтому от констатации сложившегося положения дел необходимо перейти к конкретным мерам, призванным включить вуз как институт социализации в процесс формирования зрелой личности, готовой к самостоятельной взрослой жизни.

В научной литературе изучению роли и места ценности семьи в структуре ценностных ориентаций молодежи, в частности студенчества, посвящено значительное число работ, подчеркивающих, что ценность семьи продолжает занимать доминирующее положение среди ценностно-мировоззренческих установок молодежи [см., напр.: 10; 15; 21; 24; 31]. Это подтверждают и данные общероссийского социологического опроса ВЦИОМ, согласно которому семейные ценности (здоровье и безопасность членов семьи, отношения в семье, ее материальное положение) входят в число первостепенных ценностных приоритетов молодого поколения российских граждан (1). В то же время исследователи фиксируют существенные социокультурные сдвиги, определяющие изменения ценностно-смысловых ориентиров молодежи: так, студенты, которым во многом свойственен прагматический тип ценностной направленности, считают важными этапами жизненного пути, предшествующими созданию семьи, получение образования, последующее трудоустройство и построение карьеры, обеспечивающие материальное благополучие [2; 16; 23; 24]. Высокий уровень готовности к созданию семьи демонстрирует лишь десятая часть студентов (12%), средний уровень — 53%, низкий — более трети (35%) [6. С. 61–63]. Двумя наиболее поддерживаемыми в студенческой среде стратегиями сочетания семейных, образовательных и карьерных установок выступают: создание семьи во время обучения, совмещающееся с поиском работы и планированием профессиональной карьеры (более 60%); во-вторых, завершение обучения с отложенным трудоустройством, созданием семьи и рождением ребенка (47%–58%) [15. С. 78].

В комплекс проблем, препятствующих готовности студентов к построению семьи во время обучения, входят: материально-экономические (нехватка финансовых средств, жилищные ограничения и др.), социальные (низкая информированность о программах социальной поддержки, их недостаточность), социально-психологические (ограниченность знаний и навыков в сфере выстраивания межличностных отношений, преодоления конфликтов, воспитания и др.), духовные (утрата традиционных семейных ценностей, кризис семьи) и др. [см., напр.: 1; 5; 7; 19]. Среди многообразных факторов выделяется роль института образования, в частности вузовской среды [3; 4; 20]: пока в российских вузах не сложились условия для формирования и закрепления установок на создание студенческой семьи, ее поддержание и развитие [18]. Невысока и готовность студентов к получению знаний по проблематике семьи: так, лишь 13% выразили готовность часто посещать специализиро-

ванные факультативные занятия в вузе, посвященные отношениям мужчин и женщин, еще 39 % готовы посещать такие факультативы «иногда» [8. С. 73], но студенты заинтересованы в программах поддержки молодой семьи [11].

Исходя из вышесказанного, все более актуальным становится поиск и обоснование действенных путей и механизмов, благодаря которым будет реализован потенциал института высшего образования в поддержании семейных ценностей среди студентов: множество научных публикаций содержат предложения по совершенствованию методических, организационных, психолого-педагогических, социальных и иных условий, требуемых для развития нормативно-ценностных основ в семейной сфере [2; 10; 22; 25]. Цель статьи — по результатам анализа представлений российского студенчества предложить практические рекомендации по усилению роли вузов в сохранении и укреплении семейных ценностей.

Методами сбора данных выступили: 1) анкетный опрос (2) российских студентов, обучающихся по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры, из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, Оренбурга, Пскова, Краснодара, Перми и Ставрополя (N=719; возраст от 18 до 25 лет); 2) фокус-группы со студентами Пермского государственного национального исследовательского университета (проведено 5 фокус-групп, N=36). Выборка опроса имела следующую социально-демографическую структуру: 37 % мужчин и 63 % женщин; 78 % обучаются на 1–3 курсе бакалавриата или 1–4 курсе специалитета, 15 % — на 4 курсе бакалавриата или 5 курсе специалитета, 7 % — на 1–2 курсе магистратуры; 57 % получают образование в социально-гуманитарной сфере, 14 % — в естественно-научной; 28 % — в инженерно-технической. Один из разделов анкеты включал вопросы о том, как вузовская среда влияет на планы студентов создать семью, заключить брак. Респондентам предлагалось оценить степень значимости предложенных суждений по шкале от 1 до 5, где 1 — минимальная значимость отрицательного/положительного высказывания, 5 — максимальная. В анализе данных использовались иерархический кластерный и дискриминантный анализ, методы построения корреляционной матрицы и расчета индекса.

Участниками фокус-групп были студенты 1–4 курса бакалавриата и 1–2 курса магистратуры, объединенные по уровням обучения (1–2 и 3–4 курсы бакалавриата, 1–2 курсы магистратуры), специальностям (социально-гуманитарные или естественно-научные), сбалансированные по полу и возрасту (юноши и девушки 18–20, 21–22, 23–24 лет). Одним из ключевых разделов гайда было обсуждение роли вуза в формировании представления о важности семьи и выявление оптимальных практик для поддержки студенческих семей.

Метод построения индексов позволил более наглядно представить отношение респондентов к каждому суждению, посвященному оценке вузовской среды, и сравнить суждения. Индекс рассчитывался как разность сумм выборов положительных позиций («полностью согласен» и «скорее согласен»)

и суммы выборов отрицательных позиций («полностью не согласен» и «скорее не согласен»), с последующим делением разности на количество ответивших на вопрос. Полученный индекс варьирует от -1 до 1 : отрицательное значение говорит о преобладании в выборке несогласий с суждением, положительное значение — наоборот, о доминировании согласий. Стремление индекса к -1 или 1 можно интерпретировать как единодушие в оценках по соответствующему суждению, а значение индекса, близкое к нулю, — как отсутствие согласия в оценках суждения. Использовались как положительные (прямые) суждения, так и отрицательные (обратные): для вторых индекс рассчитывался с учетом трактовки позиций «полностью не согласен» и «скорее не согласен» как положительных вариантов ответа (разность отрицательных ответов и положительных).

Согласно полученным данным, студенты полагают, что вуз обеспечивает места для проживания в общежитии и стипендии для бюджетников ($0,36$), создает оптимальную среду для получения профессиональных знаний ($0,35$), но не учитывает семейное положение целевых выпускников при распределении ($-0,20$), не создает психологическую и медицинскую службы ($-0,11$), не внедряет разные форматы обсуждения проблем семьи и деторождения ($-0,11$) (Табл. 1).

Таблица 1

Оценка влияния вузовской среды на учебную работу и внеучебную деятельность (по формированию семейных ценностных установок)

Во время обучения в вузе...	Индекс (З)
обеспечиваются места в общежитии и стипендии бюджетным студентам	0,36
создается оптимальная среда для получения знаний, необходимых для карьеры	0,35
даются общие представления о семейных аспектах в рамках некоторых гуманитарных дисциплин	0,08
отсутствуют семейные комнаты в общежитии и дополнительные выплаты в случае брака	0,07
не формируются компетенции по семейным аспектам экономики, права, психологии	0,06
применяется дифференцированная система контроля за успеваемостью	0,04
не формируется family-friendly среда, поддерживающая студентов в браке	-0,07
проводятся мастер-классы по подготовке к собеседованию, написанию CV и т.п.	-0,09
не предусмотрены индивидуальные учебные планы и продление сессий семейным студентам	-0,09
отсутствуют форматы для обсуждения студентами проблем семьи и рождения детей	-0,11
отсутствуют психологическая и медицинская службы для проверки совместимости пар	-0,11
учитывается семейное положение «целевых» выпускников при их распределении	-0,20

Для определения устойчивых типов оценки комфортности среды вуза для укрепления семейных ценностей и формирования брачных установок был использован иерархический кластерный анализ (метод Уорда), что позволило выявить наиболее ярко выраженные группы респондентов, поскольку данный метод более чувствителен к особенностям выборки, чем метод межгрупповой связи. Для проверки качества кластеризации был проведен дискриминантный анализ, который продемонстрировал предсказательную возможность построенной модели классификации на уровне 49 % (удовлетворителен — сформированные кластеры наполнены в достаточной мере). В результате кластеризации было выделено пять кластеров — групп студентов, различающихся оценками образовательной среды (Табл. 2).

Таблица 2

**Оценка влияния вузовской среды
на учебную работу и внеучебную деятельность
(по формированию семейных ценностных установок), кластеры**

Кластеры		1	2	3	4	5
Доли		19	36	20	17	8
Суждения		Медианное значение				
Отрицательные	не предусмотрены индивидуальные учебные планы и продление сессий семейным студентам	2	3	5	3	1
	отсутствуют семейные комнаты в общежитии и дополнительные выплаты в случае брака	2	3	4	3	1
	не формируются компетенции по семейным аспектам экономики, права, психологии	2	3	4	3	1
	отсутствуют форматы для обсуждения студентами проблем семьи и рождения детей	2	3	5	4	1
	отсутствуют психологическая и медицинская службы для проверки совместимости пар	2	3	5	5	1
	не формируется family-friendly среда, поддерживающая студентов в браке	3	3	5	3	1
Положительные	применяется дифференцированная система контроля за успеваемостью	4	3	3	3	2
	обеспечиваются места в общежитии и стипендии бюджетным студентам	5	3	4	5	2
	даются общие представления о семейных аспектах в рамках некоторых гуманитарных дисциплин	4	3	3	3	2
	проводятся мастер-классы по подготовке к собеседованию, написанию CV и т.п.	3	3	3	4	1
	учитывается семейное положение «целевых» выпускников при их распределении	3	3	3	3	1
	создается оптимальная среда для получения знаний, необходимых для карьеры	4	3	4	4	2

Кластер 1: полные «позитивисты» (4) в оценке учебной и внеучебной (семье-ориентированной) деятельности (19 %). Студенты, включенные в данный кластер, в целом склонны характеризовать условия вуза как оптимальные для получения качественного образования и поддержания семье-сберегающей среды. В наибольшей степени студенты удовлетворены возможностями получить место в общежитии и стипендию, достаточно высоко оценивают методические, социально-психологические и инфраструктурные аспекты работы вуза в сфере укрепления семейных ценностей.

Кластер 2: умеренные «позитивисты» (36 %). Студенты, попавшие во второй кластер, ниже, но удовлетворительно оценивают возможности вуза в обеспечении комфортных условий для получения качественного образования и оказания поддержки студентам, состоящим в браке, для формирования ориентаций на планирование и создание семьи.

Кластер 3: полные «позитивисты» в оценке учебной деятельности и умеренные «негативисты» в оценке внеучебной (семье-ориентированной) (20 %). Студенты этого кластера отмечают недостаточность вузовских условий для поддержания семейных ценностей, считая, что вуз, как правило, не обеспечивает индивидуальные планы для студентов, состоящих в браке, и не заинтересован в обсуждении проблем семьи и деторождения (отсутствует психологическая и медицинская службы и «family-friendly» среда).

Кластер 4: полные «позитивисты» в оценке учебной деятельности и полные «негативисты» в оценке внеучебной (семье-ориентированной) (17 %). Студенты, попавшие в четвертый кластер, близки по своим оценкам к студентам третьего кластера, однако чаще отмечают отсутствие в вузе возможностей для обсуждения проблем семьи и деторождения, психологической и медицинской служб, считая приоритетами вуза формирование профессиональных компетенций и оказание поддержки в построении карьеры.

Кластер 5: полные «негативисты» в оценке учебной деятельности и умеренные «позитивисты» в оценке внеучебной (семье-ориентированной) (самый малочисленный — 8 %). В этот кластер входят студенты, склонные характеризовать среду вуза как вполне комфортную для молодых студенческих семей и способствующую укреплению ценности семьи и брака, но в то же время низко оценивающие деятельность вуза в сфере подготовки высококвалифицированных кадров.

Результаты фокус-групп в целом свидетельствуют о настороженной, критической позиции студентов относительно воспитательной роли института образования по укреплению семейных ценностей. Зачастую у студентов понятие «воспитание», в том числе по вопросам семьи и брака, ассоциируется со словами «пропаганда» и «навязывание», оценивается как «посягательство» на их права и свободы, поэтому некоторые

студенты считают, что вуз не должен включаться в процесс трансляции семейных ценностей и норм. Вместе с тем участники фокус-групп акцентировали внимание на ряде практик и механизмов, которые могут быть использованы в программах развития учебной и внеучебной деятельности в интересах поддержки студенческих семей: создание индивидуализированных образовательных маршрутов (возможность переноса сессии, академические отпуска и т.п.); внедрение в образовательные дисциплины специализированных знаний по тематике семейной жизни (воспитание детей, организация семейного бюджета, разрешение семейных конфликтов); проведение психологических консультаций для семейных пар; поддержка материального характера (предоставление стипендий, построение семейного общежития, помощь в устройстве детей в детские сады); создание единого внутривузовского информационного портала поддержки семьи с обучающими лекциями.

По мнению студентов, дисциплины по семейной тематике должны входить не в обязательную часть учебного плана, а в дисциплины по выбору: *«это не должны быть официальные пары, это должны быть факультативы, куда можно прийти и получить, так скажем, обучение. Это как в любую игру [компьютерную] ты заходишь... и там просто рассказывают, как и что делается»*. Другие информанты высказывают противоположное мнение, аргументируя его тем, что студенты при выборе курсов могут не осознавать их важность: *«понять, что даст тебе предмет, можно не сразу, а только спустя время... не все студенты... понимают важность каких-то знаний в своей жизни»*. Неоднозначно воспринимается идея стипендиальных программ для студентов, собирающихся зарегистрировать брак, — высказываются опасения по поводу фиктивных браков в целях материального обогащения, поэтому большее одобрение вызывают стипендии для семейных студенческих пар, которые ожидают ребенка.

Выделение дополнительных бюджетных мест для студентов с детьми, поощрение баллами по ЕГЭ абитуриентов, имеющих ребенка, как правило, не находят отклика у студентов, не состоящих в брачно-семейных отношениях: *«вуз, конечно, может оказывать поддержку стипендиями, дополнительным временем для сдачи... но нам это не надо... нам места урезают бюджетные»*; *«дополнительные баллы... это не совсем справедливо, потому что при поступлении в вуз должны оцениваться умственные навыки»*. Во многом это объясняется установкой на приоритет обучения: *«ты пошел в вуз получать диплом, а не строить семью»*.

По мнению студентов, образовательная среда вуза нацелена прежде всего на решение и реализацию учебных задач: передачу знаний и навыков, требуемых для успешного трудоустройства выпускников, и создание благоприятных для обучения условий — обеспечение студентов местами в общежитии, формирование стипендиального фонда. Соответственно,

меры по укреплению семейных ценностей в вузах пока недостаточны. Неоднозначная, нередко критическая позиция студентов относительно роли вузов в передаче норм, традиций и ценностей, знаний и навыков в сфере семейного воспитания актуализирует потребность в укреплении доверия студенчества к воспитательной функции института высшего образования. Рост доверия, в свою очередь, зависит от выстраивания партнерских отношений между администрацией вузов и студентами, повышения инициативности и включенности студенческих сообществ в воспитательную деятельность. В то же время ряд вузов сосредоточивается на поддержании баланса учебной деятельности и воспитательной работы в сфере семейных ценностей: результаты опроса показали наличие группы студентов, высоко оценивающих вклад вузов в поддержание как учебной, так и внеучебной деятельности, связанной с укреплением ценностей семьи и брака, хотя потенциал вузов здесь пока недостаточно реализован.

По сути, студенты одобряют идею «Семьеведения» как комплексной программы, реализуемой всеми основными институтами социализации, включая высшее образование, для достижения целей демографической политики государства. Для аккумуляции методических материалов может быть создан единый всероссийский информационный портал поддержки молодой студенческой семьи. Поскольку к психологам у студентов отношение настороженное, а церковь как институт социализации в репликах информантов отсутствует, необходимо создавать и развивать институт наставников, например, из числа старшекурсников педагогических вузов, особенно студентов психологических факультетов. Так, за учебной группой может быть закреплена пара студентов-практикантов (юноша и девушка), чтобы помогать решать кризисные ситуации, в том числе, с помощью игровых подходов.

В целом требуется комплексная, регламентируемая нормативными документами Министерства просвещения и Министерства науки и высшего образования работа по совершенствованию учебно-методических материалов (формирование компетенций по семейным вопросам экономики, права, психологии), оптимизации образовательных траекторий обучающихся, состоящих в браке, улучшению инфраструктурных условий (создание психологических и медицинских служб, комнат матери и ребенка и т.п.), повышению эффективности социальной защиты и поддержки молодых студенческих семей (семейные комнаты в общежитиях, дополнительные выплаты и др.). Последовательная и планомерная деятельность по поддержанию и укреплению семейных ценностей в образовательной среде российских вузов будет способствовать решению государственных задач, связанных с благополучием семьи и преодолением социально-демографических вызовов и рисков.

Примечания

- (1) Ценности молодежи // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>.
- (2) Анкета была разработана осенью 2023 года в рамках научного проекта № 123091200058–5 «Оптимальные практики продвижения традиционных семейных ценностей в студенческой среде» Института научной информации по общественным наукам РАН, реализуемого по итогам отбора при поддержке Министерства науки и высшего образования и Экспертного института социальных исследований.
- (3) Индексы рассчитаны с учетом обратных позиций некоторых суждений, поэтому -1 — недостаточно сформированное вузом условие для поддержания ценности семьи в оценках студентов, 1 — хорошо сформированное условие.
- (4) Термины «позитивисты» и «негативисты» в обозначении кластеров характеризуют студентов, дающих, соответственно, высокие и низкие оценки тем или иным характеристикам учебной и внеучебной деятельности в вузе.

Библиографический список

1. *Абрамов А.П., Лю Ц.* Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае // Социологические исследования. 2022. № 2.
2. *Акутина С.П.* Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии // Социодинамика. 2020. № 8.
3. *Багирова А.П., Шубат О.М.* Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7.
4. *Беленкова Л.Ю., Кулемина Л.Б., Сизаева В.Э.* Формирование социально-психологической готовности к созданию семьи и семейным отношениям как духовно-нравственная основа жизни современной молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78–2.
5. *Горбунова Е.В.* Формирование ценности семьи у студенческой молодежи: Автореф. дисс. к.п.н. М., 2011.
6. *Горбунова Н.В., Вишневский В.А., Фетисов А.С.* Формирование готовности студенческой молодежи к созданию семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1.
7. *Гурко Т.А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2.
8. *Гурко Т.А., Орлянский С.А., Тарченко В.С.* Поведение и установки студентов в частной сфере // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4.
9. *Демиденко А.С.* Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 3.
10. *Денисова Н.Ф., Лапук И.В., Мицкевич О.Н.* Базовые ценности белорусского общества: функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4.
11. *Жильцова Ю.В., Сорокина И.Р.* Формирование семейных ценностей у студенческой молодежи // Современная психология. Пермь, 2014.
12. *Лишаев С.А.* От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2.
13. *Луговский В.А., Петренко Т.В., Сысоева Л.В.* Теоретические подходы к анализу проблемы сепарации в отечественной и зарубежной психологии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 119.

14. *Малыгин А.А.* Подготовка кадров в области демографического развития — важное направление работы классического университета // Ректор ВУЗа. 2022. № 5.
15. *Маркова Ю.С.* Жизненные ценности современного студенчества // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. 2014. № 1.
16. *Мухортов Д.С., Стрелец И.Э.* О духовной безопасности в системе образования и воспитании современной молодежи // Духовная безопасность и проблемы современного образования / Под ред. М.А. Манойловой. Псков, 2023.
17. *Мухортов Д.С., Стрелец И.Э.* Проблемы формирования созидательных ценностей студенческой молодежи (итоги опроса) // Политическая наука. 2023. № 4.
18. *Назарова И.Б., Зеленская М.П.* Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7.
19. *Назарова И.Б., Зеленская М.П.* Приоритеты студентов российских вузов: обучение, семья, работа // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
20. *Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышников А.Г.* Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
21. *Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В.* Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // Социологические исследования. 2023. № 5.
22. *Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Безвербная Н.А.* Влияние старшего поколения на стратегии формирования молодой семьи: по результатам глубинного интервью // Семья и преемственность поколений. Иваново, 2022.
23. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н.* Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 2.
24. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А.* Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1.
25. *Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н.* Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3.
26. *Шмелева О.Ю., Шмелев А.П.* Социогуманитарные риски политики сохранения и укрепления традиционных российских ценностей на современном этапе развития РФ // Будущее России: историко-культурные и духовно-нравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации / Под ред. Н.Г. Денисова, К.М. Мартиросян, Е.С. Шавлоховой. Краснодар, 2023.
27. *Anderson T., Green A.* Roadmap for Change to Support Pregnant and Parenting Students. Washington, 2022.
28. *Berrington A., Pattaro S.* Educational differences in fertility desires intentions and behavior: A life course perspective // Advances in Life Course Research. 2014. No. 21.
29. *Coninck D.D., Doren Sh.V., Matthijs K.* Attitudes of young adults toward marriage and divorce, 2002–2018 // Journal of Divorce & Remarriage. 2021. Vol. 62.
30. *Jo E.-J., An E.-S.* Influence of awareness about marriage and childbirth on pre-parent's role of the nursing students // Journal of the Korean Academia-Industrial Cooperation Society. 2017. Vol. 18. No. 11.
31. *Skosyreva N.D., Zinich A.V., Revyakina Y.N., Gefner O.V., Kuznetsova O.Z.* Modern rural youth: Values, motives, attitudes in professional self-determination // D.S. Nardin, O.V. Stepanova, V.V. Kuznetsova (Eds.). Land Economy and Rural Studies Essentials. Vol. 113. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences, 2021.

The role of the university educational environment in forming family values: Russian students' assessments*

I.E. Strelets¹, D.S. Mukhortov¹, Yu.S. Markova²

¹Moscow State Institute of International Relations,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

²Perm State National Research University,
Bukireva St., 15, Perm, 614990, Russia

(e-mail: sagitil@mail.ru; dennismoukhortov@mail.ru; julyamarkova@gmail.com)

Abstract. The article shows how Russian students assess the role of the university as a socialization institution in strengthening the value of family and in their preparing for marriage, birth and raising children. Based on the results of the sociological study conducted in 2023, the authors consider issues related to the content of the educational process and make some recommendations for its optimization in the context of the state demographic policy. The empirical basis of the study consists of (1) the data of the survey of the Russian student youth from Moscow, Saint Petersburg, Kazan, Irkutsk, Orenburg, Pskov, Krasnodar, Perm and Stavropol (N=719); (2) the results of a series of focus groups with students of the Perm State National Research University (N=36). The article aims at identifying the ideas of Russian students about the influence of the university environment on the formation of family values. According to the students, the university educational environment still focuses on solving educational problems: transferring knowledge and skills required for successful employment of graduates and creating favorable conditions for learning — providing students with dormitories, forming scholarship funds. The authors argue that the measures taken to strengthen family values in universities are still insufficient: the students rate the lowest such conditions as taking into account the marital status of graduates when distributing them to workplaces, the availability of psychological and medical services, and the use of different formats for discussing family and childbearing issues. At the same time, some universities update and strengthen the guidelines for maintaining a balance between educational and upbringing activities related to family values. The authors make a conclusion that it is necessary to further improve educational-methodological, organizational, infrastructural and other conditions for maintaining a family-friendly environment at the university.

Key words: family values; university as a socialization institution; state demographic policy; educational process; university graduate's personal maturity

References

1. Abramov A.P., Lyu Ts. *Sovremennyye i traditsionnyye semejnye tsennosti mezhpokolennogo vzaimodejstviya v Rossii i Kitae* [Contemporary and traditional family values of intergenerational interaction in Russia and China]. *Sociological Studies*. 2022; 2. (In Russ.).

* © I.E. Strelets, D.S. Mukhortov, Yu.S. Markova, 2024

The article was submitted on 14.03.2023. The article was accepted on 14.06.2024.

2. Akutina S.P. Sovremennaya studencheskaya semya: tsennostnye aspekty i zhiznennye strategii [Contemporary student family: Values and life strategies]. *Sociodynamics*. 2022; 8. (In Russ.).
3. Bagirova A.P., Shubat O.M. Semiya i roditelstvo skvoz prizmu mnenij studentok [Family and parenthood through the female students' opinions]. *Sociological Studies*. 2017; 7. (In Russ.).
4. Belenkova L.Yu., Kulemina L.B., Sizaeva V.E. Formirovanie sotsialno-psikhologicheskoy gotovnosti k sozdaniyu sem'yi i semejnym otnosheniyam kak dukhovno-nravstvennaya osnova zhizni sovremennoj molodezhi [Formation of the social-psychological readiness to start a family and family relationships as a spiritual-moral basis for the contemporary youth life]. *Issues of the Contemporary Pedagogical Education*. 2023; 78 (2). (In Russ.).
5. Gorbunova E.V. *Formirovanie tsennosti sem'yi u studencheskoj molodezhi*: Avtoref. diss. k.p.n. [Formation of Family Values among the Student Youth]. Moscow; 2011. (In Russ.).
6. Gorbunova N.V., Vishnevsky V.A., Fetisov A.S. Formirovanie gotovnosti studencheskoj molodezhi k sozdaniyu sem'yi [Formation of students' readiness to create a family]. *Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Social-Economic Sciences*. 2022; 1. (In Russ.).
7. Gurko T.A. Predstavleniya studentov v otnoshenii roditelstva i sotsialnyh rolej muzhchin i zhenshchin [Students' ideas about parenthood and social roles of men and women]. *Sociological Science and Social Practice*. 2019; 2. (In Russ.).
8. Gurko T.A., Orlyansky S.A., Tarchenko V.S. Povedenie i ustanovki studentov v chastnoj sfere [Student behavior and attitudes in private life]. *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*. 2019; 4. (In Russ.).
9. Demidenko A.S. Sotsialnaya infantilnost gorodskoj molodezhi: sfery proyavleniya [Social infantilism of the urban youth: Spheres of manifestation]. *Caucasian Scientific Bridge*. 2020; 3 (9). (In Russ.).
10. Denisova N.F., Lashuk I.V., Mitskevich O.N. Bazovye tsennosti belorusskogo obshchestva: funktsionalno-orientiruyushchie klasteri i variativnost tsennostnyh struktur [Basic values of the Belarusian society: Functionally oriented clusters and variability of value structures]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017; 4. (In Russ.).
11. Zhiltsova Yu.V., Sorokina I.R. Formirovanie semejnyh tsennostej u studencheskoj molodezhi [Formation of family values among the student youth]. *Contemporary Psychology*. Perm; 2014. (In Russ.).
12. Lishaev S.A. Ot detstva k zrelosti (fenomen prolongatsii molodosti i sovremennost) [From childhood to maturity (the phenomenon of the youth prolongation and the present time)]. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*. 2016; 2 (20). (In Russ.).
13. Lugovsky V.A., Petrenko T.V., Sysoeva L.V. Teoreticheskie podkhody k analizu problemy separatsii v otechestvennoj i zarubezhnoj psikhologii [Theoretical approaches to the analysis of separation in Russian and foreign psychology]. *Polythematic electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. 2016; 119. (In Russ.).
14. Malygin A.A. Podgotovka kadrov v oblasti demograficheskogo razvitiya — vazhnoe napravlenie raboty klassicheskogo universiteta [Personnel training in the field of demographic development as an important task of the classical university]. *Rector of the University*. 2022; 5. (In Russ.).
15. Markova Yu.S. Zhiznennye tsennosti sovremennogo studenchestva [Life values the contemporary student youth]. *Bulletin of Perm University. Philosophy, Psychology, Sociology*. 2014; 1 (17). (In Russ.).
16. Mukhortov D.S., Strelets I.E. O dukhovnoj bezopasnosti v sisteme obrazovaniya i vospitaniya sovremennoj molodezhi [On the spiritual security in the education system and upbringing of the contemporary youth]. *Spiritual Security and Problems of Contemporary Education*. Ed. by M.A. Manoilova. Pskov; 2023. (In Russ.).

17. Mukhortov D.S., Strelets I.E. Problemy formirovaniya sozidatelnyh tsennostej studencheskoj molodezhi (itogi oprosa) [On the formation of creative values among the student youth (results of the survey)]. *Political Science*. 2023; 4. (In Russ.).
18. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Brak, semiya, obuchenie: ustanovki i predstavleniya studentov [Marriage, family, education: Attitudes and perceptions of students]. *Sociological Studies*. 2019; 7. (In Russ.).
19. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Prioritety studentov rossijskih vuzov: obuchenie, semiya, rabota [Priorities of the student youth: Education, family, work]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
20. Puzanova Zh.V., Larina T.I., Tertyschnikova A.G. Infantilizatsiya molodezhi: metodologicheskyy podkhod k izmereniyu [Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 3. (In Russ.).
21. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Zhiznennyye tseli molodezhi i sposoby ikh dostizheniya (po rezul'tatam oprosa v yugo-zapadnom i yuzhnykh regionah Rossii) [Life goals of the youth and ways to achieve them (based on the results of the survey in the southwestern and southern regions of Russia)]. *Sociological Studies*. 2023; 5. (In Russ.).
22. Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N., Bezverbnaya N.A. Vliyaniye starshego pokoleniya na strategii formirovaniya molodoj sem'yi: po rezul'tatam glubinnogo interv'yu [The Influence of the Older Generation on the Strategies for Forming a Young Family: Based on the Results of an In-Depth Interview]. Ivanovo. 2022. (In Russ.).
23. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasilyeva E.N. Institucionalnye resursy podderzhki i razvitiya instituta studencheskoj sem'yi: regionalnye aspekty [Institutional resources for supporting and developing the student family institution: Regional aspects]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023; 2. (In Russ.).
24. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Studencheskaya semiya v Rossii: determinanty vstupleniya v brak [Russian student family: Determinants of marriage]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (1). (In Russ.).
25. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Brachno-semejnye predstavleniya studencheskoj molodezhi: po rezul'tatam avtorskogo issledovaniya [Marriage and family ideas of the student youth: Based on the results of the authors' study]. *Woman in the Russian Society*. 2023; 3. (In Russ.).
26. Shmeleva O.Yu., Shmelev A.P. Sotsiogumanitarnyye riski politiki sokhraneniya i ukrepleniya traditsionnykh rossijskikh tsennostej na sovremennom etape razvitiya RF [Social-humanitarian risks of the policy for preserving and strengthening traditional Russian values at the present stage of Russia's development]. *Future of Russia: Historical, Cultural and Spiritual-Moral Foundations of the Ideology of the Russian Statehood and Civilization*. Ed. by N.G. Denisova, K.M. Martirosyan, E.S. Shavlokhova. Krasnodar; 2023. (In Russ.).
27. Anderson T., Green A. *Roadmap for Change to Support Pregnant and Parenting Students: Research Report*. Washington; 2022.
28. Berrington A., Pattaro S. Educational differences in fertility desires intentions and behavior: A life course perspective. *Advances in Life Course Research*. 2014; 21.
29. Coninck D.D., Doren Sh.V., Matthijs K. Attitudes of young adults toward marriage and divorce, 2002–2018. *Journal of Divorce & Remarriage*. 2021; 62.
30. Jo E.-J., An E.-S. Influence of awareness about marriage and childbirth on pre-parent's role of the nursing students. *Journal of the Korean Academia-Industrial Cooperation Society*. 2017; 11.
31. Skosyreva N.D., Zinich A.V., Revyakina Y.N., Gefner O.V., Kuznetsova O.Z. Modern rural youth: Values, motives, attitudes in professional self-determination. D.S. Nardin, O.V. Stepanova, V.V. Kuznetsova (Eds.). *Land Economy and Rural Studies Essentials*. Vol. 113. *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*; 2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-600-614

EDN: FPGQCG

Is reliable sociological measurement of social well-being possible? The case of Ghana*

I.V. Trotsuk^{1,2}, S. Anamo-Pokoo¹

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; standhope-mail@gmail.com)

Abstract. The desire to improve living conditions and social well-being has always determined efforts of both researchers and reformers, especially since the last quarter of the 20th century, filled with different types of development ideas. The United Nations' Sustainable Development Goals (SDG) Agenda implies accelerating the pace of basic human development with "leaving no one behind", focusing mainly on improving the standard of living. However, in the contemporary world, well-being has become a multidimensional rather than a purely objective-economic concept, which determines the need for relevant approaches and methods for assessing and ensuring social well-being, especially in the non-western, developing countries. The first part of the article presents an overview of conceptual approaches and empirical methods typically applied in the study of well-being as rather a universal and unambiguous phenomenon, which is not relevant for the contemporary social realities. The second part of the article presents a specific case (Ghana) proving the validity of criticism in relation to the objectively "biased" measurements of social well-being. One of the key social-economic challenges in Ghana is the low standard of living, especially in rural areas and northern regions suffering from the "multidimensional poverty". In Ghana, basic studies of welfare and measurements of poverty (supported or conducted by the state institutions) rely on the monetized consumption and income approaches, following the European Commission's definition of poverty as a state of economic deprivation, thus missing its subjective and social dimensions crucial for ensuring equity and social justice. The authors suggest an interpretation of social well-being as a combination of personal (overall satisfaction with life), relational (quality of social connections) and societal (social integration, acceptance, contribution, actualization and coherence, institutional trust) measurements, i.e., a combination of economic well-being, life satisfaction and societal well-being in the assessment of poverty and inequality at the national level. This interpretation was tested in the sociological survey conducted in 2022 as a basis for such an understanding of social well-being that aims at reducing inequality and improving living standards through better informed policies and programs.

Key words: social well-being; standard of living; objective and subjective indicators; consumption and income; Ghana; poverty; inequality; statistical data; sociological survey

* © I.V. Trotsuk, S. Anamo-Pokoo, 2024

The article was submitted on 10.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

Despite numerous attempts of the comprehensive interdisciplinary analysis of the concept of well-being (its definitions, interpretations and measurements), it remains quite complex and ambiguous due to being applied in different contexts with diverse meanings [57] (for instance, in psychological and social sciences, well-being and happiness are often considered as intertwined yet distinct constructs). Due to its complex and debated nature, there is no generally recognized conceptual not to mention empirical definition of well-being; however, there is a general consensus that well-being is a valuable and crucial goal for all societies [15; 46], encompassing multiple aspects of life, such as physical and mental health, emotional balance, social connections, economic stability, and so on.

Certainly, decades and even centuries of searching for definitions, indicators and paths to well-being, defined primarily as happiness, could not but lead to the development of clearly different philosophical approaches, among which hedonic and eudaimonic understandings seems to be the most known [31; 51; 55]. The hedonic approach follows utilitarian principles, emphasizing the role of pleasure and satisfaction in achieving well-being and suggesting that a good life is one that maximizes enjoyment and minimizes suffering. Hedonic well-being typically consists of life satisfaction (evaluative aspect) and affective balance (the ratio of positive to negative emotions) [34], i.e., a high level of hedonic well-being is characterized by frequent positive emotions and rare negative emotions, based on the high general life satisfaction. The eudaimonic approach originates from Aristotelian philosophy which emphasizes living in accordance with one's true nature, fulfilling one's potential and focusing on meaning and self-realization rather than the pursuit of pleasure. Therefore, key components of eudaimonic well-being are personal growth (realization of one's potential over time), purpose in life (meaningful goals and a sense of direction), autonomy (ability to make independent choices and to self-regulate one's behaviour), environmental mastery (capacity to manage life's demands effectively), positive relationships (satisfying and supportive social connections), and self-acceptance (a positive attitude toward oneself and one's life experiences).

Such interpretations are acceptable in sociology as conceptual definitions of well-being, but for empirical studies we need a more precise list of indicators which are typically divided into objective and subjective [15]. Thus, objective well-being refers to measurable material, external life conditions or resources that contribute to the quality of life [26] and can be quantified and measured through economic indicators (income, employment status, wealth as material living standards), health indicators (physical health metrics, such as life expectancy, disease prevalence, access to healthcare), educational (levels of education, general access to learning), environmental (air and water quality, noise levels, access to green spaces), and social (crime rates, community infrastructure, civil engagement). Subjective well-being encompasses personal perceptions and internal experiences — how individuals interpret, evaluate and feel about their lives [11], which is measured through such

indicators as life satisfaction (evaluation of one's life as a whole or of its specific domains (e.g., work, relationships)), emotional (balance of positive and negative emotions experienced on a daily basis) and cognitive (personal assessments and perceptions of one's life situation, personal achievements or living conditions).

Both groups of well-being's indicators are important for developing and implementing social policies by helping to identify problem areas, understand relationships between conditions and results, review and evaluate policy choices, improve implementation strategy, and assess outcomes over time. Sociologists certainly favour subjective indicators of well-being and measure it through identifying value orientations, describing common societal fears, and assessing levels of happiness, along with the factors contributing to it and its sustainability [42; 51]. Referring to Durkheim's sociological concept of anomie, one can consider alienation as one such factor; however, the absence of anomie or alienation does not necessarily reflect the presence of social well-being or determines it directly. The contemporary society and human life are too complex to be precisely measured in principle, not to mention such direct interdependencies. Similarly, no single social theory is pervasive in nature, so the chosen components or empirical indicators of social well-being are generally based on consensus. Furthermore, even individual components of social well-being are extremely complex, for instance, as if a clear social construct of the quality of life implies a multifactorial analysis ranging from personal well-being (or the positive collective attitudes towards social life [53]) to a broader social setting [33; 16; 36]. The most general and broad definitions consider personal well-being as deeply embedded in social structures and communities and affected by innumerable social challenges and consequences that go beyond (emotional) happiness and the fulfilment of desires.

The ESS (2016) acknowledges that all methodological approaches to assessing well-being, whether using single measures, objective, subjective indicators or both, have their strengths and weaknesses. Thus, although survey methods for measuring subjective well-being as happiness are regarded as valid, reliable and sufficiently universal for comparative studies (despite the absence of clear conceptual and operational definitions of happiness), there is still the lack of established criteria for choosing methodological approaches, except for the recognition that personal well-being as a rather subjective concept is more influenced by personal factors (e.g., family, health and other factors defined by individuals as constituting a good life) than external conditions. Despite the varying approaches, an increasing body of research advocates for a comprehensive well-being measure that considers the diverse cultural and temporal requirements together with our fundamental needs [17]. Recognizing culturally specific well-being needs is essential for monitoring impacts of social change and evaluating the efficiency of policies on the quality of life. Many studies suggest incorporating social indicators into well-being assessment to encompass aspects like development or poverty reduction [7; 11; 31].

The current methodological consensus seems to be that the facets of well-being should complement each other [13; 41] as interconnected, i.e., while numerous factors influence an individual well-being and quality of life, the research should take into account both the dynamics of social context and individual's social interactions with others and the environment. Thus, a high quality of life for an individual typically implies socially accepted modes of interaction within a community with specific societal characteristics. The sociological measurement of social well-being primarily consists of examining individuals' daily lives (personal), their relationships with others (relational), institutional and normative aspects of society (societal). Therefore, social aspects of well-being are intended to improve the quality of social connections and enhance the overall quality of society. Among the key social dimensions of well-being, some authors highlight a comprehensive concept known as social quality, which assesses the quality of individuals' everyday lives [2], in contrast to traditional methods like Gross Domestic Product (GDP) as a prior economic basis of well-being, through such factors such as connectedness and the creation of a functional and supportive community (social cohesion, social-economic security, social inclusion, social trust, social empowerment) [2; 36].

Thus, a valid measurement of social well-being encompasses the domains of social quality influenced by various conditional factors, i.e., combines micro and macro, objective and subjective, material and non-material aspects of society, affecting individuals' perceptions of life. Both types of components are crucial because factors overlooked in either objective or subjective assessments are vital to well-being [11; 13; 35; 36; 41]. These components can be divided into three dimensions — personal, relational and social well-being. Personal well-being denotes personal evaluation of overall life, self-perception and general life satisfaction, representing a personal aspect of quality of life that encompasses wealth, employment, environment, physical and mental health, education, recreation and leisure time, social belonging, religious beliefs, safety, security and freedom (World Health Organisation — WHO), among which education, health and employment seem to be the most crucial, at least now for the Ghanian society. Relational well-being refers to the quality of personal relationships with others and to positive attitudes toward those around them, which usually measured through two dimensions — relationships with family, friends, and neighbours, and stress management (feeling of belonging to a community, feeling socially important, valuing societal norms, sharing one's views and perceiving others as reliable, kind, and honest). Societal well-being reflects the quality of institutions, positive assessments of how a society functions (satisfaction with community decision-making freedom, social status, knowledge acquisition and society as a supportive place to live) and optimistic perception of the future (based on institutional trust — confidence in local government and civil organizations, faith in societal values, and so on).

Let us consider how all the above applies to the contemporary Ghanaian society which is considered as completely divided into two worlds — with no development problems and with unending social-economic problems. Social inequality has become a pressing issue for Ghana in achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) [43]. The Ghanaian Living Standards Survey (GLSS 7) [21] shows wide gender and regional gaps in terms of access to education, health, and employment. This persisting differentiation is usually explained in the perspective of development theories [38]: in the social-historical perspective, the Ghanaian society has evolved from “pre-modern”/“traditional” to “modern” [1] but emphasized economic wealth and resources at the expense of social variables of development. We will not dwell on the limitations of development theories to focus on the possible measurements of well-being. The most famous are based on indices and international comparisons for making consolidated country rankings: Human Development Index (HDI), World Happiness Report (WHR), OECD Better Life Index, Global Peace Index, Social Progress Index, Gallup Global Emotions Report, Legatum Prosperity Index, Canadian Index of Well-being (CIW) and Bhutan’s Gross National Happiness Index — all assess well-being based on some combination of economic and social measures (cultural identity, inequality, job security, health, community vitality, leisure, environmental concerns, subjective perception, and so on [9]).

Thus, according to the HDI [52], published annually by the United Nations Development Programme (UNDP) and consisting of three dimensions (life expectancy at birth, education level (including mean and expected years of schooling) and standard of living (measured by GNI per capita)) to measure human development, Ghana’s HDI value for 2022 is 0.602, placing the country in the medium category and ranking it 145th out of 193 countries and territories. The most recent years demonstrate a consistent increase in HDI: from 1990 to 2022, Ghana’s HDI increased from 0.445 to 0.602, reflecting a positive change of 35.3 % and indicating advancements in health, education, and living standards. Despite the overall positive trend, there are year-to-year fluctuations in HDI: for instance, in 2014, Ghana’s HDI experienced a slight decrease, dropping to 0.582 from 0.587 in 2013, which was determined by economic challenges or setbacks in education or health services; in 2019, the HDI rose from 0.589 to 0.599, indicating substantial improvements in one or more of the HDI components.

The 2024 WHR is based on a three-year average of each country’s population assessment of quality of life, using such factors as GDP, life expectancy, having someone to count on, a sense of freedom, generosity, and perceptions of corruption [25]: on a scale from 0 to 10, Finland ranks at the top with 7.741, Afghanistan at the bottom with 1.721; in Africa, the WHR identifies 10 happiest countries (Libya with 5.866 is 66th globally, Guinea and Senegal round out the list with 5.023 and 4.969, ranking 97th and 99th, respectively). This ranking underscores the diversity of happiness indicators across African nations, since such factors as community support, culture and governance play significant roles

in shaping individual well-being. Ghana is ranked 120th in the world out of 143 countries. According to the 2023 Social Progress Index [47] which measures the extent to which countries provide for the social needs of their citizens based on 54 indicators, Ghana is 110th out of 169 countries. Although the OECD Better Life Index [44] allows for a more nuanced analysis by 11 dimensions (housing, income, jobs, community, education, environment, governance, health, life satisfaction, safety, and work-life balance, the Global Peace Index [29] measures the relative position of nations' and regions' peacefulness based on 23 indicators, the Gallup Global Emotions Report [19] is based on over 151,000 interviews in more than 140 countries and regions, and the Legatum Prosperity Index [40] measures prosperity in 167 countries based on 104 variables, these international indices seem useful guides for effective policy in the developed western countries but not in many lower middle-income countries in sub-Saharan Africa, including Ghana, due to variations in cultural identities, community vitality, environmental issues and subjective perceptions [9; 32].

Ghana has applied a rigorous methodological approach, focusing on factual data and empirical evidence to comprehensively understand factors influencing social-economic development in the country since 1992 [1]; this information is crucial for improving living standards and overcoming inequality and poverty. Historically, the Central Bureau of Statistics of Ghana conducted National Household Budget Surveys in 1962 and 1974 to evaluate poverty levels and living conditions. Later, the Ghana Living Standards Survey (GLSS) became the primary tool for analysing poverty, following the procedures set by the World Bank. This survey collects data on income and expenditures primarily at the household level to explore intrahousehold inequality; to date, there have been seven rounds of the GLSS — 1987/1988, 1988/1989, 1991/1992, 1998/1999, 2005/2006, 2012/2013, and 2016/2017). In addition, Ghana joined several African nations in applying the Multidimensional Poverty Index (MPI) to assess and monitor multidimensional poverty based on twelve indicators and three dimensions (living standards, education, and health), which allowed to identify the main contributors to multidimensional poverty in Ghana — deprivations in sanitation and health insurance, whereas school attendance and nutrition rank the lowest [52].

According to the MPI, there are significant disparities, particularly between rural and urban populations, geographical and age-related divides. Ghana's Northern Region has the highest rate of multidimensional poverty (80 % of its population) followed by the Upper East Region (about 70 %). The Upper West, Volta, and Brong-Ahafo regions also show high poverty levels, while Greater Accra and Ashanti regions report the lowest rates. Furthermore, rural areas show the double multidimensional poverty level (65 %) compared to urban areas (27 %). While monetary poverty assessments based on consumption expenditure (household spending on goods and services) have been the traditional measure of poverty in Ghana, the MPI reveals that more than half of those classified

as multidimensionally poor due to simultaneous deprivations in education, health, and living standards were overlooked in the monetary poverty assessment. Nonetheless, both the monetary poverty and MPI assessments do not fully capture the true well-being and living standards of Ghanaians due to missing several essential components of well-being — relational and societal ones.

In 1985, the PNDC Law 135 established the Statistical Service to facilitate the collection, analysis and publication of statistical data on economic and social issues. Since then, Ghana has focused on economic, social, and ecological aspects of well-being in the Living Standard Survey, covering demographic details of households, education, healthcare, employment, migration and remittances, information and communication technology, tourism, housing and public services, agriculture, non-agricultural and financial services, assets, family management, peace and security, data protection awareness [21]. This essential data serves as the basis for policymakers to develop strategies for achieving the SDGs related to eradicating poverty, ensuring food security, and promoting good health and well-being for all Ghanaian households. However, social stratification and disparities complicate understanding, evaluating and attaining the SDGs which aim to eliminate poverty by efficient social safety nets, equitable access to economic resources and basic services, and reducing vulnerability to social-economic and climate-related risks [28].

Ghana's methodology for poverty assessment has evolved over time, following recommendations of international institutions like the World Bank, International Monetary Fund (IMF), and the United Nations Development Programme (UNDP) regarding a more comprehensive approach to measuring poverty and living standards in order to identify the root causes of underdevelopment and poverty. For instance, the Cost of Basic Needs (CBN) method assesses poverty levels by calculating the consumption or income required for households to meet their daily nutritional needs. Another significant framework is the Capability Approach proposed by Amartya Sen as a comprehensive multidimensional analysis of poverty and welfare, based on the principles of the HDI and shifting the focus from income levels to broader notions of freedom and opportunities to lead fulfilling lives. Additionally, the MPI aggregates indicators across various dimensions of deprivation, leading to a binary classification of individuals as either poor or non-poor, which allows for a deeper understanding of poverty.

The monetized consumption and income approaches are two common methods used to measure well-being in Ghana. The standard of living of a household is evaluated by total consumption expenditure, which differentiates between the poor and non-poor based on their combined spending on food and non-food [22]. This relative measure of poverty follows the European Commission's definition of poverty as a state of deprivation, wherein individuals are considered to be living in poverty if their income and resources are insufficient to maintain an acceptable standard of living in their society [1]. However, such objective economic approaches

to measuring poverty have been criticized for exacerbating the risk of falling into poverty due to not accounting for fluctuations in employment status that directly affect income levels, for lacking sensitivity to different levels of deprivation and continuity in multidimensional poverty indices [14], for the heavy reliance on income, monetary and economic indicators (like GDP) at the expense of subjective and social dimensions, which are also crucial for ensuring equity and social justice in development [1; 49].

Therefore, Ghana needs such an analysis of well-being that combines personal (overall satisfaction with life), relational (quality of social connections) and societal (social integration, acceptance, contribution, actualization and coherence, institutional trust) measurements, i.e., integrates economic well-being, life satisfaction and societal well-being into the assessment of poverty and inequality at the national level. Nevertheless, Ghana's government initiatives, such as the Poverty Reduction Strategy and the Living Standards Survey, lack considerations for life satisfaction and societal well-being. Social well-being is multidimensional due to being influenced by three internally related components: personal, relational, and societal well-being [12; 36; 57]. For instance, accomplishing personal well-being or life satisfaction implies reinforcing roles from relational activities (with family members, neighbours, etc.) and the role of social institutions. Also, since the nature and characteristics of social well-being are broader, achieving an overall social well-being is inadequate without the supporting roles from its three components, which ensures that an increase in social well-being will reinforce an increase in all other components [4; 5].

In the suggested model of social well-being, personal well-being comprises health, education and work-life activities, relational well-being — communication with friends/relatives and body management/appearance, societal well-being — social contributions, inclusion and integration, actualization and acceptance, social cohesion and institutional trust (Tables 1–3). Based on the survey data collected in 2022, mean deviation and standard deviation were calculated to conduct the sociological analysis of the well-being and satisfaction of Ghanaians. According to the data presented in Table 2, having good interaction with families and friends had a slightly higher mean of 3.9345 with a lower standard deviation of 0.89243 as compared to other variables such as frequent communication, satisfied relations, securing shared information and engagement in social activities with friends and family. This means that having good interaction with family and friends is the highest contributing factor to relational well-being [6; 24]. Relational well-being is understood in collective terms as achieved through relationships with others, fostered by positive relationships with one's work, with others, and with a higher power, and constituted through the interplay of personal, social and environmental processes [27].

Table 1

Personal well-being		
Components	Mean	Std. deviation
Education		
Satisfied with the kinds of educational services	3.5636	1.14727
Educated in a conducive educational environment	3.68	1.07556
Afford the cost of being educated	3.3818	1.21697
No stigmatization when receiving education	3.7636	0.98327
There's utmost care, love, patience and respect from educational professionals when I'm schooling	3.6764	1.03126
No long-distance travels to receive education	3.3927	1.20295
Health		
Satisfied with the kinds of healthcare services	3.7345	0.89813
Access medical care in a conducive environment	3.7455	0.87047
Afford the cost of healthcare	3.4291	1.06455
No stigmatization when seeking healthcare	3.7782	0.82161
There's utmost care, love, patience, and respect from health professionals when I'm seeking healthcare	3.7455	0.92716
No long-distance travels when seeking healthcare	3.3673	1.19432
Work-life activities		
I can work in any sector of the economy	3.7745	1.06908
I'm satisfied with the supports at my workplace	3.2945	1.26713
I'm satisfied with my job, because my monthly pay corresponds to the amount of work I do	3.1527	1.30455
My monthly income is sufficient to meet the basic and subsistence needs of my family	2.9673	1.30332
My job schedules and activities provide me with sufficient time and resources to meet my family's needs	3.2582	1.16151
I consider my life to be highly important, because I have a good career and a supportive family	3.5673	1.0716

Table 2

Relational well-being		
Components	Mean	Std. deviation
Satisfying relations/Communication with families/friends		
I have frequent communication with family and friends	3.8436	0.96202
I have good interaction with family and friends	3.9345	0.89243
I am satisfied with relationships with family and friends	3.8836	0.92341
Information I share with family and friends is kept secure	3.5891	1.07341
I engage in social activities with my family and friends	3.8255	0.99062
Body management, appearance and acceptance		
I am comfortable with my body shape	4.1709	0.90069
I have a positive self-image	4.1491	0.94809
I often have negative feelings such as despair, anxiety, etc.	3.3418	1.2796
I am satisfied with how long I sleep	3.4509	1.17308
I can overcome stress in life	3.7673	0.98967
I find it easy to solve personal problems	3.6073	1.07513
In need much time to overcome life difficulties	3.1709	1.20805

Table 3

Societal well-being

Components	Mean	Std. deviation
1	2	3
Social contribution		
I contribute to the levels of education in the community	3.1936	1.7333
Contribute to the culture and religious beliefs	3.3091	1.7294
Contribute to the health needs	3.1964	1.14372
Contribute to the environmental needs	3.2909	1.10377
Contribute to politics and governance.	3.1273	1.22537
Contribute to daily production and consumption	3.6073	1.03722
Social inclusion and Integration		
I feel my belonging to the community	3.7855	0.94304
I am an important person in my community	3.7127	0.99188
People in my community value me as an important person	3.6709	1.96856
People in my community take me seriously and listen to me	3.5018	1.03926
People in my community are reliable, kind and honest to me	3.4982	1.04276
I see people in my community as important persons	3.8436	0.89132
Social actualization		
My communities offer me freedom to make decision and to do what I want	3.8509	0.85081
I am satisfied with my social position	3.7455	2.02458
My community helps me to learn new things	3.6655	0.99972
Social institutions (family, politics and law) make my life better	3.6727	0.95622
My community has evolved to make me a better person in future	3.68	0.99469
My community is a productive place for me to live in	3.6982	1.00218
Social acceptance		
People in my community are reliable when I need assistance	3.2073	1.00804
They are kind, selfless and considerate to other people	3.3818	1.00754
They care about other people's problems	3.3091	1.01441
They have positive thoughts and manners	3.3818	1.00754
They have their neighbours' social contacts	3.6582	0.93826
They interact with other people	3.7964	0.92787

1	2	3
Social coherence		
My community works to reduce exclusion and marginalization	3.2691	1.05893
My community offers me great protection against hazards/risks	3.4655	0.9547
Ensures equal access to environment	3.2873	0.94297
Ensures equal sense of belonging and opportunity	3.3273	0.94728
Offers equal employment and income opportunities	3.0982	1.03505
Ensures understandable and equally accessed cultural transformations	3.2582	1.04611
Institutional trust		
I can trust the local authorities	3.2691	1.11909
I trust in public welfare organisations and their services	3.2218	1.06473
I trust in the mass media organizations	3.1984	1.04051
I feel secured on the streets near my house	3.04	1.21645
I have trust in societal values and culture	3.5491	1.02042
I trust in governance, politics and civil organisations (media)	3.1818	1.10736

According to the data in Table 3, the contribution to daily production and consumption shows the highest mean of 3.6073 with the lowest standard deviation of 1.03722 as compared to contributions to education, culture and religious beliefs, health needs, environmental needs, governance and politics, i.e., one's contribution to daily production and consumption is regarded as the most significant variable in social contribution. Certainly, the concept of social contribution in its broader sense suggests that a desirable society is one in which its members have a feeling of belonging and engagement, contributing to effective transportation and communication networks, employment opportunities, educational institutions, healthcare and other services, including those provided by the public, private, community and voluntary sectors.

Thus, social well-being is a multidimensional approach to reducing poverty and improving standards of living, which can be measured and explained through three interconnected dimensions — personal, relational, and societal well-being. The Government of Ghana should adopt a multidimensional approach to measuring the well-being of Ghanaians that incorporates the relational and societal components of well-being to supplement and support the personal (economic, income, monetary) measurement of well-being. This will allow to eliminate the gap constituted by traditional unidimensional measures of standard of living based only on monetary variables.

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

References

1. Aboagye-Attah K. *Socioeconomic Correlates of Poverty in Ghana using Ghana Living Standards Survey Round 6*. Master's Thesis. Norwegian University of Life Sciences; 2019.
2. Abbott P., Wallace C. Social quality: A way to measure the quality of society. *Social Indicators Research*. 2012; 108 (1).
3. Anamoа-Pokoo S., Badasu D.M. Remittances flow to households of internal migrants in Ekumfi District of the Central Region, Ghana. *Ghana Social Science Journal*. 2018; 15 (2).
4. Chambers R. Responsible well-being — A personal agenda for development. *World Development*. 1997; 25 (11).
5. Chambers R. *Ideas for Development*. London; 2005.
6. Christopher J.C. Situating psychological well-being: Exploring the cultural roots of its theory and research. *Journal of Counselling & Development*. 1999; 77 (2).
7. Coburn D. Beyond the income inequality hypothesis: Class, neo-liberalism, and health inequalities. *Social Science & Medicine*. 2004; 58 (1).
8. Cummins R.A., Eckersley R., Pallant J., Van Vugt J., Misajon R. Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Wellbeing Index. *Social Indicators Research*. 2003; 64 (2).
9. Davern M., Gunn L., Whitzman C., Higgs C., Giles-Corti B., Simons K., Badland H. Using spatial measures to test a conceptual model of social infrastructure that supports health and wellbeing. *Cities & Health*. 2017; 1 (2).
10. Dery B.B., Dorway A. Ghana: District-based poverty profiling, mapping and pro-poor planning as a monitoring and evaluation tool. Bamako. 2007. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=22fa5538fda23a3aa1bf0d6141b295324277f19d>.
11. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*. 1999; 125 (2).
12. Dłużewska A.M. Well-being versus sustainable development in tourism. The host perspective. *Sustainable Development*. 2019; 27 (3).
13. Dodge R., Daly A.P., Huyton J., Sanders L.D. The challenge of defining well-being. *International Journal of Well-being*. 2012; 2 (3).
14. Duclos J.Y., Tiberti L., Araar A. Multidimensional poverty targeting. *Economic Development and Cultural Change*. 2018; 66 (3).
15. European Social Survey (ESS): Round 7 Data (2016). Norwegian Social Science Data Services, Data Archive and Distributor of ESS Data for ESS ERIC.
16. Fadda G., Jirón P. Quality of life and gender: A methodology for urban research. *Environment and Urbanization*. 1999; 11 (2).
17. Fleche S., Smith C., Sorsa P. *Exploring Determinants of Subjective Well-Being in OECD Countries: Evidence from the World Value Survey (No. 921)*. OECD Publishing; 2011.
18. Fosu A.K. Growth, inequality and poverty in Sub-Saharan Africa: Recent progress in a global context. *Oxford Development Studies*. 2015; 43 (1).
19. Gallup Global Emotions Report. 2023. UR: <https://www.gallup.com/analytics/349280/gallup-global-emotions-report.aspx>.
20. Ghana Statistical Service: Population and Housing Census. General Report: Age and Sex Profile. 2021. URL: https://census2021.statsghana.gov.gh/gssmain/fileUpload/reportthelist/2021%20PHC%20General%20Report%20Vol%203B_Age%20and%20Sex%20Profile_181121b.pdf.
21. Ghana Statistical Service: Ghana Living Standards Survey Round 7 (GLSS7). 2019. URL: https://www.statsghana.gov.gh/gssmain/fileUpload/pressrelease/GLSS7%20MAIN%20REPORT_FINAL.pdf.

22. Ghana Statistical Service: Ghana Living Standards Survey Round 6 (GLSS 6). 2018. URL: <http://www2.statsghana.gov.gh>.
23. Ghana Poverty Mapping: Poverty Assessment. Ghana Statistical Service; 2015.
24. Haidt J. *The Happiness Hypothesis: Putting Ancient Wisdom and Philosophy to the Test of Modern Science*. Random House; 2006.
25. Helliwell J.F., Layard R., Sachs J. World Happiness Report. 2023. URL: <https://worldhappiness.report>.
26. Helliwell J.F. *Life Satisfaction and Quality of Development (No. W14507)*. National Bureau of Economic Research; 2008.
27. Huovinen R., Blackmore C. The dynamics of relational well-being in the context of mobility in Peru. *Cultures of Well-Being*. London; 2016.
28. Hujo K. Social protection and inequality in the global South: Politics, actors and institutions. *Critical Social Policy*. 2021; 41 (3).
29. Institute for Economics and Peace (IEP): Global Peace Index. 2023. URL: <https://www.economicsandpeace.org/global-peace-index>.
30. Ivlevs A., Nikolova M., Graham C. Emigration, remittances, and the subjective well-being of those staying behind. *Journal of Population Economics*. 2018; 32 (1).
31. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010; 107 (38).
32. Kangmennaang J., Smale B., Elliott S.J. ‘When you think your neighbour’s cooking pot is better than yours’: A mixed-methods exploration of inequality and well-being in Ghana. *Social Science & Medicine*. 2019; 242.
33. Keyes C.L., Shapiro A.D. Social well-being in the United States: A descriptive epidemiology. *How Healthy Are We*. 2004; 15 (3).
34. Keyes C.L., Shmotkin D., Ryff C.D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002; 82 (6).
35. Keyes C.L.M., Lopez S.J. Toward a science of mental health: Positive directions in diagnosis and interventions. C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). *Handbook of Positive Psychology*. New York; 2002.
36. Koo H., Yee J., Nam E.Y., Kim E.S. Dimensions of social well-being and determinants in Korea: Personal, relational, and societal aspects. *Senshu Social Well-Being Review*. 2016; 3.
37. Koomson I., Villano R.A., Hadley D. Effect of financial inclusion on poverty and vulnerability to poverty: Evidence using a multidimensional measure of financial inclusion. *Social Indicators Research*. 2020; 149 (2).
38. Kwok A.C. The evolution of management theories: A literature review. *Nang Yan Business Journal*. 2014; 3 (1).
39. Larson J.S. The measurement of social well-being. *Social Indicators Research*. 1992; 28.
40. Legatum Institute: Legatum Prosperity Index. 2023. URL: <https://www.prosperity.com>.
41. Michaelson J., Abdallah S., Steuer N., Thompson S., Marks N., Aked J., Potts R. *National Accounts of Well-Being: Bringing Real Wealth onto the Balance Sheet*. London; 2009.
42. Narbut N.P., Trotsuk I.V. The social well-being of the post-socialist countries’ youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2). *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
43. Oduro A., Arhin A., Domfe G., Alidu S., Agyeman F., Edem Asimadu D., Hall S. Building a more equal Ghana: A 5-point action plan to close the gap between the rich and the rest. 2018. URL: <https://oxfamilibrary.openrepository.com/handle/10546/620549>.
44. OECD: Better Life Index. 2023. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org>.
45. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989; 57 (6).
46. Sarvimäki A. Well-being as being well. A Heideggerian look at well-being. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*. 2006; 1 (1).

47. Social Progress Imperative: Social Progress Index. 2023. URL: <https://www.socialprogress.org>.
48. Songsore J. The urban transition in Ghana: Urbanization, national development and poverty reduction. *Ghana Social Science Journal*. 2020; 17 (2).
49. Stiglitz J.E. Macroeconomic fluctuations, inequality, and human development. *Journal of Human Development and Capabilities*. 2012; 13 (1).
50. Sztopka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press; 1999.
51. Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Possibilities and limitations of the main methodological approaches to the study of happiness. *Bulletin of the Moscow University. Sociology and Political Science Series*. 2019; 25 (3). (In Russ.).
52. UNDP: Human Development Index. 2023. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>.
53. Veenhoven R. Capability and happiness: Conceptual difference and reality links. *Journal of Socio-Economics*. 2010; 39 (3).
54. Veenhoven R. Inequality of happiness in nations. *Journal of Happiness Studies*. 2005; 6 (4).
55. Waterman A.S. Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. 64 (4).
56. White S.C. Analysing well-being: A framework for development practice. *Development in Practice*. 2010; 20 (2).
57. White S.C. *The Cultural Construction of Well-Being: Seeking Healing in Bangladesh. WeD Working Paper 15*. University of Bath; 2006.
58. Wilkinson K.P. Social well-being and community. *Community Development*. 1979; 10 (1).
59. Wissing M.P. Meaning and relational well-being: A reflection on the state of the art and a way forward. *Journal of Psychology in Africa*. 2014; 24 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-600-614

EDN: FPGQCG

Возможно ли надежное социологическое измерение благополучия (на примере Ганы)?*

И.В. Троцук^{1,2}, С. Анамоа-Покоо¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия,

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; standhope-mail@gmail.com)

Аннотация. Стремление улучшить условия жизни и повысить уровень социального благополучия неизменно определяло исследовательские поиски и реформаторские усилия с последней четверти XX века, наполненной всевозможными версиями девелопментализ-

* © Троцук И.В., Анамоа-Покоо С., 2024

The article was submitted on 10.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

ма. Предложенная ООН программа Целей устойчивого развития ориентирована на борьбу с бедностью («чтобы никого не оставить позади»), фокусируясь на объективных показателях уровня жизни. Однако в современном мире благополучие превратилось из объективно-экономического понятия в многокомпонентное, что обуславливает необходимость разработки более валидных и надежных подходов и методов к оценке и обеспечению социального благополучия, особенно в незападных, развивающихся странах. В первой части статьи представлен обзор концептуальных подходов и эмпирических методик, типичных для изучения благополучия как общепризнанного и однозначного понятия, что не соответствует нынешним социальным реалиям. Во второй части статьи рассмотрен особый кейс (Гана), обосновывающий критическое восприятие объективистских измерений социального благополучия. Одна из наиболее значимых социально-экономических проблем Ганы сегодня — низкий уровень жизни, особенно в сельских районах и северных регионах, страдающих от «многомерной бедности». Как правило, в Гане исследования бедности и благосостояния (поддерживаемые или проводимые государственными структурами) опираются на показатели доходов и расходов (в финансовом выражении), поскольку трактуют бедность согласно принципам Европейской комиссии (экономическая депривация), тем самым недооценивая влияние субъективных и социальных факторов бедности, принципиально важных для обеспечения равенства и социальной справедливости. В статье предложена трактовка социального благополучия как сочетания личностных (общая удовлетворенностью жизнью), групповых (качество социальных связей) и социетальных (социальные интеграция, принятие, участие, реализация и согласие, институциональное доверие) измерений, т.е. показателей экономического благополучия, удовлетворенности жизнью и социетального благополучия. Данная трактовка была апробирована в социологическом опросе, проведенном в 2022 году и подтвердившем ее обоснованность в анализе социального благополучия для разработки и реализации программ, призванных повысить качество жизни и снизить уровень социального неравенства.

Ключевые слова: социальное благополучие; уровень жизни; объективные и субъективные индикаторы; потребление и доход; Гана; бедность; неравенство; статистические данные; социологический опрос

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-615-631

EDN: FNWXDP

«Этика» войны в письмах солдат-участников СВО к детям*

М.А. Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Б. Андроньевская ул., 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Аннотация. С началом специальной военной операции (далее — СВО) актуализировались этический и идеологический аспекты войны, что имеет свои социальные последствия. Одно из них связано с воспитательно-идеологической компонентой и проявилось в том, что дети и школьники стали писать письма, отсылать поделки и рисунки солдатам. В свою очередь, эти послания нашли отклик у воюющих и породили ответное движение — коллективные письма солдат детям и школьникам, создание «стен поддержки» из писем и рисунков детей в блиндажах. В итоге возникло нечто похожее на переписку, где отразились не только представления мирных жителей на события СВО, но и «жизненный мир» солдата, его актуализированные ценности, проявленные и осознанные в ходе СВО, а затем зафиксированные в ее этическом и идеологическом дискурсах. В статье предпринята попытка разведывательно-го анализа эго-документов — писем солдат СВО к детям — с точки зрения отражения в них представлений о войне. Проведенный анализ носит метатеоретический характер в том смысле, что сочетает дискурс-анализ (общий рефрен), нарративный анализ (письма) и биографический анализ (СВО как своего рода протяженный во времени момент эпифании, заставляющий человека переосмыслить свою жизнь в контексте коллективных идеалов). Основными категориями анализа выступили: отношение к врагу; отношение к убийству; отношение к смерти; нравственные императивы оправдания военных действий; пространство войны. Результаты анализа данных категорий формируют представление о «этике войны» нынешних российских солдат. Исследование носит междисциплинарный характер, сочетая в теоретическом плане идеи и подходы военной социологии, теории ценностей и этики. В частности, были учтены особенности так называемых «новых гибридных» войн, трансформации этики в современном обществе, различия идеологического и этического в собранных нарративах. Автор приходит к выводу, что ценностно и этически российские солдаты в определенном смысле находятся в прошлом благодаря крайне актуализированной исторической памяти (где подвиги дедов-прадедов и связь с ними особенно значимы), причем преимущественно это память о советском прошлом: СВО не только отождествляется с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, но и заимствует ее риторику, воспроизводя ее идеологические и этические нарративы.

Ключевые слова: этика; идеология; война и мир; этика войны; актуализированные ценности; специальная военная операция; солдаты; анализ писем; эго-документы

* © Подлесная М.А., 2024

Статья поступила 19.04.2024 г. Статья принята к публикации 14.06.2024 г.

Ключевая идея данного исследования состоит в том, что анализируемые письма солдат СВО к детям не являются сугубо личными материалами, поскольку возникшая переписка — часть общественного и идеологического дискурса, постоянно формируемого событиями СВО. Письма и рисунки детей, отсылаемые бойцам, — часть воспитательной работы учебных заведений, ответы солдат детям также «идеологически» выверены, что неизбежно откладывает свой отпечаток и делает данные материалы особенно интересными для социолога: с одной стороны, в неизбежной идеологической ангажированности писем отражается конструируемое коллективное самосознание; с другой стороны, в письмах представлены актуализированные войной ценности и личные переживания бойцов, ощущающих необходимость высказаться. Социологический аспект исследования выражен в фокусировке на сочетании и переплетении этического и идеологического в вырисовывающихся картинах мира, которые проявляются через письма и другие символические свидетельства возникших (через переписку) социальных отношений между школьниками и бойцами СВО.

Приступая к эмпирической части исследования, мы столкнулись с тем, что применительно к СВО сложно сконструировать концептуальный фрейм, поэтому нам пришлось опираться на несколько подходов: это и дискурс-анализ как общий рефрен, и нарративный анализ писем [13], и биографический анализ (СВО как момент эпифании, когда люди переосмысливают свою жизнь в контексте коллективных идеалов, что однозначно считается в письмах) [12]. Подобное метатеоретизирование, безусловно, усложняет работу с текстами, вынуждая рассматривать их сразу в трех аналитических «оптиках». Кроме того, рассматриваемая проблематика лежит в плоскости как минимум двух дисциплинарных полей — военной социологии и теории ценностей. Анализ соответствующей научной литературы позволил сделать следующие выводы в теоретико-методологической части исследования: во-первых, сформированная к настоящему времени как самостоятельная дисциплина военная социология, основанная на трудах таких авторов, как С. Хантингтон и М. Яновиц, сегодня пересматривает классические трактовки войны, переходя от категории «старые войны» [6. С. 21] к новой терминологии [5]. В частности, под «новыми войнами» понимается прежде всего «конфликт не нескольких национальностей, а борьба партикуляристов против гражданского мультикультурного населения» [15. С. 122]. Кроме того, многочисленные авторы исследуют трансформацию «современной войны» [1], ретроспективно обозначая ее основные вехи, изменения и отличительные признаки, и вводят понятия «гибридные войны» [18] и «новые войны» (в соответствующей литературе второе понятие считается более устойчивым в словаре исследователей войны) [6. С. 76].

Во-вторых, в ходе развития военной социологии постоянно возникают вопросы к ее методологии, поскольку предметом дисциплины, по оценке

отдельных экспертов, остается прежде всего военная организация, а не война как таковая [9. С. 111]. В этом проявляется объективная неспособность социолога исследовать все аспекты войны, включая мир как неотъемлемую ее часть и одну из четырех стадий связанного с ней особого состояния общества (предвоенный период, война, переход к миру (пост-война), мир). В связи с этим предлагается не отмена военной социологии, важность и необходимость которой не вызывают сомнений, но введение более точного обозначения, например, «социология войны и мира», предмет которой шире военной социологии. Сформулировано не только иное название, но и основные методологические принципы, позволяющие изучать войну в ее многообразии и многоаспектности. В первую очередь, это междисциплинарность с системной интеграцией макро- и микро-уровневого анализа, «постдисциплинарность» (актуализируются вызовы для нынешних и последующих поколений) и сочетание индуктивного и дедуктивного познания, т.е. изучение не только самих феноменов («вещь для нас»), но и «ноуменов» («вещь в себе», как она есть) [9. С. 111]. Эти принципы снимают вопрос об ограничениях предметной области военной социологии, помогая изучать войну в ее многоаспектности, в том числе глазами ее участников (военных и мирного населения), не только философствуя о войне [10] (в том числе выявляя ее биологические основания [7] и т.д.), но и замечая ее латентные механизмы.

В-третьих, спектр исследований военной социологии довольно широк: трансформации армии как социального института и военных организаций; военная культура и профессия военного; мотивация военного; транзит от военного к гражданскому статусу после боевых действий; военная и ветеранская идентичность; нормы и ценности, установки на сплочение и военное братство и др. Вместе с тем этическая и идеологическая составляющие войны недостаточно проработаны в эмпирических социологических исследованиях, где в качестве объекта анализа выступают материалы и свидетельства двух сторон — мирных граждан и военных участников — военного конфликта.

В-четвертых, в сфере этики и этического в настоящее время также наблюдаются трансформации. Этика в современном обществе (главным образом в США и Европе) переживает несколько взаимосвязанных процессов: с одной стороны, «субъект в современном обществе должен выстраивать свою этику сам, так как общество не предлагает ему единого стандарта» [8. С. 34], хотя субъект и действует, исходя из существующих норм и императивов, воспринятых им с детства; с другой стороны, именно в ситуации размытого общественного стандарта наблюдается так называемый «всплеск этической рефлексии» [8. С. 28]. В этом смысле этическое сознание оказывается «незавершенным», находится в постоянном становлении, «переводит ситуации из незавершенных в завершенные и обратно» [8. С. 18], зависит от выбора и решения конкретных этических задач субъектом, тем самым определяя и реализуя рисунок его судьбы. В данном контексте этика не столько тео-

ретическое учение или нормативная база, сколько определенный социальный факт и социальная практика, проявления которых мы можем наблюдать в конкретном действии.

В-пятых, мы разделяем этику и идеологию, поскольку последняя тесным образом связана с социальной и политической структурой, экономической системой общества. Более того, используя понятие «идеология», люди имеют в виду конкретную идеологию [4], а не сам концепт, который со времени его родоначальника Д. де Траси [3] претерпел значительные изменения, до сих пор оставаясь под значительным влиянием марксистского прочтения. Так, предложенное Э. Гидденсом определение идеологии также имеет марксистский налет: идеология — это «идеи здравого смысла и широко распространенные в обществе верования, которые служат — часто опосредованно — интересам господствующих групп и легитимируют их позицию» [2. С. 222]. Другая особенность идеологии заключается в том, что она может быть доминирующей, характеризуя соответствующую культурную гегемонию, и транслироваться через образование как один из основных идеологических институтов (А. Грамши), а также через СМИ, религию и массовую культуру (Л. Альтюссер). Этические идеи хотя и могут передаваться через те же институциональные структуры (образование, религия, культура, СМИ), но формируются иначе, в силу своей «незавершенности» и диалектичности как бы помещая субъекта в ситуацию постоянного самоопределения и выбора, где не последнюю роль играет степень и качество его рефлексии. Создается впечатление, что идеология всякую рефлексию отбивает, или, вернее, затачивает на определенный лад, завершая процесс этического будущего в настоящем, утверждая его на тех началах, которые не переработаны индивидом, а предложены ему в качестве безусловных, — так он якобы выполняет «гражданский долг», соответствует «критериям евробезопасности», ценностям «подлинной демократии» и т.д. Причем идеология может быть как открытой, провозглашенной (например, в СССР), так и скрытой, контекстуальной.

Тем не менее, в области построения национального или любого коллективного самосознания у идеологии и этики есть и нечто общее — воспитательная компонента, которая в одном случае помогает усваивать общие ценностно-конструируемые нарративы, а в другом — осмысливать их через сложную систему фильтров, в которую включены и опыт предыдущих поколений, и поисковый запрос нынешних, и личность во всей своей сложности. В статье мы хотели бы избежать априорно негативной оценки идеологии: упоминаемые в тексте идеологические конструкты — не нечто «промывающее мозги», а элементы соответствующей картины мира, предлагаемой главным образом государством (хотя, безусловно, есть и другие господствующие группы) и разделяемой частью населения, поэтому эти конструкты можно и нужно фиксировать. Несомненна многоуровневость освоения и познания мира субъектом — через стадии иде-

ологического и этического осмысления, которые отвечают требованиям социального порядка. По сути, идеологическое — та рамка, которая задает основу сформированной в той или иной степени идентичности группы, а на практике может определять, например, голосование на выборах или коллективную акцию «Бессмертный полк».

Итак, начиная с 2023 года, благодаря обширным связям с волонтерскими организациями, нами был накоплен исследовательский материал, который представлен, с одной стороны, письмами взрослых, помогающих фронту письмами и рисунками детей и школьников, а, с другой стороны, ответными письмами бойцов СВО к детям. Были проанализированы более 200 писем взрослых, 100 детских рисунков из разных школьных организаций, 130 писем детей и более 40 ответов из различных войск и бригад (эго-документы [14]). В статье мы сосредоточимся преимущественно на письмах солдат к детям, написанных в период с мая по сентябрь 2023 года. По ходу представления данных, для их пояснения или предваряя их, мы будем обращаться к рисункам детей и к письмам волонтеров. В рисунках школьников наиболее ярко отражены идеологические нарративы — почти бессознательно дети воспроизводят на бумаге то, что им говорят в школе и семье (в данном случае для нас важны сами транслируемые идеологические нарративы, а не оценка степени их влияния). Безусловно, мы понимаем и признаем ограничения сделанных выводов, которые вытекают из работы с детскими материалами и письмами, особенно учитывая их публичное использование (они явно более идеологичны, чем сугубо личные материалы). В качестве категорий анализа этики войны выступили: отношение к врагу; отношение к убийству; отношение к смерти; нравственные императивы оправдания войны; пространство войны.

Начнем с анализа детских рисунков: были рассмотрены 100 рисунков, в статье для иллюстрации приведены два — они содержат основные, повторяющиеся из рисунка в рисунок маркеры и наиболее ярко воспроизводят идеологические штампы об СВО в пространстве детского творчества. Анализ рисунка используется как дополнительный метод, необходим для иллюстрации того видения войны, которое сформировалось в результате идеологической работы учителей с детьми в школе. Такой анализ в определенной степени дает понимание, кто пишет письма солдатам и с какими представлениями о конфликте (Рис. 1–2). Первое, что привлекает внимание, и это характерно почти для всех проанализированных рисунков, — бескровный характер СВО: нет изображений убийств или смерти. Идеологическая составляющая нарратива об СВО такова, что дети и школьники не воспринимают СВО как пространство массовой гибели бойцов российской армии. В худшем случае это ситуация на первом рисунке — боец ранен и находится в госпитале на лечении. Даже если

изображается бой или военная техника (чаще всего танки), они никогда не подбиты, не в огне, не с окровавленными солдатами. То есть тема смерти и гибели (в отличие от детских рисунков Великой Отечественной войны, которые мы также просматривали) слабо отражена в сегодняшней идеологической риторике. Возможно, это связано со спецификой идеологической работы в школе, где приходится беречь психику детей, но не исключено, что к третьему году СВО, благодаря работе СМИ, в обществе сложилось мнение о конфликте как о военных действиях без массовых потерь со стороны российской армии.

Рис. 1. «Будьте здоровы»

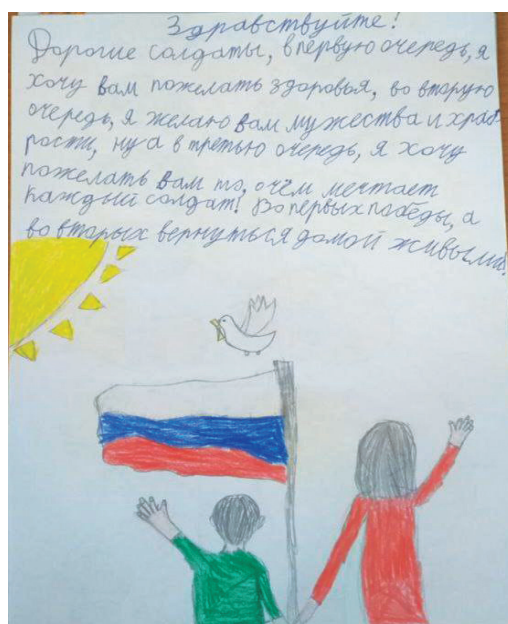

Рис. 2. Прощание

Военная спецоперация на рисунках показана как что-то далекое, происходящее «не здесь». Так, на рисунке 2 мы видим на первом плане стоящих спиной к зрителю женщину и мальчика, машущих в прощальном приветствии кому-то рукой, но впереди нет никого (солдата, отца или брата), и мы можем лишь догадываться, что это кто-то близкий, уходящий на войну. Примечательно, что в руках женщина и ребенок держат российский флаг — символ государственности, часто встречающийся на детских рисунках, отправляемых участникам СВО, что подчеркивает не только популярность флага среди школьников, но и то, что именно триколор символизирует ту государственность, с которой остаются и которую «несут», поддерживают оставшиеся (мать с сыном и в целом граждане). В этом смысле, если верить рисункам учащихся, в школах транслируется еще один нарратив государственной идеологии: воюют не только те, кто ушел «туда», но и остающиеся «здесь» — они отвечают за сохранение государственности. Примечательно, что ситуация условного «прощания» (непонятно, с кем все же прощаются, что само по себе симптоматично) в целом радостная благодаря изображенному солнцу и голубю над флагом, что отсылает к еще одному нарративу о хорошем обществе и хорошем государстве, стремящемся к миру, а не войне (поэтому военные образы и действия в принципе редко присутствуют на рисунках).

Также на детских рисунках часто наблюдается фронтальная линия, отделяющая один мир/пространство от другого. Так, на рисунке 1 пространство больницы разделено не только окнами, в каждом из которых представлен свой символический ряд (со стороны девочки, дарящей желтые цветы раненому бойцу, яркое солнце, со стороны солдата — голубое небо и голубь как символ мира), но и плакатом с изображением красного креста. Редко российский солдат изображается в форме, в бою или среди убитых, более характерна картина, когда боец ранен и о нем заботятся — навещают, приносят цветы, обеспечивают всем необходимым. Бинт на столе на переднем плане и брошенный медицинский халат с повторяющимся знаком красного креста подчеркивают не только эту заботу, но и разграничение пространства войны и мира: мир отвечает и за материальное обеспечение, и за моральную и медицинскую поддержку. Ребенок отобразил характерные для российской идеологии нарративы: в условиях нынешнего мира «здесь» главное не снабжение фронта вооружением (вспомним агитационные плакаты эпохи Великой Отечественной войны, где дети вместе со взрослыми круглосуточно работают на военном производстве для фронта), а укрепление здоровья и морального духа.

В связи с изложенным, для фиксации определенного контраста, приведем часть письма женщины (80 лет), помогающей участникам СВО, которая, как и школьники, решила писать им письма: *«Дорогие мои ребята! ...Я родилась в 1940 году в большой семье, по счету десятая. И не понаслышке знаю о войне, голоде, разрухе. Два моих родных брата воевали и рассказыва-*

ли, как долго они шли к Победе. Вот и сейчас, вы, не жалея себя, боретесь за то, чтобы тысячи людей жили под мирным небом, чтобы дети не были сиротами, чтобы нацизм не пробрался в нашу страну. Вы настоящие герои... Милые мои сыночки, я сейчас инвалид, передвигаюсь с помощью ходунков, ни транспортабельная, нахожусь дома. Но все равно я хочу жить, все это жизнь. Я — «дети войны», вспоминаю 1946–1947 годы, как хотелось есть всегда». Этот отрывок показывает колоссальное различие образов СВО и Великой Отечественной войны: ни голода, ни тягот той войны, о которых вспоминает очевидец послевоенных лет, мы не встречаем в рисунках современных школьников, как и глубоко, лично пережитого понимания, что война — это страшно, и хочется жить в любых обстоятельствах.

Современная война, в частности СВО, действительно иная: применительно к СВО, а не к нынешним войнам вообще новым является то, что в ситуации глобальной включенности в современную войну СМИ, которые стирают границы между миром и войной, мы обнаруживаем, что доступность информации упрощает влияние различных идеологий, тем самым, наоборот, в определенном смысле проводя весьма жесткие границы между миром (тылом) и войной (фронтом), несмотря на значительную помощь волонтеров и сочувствующих россиян. Иными словами, в результате множественного влияния различных идеологий из разных источников отличается не только образ СВО у разных групп (в соответствии с мнением их референтных «других»), но и тяготы СВО распределяются среди населения неравномерно, не будучи для большинства тем же грузом и зоной ответственности, как в период Великой Отечественной войны, когда буквально вся страна встала на защиту родины. «Новый» характер СВО подтверждает и организация экономики, которая даже на третий год СВО не переведена на военные рельсы. Гибридная война имеет и гибридный (ассиметричный) способ организации решений — когда нелинейно, вариативно сочетаются несколько областей управления и население включено в процесс войны избирательно. При этом трудно не согласиться, что «новые войны чаще всего ведутся против гражданского населения» [6. С. 95], что нарушает и перенастраивает триаду прежних отношений «правительство–армия–народ», делая народ активно, но неравномерно включенным в боевые действия и стратегии (так, приграничные территории, по сути, становятся санитарными зонами, а их население — заложниками террористических акций противника). СВО имеет несколько различно сформированных пространств — для ее участников оно формируется иначе, чем для гражданских лиц, и тем более детей: в этих пространствах свои лидеры общественного мнения и свои идеологические и этические нарративы.

Обращаясь к ответам солдат СВО к детям, попробуем отделить идеологическое от этического и определить «этику войны» через тексты ее непосредственных участников. Безусловно, наличие идеологических нарративов

в письмах во многом зависит от авторства — коллективное оно или личное. Письма за подписью «бойцы армии РФ», «командир и бригада», «от всего гранатометного взвода» и т.п. чаще всего содержали идеологические клише; личные письма, хотя и повторяли структуру коллективных (обращение, благодарность, краткое описание жизни на войне, пожелание), зачастую были менее многословны и чаще отсылали к этическим вопросам.

Одна из наиболее ярких установок в письмах состоит в том, что бойцы СВО связывают и отождествляют по задачам данный конфликт с событиями Великой Отечественной войны, используя риторику тех военных лет, например, «враг будет разбит, победа будет за нами» — слова из речи В.М. Молотова, произнесенные 22 июня 1941 года в его обращении к нации. Симптоматично, что ни в одном из проанализированных писем мы не встретили цитаты из речей Президента или членов Правительства РФ, и в целом первые лица страны в письмах не упоминаются. Это в определенной степени тоже особенность нового типа войны, где риторика политических лидеров практически не просматривается в повседневном языке воюющих.

Многие письма объясняют причины СВО и рисуют образ врага: *«Здравствуй, юный друг! В эти непростые для нашей Родины дни, когда поднявший голову фашизм бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с огромными для него потерями, рвется вперед, разоряет наши города и села, грабит и убивает мирное население Донбасса, существует только один выход — объединить усилия всей нашей многонациональной великой России...»*. Данный отрывок коллективного письма наполнен идеологемами: враг отождествляется с «поднявшим голову фашизмом» (что указывает на связь с советским военным прошлым) и представлен не только в образе ожившего ужасного прошлого, но и как активно действующий, атакующий. Наиболее частотной характеристикой врага во всех проанализированных письмах стало нейтральное с точки зрения негативной риторики, но понятное и обобщенное обозначение «оживший фашизм», «украинский неонацизм». Над врагом не иронизируют, ему не дают (по крайней мере в письмах детям) оскорбительных ярлыков и не стигматизируют, т.е. не исключительно ненависть является (по крайней мере судя по письмам) доминирующим чувством к врагу.

Вторая идеологема — страна как Родина с заглавной буквы, «Великая Россия», которая мыслится исключительно как многонациональная. Безусловно, это также отголоски советской эпохи, возможно, советской юности и воспитания, и отчасти той повестки, которая формируется в современной России как ее многонациональная политика: *«Знай, что Великая Победа — это наше общее дело, общее дело всех народов Великой России»*. Кроме того, транслируется идеологический нарратив: «война — общее дело», в ней должны участвовать все без исключения, причем, как будет показано ниже, подобный нарратив настолько значим и часто повторяется, что и, про-

исходя из области идеологических суждений, начинает обретать черты некой этической нормы.

Этот нарратив повторяется и в личных письмах: *«Знай, что Великая Победа над поднявшим голову фашизмом куется не только здесь, на передовой, и не только с помощью оружия, не только на военных заводах, она куется только тогда, когда объединяется вся наша Родина Россия!!! И вы своими письмами и посылками вносите огромный вклад в наше общее дело»*. Видимо, устойчивый нарратив «война — общее дело» — это не только повторение общей идеологемы «старых» войн, но и попытка солдат обозначить связь с миром, показать, что и маленькие участники тыла — часть пространства войны, бойцы, работающие на победу. В ситуации, когда не все население включено в пространство войны, и часть общества ушла в протестные настроения, а солдат убежден, что «война — это общее дело», подобные обращения к детям выглядят как попытка нивелировать гибридность (асимметричность) новой войны и прийти к ее традиционным смыслам и пониманию.

Примечательно, что идеологически сформированное представление об СВО как аналогичной Великой Отечественной войне имеет и свою этическую оценку, которая проявилась в более сложных нарративах, например: *«Еще в XX веке наши деды, прадеды столкнулись с таким же злом, которое практически захватило весь мир. Но наши предки смогли остановить зло и долгие годы мир жил более-менее спокойно. Сейчас зло снова проснулось, и мы с тобой ведем с ним бой»*. Здесь речь идет уже не столько о стране и ее защите, сколько о борьбе добра со злом — отсюда образы «воинов света»: во-первых, это сами солдаты, во-вторых, предыдущие поколения русских солдат («деды и прадеды»). Само повествование письма сказительное (яркое свидетельство — зло как что-то одушевленное, засыпает и потом просыпается), оформляющее сложные, в том числе исторические, события в доступную для ребенка форму, где есть как минимум три пространства повествования: засыпающее и вновь просыпающее зло (по сути, вечное), весь остальной мир, героические пространства предков и нынешних борцов со злом. Интересно, что этические нарративы перемеживаются с идеологическими, например, с часто встречаемым: *«мы повторим подвиг наших дедов и прадедов»*.

Этим объясняется трудноуловимость этического, его малодоступность в условиях идеологического «шума». В идеологеме есть указание на неизбежность одного сценария развития событий — «мы повторим подвиг», и включение в настоящее еще не свершившегося будущего, которое уже определено и известно. В этическом высказывании есть указание на процесс — «мы ведем со злом бой», он не только не завершен, но и конец его не известен, можно только предполагать, что итог будет таким же, как у предыдущих поколений воинов. Более того, в этическом высказывании акцент сделан на бое

как процессе борьбы со злом (который повторяется, потому что зло засыпает-просыпается, в этом смысле предполагаемый бой бесконечен), тогда как в идеологии — на победе. В другом письме за подписью командира стрелкового взвода снайперов, старшего лейтенанта встречаются еще более жесткие формулировки: *«Военная операция, в которой принимаем участие мы, закончится нашей победой, но не закончится битва добра со злом, духовности с жадностью, веры в бога с безверием. Сейчас эту битву ведем мы, потом бороться придется тебе».*

Таким образом, мы постоянно встречаем этическое обоснование войны как борьбы добра со злом, и в этой борьбе обнаруживается преемственность поколений. Зло и добро здесь — категории не идеологические, а этико-онтологические, имеющие в представлениях человека трансцендентные, вневременные характеристики, поэтому и образ врага связывается не столько с фашизмом как с ультра националистической идеологией и соответствующей организацией социальной и политической жизни, сколько с выходящими за пределы социального онтологическими смыслами. В тексте письма с этическими высказываниями наблюдаются и размышления на тему правды. Примечательно, что для прояснения нарратива о правде адресант обращается и к образам киногероев, в частности Данилы Багрова из фильма «Брат–2». Однако этическое в данном случае имеет негативистские черты, которые проявлены как в образе упоминаемого киногероя (Данила Багров на протяжении двух частей фильма убивает «нехороших» людей), так и в обосновании этической нормы адресантом: *«Верь в то, что Победа будет за нами, ведь как говорил герой фильма “Брат-2” Данила Багров: “В чем сила? В том, что за ней правда”. А за нами правда».*

Мы видим довольно интересную коллизию: в письме сила отождествляется с правдой и проявляется в том, что за ней (не впереди или вместе с ней) правда — сначала проявление силы, а затем за ней обнаруживается правда: *«мы обязательно победим, и правда будет только за нами».* Подобная логика чревата тем, что проявленную силу можно оправдать и привязать к этому «затем» любую правду. Возможно, это связано с ошибочным изложением, но прослеживается и особая интерпретация слов киногероя. Данила Багров задает вопрос о том, в чем сила, на протяжении фильма не единожды. Сначала он спрашивает родного брата и получает ответ, что сила в деньгах, а затем отвечает на вопрос сам, общаясь с американцем, которого собирается убить: *«Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда, тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил... И чего? Ты сильнее стал? Нет. Не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда. Значит, он сильнее».* Мы не случайно приводим здесь данный отрывок — это не только культовый фильм, оказавший влияние на целое поколение, но и часто упоминаемый участниками СВО.

Следует отметить, что Данила Багров в своем ответе, с одной стороны, противостоит распространенному мнению об американцах и их этическом идеале, связанном с наживой и деньгами, а, с другой, предлагает свой идеал, что сила в правде, и обманутый тем, за кем нет правды, всегда сильнее. В этом контексте иначе «прочитываются» и многочисленные выступления В.В. Путина, в которых он неоднократно заявляет о позиции России в отношениях с Западом — «нас обманули». Вопрос о силе-правде не рассматривается нами как второстепенный, скорее это базовый русский архетип, поэтому и основные требования, в том числе к президенту и ведению СВО, оказываются в этой этической точке, причем противопоставление правды деньгам (как это звучит в фильме «Брат–2») — в том числе и советская история, где этический идеал — запрос на справедливость.

Помимо нарратива о правде в письмах затрагивается вопрос о том, кто же настоящий солдат, как он формируется, и здесь хороший боец рассматривается как часть и результат коллективного «общего дела»: «...*Солдат должен пройти огромный этап обучения как в школе, так и в армейских подразделениях. Помимо этого, у него должно быть оружие, которое создаст инженер, а рабочий его произведет на заводе. Будучи школьником, который хочет нам помочь, каждый должен стараться в учебе и заниматься спортом...*». Нарратив о «настоящем солдате» не столько об этической норме, сколько об «общем деле», которое объединяет людей и специалистов на самых разных уровнях, в том числе и детей. В проанализированных письмах о военном кодексе и этике солдата на упоминалось, бойцы предпочитают говорить о себе как о «русских солдатах», используя такие обороты, как «*мы солдаты русской армии...*», «*за нашими спинами есть тот, кто живет даже за 1000 километров, думает и переживает за русского солдата!*» и пр. Симптоматично, что участники СВО говорят преимущественно о своей русской, а не российской идентичности, тогда как в школьных рисунках СВО отождествляется с символами российской идентичности.

Этическая компонента часто проявлялась в письмах в формате воспитательных наставлений, например солдат за подписью «дядя Сережа», обращаясь к своему адресату, мальчику, по имени, пишет: «*Пока ты не стал взрослым, твоя боевая задача — слушаться родителей и учителей и получать как можно больше полезных знаний. Своими хорошими знаниями ты укрепляешь свою страну*». Тем самым подчеркивается значение сразу нескольких добродетелей/ценностей — послушания и образования, причем последнее связывается с укреплением страны. И хотя, как отмечается в литературе, «этики долга и самореализации в современном мире стали чисто формальными» [8. С. 30], и на смену им пришла так называемая «новая этика», все же для солдат это опосредованные конструкции,

и по крайней мере в письмах к детям наблюдается обратное — призыв к этикам долга и самореализации. В этом смысле участник СВО в некотором смысле ретроград, приверженец традиционных взглядов, этически не вполне современный, предпочитающий этические нарративы прошлого, в частности советского.

Говоря о формах негативности в этике как неотъемлемом проявлении ее диалектичности, А.В. Магун в качестве одной из наиболее распространенных этик называет «этику этического тождества: делай всегда только одно» [8. С. 117], объясняя логику ее действия с помощью термина из теории музыки — затакт (вступление с неполной доли и своеобразное ее закольцовывание с остающимися долями окончания произведения). При встрече с реальностью такая этика приходит и к своей отрицательной стороне, которая проявляется в том, о чем в свое время писал З. Фрейд, указывая на корреляцию «влечения к смерти» с повторением, замыканием на раннем опыте. Подобные проявления можно отождествить как минимум с конфликтной этикой, как максимум — с сугубо негативной этикой сопротивления жизни [8. С. 117]. В реальности подобной этике тождества необходим баланс добра и зла, прошлого и будущего. Мы обнаруживаем в письмах солдат к детям несколько подчеркнутую связь СВО с травматичной по своим последствиям [11], хотя и победоносной, триумфальной, вдохновляющей к жизни Великой Отечественной войной [16]. Создается впечатление, что в письмах не хватает простора для будущего, которого либо не видят солдаты, либо этот простор намеренно сужается соответствующей идеологией, и тогда фронтовым идеологам следует задуматься о негативной стороне подобного затакта и соответствующей этики. В то же время нарратив о смерти в письмах к детям практически не встречается (только одно письмо-исповедь, эмоционально сильное, затрагивает эту тему), отчего складывается впечатление, что данная тема несколько табуирована, поэтому и негативность может обнаруживаться не сразу.

В своем наставлении другой боец дает ребенку совет этического свойства по поводу того, как жить, чтобы все получалось правильно: *«Любое дело начинай с требований к себе, и тогда все будет получаться правильно»*. Эта этическая установка уже не о коллективной идеологическо-этической норме («война — общее дело»), а о формировании индивидуалистических паттернов поведения, позволяющих любое дело делать и жить правильно. Сегодня подобные этические установки нередко критикуются психологами, в частности за невротизм, который возникает в результате завышенных и постоянных требований к себе, однако в военных условиях, требующих преодоления на грани собственных сил и возможностей, подобный нарратив вполне оправдан.

Таким образом, война в представлениях солдат — это «общее дело», поэтому новый характер СВО, который проявился в том числе в идеологической

неоднородности населения в отношении данного конфликта, бойцам слабо понятен. Более того, ценностно и этически они в определенном смысле находятся в прошлом, с крайне актуализированной исторической памятью (где подвиги дедов-прадедов и связь с ними особенно значимы), причем преимущественно в советском прошлом, не только отождествляя СВО с Великой Отечественной войной, но и используя ее риторику, воспроизводя ее идеологические и этические нарративы.

Как показал проведенный анализ, в письмах достаточно информации, чтобы разглядеть образ врага (как его видят и понимают солдаты), почти ничего не говорится об убийстве как неотъемлемой составляющей войны, и прослеживается определенная табуированность темы смерти. Отчасти это согласуется с образом СВО, представленным на рисунках детей, — военный конфликт где-то «там», без значительного числа жертв. Поэтому не случайно, солдаты в письмах детям не актуализируют тему уничтожения противника и смерти, лишь завуалированно, без конкретики отмечая, что «в это непростое для всей страны время» хотят «пожелать мирного неба и никогда не видеть ужасов войны», «не видеть то, что видим мы» и «чтобы это все побыстрее закончилось» и т.д.

Этическая составляющая наиболее полно проявилась в отношении образа врага, который, с одной стороны, символически связан с советским военным прошлым, а, с другой, со злом как вневременной онтологической категорией. Поэтому СВО не воспринимается солдатами как последний военный конфликт, себя и своих адресатов они представляют как звенья единой поколенческой цепи борьбы добра со злом, чем определяют справедливость и потому оправданность СВО. Примечательно, что зло в нарративах солдат почти одушевленное, поэтому письма имеют черты сказания или мифа с его соответствующими символическими структурами, включая нарратив о «силе-правде». Его обоснованием служат не евангельские тексты, а фильм режиссера А. Балабанова «Брат 2», в котором, видимо, отразились не только поколенческие, но и архетипические для русского солдата смыслы. При этом интерпретируют их участники СВО довольно своеобразно, что указывает в том числе на определенный кризис этического, тем более что источник этических вопросов — кино — сомнителен, учитывая соответствующее законам жанра максимальное упрощение информации. В этом смысле этические нарративы участников СВО больше похожи не на целостную мировоззренческую картину, а на разрозненные фрагменты и идеи прошлого, пока слабо переработанные применительно к современным реалиям. В этом, видимо, отражаются и тенденции развития российского общества, которое после распада СССР все еще находится в процессе сборки и переформатирования — ценностно, этически и онтологически. При этом в письмах солдат СВО детям нет ни строчки ни о «Русском мире» (активно обсуждаемом на Западе [см., напр.: 17] (1)),

ни о «Русской идее», что характеризует таковые как прежде всего теоретические конструкции интеллектуалов, не воспринятые народом в той степени, чтобы отражаться в повседневном дискурсе.

Примечание

- (1) В статье с очевидной идеологической составляющей авторы приходят к выводу, что «На мировой арене Русский мир плохо экспортируется», более того, «после вторжения на Украину происходит обратный эффект — уменьшение Русского мира». Однако идея Русского мира не только плохо экспортируется, но и внутри страны не имеет серьезного идеологического влияния на массы. Это свидетельствует не о том, что русского мира нет (он есть, как есть американский и прочие «миры»), а о том, что у данной идеи как идеологического концепта нет столь мощного основания, чтобы поддерживался большинством. Письма солдат СВО показывают, что ими движет совсем иная идея, нежели идея Русского мира (патриотизм простого россиянина, в том числе непосредственного участника СВО, имеет иной характер).

Библиографический список

1. *Алексеева-Карневали О.А.* Топология войны. Война как «трансформация»: от Клаузевица до советской военной теории. М., 2020.
2. *Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии. М., 2019.
3. *Дестют де Траси А.-Л.-К.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., 2018.
4. Идеологии и генезис ценностей современного общества. СПб., 2016.
5. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., 2015.
6. *Куманьков А.Д.* Война в XXI веке. М., 2020.
7. *Лоренц К.* Агрессия. М., 1994.
8. *Магун А.В.* От триггера к трикстеру. Энциклопедия диалектических наук. Т. 2: Негативность в этике. М., 2022.
9. *Образцов И.В.* Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10.
10. *Снесарев А.* Философия войны. М., 2013.
11. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
12. *Троцук И.В.* О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9.
13. *Троцук И.В.* Нарративный анализ в социологии: подход, метод или метафора? // Практики анализа качественных данных в социальных науках. М., 2023.
14. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межстичниковых диалогах / Под ред. М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. М.–Екатеринбург, 2021.
15. Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред. Б.Н. Кашникова, А.Д. Куманькова. СПб., 2016.
16. *Giesen B.* Triumph and Trauma. Paradigm Publishers, 2004.
17. *Gioe D.V., Styles W.* Vladimir Putin's Russian world turned upside down // Armed Forces & Society. 2024. Vol. 50. No. 2.
18. *Hoffman F., Mattis J.N.* Future warfare: The rise of hybrid warfare // U.S. Naval Institute Proceedings, 2005.
19. *Trotsuk I.* Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war? // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4.

“Ethics” of war in the SMO soldiers’ letters to children*

M.A. Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS,
Bolshaya Andronievskaya St., 5–1, Moscow, 109544, Russia

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Abstract. The special military operation (SMO) has actualized ethical and ideological aspects of war, which led to the corresponding social consequences. One of them is related to the educational-ideological component and manifests itself in the fact that children and schoolchildren began to write letters, send crafts and drawings to soldiers. In turn, these messages gave rise to a response movement in the form of personal and collective letters from soldiers to schoolchildren and “walls of support” made of children’s letters and drawings in dugouts. Thus, there is a kind of correspondence which reflects not only the ideas of civilians on the SMO events but also the soldiers’ “life world” and actualized values — manifested and realized during the SMO and then recorded in its ethical and ideological discourses. The article presents an attempt of an exploratory analysis of ego-documents — letters from soldiers to children — as reflecting ideas about war. The conducted analysis is metatheoretical due to combining discourse analysis (a common refrain), narrative analysis (letters) and biographical analysis (SMO as a kind of a temporary extended epiphany which makes a person rethink one’s life in the context of collective ideals). The main categories of analysis were as follows: attitudes towards enemy; attitudes towards killing; attitudes towards death; moral imperatives for justifying military actions; space of war. The results of the analysis of these categories represent the “ethics of war” typical for today’s Russian soldiers. The conducted study is interdisciplinary due to the theoretical combination of the ideas and approaches of military sociology, theory of values and ethics. In particular, the author mentions features of the so-called “new hybrid” wars, transformations of ethics in the contemporary society, and differences between the ideological and the ethical in collected narratives. The author comes to the conclusion that in terms of values and ethics Russian soldiers are in a certain sense located in the past due to an extremely revived historical memory (feats of grandfathers and great-grandfathers and the connection with them are especially significant), and this is primarily a memory of the Soviet past: the SMO is not only identified with the events of the Great Patriotic War of 1941–1945 but also borrows its rhetoric, reproducing its ideological and ethical narratives.

Key words: ethics; ideology; war and peace; ethics of war; actualized values; special military operation; soldiers; analysis of letters; ego-documents

References

1. Alekseeva-Karnevali O.A. *Topologiya vojny. Vojna kak “transformatsiya”: Ot Clausewitza do sovetskoj voennoj teorii* [Topology of War. War as a “Transformation”: From Clausewitz to the Soviet Military Theory]. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Giddens A., Sutton F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology]. Moscow; 2019. (In Russ.).
3. Destutt de Tracy A.-L.-C. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [Foundations of Ideology. Ideology in the Proper Sense of the Word]. Moscow; 2018. (In Russ.).

* © M.A. Podlesnaia, 2024

The article was submitted on 19.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

4. *Ideologii i genesis tsennostej sovremennogo obshchestva* [Ideologies and Genesis of Values in the Contemporary Society]. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
5. Kaldor M. *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epokhu* [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow; 2015. (In Russ.).
6. Kumankov A.D. *Vojna v XXI veke* [War in the 21st Century]. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. Lorenz K. *Agressiya* [On Aggression]. Moscow; 1994. (In Russ.).
8. Magun A.V. *Ot triggera k triksteru. Entsiklopediya dialekticheskikh nauk. T. 2. Negativnost v etike* [From Trigger to Trickster. Encyclopedia of Dialectical Sciences. Vol. 2. : Negativity in Ethics]. Moscow; 2022. (In Russ.).
9. Obraztsov I.V. *Vojna kak ob`ekt sotsiologicheskogo analiza* [War as an object of sociological analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 10. (In Russ.).
10. Snesev A. *Filosofiya vojny* [Philosophy of War]. Moscow; 2013. (In Russ.).
11. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiej i revolyutsiej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Trauma Society: Between Evolution and Revolution (A Theoretical-Empirical Analysis)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
12. Trotsuk I.V. *O metateoretizirovanii v oblasti analiza tekstovykh dannykh* [Metatheorizing in the sociological study of textual data]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 9. (In Russ.).
13. Trotsuk I.V. *Narrativny analiz v sotsiologii: podkhod, metod ili metafora?* [Narrative analysis in sociology: Approach, method or metaphor?]. *Praktiki analiza kachestvennykh dannykh v sotsialnykh naukah*. Moscow; 2023. (In Russ.).
14. *Ego-dokumenty: Rossiya pervoj poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogah* [Ego-Documents: Russia in the First Half of the 20th Century in the Inter-Source Dialogues]. Ed. by M.A. Litovskaya, N.V. Surzhikova. Moscow–Yekaterinburg; 2021. (In Russ.).
15. *Etika vojny i mira: istoriya i perspektivy issledovaniya* [Ethics of War and Peace: History and Research Prospects]. Ed. by B.N. Kashnikov, A.D. Kumankov. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
16. Giesen B. *Triumph and Trauma*. Paradigm Publishers; 2004.
17. Gioe D.V., Styles W. Vladimir Putin's Russian world turned upside down. *Armed Forces & Society*. 2024; 50 (2).
18. Hoffman F., Mattis J.N. *Future warfare: The rise of hybrid warfare*. *U.S. Naval Institute Proceedings*; 2005.
19. Trotsuk I. *Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war?* *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-632-644

EDN: EBLJAD

«Неформальное» донорство в репродукции: риски и возможности*

Е.О. Нидергаус, М.В. Валеева, И.Г. Полякова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
просп. Ленина, 51, Екатеринбург, 620075, Россия

(e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru; m.v.shcherbakova@urfu.ru; irina.polyakova@urfu.ru)

Аннотация. Статья посвящена изучению мотивации пользователей услуг «неформального» донорства спермы и нового социального явления «сородительство» (co-parenting), которое в социологическом контексте определяется как новая модель родительства — ребенок воспитывается двумя родителями, не состоящими в традиционном браке. Данное явление связано с распространением вспомогательных репродуктивных технологий, в частности донорства гамет, что позволяет реализовать репродуктивные права бесплодным парам и одиноким людям. При этом в процесс рождения и воспитания ребенка включаются «третьи» родители — доноры яйцеклеток или спермы. Сородительство порождает новые социальные отношения, трансформирует традиционные институты семьи и родительства: возникают вопросы о юридическом статусе, правах и обязанностях всех участников, о влиянии такой модели на социализацию ребенка. В современном обществе проблеме бесплодия можно решить благодаря новым репродуктивным технологиям: помимо традиционного поиска доноров (через репродуктивные клиники), в последнее время распространяется альтернативный способ — поиск донора гамет (репродуктивных клеток) на специализированных сайтах в сети Интернет. «Неформальное» донорство гамет отражает глубокие социокультурные сдвиги в отношении репродуктивных технологий, что порождает изменения в моделях родительства, этических норм, социальных установок и ценностей. Авторы провели эмпирическое исследование, объектом которого стала база одного из таких сайтов (N=2960). В результате был составлен социально-демографический профиль пользователя интернет-ресурсов по поиску партнера для совместного зачатия и рождения ребенка в России, выявлены основные мотивы мужчин-доноров и женщин-реципиентов. Результаты исследования указывают на необходимость улучшения доступа к официальным программам с использованием донорского материала и программам с привлечением в родительский проект третьих лиц, разработки этических норм, регулирующих практику «неформального» донорства спермы, и дальнейших исследований в данной области для понимания социальных, этических и психологических последствий «неформального» донорства спермы и разработки эффективных стратегий устранения негативных последствий данной практики.

Ключевые слова: сородительство; вспомогательные репродуктивные технологии; донорство спермы; мотивация донорства спермы; Интернет; новая социальная реальность; традиционные семейные ценности

* © Нидергаус Е.О., Валеева М.В., Полякова И.Г., 2024

Статья поступила в редакцию 16.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Изменение социальной реальности и отношение к новым социальным явлениям всегда интересовали социологов, но вопрос о роли донорства в репродукции человека сегодня привлекает внимание специалистов из разных областей — социологов, психологов, репродуктологов и общественных деятелей, что связано с проблемами бесплодия, которые успешно решаются с помощью новых репродуктивных технологий.

Донорство спермы — одна из распространенных вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих бездетным парам завести ребенка [5]. С социологической точки зрения это и новая форма социальных отношений, связанная с появлением «третьих родителей» [4]. Помимо традиционного способа поиска доноров через репродуктивные клиники в последние годы получает распространение «неформальное» донорство — когда доноры и реципиенты находят друг друга через специализированные интернет-ресурсы [8].

В России за девять месяцев 2022 года было проведено 62,5 тысячи процедур экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), после которых состоялось 30 тысяч родов, что превышает показатель 2012 года в 2,3 раза, а в 2024 году планируется выполнить уже 450 тысяч таких процедур (1). Несмотря на возрастающую доступность репродуктивной помощи в рамках обязательного медицинского страхования (ОМС), в России активно распространяется «неформальное» донорство спермы (вне традиционной медицинской системы), поскольку этот метод не требует обращения в репродуктивные клиники — поиск доноров осуществляется через специализированные сайты и сообщества в социальных сетях [9]. Появление и распространение таких практик исследователи связывают с развитием социальных сетей, высокими затратами на лечение бесплодия, ростом числа одиноких женщин и слабым законодательным регулированием данной сферы. Складывающаяся тенденция «неформального» решения проблемы в конечном счете может привести к неконтролируемому распространению репродуктивного материала одного донора в ограниченном социальном пространстве, а отсутствие должного регулирования и контроля повышает вероятность инцеста, нарушения прав детей и психологических проблем в семьях [3]. Кроме того, «сородительство» как новая модель родительства влечет за собой изменение традиционных семейных ценностей [6] — это совместное воспитание ребенка несколькими лицами, не состоящими в традиционном браке [7].

В России в отношении официального донорства существуют требования, зафиксированные в Приказе Министерства здравоохранения № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 31 июля 2020 года (2), которые должны соблюдаться клиниками, однако в случае с неофициальными донорами невозможно проконтролировать, укладываются ли действия частных лиц в требования министерства. Развитие Интернета как средства

доступа к услугам репродукции позволяет обойти правила медицинских центров, но ставит перед обществом множество этических, психологических, юридических и других вопросов.

Проблема репродуктивного донорства исследуется в основном в контексте юридических и нормативно-правовых аспектов: так, вопреки активному развитию вспомогательных репродуктивных технологий, отсутствует системное нормативное регулирование соответствующих общественных отношений — нормативная база фрагментарна [2]. С юридической точки зрения институт сородительства не замещает традиционный институт семьи, а дополняет ее, позволяя избежать статуса матери-одиночки, однако в нормах права данный статус не закреплен [9], хотя наблюдается ухудшение отношения к зарегистрированному браку [1]. Важно изучать реакции социума на неформальное донорство спермы, мотивацию, установки и ожидания доноров и реципиентов [см., напр.: 4; 10; 11; 15], причины и факторы поиска доноров гамет на интернет-ресурсах [14; 19; 20] и партнеров для сородительства на веб-сайтах [13]. По результатам исследований, выполненных в период активного развития донорства спермы в европейских странах, можно сделать вывод о двух основных типах мотивации потенциальных и реальных доноров мужских гамет: альтруизм — желание помочь одиноким женщинам и парам, имеющим проблемы с зачатием ребенка, и получение финансового вознаграждения [12]. Для реципиентов-женщин основными мотивами поиска донорского материала являются отсутствие партнера для зачатия или невозможность зачатия ребенка с имеющимся партнером. Как правило, реципиентами выступают одинокие женщины [18], однополые пары [16] или разнополые пары, у которых есть проблемы с зачатием ребенка.

Безусловно не все выводы европейских исследователей можно экстраполировать на российскую действительность, однако потребность в изучении данной темы в России очевидна. Цель нашего исследования — выявить корреляции между установками, мотивами и ожиданиями доноров и реципиентов материала для репродукции, осуществляющих поиск партнера на специализированных сайтах в России. Исследование было проведено в 2023 году методом контент-анализа базы одного специализированного сайта, пользователи которого ориентированы на поиск донора спермы, сородительство и даже, несмотря на то что сайт для этого не предназначен, создание семьи. Выборка составила 2960 анкет — с развернутой информацией о доноре/реципиенте по всем разделам, установленным сайтом в русскоязычном сегменте. Метод контент-анализа позволил зафиксировать цели и мотивацию пользователей сайтов по поиску доноров гамет и проанализировать их характеристики. Отобранные анкеты пользователей были разделены на две основные группы: потенциальные доноры (предлагающие услуги донорства) и реципиенты (цель — найти донора для зачатия ребенка).

Помимо изучения формальных характеристик, указанных пользователями в шаблонных анкетах, мы анализировали раздел анкет «о себе», где пользователи подробно описывали цель размещения анкеты на сайте, требования к донору, указывали свои данные и обозначали мотивацию поиска «партнера» на сайте. Были выделены следующие смысловые категории анализа: поиск донора (единицы анализа — «ищу донора», «ищу мужчину для зачатия», «нужен донор спермы» и т.д.); предложение стать донором («стану донором», «помогу с зачатием» и пр.); поиск партнера для сородительства («ищу сородителя», «совместное воспитание детей» и пр.); создание семьи и вступление в брак («создание семьи», «ищу мужа и отца», «ищу жену» и пр.); мотивация доноров (альтруизм, финансовое вознаграждение, продолжение рода); мотивация реципиентов (возможность знакомства с донором, способ зачатия); значимость характеристик сторон друг для друга (внешние данные, личностные качества, состояние здоровья, материальное положение).

Социально-демографический профиль. На сайте представлены анкеты пользователей от 18 до 70 лет, но основная часть — анкеты пользователей среднего возраста (30–45 лет) (81 %). Четкого гендерного разделения на мужские и женские анкеты сайт не предусматривает, поскольку анкету может завести и пара (гетеросексуальная и гомосексуальная). На сайте размещено 50 % анкет женщин, 41 % анкет мужчин и 9 % анкет пар, из которых лишь 1 % — гетеросексуальные пары, 7 % — пары «женщина–женщина» и 1 % — пары «мужчина–мужчина». В официальном браке состоит 15 % зарегистрированных пользователей, 11 % — в неофициальном брачном союзе, 74 % не состоят в браке, что может свидетельствовать о низкой ценности института брака для них или об исчерпании возможностей завести семью и детей традиционным способом (в пользу этой гипотезы говорит то, что 82 % пользователей сайта имеют традиционную сексуальную ориентацию). Уровень образования пользователей достаточно высок: высшее образование имеют 80 %, неоконченное высшее — 6 %, среднее специальное — 11 %, среднее — 2 %, неоконченное среднее — 1 %. Свое материальное положение большинство пользователей оценили как среднее: 79 % имеют работу со средним достатком, 10 % — с немалым достатком, 9 % — с небольшим достатком, 1 % — безработные, 1 % — обучающиеся.

Большинство пользователей в информации о себе отметили, что ведут здоровый образ жизни: 81 % не курят, 29 % не употребляют алкоголь, 61 % употребляют крайне редко, 10 % выпивают алкогольные напитки по важным случаям. Занимаются спортом регулярно 21 % пользователей, 58 % — время от времени. Свое состояние здоровья большинство пользователей (доноры спермы и те, кто ее ищет) по десятибалльной шкале оценивают на 10–18 %, 9–40 %, 8 баллов — 26 %.

Если попытаться нарисовать портрет среднестатистического человека, пытающегося найти донора репродуктивного материала или им стать, то это

будет человек в возрасте от 30 до 45 лет, имеющий высшее образование, не состоящий в официальном браке, с традиционной сексуальной ориентацией и работой со средним достатком, ведущий здоровый образ жизни, без вредных привычек. Данные о себе пользователи заполняют самостоятельно, без верификации, и можно предположить, что либо люди имеют о себе не вполне объективное представление, считая себя лучше, чем есть на самом деле (норма для психически уравновешенного человека), либо мы имеем дело с новой социальной реальностью, где довольно много людей с нормальным социальным статусом и прекрасными репродуктивными данными не могут в традиционном формате (в семье) завести ребенка. Более того, для этой группы проблема продолжения рода стала настолько актуальной и острой, что появились специальные онлайн-ресурсы, помогающие в решении этой проблемы, но не подпадающие ни под социальные нормы, ни под нормы права.

Перейдем к целям размещения анкет на данном интернет-ресурсе, которые мы разделили на следующие основные группы: поиск донора для зачатия ребенка (43 %), предложения услуг доноров (30 %), поиск партнеров для со-родительства (44 %), создание семьи и заключение брака (10 %), поиск суррогатной матери (2 %). Многие пользователи обозначали сразу несколько целей (например, поиск донора и сородительство). Безусловно, цели размещения анкет на сайте отличаются у мужчин и женщин, поскольку мужчины предлагают услуги, а женщины их ищут, но оказалось, что одинокие мужчины и женщины регистрируются не только ради зачатия ребенка, но и для сородительства — совместного воспитания ребенка, не состоя в браке, не имея общего быта и романтических отношений, причем разрыв между мужчинами и женщинами всего 1 % (43 % женщин отметили желаемое сородительство и 42 % мужчин). Это люди, которые готовы совместно воспитывать ребенка, брать на себя ответственность за его содержание и воспитание, но не желающие вступать в брак и вести совместное хозяйство. При таких высоких предпочтениях сородительства мы можем получить новое распространенное социальное явление, отношение к которому в социуме еще не сформировано: никто и нигде не фиксирует, скольким детям (в сородительстве или путем донорства спермы) дал жизнь один мужчина.

Как пользователи сайта представляют себе сородительство, для чего оно им нужно? Возможно, женщинам важно осознание, что о ней и о ее ребенке будет кому позаботится в период временной нетрудоспособности, пока она будет находиться в отпуске по уходу за ребенком, но для чего это мужчине? Если люди, желающие родить ребенка, обратились за помощью на сайт, означает ли это, что возможности появления ребенка традиционным способом (в отношениях, в семье) практически исчерпаны, но ценность семьи в формировании личности ребенка для них важна, иначе зачем «сородительство»? Но как объяснить ребенку, кто этот человек? Какова его роль в жизни ребенка? Записан ли данный мужчина официальным отцом, чтоб нести законную

ответственность за него, или он будет нести ответственность пока есть желание? Если семья считается первичным институтом социализации, то чем будет являться сородительство? Какие социальные нормы и правила усвоит ребенок, воспитываемый в сородительстве? Треть пользователей (32 %) отметили, что контакт будущего ребенка с биологическим отцом желателен, 19 % считают, что контакт возможен, треть не считает этот вопрос важным (31 %), лишь 9 % мужчин и 10 % женщин полагают, что контакт биологического отца с ребенком должен быть исключен (Табл. 1), т.е. значительная часть пользователей, зарегистрированных на данном сайте, не просто ищет донора, а ориентирована на сородительство.

Таблица 1

Представление о контакте биологического отца с ребенком

Отношение к дальнейшим контактам	Мужчины	Женщины	Пары «М+Ж»	Пары «Ж+Ж»	Пары «М+М»
возможен	13 %	25 %	9 %	17 %	13 %
если захочет мать	10 %	3 %	9 %	2 %	4 %
если захочет ребенок	1 %	2 %		1 %	
желателен	39 %	26 %		33 %	78 %
исключен	9 %	10 %	72 %	21 %	
не важно	28 %	35 %	9 %	27 %	4 %

Мотивация интернет-доноров. Традиционный мотив донорства, который зачастую упоминается в научной литературе, — получение финансового вознаграждения, поэтому в нашем исследовании мы обратили внимание на мнения пользователей об оплате услуг (если речь идет о донорстве спермы). Выяснилось, что для 55 % мужчин этот момент не значим: 33 % готовы проводить процедуру без оплаты, 8 % — финансово помогать будущему ребенку и матери, и только 3 % считают, что труд донора должен быть оплачен, а 1 % отмечает, что им нужна только оплата проезда, если зачатие происходит не в городе проживания донора (Рис. 1), т.е. на специализированных сайтах доноры размещают объявления, не руководствуясь финансовыми мотивами. Вероятно, для получения прибыли от сдачи генетического материала доноры обращаются в репродуктивные клиники. Важный мотив донорства — желание помочь (27 %), и в объявлениях доноры писали: «готов помочь в зачатии»; «хотел бы помочь с созданием ребенка нормальной женщине»; «помогу с зачатием ребенка, рассматриваю все варианты зачатия». Еще один значимый мотив — желание продолжить род посредством передачи своего генетического материала (16 %), например: «я последний из своего рода мужчина, поэтому необходим наследник»; «предлагаю донорство, хочу продолжения рода». Часть мужчин хотят стать донорами, поскольку считают свой генетический

материал очень «качественным»: «имею хорошую генетику, готов помочь в рождении ребенка», «имею отношение к северянам (варягам)... семью завести не могу, а потомство оставить нужно», «имею очень хорошую наследственность, а детьми пока не обзавелся».

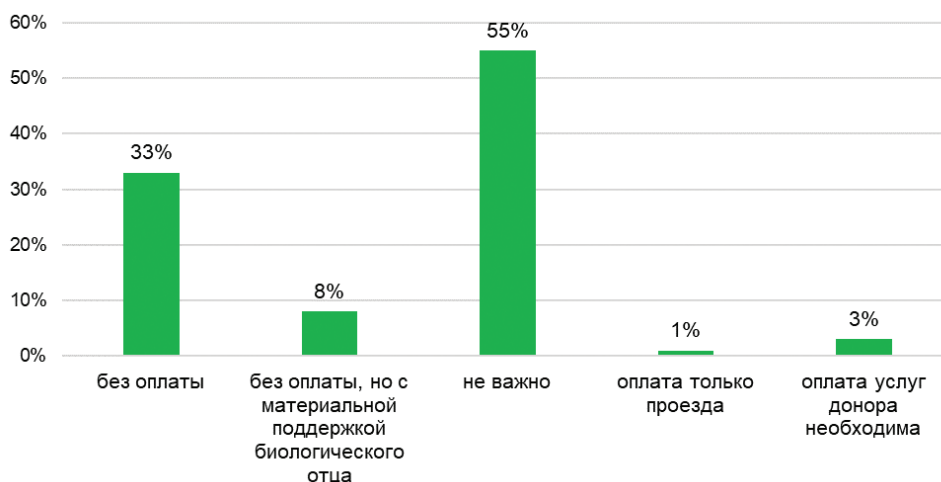

Рис. 1. Отношение к оплате услуг донора

Чаще всего потенциальные доноры в разделе анкеты о себе всячески подчеркивают свои достоинства: «взрослый и адекватный, без вредных привычек»; «рост 171, вес 77; без жилищных и материальных проблем; ипотекой и кредитами не обременен; наследственные и психологические болезни в роду отсутствуют»; «высшее образование, коммуникабелен, стрессоустойчив, отличная физическая форма, оперативно решаю проблемы, в компрометирующих связях замечен не был, верен, чисто плотен»; «два высших образования, люблю детей, добрый, надежный, хорошо воспитан».

Мотивация реципиентов — пользователей, которые приняли решение искать доноров на специализированных сайтах, а не в репродуктивных клиниках. Данная категория пользователей самая многочисленная, в соответствующих анкетах чаще всего были указаны конкретные запросы: «ищу мужчину для зачатия ребенка»; «ищу донора»; «в поисках донора для помощи в зачатии». Один из основных мотивов реципиентов — возможность лично познакомиться с донором и принять решение о зачатии ребенка от конкретного человека (23 %): «ищу порядочного мужчину, без вредных привычек, приятной внешности, здорового психически и физически, традиционной сексуальной ориентации, который станет биологическим отцом моего ребенка»; «хочу деток, муж не может иметь детей, на донора согласен»; «год назад готовилась к искусственной инсеминации в клинике, но так и не решилась на анонимного донора»; «девушка без вредных привычек, с высшим образованием, крепко стоящая на ногах, ищет надежного, обеспеченного и любя-

щего папу для будущего ребенка, который сможет сохранять дружеско-партнерские отношения с мамой, не претендуя на большее». Многие реципиенты нацелены на донорство с возможным сородительством (26 %): «познакомимся с геем или парой м+м для зачатия ребенка (искусственная инсеминация), с последующим участием в его жизни»; «буду рада знакомству с мужчиной для зачатия ребенка, возможно дальнейшее участие мужчины в воспитании ребенка»; или же исключительно на донорство (10 %): «ищу донора без участия воспитания и любого общения»; «привлекательная пара девушек желает завести ребенка... контакт с ребенком исключен».

Еще один мотив — зачатие ребенка естественным путем при отсутствии партнера (11 %), что также возможно при непосредственном контакте с донором: «ищу донора для зачатия естественным путем»; «не исключаю оплаты услуг донора, зачатие естественным путем». Часть реципиентов планируют провести искусственную инсеминацию в домашних условиях (4 %): «ищем донора, только искусственно дома»; «ищу донора для зачатия здорового малыша... в домашних условиях без контакта».

В анкетах указываются определенные требования к потенциальным донорам, причем относящиеся как к внешнему виду и образу жизни («ищу симпатичного мужчину для зачатия малыша»; «ищу мужчину без вредных привычек, приятной внешности, традиционной сексуальной ориентации», «высокого, желателен светлоглазого мужчину» — 21 %), так и к личностным качествам («в мужчине важны... оптимизм, мужественность, порядочность, чистоплотность»; «в поиске порядочного мужчины для зачатия ребенка» — 23 %). Нередко отдельно перечислены требования к физическому состоянию донора (24 %): «без вредных хронических привычек и болезней... резус-фактор положительный, а также наличие необходимых справок и анализов»; «здоровье и отсутствие зависимостей — обязательный критерий»; «я в поиске здорового адекватного донора» и т. д.

Некоторые реципиенты указывают и информацию о себе: «состою в стабильных отношениях ж+ж, привлекательная, здоровая девушка, без вредных привычек и зависимостей»; «москвичка без вредных привычек, жилищных проблем, люблю активный отдых, спорт, увлекаюсь танцами, горными лыжами и вообще не чужда зимним видам спорта». В запросах на поиск донора упоминается и возможность нетрадиционной сексуальной ориентации: «я ищу симпатичного парня нетрадиционной ориентации, который готов стать папой»; «ищу парня (гея) для рождения ребенка». Подавляющее большинство тех, кто ищет донора, — одинокие женщины (85 %), реже это пары женщин нетрадиционной сексуальной ориентации (13 %) и семейные пары, которые не могут иметь детей по разным причинам (2 %). Достаточно редко реципиенты упоминают заинтересованность в материальной поддержке будущего отца своего ребенка (6 %): «очень неспешно ищу мужчину, который заинтересован в сородительстве, без романтических отношений... также важна материаль-

ная возможность оплачивать необходимые расходы на ребенка во время планирования, беременности и, конечно же, непосредственно после рождения»; «хотела бы встретить мужчину, готового создать ребенка... необходима материальная помощь на ребенка и частично меня, первые года три точно».

Таким образом, российское отношение к неформальному донорству схоже с зарубежным, но прослеживаются и различия: например, большинство британских женщин, пользователей специализированного сайта, ищут только донора и исключают дальнейший контакт с биологическим отцом будущего ребенка [17], в то время как большинство российских женщин в аналогичной ситуации считают общение с мужчиной желательным. Среди доноров и реципиентов в России большинство хотели бы в дальнейшем обеспечить контакт своего будущего ребенка с биологическим отцом или как минимум не против такого контакта на определенных условиях, т.е. речь идет о так называемом «сородительстве» — совместном воспитании ребенка без создания семьи.

Мужчины-доноры практически не предъявляют требований к внешним данным реципиентов (но склонны подробно описывать собственные достоинства) и в целом более «толерантны» к социально-демографическим характеристикам будущих мам своих детей, тогда как женщины четко формулируют требования к биологическому отцу своего будущего ребенка (внешность, личностные качества, уровень образования, материальное положение), поэтому многие стремятся познакомиться с будущим отцом ребенка лично через специализированные сайты. Основными мотивами мужчин-доноров являются альтруизм и желание продолжить свой род, имея возможность участвовать в воспитании наследника, — эти мотивы значительно более важны, чем финансовая выгода.

Ситуация зачатия и рождения ребенка посредством общения сторон через веб-сайты без создания семьи и совместного проживания стала новой для России и социально неоднозначной, поскольку существуют серьезные риски передачи некачественного генетического материала и заболеваний, появления мошенников или недобросовестных доноров, преследующих корыстные мотивы. Данная деятельность не контролируется государством, поэтому нет никаких гарантий соблюдения в онлайн-среде рекомендуемого Министерством здравоохранения норматива рождения от одного донора не более 20 детей на 800 тысяч населения. Безусловно, у рассматриваемой неформальной практики есть свои преимущества (одинокие люди имеют больше возможностей родить желанного ребенка, в случае сородительства ребенок получает ресурсы и поддержку обоих родителей), однако незащищенность детей, рожденных при помощи неформального донорства спермы, как с точки зрения закона, так и социального восприятия требует дальнейшего научного изучения и общественного обсуждения.

Примечания

- (1) Национальный проект «Демография» // URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/proyti-besplatno-protseduru-eko>.
- (2) Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // URL: <https://base.garant.ru/74776088>.

Библиографический список

1. *Аргунова Е.В.* Динамика репродуктивных установок петербурженок фертильного возраста (2011–2021) // Социологические исследования. 2023. № 7.
2. *Богданова Е.Е., Белова Д.А.* Концептуальные основы совершенствования законодательства о вспомогательных репродуктивных технологиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 6.
3. *Гасанов Р.М., Елисеев С.А.* Правовое регулирование донорства репродуктивных клеток: новые вызовы и риски // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2.
4. *Киричек Е.В.* Социальные аспекты использования вспомогательных репродуктивных технологий // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1.
5. *Меццьякова Е.И., Александрова Н.А.* Донорство спермы в контексте вспомогательных репродуктивных технологий: социально-правовые аспекты // Семейное и жилищное право. 2020. № 1.
6. *Трусова А.В., Шулянская И.В., Русина Н.А.* Социально-психологические аспекты сородительства // Семейная психология и семейная терапия. 2020. № 3.
7. *Целуйко В.М.* Трансформация института семьи и родительства в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2.
8. *Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л.* Новые родительские практики в современной России: альтернативные формы родительства // Социологические исследования. 2016. № 1.
9. *Шеяфетдинова Н.А.* Сородительство как новая тенденция в социальных отношениях и правовой культуре России // Право, экономика и управление: актуальные вопросы. 2020. № 1.
10. *Bossetta E.R., Janssens P.M.W., Treucker G.L., Landwehr F., van Duinen K., Nap A.W., Geenen R.* An inventory of reasons for sperm donation in formal versus informal settings // Human Fertility. 2014. Vol. 17. No. 1.
11. *Van den Broeck U., Vandermeeren M., Vanderschueren D., Enzlin P., Demyttenaere K., D'Hooghe T.* A systematic review of sperm donors: Demographic characteristics, attitudes, motives and experiences of the process of sperm donation // Human Reproduction Update. 2013. Vol. 19. No. 1.
12. *Freeman T., Jadva V., Tranfield E., Golombok S.* Online sperm donation: A survey of the demographic characteristics, motivations, preferences and experiences of sperm donors on a connection website // Human Reproduction. 2016. Vol. 31. No. 9.
13. *Jadva V., Freeman T., Tranfield E., Golombok S.* 'Friendly allies in raising a child': A survey of men and women seeking elective co-parenting arrangements via an online connection website // Human Reproduction. 2015. Vol. 30. No. 8.
14. *Jadva V., Freeman T., Tranfield E., Golombok S.* Why search for a sperm donor online? The experiences of women searching for and contacting sperm donors on the Internet // Human Fertility. 2017. Vol. 21. No. 2.
15. *Lavoie K., Côté I., Montigny F.* Assisted reproduction in the digital age: Stories of Canadian sperm donors offering their gametes online via introduction websites // Journal of Men Studies. 2017. Vol. 26. No. 3.

16. *Ravelingien A., Provoost V., Wyverkens E., Buysse A., De Sutter P., Pennings G.* Lesbian couples' views about and experiences of not being able to choose their sperm donor // *Culture, Health & Sexuality*. 2015. Vol. 17. No. 5.
17. *Riggs D.W., Russell L.* Characteristics of men willing to act as sperm donors in the context of identity-release legislation // *Human Reproduction*. 2010. Vol. 26. No. 1.
18. *Volgsten H., Schmidt L.* Motherhood through medically assisted reproduction — characteristics and motivations of Swedish single mothers by choice // *Human Fertility*. 2019. Vol. 24. No. 3.
19. *Whyte S., Torgler B.* Determinants of online sperm donor success: How women choose // *Applied Economics Letters*. 2016. Vol. 23. No. 8.
20. *Woesternburg N.O.M., Winter H.B., Janssens P.M.W.* What motivates men to offer sperm donation via the Internet // *Psychology, Health & Medicine*. 2015. Vol. 21. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-632-644

EDN: EBLJAD

“Informal” donation in reproduction: Risks and opportunities*

E.O. Nidergaus, M.V. Valeeva, I.G. Polyakova

Ural Federal University named after the first President of Russia Boris N. Yeltsin,
Lenina Prosp., 51, Yekaterinburg, 620075, Russia

(e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru; m.v.shcherbakova@urfu.ru; irina.polyakova@urfu.ru)

Abstract. The article considers motivation of users of the “informal” sperm donation services and the new social phenomenon of ‘co-parenting’ which is defined in the sociological context as a new model of parenting — when a child is raised by two parents who are not in a traditional marriage. This new social phenomenon is associated with the spread of assisted reproductive technologies, in particular gamete donation, which allows infertile couples and single people to realize their reproductive rights. At the same time, ‘third’ parents (donors) can be involved in both giving birth and raising a child. Co-parenting creates new social relations and transforms traditional institutions of family and parenthood, raising questions about the legal status, rights and responsibilities of all participants, and about the impact of such a parenting model on socialization. In the contemporary society, the problem of infertility can be solved with new reproductive technologies: in addition to the traditional search for donors (through reproductive clinics), an alternative method has recently become widespread — the search for a donor of gametes (reproductive cells) on specialized websites. “Informal” gamete donation reflects deep social-cultural shifts in relation to reproductive technologies, which generates changes in parenting models, ethical norms, social attitudes and values. The authors conducted an empirical study, the object of which was the database of one such website (N=2960). This study allowed to present a social-demographic profile of the user of specialized Internet resources for finding a partner for joint childbirth in Russia, and the main motives of male donors and female recipients were identified. The results indicate the need for the improved access to formal donor programs and programs

* © E.O. Nidergaus, M.V. Valeeva, I.G. Polyakova, 2024

The article was submitted on 16.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

involving third parties in the parenting project, for the development of ethical standards regulating practices of “informal” sperm donation, and for further research to identify social, ethical and psychological consequences of “informal” sperm donation and effective strategies to eliminate negative consequences of this practice.

Key words: co-parenting; assisted reproductive technologies; sperm donation; motivation for sperm donation; Internet; new social reality; traditional family values

References

1. Argunova E.V. Dinamika reproduktivnykh ustanovok peterburzhenok fertilnogo vozrasta (2011–2021) [Dynamics of the reproductive attitudes of Saint Petersburg women of fertile age (2011–2021)]. *Sociological Studies*. 2023; 7. (In Russ.).
2. Bogdanova E.E., Belova D.A. Kontseptualnye osnovy sovershenstvovaniya zakonodatelstva o vspomogatelnykh reproduktivnykh tekhnologiyah [Conceptual basis for improving legislation on assisted reproductive technologies]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2020; 6. (In Russ.).
3. Gasanov R.M., Eliseev S.A. Pravovoe regulirovanie donorstva reproduktivnykh kletok: novye vyzovy i riski [Legal regulation of reproductive cell donation: New challenges and risks]. *Bulletin of Economic Security*. 2019; 2. (In Russ.).
4. Kirichuk E.V. Sotsialnye aspekty ispolzovaniya vspomogatelnykh reproduktivnykh tekhnologiy [Social aspects of the use of assisted reproductive technologies]. *Journal of Social Policy Research*. 2016; 14. (In Russ.).
5. Meshcheryakova E.I., Aleksandrova N.A. Donorstvo spermy v kontekste vspomogatelnykh reproduktivnykh tekhnologiy: sotsialno-pravovye aspekty [Sperm donation in the context of assisted reproductive technologies: Social-legal aspects]. *Family and Housing Legislation*. 2020; 1. (In Russ.).
6. Trusova A.V., Shulyanska I.V., Rusina N.A. Sotsialno-psikhologicheskie aspekty soroditelstva [Social-psychological aspects of co-parenting]. *Family Psychology and Family Therapy*. 2020; 3. (In Russ.).
7. Tseluiko V.M. Transformatsiya instituta sem'yi i roditelstva v sovremennom rossiyskom obshchestve [Transformation of the institution of family and parenthood in the contemporary Russian society]. *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*. 2018; 2. (In Russ.).
8. Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. Novye roditelskie praktiki v sovremennoy Rossii: alternativnye formy roditelstva [New parenting practices in contemporary Russia: Alternative forms of parenthood]. *Sociological Studies*. 2016; 1. (In Russ.).
9. Sheyafetdinova N.A. Soroditelstvo kak novaya tendentsiya v sotsialnykh otnosheniyah i pravovoy kulture Rossii [Co-parenting as a new trend in social relations and legal culture of Russia]. *Law, Economics and Management: Current Issues*. 2020. 1. (In Russ.).
10. Bossema E.R., Janssens P.M.W., Treucker G.L., Landwehr F., van Duinen K., Nap A.W., Geenen R. An inventory of reasons for sperm donation in formal versus informal settings. *Human Fertility*. 2014; 17 (1).
11. Van den Broeck U., Vandermeeren M., Vanderschueren D., Enzlin P., Demyttenaere K., D'Hooghe T. A systematic review of sperm donors: Demographic characteristics, attitudes, motives and experiences of the process of sperm donation. *Human Reproduction Update*. 2013; 19 (1).
12. Freeman T., Jadva V., Tranfield E., Golombok S. Online sperm donation: A survey of the demographic characteristics, motivations, preferences and experiences of sperm donors on a connection website. *Human Reproduction*. 2016; 31 (9).
13. Jadva V., Freeman T., Tranfield E., Golombok S. ‘Friendly allies in raising a child’: A survey of men and women seeking elective co-parenting arrangements via an online connection website. *Human Reproduction*. 2015; 30 (8).

14. Jadvá V., Freeman T., Tranfield E., Golombok S. Why search for a sperm donor online? The experiences of women searching for and contacting sperm donors on the Internet. *Human Fertility*. 2017; 21 (2).
15. Lavoie K., Côté I., Montigny F. Assisted reproduction in the digital age: Stories of Canadian sperm donors offering their gametes online via introduction websites. *Journal of Men Studies*. 2017; 26 (3).
16. Ravelingien A., Provoost V., Wyverkens E., Buysse A., De Sutter P., Pennings G. Lesbian couples' views about and experiences of not being able to choose their sperm donor. *Culture, Health & Sexuality*. 2015; 17 (5).
17. Riggs D.W., Russell L. Characteristics of men willing to act as sperm donors in the context of identity-release legislation. *Human Reproduction*. 2010; 26 (1).
18. Volgsten H., Schmidt L. Motherhood through medically assisted reproduction — characteristics and motivations of Swedish single mothers by choice. *Human Fertility*. 2019; 24 (3).
19. Whyte S., Torgler B. Determinants of online sperm donor success: How women choose. *Applied Economics Letters*. 2016; 23 (8).
20. Woesternburg N.O.M., Winter H.B., Janssens P.M.W. What motivates men to offer sperm donation via the Internet. *Psychology, Health & Medicine*. 2015; 21 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-645-659

EDN: DYYECM

Риски инфицирования вирусом иммунодефицита человека: социологическая оценка*

И.Б. Назарова, Р.С. Нестеров

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Институт социально-экономических проблем народонаселения,
им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
Нахимовский просп., 32, Москва, 117218, Россия,

(e-mail: inna-nazarova@mail.ru; rnesterov100@gmail.com)

Аннотация. Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) — сложное социально-значимое заболевание, связанное с рисками преимущественно для представителей групп, практикующих девиантное поведение и нуждающихся в особом внимании государства и общества. В рамках концепции риска в статье представлена комплексная характеристика представителей группы повышенного риска в отношении ВИЧ-инфекции, включая их состояние здоровья, особенности поведения, виды, сочетание и восприятие рисков, что позволит более оптимально выстраивать работу социальных и медицинских служб с такими группами. Статья основана на результатах эмпирического исследования, проведенного в 2022 году: было опрошено 3792 клиента благотворительного фонда «Поддержки социальных инициатив и общественного здравоохранения» в рамках профилактической работы по ВИЧ-инфекции среди представителей групп повышенного риска. Значительную часть клиентов фонда составляют люди моложе 22 лет (25 %). Основные их риски были разделены на риски состояния и риски поведения. К индивидуальным рискам состояния были отнесены: заболевание в настоящем и прошлом (выявлена инфекция или несколько инфекций, включая ВИЧ, у 29 %), отсутствие работы (21 %), сложное материальное положение (9 %); у иностранных граждан — также отсутствие гражданства (24 %) и незнание русского языка (5 %). Риски поведения — действия, ведущие к потере здоровья, или бездействию в отношении защиты здоровья: употребляют наркотики 15 % клиентов (включая использование общего оборудования при инъекционном потреблении), большинства (76 %) сознательно соглашаются на незащищенный секс и имеют множество сексуальных партнеров (среднее число партнеров — 21 человек за год). В целом представителям групп повышенного риска свойственно недооценивать свои риски, причем информированность не является решающим позитивным фактором — изменения поведения на менее рискованное. Длительная практика рискованного поведения и знания о рисках и мерах защиты могут негативно менять представления о рисках. Клиентам с опытом рискованного поведения риски представляются менее опасными или отрицаются в принципе, что выступает дополнительным риском как для человека, так и для его партнеров.

* © Назарова И.Б., Нестеров Р.С., 2024

Статья поступила в редакцию 24.11.2023. Статья принята к публикации 20.05.2024.

Ключевые слова: риск; рискованное поведение; информированность; здоровье; ВИЧ; некоммерческие организации (НКО); риск-группы; социологический опрос

Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), синдром иммунодефицита (СПИД) являются сложными социально-значимыми заболеваниями, которые нередко связаны с рискованным поведением. Согласно официальным статистическим данным, проблема ВИЧ/СПИДа предельно актуальна в России: в 2022 году состояло под наблюдением 858,7 тысяч человек (в 2021 году — 819,7), взято под наблюдение больных с диагнозом, установленным впервые в жизни — 56 тысяч (в 2021 году — 58,8); в 2021 году в России число умерших в результате болезни, вызванной ВИЧ, составило 16914 человек, из них большинство — городские жители (13616). Проблема исследования ВИЧ-инфицированных состоит в том, что представители риск-групп нуждаются в особом внимании со стороны профессионалов — медицинских работников и других специалистов, однако трудно выявляемы и достижимы, сложны для обследования и профилактики инфицирования. Представители риск-групп нередко имеют нескольких социальных заболеваний, во многом обусловленных поведением [28], причем состав группы, риски и пути передачи инфекции постоянно меняются [19; 20].

Под рискованным мы понимаем социальное поведение, способное привести к неблагоприятным последствиям для здоровья, безопасности и благополучия человека, а также окружающих его людей. Риски могут быть коммуницируемыми и некоммуницируемыми [10], т.е. возникать во время взаимодействия. Риском является не только действие (поведение), но и бездействие, ведущее к негативным последствиям — ущербу [5]. Риски могут быть видимыми и невидимыми, т.е. индивид может не знать о них [4]. У риска есть степень, его можно измерить — от небольшого риска, значительного, сопряженного с опасностью и до катастрофы. Отрицание риска — также риск. Люди воспринимают риск, оценивают, соглашаются на него и отбирают риски (один риск учитывается, а другой — нет, отбором управляют определенные социальные факторы) [10]. Возможный ущерб следует избегать, даже если не известно, будет он иметь место или нет. Следует отличать риск от опасности на основе временных и социальных измерений: знание о проблеме позволяет перемещать ее из сферы опасности в сферу риска, тем самым понятие риска связывает настоящее и будущее [11].

Риск нередко связан с социально неодобряемым, неправовым поведением, ущербом, нарушением культурных норм и традиций [30]. В оценке восприятия риска и согласия на риск важную роль играет добровольность (или нет) попадания человека в опасные ситуации и готовность держать под контролем последствия своего поведения. Риск в поведении человека связывается с принятием решения, выбором вариантов поведения в неопределенной ситуации, с действием наудачу или повышенной вероятностью отрицательных

последствий [12]. Риск связан с возможностью определенного последствия (события), его вероятными масштабами и зависит от ценности события [30].

Группы возможного риска заражения (передачи) ВИЧ-инфекцией определены на государственном уровне и подлежат обязательному обследованию, включая лиц, находящихся в особых условиях или сложной ситуации, лиц с особым социально-демографическим статусом или практикующих девиантное поведение. К особым условиям относится коммуникация на близком расстоянии членов большой группы, что способствует быстрому распространению инфекции, поэтому проверяют лиц при призыве на военную службу, поступающих в военно-учебные заведения и находящиеся в местах лишения свободы [3]. В сложной жизненной ситуации, например аварийной, влекущей к попаданию крови и биологических жидкостей под кожу, на кожу и слизистые, могут оказаться медицинские работники и сотрудники служб спасения [22]. Лица в особом состоянии — это беременные, поскольку мать и ребенок находятся под особой защитой государства, необходима гарантия их статуса здоровья [22]. Лица с особым социально-демографическим статусом — это иностранные граждане и лица без гражданства, поскольку им не доступна медицинская помощь наравне с гражданами. Лица, практикующие девиантное поведение, — употребляющие психоактивные вещества, занимающиеся проституцией, состоящие в нетрадиционных сексуальных отношениях [17]. Носители инфекции — больные с клиническими проявлениями ВИЧ-инфекции, СПИД-индикаторных заболеваний; с подозрением или подтвержденным диагнозом заболеваний, передаваемых половым путем (ИППП); гепатита В или С [20; 23].

Вместе с тем не все представители указанных групп знают о рисках и согласны добровольно пройти обследование, т.е. невозможно выявить всех людей, подверженных риску, и назвать их точное число. Кроме того, в некоторых сферах риски уменьшились, сохранились, увеличились или получили новую окраску, например, изменились пути передачи инфекции: до 1997 года заражались прежде всего в результате гомосексуального контакта, затем — в результате парентерального при употреблении наркотиков, т.е. сегодня доминируют два пути — парентеральный и сексуальный [8].

Анализ поведения или положения риск-групп в отношении ВИЧ-инфекции позволяет выделить несколько типов рисков: позитивный риск (осознанный или неосознанный), пассивный (характеризует людей, которые случайно оказались в ситуации воздействия внешних факторов риска) и негативный (осознанное рискованное поведение, которое приводит человека к причинению вреда здоровью). Позитивный риск связан с участием в социально-одобряемой деятельности. Люди, осознанно идут на данный риск ради высокой цели — помощи другим, реже — ради самопомощи (средств к существованию). Речь может идти о профессионалах, которые рискуют в силу должностных обязанностей, например, это медицинские работники, имею-

щие дело с больными ВИЧ-инфекцией или инфицированным материалом. Такой риск некоторые авторы называют объективным, относя к нему помимо опасных профессий и некоторые виды спорта [27].

Пассивный риск характерен для субъекта, находящегося в ситуации необходимости принять риск. Часть носителей ВИЧ или больных СПИДом получили такой статус, не предпринимая рискованных действий, прежде всего, это доноры (крови, биологических жидкостей, органов и тканей), дети ВИЧ-позитивных матерей, дети с диагнозом ВИЧ-инфекция, установленным до 18 лет. Возможно, последних следует отнести к группе людей с неосознанным риском, поскольку в молодом возрасте люди не могут в полной степени осознать все риски поведения, способные нанести ущерб здоровью. По доступным данным на 2020 год общее количество детей с диагнозом ВИЧ-инфекция, установленным в возрасте до 18 лет, составило 33233, до 15 лет — 11998; общее число детей, инфицированных от ВИЧ-позитивных матерей, с подтвержденным диагнозом ВИЧ-инфекция — 9893 [19]. Очевидно, что в период с 15 до 18 лет группа детей с диагнозом ВИЧ-инфекция практически утраивается: в этом возрасте дети и подростки начинают активно вступать во взрослую жизнь и рисковать, не имея информации о возможности получить инфекцию или подвергаясь насилию, в том числе в некоторых случаях переходя в группу осознанного негативного риска.

Рискованное поведение приписывается прежде всего неадаптированным социальным группам, в том числе подросткам и молодежи [9]. У подростков отсутствует жизненный опыт, они могут действовать и принимать решения в ситуации неопределенности [12]. В подростковой среде множество рисков, а типы рискованного поведения могут сочетаться и усиливать негативные последствия [26]. Рискованное поведение проявляется в разных сферах жизнедеятельности, часто связано с нарушением социальных норм и правил, а также с отсутствием здравого смысла и осознания последствий своих действий [25]. Молодым людям свойственно искать острые ощущения и принимать импульсивные решения, в том числе в сексуальных отношениях [31]. Молодые, не имеющие жизненного опыта, не могут в полной мере оценить свою уязвимость [35]. Рискованное поведение часто проявляется, когда несколько факторов риска воздействуют одновременно и усиливают друг друга [25]. Помимо факторов, ведущих к рискованному поведению, важны конкретная ситуация и личность человека [24]. Негативное социальное окружение может поддерживать рискованное поведение, а личностные характеристики (низкое ожидание успеха, низкая самооценка) усиливают риски [7].

Исследование сетей групп риска ВИЧ-инфекции (потребителей инъекционных наркотиков и лиц, занимающихся проституцией) показало, что ИППП — фактор риска ВИЧ-инфекции, повышает риск заражения в 1,5–2 раза (эффект кумулятивен). Кроме того, в группе риска пересекаются сексуальные сети, по которым распространяются возбудители

ИППП, что приводит к росту случаев инфицирования разыми возбудителями [18]. В целом для ВИЧ-инфицированных в качестве рискованного поведения, помимо потребления алкоголя и наркотиков, выступает сексуальное поведение — множество партнеров, случайные контакты, незащищенный секс [2].

Наше исследование основано на данных о клиентах ВИЧ-сервисной НКО — Благотворительного фонда «Поддержки социальных инициатив и общественного здравоохранения» в рамках профилактической работы по ВИЧ-инфекции, вирусным гепатитам В и С, туберкулезу и ИППП. Данные были собраны сотрудниками Фонда в период с 2019 по 2023 годы в г. Москве и Московской области: через Фонд прошли 17435 клиентов (получили консультацию, прошли тестирование и интервьюирование). В статье использованы преимущественно данные за 2022 год, когда в гайд интервью были включены вопросы, позволяющие изучить рискованное поведение клиентов Фонда (N=3792—100 % клиентов, посетивших офис в течение года). Данную группу нельзя считать репрезентативной, поскольку каждый десятый пришел в Фонд самостоятельно, найдя информацию в СМИ (преимущественно в Интернете), большинству рассказал о Фонде друг/знакомый (в том числе бывший клиент и/или сотрудник), многие были клиентами Фонда до 2022 года и пришли сюда повторно (52 %).

Генеральная совокупность — люди, ведущие рискованный образ жизни, в том числе сочетающие разные риски, в связи с чем невозможно определить ее численность. Эта проблема в основном решается методом опроса пользователей специализированных социальных сетей [32], применением качественных методов [29; 33] или посредством интервью пациентов организаций, оказывающих помощь представителям исследуемых групп [36]. В нашем случае был использован последний метод. Фонд работает с представителями группы высокого/повышенного риска (уязвимые, ключевые, риск группы), пытаюсь достучаться до людей, которые по тем или иным причинам могут не знать свой ВИЧ-статус, не пытаются его установить или знают, но не обращаются за квалифицированной медицинской помощью (по сути, продолжая усугублять состояние своего здоровья и нанося вред здоровью партнеров). В этом смысле можно считать риском бездействие — необращение к специалистам с целью профилактики и защиты от ИППП.

Сложность достижимости изучаемой группы подтверждается тем, что сотрудники Фонда работают с большим числом клиентов. Например, в 2021 году они обратились к 20148 представителям ключевой группы с предложением пройти тестирование, но только треть (31 %) пришла на консультацию. За пять лет работы Фонда (2019–2023) сотрудники Фонда общались более чем с сотней тысяч человек, включая информирование, консультирование, тестирование, сопровождение; провели информирование в местах отдыха и локализации группы (аутрич) с 87,5 тысяч представителей риск-групп.

Респонденты настоящего опроса получили консультацию или тестирование в Фонде в 2022 году: мужчины — 93 %, женщины — 7 % в возрасте от 18 до 65 лет. Это прежде всего молодые люди 20–30 лет — 58 %, молодежь младше 22 лет составляет четвертую часть клиентов, а среди тех, кто пришел в Фонд впервые, их еще больше (28 %) (Табл. 1). Представители группы старше 50 лет составили 1,5 %, что подтверждает активное рискованное поведение в молодом возрасте.

Таблица 1

**Индивидуальные риски:
социально-демографические и иные характеристики**

Риски	%	Посещение Фонда	
		первое	повторное
Отсутствие жизненного опыта: возраст моложе 22 лет	25,2	28,3	21,9
Отсутствие работы	21,2	24,4	17,6
Низкая самооценка здоровья (плохое и очень плохое)	2,7	3,4	1,9
Наличие ИППП и туберкулеза в анамнезе (выявлены ранее или в Фонде)	28,7	27,6	29,8
Наличие инфекций, включая туберкулез (все инфекции, выявленные при тестировании в Фонде)	9,3	12,2	6
Плохое и очень плохое материальное благосостояние	8,6	9,1	8,1
Отсутствие российского гражданства	23,7	25,1	22,2
Незнание или плохое владение русским языком	4,8	6,8	2,5

Преимущественно клиенты Фонда холостые (78 %), сожительствуют 13 %, состоят в зарегистрированном браке 7,5 %, в разводе — 1,8 %; большинство — россияне (76 %); граждане других стран (24 %) — это прежде всего трудовые мигранты (85 %), десятая часть (12 %) проходит обучение, небольшая доля (3 %) — беженцы, ищущие убежище, или туристы (2 %); у 15 % полное среднее образование, у 19 % — среднее специальное, практически у половины (49 %) — высшее, у 16 % — неоконченное высшее; 68 % имеют постоянную работу, временную — 7 %; пятая часть — безработные (21 %), что является дополнительным риском, не позволяющим должным образом организовать свою жизнедеятельность; каждый десятый оценивает свое благосостояние как плохое и очень плохое (9 %). Самоидентичность клиентов не всегда совпадает с оценкой экспертов Фонда, тем не менее большинство — цис-мужчины (86 %), цис-женщины составляют 4,2 %, транс-мужчины — 0,3 %, транс-женщины — 5,2 %, небинарные люди — 3 %. Мужчины, практикующие секс с мужчинами (МСМ), составляют большинство — 85 %,

трансгендерные люди — 10 %. Все эти люди (в том числе в соответствии с идентификационными статусами) относятся к риск-группам — им свойственно вести рискованный образ жизни и, как показывает статистика, легче инфицироваться ВИЧ [19; 20].

Работники Фонда исследуют информацию о прошлом клиента, которое может быть риском состояния. Обязательно фиксируется наличие заболеваний в настоящем и прошлом, наличие прививок, снижающих риск заражения социально-значимыми заболеваниями, состояние (наличие одного или более ИППП). В состоянии риска находятся или находились ранее 29 % участников исследования 2022 года: инфекция была выявлена ранее (22 %) или в Фонде в день обследования (9 %), включая ВИЧ, гепатит В и (или) С и сифилис. Вместе с тем невелика доля людей, которые оценивают свое здоровье как плохое и очень плохое (3 %), что можно объяснить молодостью, преобладанием мужчин и, возможно, недооценкой тяжести заболеваний и возможных негативных последствий. Среди тех, кто пришел в Фонд впервые, самооценки здоровья более низкие, хотя среди них меньше тех, кто имеет в анамнезе ИППП и туберкулез. В целом средняя самооценка здоровья составила 4,2 балла (по пятибалльной шкале, где 1 балл — низкий уровень, 5 — высокий уровень).

В Фонд пришли и сообщили, что имеют ВИЧ-инфекцию 4 % (известный риск), в Фонде 5 % были впервые выявлены как ВИЧ-положительные (5,6 % протестированных), для которых выявленный риск был неизвестен на момент обследования (Табл. 2); 2,6 % клиентов были выявлены как положительные при тестировании на сифилис (4,9 % протестированных), 0,7 % — при тестировании на гепатит В (1,7 %), 0,9 % — на гепатит С (1,8 %), 0,8 % протестированных — на туберкулез. Возможно, в случае выявленных в Фонде инфекций речь идет о невидимых для клиентов рисках, о которых они могут не знать, поскольку не знают симптомы болезни и (или) не замечают новые для себя симптомы, не знают о последствиях рискованного поведения и мерах защиты от инфекций. Также очевиден риск бездействия, отказ от тестирования и прививок (представителям риск-групп рекомендуют делать прививки от заболеваний или в случае заражения [6]). Имели ранее или имеют в настоящее время более одной инфекции 4,6 %. О сочетании состояний риска сообщают и другие исследователи: ВИЧ нередко сочетается с туберкулезом, гепатитом и ИППП [28], а рискованное поведение — это потребление наркотиков и небезопасный секс [29].

С посетителями Фонда эксперты проводят собеседование, объясняют природу и степень рисков вследствие наличия инфекции или рискованного поведения, т.е. клиенты узнают о «коммуницируемых» и «некоммуницируемых» рисках. Можно предположить, что, получив информацию от специалиста (врача) о заболевании, поведении, профилактике, лечении и защите, клиенты перемещают опасность или даже катастрофу (как они считали ранее)

в сферу риска. Эксперты отмечают комфортность работы с пациентами, осознающими риски своего состояния и поведения для себя и других, знающими о последствиях инфицирования, последствиях потребления наркотиков, рискованного сексуального поведения, поскольку они постоянно посещают специалистов и проходят тестирования [14]. Клиентам предлагается внести изменения в свое поведение, снизить субъективные риски: проводить медицинские манипуляции и постоянные профилактические мероприятия (тестирование на ВИЧ и ИППП и консультирование), применять средства предохранения во время секса.

Таблица 2

Риски состояния и поведения, в %

Опыт и результат тестирования	ВИЧ	Гепатит С	Гепатит В	Сифилис
Риски до посещения Фонда (со слов пациентов)				
Поведение: не тестировался	8	19,6	19,5	46,3
Состояние: инфекция отсутствует	88,1	79,6	79,5	51,1
Состояние: инфекция в наличии	3,9	0,8	1,1	2,6
Риски, определенные в Фонде (в день опроса и тестирования)				
Поведение: не тестировался	6,2	56,3	60,6	46,3
Состояние: инфекция не выявлена	88,5	42,8	38,7	51,1
Состояние: инфекция выявлена	5,3	0,9	0,7	2,6

В целом за последний год (перед опросом) у респондентов присутствовали разные риски поведения, ведущие к заражению ВИЧ-инфекцией, ИППП или гепатитами (Табл. 3). В течение последнего года употребляли наркотики 15 %, преимущественно неинъекционные (12 %). Как правило клиенты Фонда демонстрируют неблагополучие и риски поведения с раннего возраста, начиная употреблять наркотики в 11 лет: в 18 лет и ранее начали употребление наркотиков не инъекционно 22 %, инъекционно — 16 %; употребляли наркотики инъекционно с использованием общего оборудования в среднем 13,7 раз в месяц (чаще клиенты, которые в Фонд приходят повторно, — 16,4 раз). У большинства клиентов (76 %) присутствует осознанный незащищенный секс, у трети (30 %) число партнеров за год превысило 10 человек, что является значительным риском как для клиента, так и для его партнеров. Среднее число партнеров за год составляет 21 человек: у тех, кто посетил Фонд впервые, — 15, у тех, кто повторно, — 27. За последний год у 28 % был секс с ВИЧ-положительным партнером, секс с человеком, чей ВИЧ-статус неизвестен, — у 43 %, секс с людьми, потребляющими наркотики, — 28 %, секс с применением наркотиков, — у 14 %).

Риски поведения

Риски	%	Посещение Фонда	
		первое	повторное
Употреблял наркотики последние 12 месяцев	14,9	14,4	15,4
Употребление наркотиков инъекционно	2,6	2,2	3,1
Средний возраст начала потребления наркотиков неинъекционно	23,4	22,8	23,9
Использование общего инъекционного оборудования	0,2	0,4	0,1
Осознанный незащищенный секс	76,2	78	74,2
Потребление секс-услуг	8,2	7,8	8,7
Вовлеченность в секс-работу, предоставление секс-услуг в обмен на деньги или наркотики	6,8	6,6	6,9
Участие в групповых сексуальных мероприятиях	2,4	2,9	1,8
Секс с ВИЧ-положительным партнером (в том числе со случайным)	27,7	22,4	33,2
Секс с человеком, чей ВИЧ статус не известен	43,4	41,4	45,5
Секс с людьми, потребляющими наркотики	28,4	27,2	29,8
Опыт химического секса (употребление наркотиков до и/или во время секса)	14,4	13,2	15,8

Клиенты оценивают свои риски в целом достаточно низко — в среднем на 2,5 балла (по пятибалльной шкале, где 1 балл — низкий уровень, 5 — высокий уровень). Те, кто пришел в Фонд впервые и имеет меньше информации о рисках, склонен давать им более низкую оценку (2,4 балла). Так, 28 % из тех, кто использовал наркотики во время секса, считают, что риска не было (6 %) или он был незначительным; так же считает 8 % практикующих групповой секс и 12 % пользующихся услугами проституток. Уверены, что в принципе нет никаких рисков в их поведении или состоянии, 14 %.

Клиенты, которые приходят в Фонд не в первый раз и уже имеет достаточно информации о своем состоянии и последствиях поведения, не прекращают рисковать и не могут адекватно оценивать свои риски. Среди тех, кто пришел в Фонд повторно, больше потребителей наркотиков (15 %), они чаще рискуют, используя общее оборудование при потреблении наркотиков (16 %), практикуют опасный секс (74 %) и прибегают к секс-услугам (9 %), у них значительно больше половых партнеров (среднее число — 27 человек), контактов с ВИЧ-инфицированными (33 %) или с теми, чей статус неизвестен (50 %), т.е. их риски сохраняются на высоком уровне. Возможно, клиенты становятся более открытыми и сообщают о своих рисках больше, чем новички. С другой стороны, возможно знание о рисках, наоборот, делает их восприятие более

спокойным. Кроме того, специалисты отмечают, что ценность удовольствия может оказаться сильнее страха потерять здоровье [34].

Выявленные риски можно идентифицировать как личные, которые могут наносить вред только носителю, — они были или в настоящее время присутствуют в анамнезе и (или) в поведении, могут нанести урон здоровью на протяжении жизни (например, последствия заболеваний). Риски прошлого — те, от которых человек избавился (излечился), но они могут продолжать негативно влиять на его здоровье (последствия заболеваний, потребления наркотиков), особенно если связаны с асоциальным поведением. Риски настоящего — это риски состояния (болезнь, наличие инфекции) или асоциального поведения (незащищенный секс, потребление наркотиков), которые можно и необходимо устранять. К сожалению, получение знаний о рисках и опасностях в процессе общения со специалистами во многих случаях не становится причиной избегания рисков.

Благодарность

Авторы выражают благодарность волонтерам и сотрудникам Благотворительного фонда «Поддержка социальных инициатив и общественного здравоохранения» за проделанную поленую работу по сбору данных

Библиографический список

1. *Агаджанян В.С., Зотова Н.А.* Миграция и риски ВИЧ-инфекции: женщины — выходцы из Средней Азии в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 2.
2. *Антонова Д.В., Бочаров В.В., Хрусталева Н.С.* Рискованное сексуальное поведение лиц с вирусом иммунодефицита человека // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2019. № 4.
3. *Базыкина Е.А., Туркутюков В.Б., Троценко О.Е. и др.* Распространенность и молекулярно-генетические особенности парентеральных вирусных гепатитов В и С среди ВИЧ-позитивных граждан Дальневосточного федерального округа, в том числе осужденных к лишению свободы // Здоровье населения и среда обитания. 2019. № 2.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
5. *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Риски в современном обществе. М., 2020.
6. *Ерицян К.Ю.* Когнитивные факторы различий в паттернах вакцинации: воспринимаемый риск действия и бездействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 2.
7. *Залетаев И.П.* Профилактика рискованного поведения подростков // Педагогика. 2005. № 8.
8. *Кондратова С.Е., Марченко А.Н., Петрова С.В., Нестерова О.А.* Анализ структуры ВИЧ-инфицированных лиц по полу, путям заражения, возрасту в регионе с высоким уровнем пораженности ВИЧ на примере Тюменской области // Здоровье населения и среда обитания. 2019. № 7.
9. *Кулакова С.А.* Рискованное поведение подростков как критерий их неадаптированности // Юридическая техника. 2019. № 13.
10. *Луман Н.* Понятие риска // Thesis. 1994. № 5.
11. *Луман Н.* Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2.
12. *Лунина И.В.* Отклоняющееся поведение подростков в условиях социальных рисков // Концепт. 2015. № 1.

13. Миллер О.В., Орешкин И.В., Арутюнян В.Ф. Инфекционная настороженность к ВИЧ-инфекции на стоматологическом приеме // Сибирско-азиатский стоматологический форум, 2019.
14. Назарова И.Б., Нестеров Р.С. Клиенты ВИЧ-сервисной НКО: структура, типология, особенности поведения // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2.
15. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4.
16. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
17. Нугманова Ж.С. Новые подходы к профилактике ВИЧ-инфекции (обзор литературы) // Вестник КазНМУ. 2018. № 2.
18. Плавинский С.Л., Баринова А.Н., Ерошина К.М., Бобрик А.В., Новожилов А.В. Инфекции, передаваемые половым путем (ИППП) и ВИЧ-инфекция в группах риска. Распространяются ли возбудители по одним и тем же сетям? // Российский семейный врач. 2009. № 1.
19. Покровский В.В., Ладная Н.Н., Соколова Е.В. ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень № 46. М., 2021.
20. Покровский В.В., Ладная Н.Н., Соколова Е.В. ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень № 47. М., 2023.
21. Попова А.А., Покровская А.В., Шедько Е.Д., Громова А.В., Скачкова Т.С., Головешкина Е.Н. и др. Частота выявления инфекций, передаваемых половым путем, по результатам скрининга трех анатомических локусов у пациентов из групп риска // Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы. 2021. Т. 11. № 4.
22. СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней». Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4.
23. Сапарбеков М.К., Байсеркин Б.С., Алибаева К.О., Ташетова А.Ш., Нельсон М.К. Современные технологии противодействия распространению ВИЧ-инфекции среди ключевых групп населения // Вестник КазНМУ. 2017. № 1.
24. Солнцева Г.Н., Смоляна Г.Л. Психологические механизмы и модели «рискового поведения» // Труды ИСА РАН. 2007. Т. 31.
25. Ульянова И.В., Попова Т.А. Рискованное поведение подростков как педагогический феномен // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 9–2.
26. Фахрадова Л.Н., Разварина И.Н., Смолева Е.О. Рискованное деструктивное поведение подростков и условия его формирования // Проблемы развития территории. 2017. № 1.
27. Цветкова Л.А., Ерицян К.Ю., Антонова Н.А. Формирование различных видов поведения риска в онтогенезе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 2.
28. Юдин А.Л., Афанасьева Н.И., Блажко В.Д., Мясников Д.А., Юматова Е.А. Одновременное выявление туберкулеза и ВИЧ-инфекции // Российский медицинский журнал. 2017. Т. 23. № 1.
29. Ahmed A.K., Weatherburn P., Reid D., Hickson F., Torres-Rueda S., Steinberg P., Pinkerton P. Social norms related to combining drugs and sex (“chemsex”) among gay men in South London // International Journal of Drug Policy. 2016. Vol. 38.
30. Douglas M. Risk as a forensic resource // Risk. 1990. Vol. 119. No. 4.
31. Hoyle R.H., Feifar M.C., Miller J.D. Personality and sexual risk taking: A quantitative review // Journal of Personality. 2000. Vol. 68. No. 6.
32. Hibbert M.P., Brett C.E., Porcellato L.A., Hope V.D. Psychosocial and sexual characteristics associated with sexualized drug use and chemsex among men who have sex with men (MSM) in the UK // Sexually Transmitted Infections. 2019. Vol. 95.

33. Hoff C.C., Chakravarty D., Bircher A.E., Campbell C.K., Grisham K., Neilands T.B., Wilson P.A., Dworkin S. Attitudes towards prep and anticipated condom use among concordant HIV-negative and HIV-discordant male couples // *AIDS Patient Care STDs*. 2015. Vol. 29. No. 7.
34. Pinkerton S.D., Abramson P.R. Is risky sex rational? // *Journal of Sex Research*. 1993. Vol. 29. No. 4.
35. Strunin L., Hingson R. Acquired immunodeficiency syndrome and adolescents: Knowledge, beliefs, attitudes, and behaviors // *Pediatrics*. 1987. Vol. 79. No. 5.
36. Zhang Y., Jamil M.S., Smith K.S., Applegate T.L., Prestage G., Holt M. et al. The longer-term effects of access to HIV self-tests on HIV testing frequency in high-risk gay and bisexual men: Follow-up data from a randomized controlled trial // *Lancet Regional Health Western Pacific*. 2021. Vol. 14.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-645-659

EDN: DYYECM

Risks of infection with the HIV: Sociological assessment*

I.B. Nazarova, R.S. Nesterov

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS,

Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: inna-nazarova@mail.ru; rnesterov100@gmail.com)

Abstract. The human immunodeficiency virus (HIV) is a complex socially significant disease associated with risks mainly for representatives of groups practicing deviant behavior and requiring special attention from the state and society. The article presents a comprehensive description of representatives of the high-risk group for the HIV infection, including their health status, behavioral characteristics, types, combinations and perceptions of risks, which would allow for a more optimal organization of the work of social and medical services with this group. The article is based on the results of the empirical study conducted in 2022: 3,792 clients of the charitable foundation “Support for Social Initiatives and Public Health” were questioned within the HIV preventive work with representatives of high-risk groups. A significant part of clients are people under 22 years of age (25 %). Their main risks were divided into condition risks and behavioral risks. Condition risks are as follows: current and past illness (29 % were diagnosed with an infection or several ones, including the HIV), unemployment (21 %), difficult financial situation (9 %); and for foreign citizens also lack of citizenship (24 %) and not speaking Russian (5 %). Behavioral risks (actions leading to loss of health or inaction in health protection) are as follows: 15 % of clients use drugs (including with shared equipment for injecting), the majority (76 %) consciously agree to unprotected sex and have multiple sexual partners (the average number is 21 per year). In general, representatives of high-risk groups tend to underestimate their risks, and awareness is not a decisive positive factor, i.e., it does not necessarily change behavior to less risky. Moreover, long-term risk practices together with knowledge of risks and protective

* © I.B. Nazarova, R.S. Nesterov, 2024

The article was submitted on 24.11.2023. The article was accepted on 20.05.2024.

measures can negatively affect perceptions of risks; thus, clients with experience of risk behavior consider risks as less dangerous or deny risks in principle, which is an additional risk for both the person and one's partners.

Key words: risk; risk behavior; awareness; health; HIV; non-profit organization (NPO); risk groups; sociological survey

References

1. Agadjanian V., Zotova N. Migratsiya i riski VICH-infektsii: zhenshchiny — vykhodtsy iz Srednej Azii v Rossijskoj Federatsii [Migration and HIV risks: Women from Central Asia in the Russian Federation]. *Demograficheskoe Obozreniye*. 2014; 1 (2). (In Russ.).
2. Antonova D.V., Bocharov V.V., Khrustaleva N.S. Riskovannoe seksualnoe povedenie lits s virusom immunodefitsita cheloveka [Risky sexual behavior of people living with the HIV]. *Mediko-Biologicheskije i Sotsialno-Psichologicheskije Problemy Bezopasnosti v Chrezvychajnyh Situatsiyah*. 2019; 4. (In Russ.).
3. Bazykina E., Turkutyukov V.B., Trotsenko O.E., Kotova V.O., Balakhonsteva L.A., Varnavskaya L.V. et al. Rasprostranennost i molekulyarno-geneticheskie osobennosti parenteralnyh virusnyh gepatitov V i Ts sredi VICH-pozitivnyh grazhdan Dalnevostochnogo federalnogo okruga, v tom chisle osuzhdennyh k lisheniyu svobody [Prevalence and molecular-genetic peculiarities of parenteral viral hepatitis B and C among HIV-positive citizens of the Far Eastern Federal District, including those sentenced to imprisonment]. *Zdorovie Naseleniya i Sreda Obitaniya*. 2019; 2. (In Russ.).
4. Beck U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
5. Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Riski v sovremennom obshchestve* [Risks in the Contemporary Society]. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Eritsyan K.Yu. Kognitivnye faktory razlichij v patternah vaktsinatsii: vosprinimaemy risk deystviya i bezdeystviya [Cognitive factors of differences in vaccination patterns: Perceived risk of action and inaction]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psichologiya*. 2016; 2. (In Russ.).
7. Zaletaev I.P. Profilaktika riskovannogo povedeniya podrostkov [Prevention of adolescent risk behavior]. *Pedagogika*. 2005; 8. (In Russ.).
8. Kondratova S.E., Marchenko A.N., Petrova S.V., Nesterova O.A. Analiz struktury VICH-infitsirovannyh lits po polu, putyam zarazheniya, vozrastu v regione s vysokim urovnem porazhennosti VICH na primere Tyumenskoy oblasti [Analysis of the structure of the HIV-infected group by sex, infection transmission routes and age in the region with the high level of HIV prevalence on the example of the Tyumen Region]. *Zdorovie Naseleniya i Sreda Obitaniya*. 2019; 7. (In Russ.).
9. Kulakova S.A. Riskovannoe povedenie podrostkov kak kriterij ih neadaptirovannosti [Risk behavior of adolescents as an indicator of their non-adaptation]. *Yuridicheskaya Tekhnika*. 2019; 13. (In Russ.).
10. Luhmann N. Ponyatie riska [The concept of risk]. *Thesis*. 1994; 5. (In Russ.).
11. Luhmann N. Risk i opasnost [Risk and danger]. *Otechestvennyye Zapiski*. 2013; 2. (In Russ.).
12. Lunina I. Otklonyayushcheesya povedenie podrostkov v usloviyah sotsialnyh riskov [Deviant behavior of adolescents under social risks]. *Kontsept*. 2015; 1. (In Russ.).
13. Miller O.V., Oreshkin I.V., Arutyunyan V.F. Infektsionnaya nastorozhennost k VICH-infektsii na stomatologicheskom prieme [Infectious alertness to the HIV at the dentist's appointment]. *Sibirsko-Aziatsky Stomatologicheskyy Forum*. 2019. (In Russ.).
14. Nazarova I.B., Nesterov R.S. Klienty VICH-servisnoj NKO: struktura, tipologiya, osobennosti povedeniya [Clients of the HIV-service NPO: Structure, typology, behavioral features]. *Naselenie*. 2023; 26 (2). (In Russ.).

15. Nugmanova Zh.S. Novye podkhody k profilaktike VICH-infektsii (obzor literatury) [New approaches to the HIV prevention (a review)]. *Vestnik KazNMU*. 2018; 2. (In Russ.).
16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Repertuar strakhov rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [Russian students' main fears: Results of the empirical study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 4. (In Russ.).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and hopes of Russian students: Possibilities of empirical identification]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2. (In Russ.).
18. Plavinsky S.L., Barinova A.N., Eroshina K.M., Bobrik A.V., Novozhilov A.V. Infektsii, peredavaemye polovym putem (IPPP) i VICH-infektsiya v gruppah riska Rasprostranyayutsya li vzbuditeli po odnim i tem zhe setyam? [Sexually transmitted infections (STIs) and HIV in risk groups. Do pathogens spread through the same networks?]. *Rossiyskiy Semeyny Vrach*. 2009; 1. (In Russ.).
19. Pokrovsky V.V., Ladnaya N.N., Sokolova E.V. HIV Infection: Newsletter No. 46. Moscow; 2021. (In Russ.).
20. Pokrovsky V.V., Ladnaya N.N., Sokolova E.V. HIV Infection: Newsletter No. 47. Moscow; 2023. (In Russ.).
21. Popova A.A., Pokrovskaya A.V., Shedko E.D., Gromova A.V., Skachkova T.S., Goloveshkina E.N. et al. Chastota vyyavleniya infektstij, peredavaemyh polovym putem, po rezultatam skrininga treh anatomicheskikh lokusov u patsientov iz grupp riska [Detection rate for sexually transmitted infections by screening three anatomic loci in risk-group patients]. *Epidemiologiya i Infektsionnye Bolezni. Aktualnye Voprosy*. 2021; 11 (4). (In Russ.).
22. SanPiN 3.3686-21 "Sanitary-epidemiological requirements for the prevention of infectious diseases". Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of January 28, 2021. No. 4. (In Russ.).
23. Saparbekov M.K., Bayserkin B.S., Alibaeva K.O., Tashetova A.Sh., Nelson M.K. Sovremennyye tekhnologii protivodejstviya rasprostraneniyu VICH-infektsii sredi klyuchevykh grupp naseleniya [Contemporary technologies for preventing the spread of the HIV among key social groups]. *Vestnik KazNMU*. 2017; 1. (In Russ.).
24. Solntseva G.N., Smolyan G.L. Psikhologicheskie mekhanizmy i modeli "riskovogo povedeniya" [Psychological mechanisms and models of "risk behavior"]. *Trudy ISA RAN*. 2007; 31. (In Russ.).
25. Ulyanova I.V., Popova T.A. Riskovannoe povedenie podrostkov kak pedagogicheskiy fenomen [Risk behavior of adolescents as a pedagogical phenomenon]. *Sovremennyye Naukoemkie Tekhnologii*. 2016; 9–2. (In Russ.).
26. Fakhradova L.N., Razvarina I.N., Smoleva E.O. Riskovannoe destruktivnoe povedenie podrostkov i usloviya ego formirovaniya [Risky destructive behavior of adolescents and its factors]. *Problemy Razvitiya Territorii*. 2017; 1. (In Russ.).
27. Tsvetkova L.A., Eritsyun K.Yu., Antonova N.A. Formirovanie razlichnykh vidov povedeniya riska v ontogeneze [Ontogenetic development of different types of risk behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2015; 2. (In Russ.).
28. Yudin A.L., Afanasyeva N.I., Blazhko V.D., Myasnikov D.A., Yumatova E.A. Odnovremennoe vyyavlenie tuberkuleza i VICH-infektsii [Simultaneous detection of tuberculosis and HIV]. *Rossiyskiy Meditsinskiy Zhurnal*. 2017; 23 (1). (In Russ.).
29. Ahmed A.K., Weatherburn P., Reid D., Hickson F., Torres-Rueda S., Steinberg P., Pinkerton P. Social norms related to combining drugs and sex ("chemsex") among gay men in South London. *International Journal of Drug Policy*. 2016; 38.
30. Douglas M. Risk as a forensic resource. *Risk*. 1990; 119 (4).
31. Hoyle R.H., Fejfar M.C., Miller J.D. Personality and sexual risk taking: A quantitative review. *Journal of Personality*. 2000; 68 (6).

32. Hibbert M.P., Brett C.E., Porcellato L.A., Hope V.D. Psychosocial and sexual characteristics associated with sexualized drug use and chemsex among men who have sex with men (MSM) in the UK. *Sexually Transmitted Infections*. 2019; 95.
33. Hoff C.C., Chakravarty D., Bircher A.E., Campbell C.K., Grisham K., Neilands T.B., Wilson P.A., Dworkin S. Attitudes towards prep and anticipated condom use among concordant HIV-negative and HIV-discordant male couples. *AIDS Patient Care STDs*. 2015; 29 (7).
34. Pinkerton S.D., Abramson P.R. Is risky sex rational? *Journal of Sex Research*. 1993; 29 (4).
35. Strunin L., Hingson R. Acquired immunodeficiency syndrome and adolescents: Knowledge, beliefs, attitudes, and behaviors. *Pediatrics*. 1987; 79 (5).
36. Zhang Y., Jamil M.S., Smith K.S., Applegate T.L., Prestage G., Holt M. et al. The longer-term effects of access to HIV self-tests on HIV testing frequency in high-risk gay and bisexual men: Follow-up data from a randomized controlled trial. *Lancet Regional Health Western Pacific*. 2021; 14.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683

EDN: DXLFCJ

Возможности метода неоконченных предложений в изучении «культуры отмены»*

А.С. Савенкова, М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. В последние годы популярность метода неоконченных предложений существенно возросла, и чаще всего данная методика используется для фиксации обыденных интерпретаций понятий с неоднозначными коннотациями (например, патриотизма, героизма и т.д.). В статье предпринята попытка применения метода неоконченных предложений для изучения феномена «культуры отмены», который был включен в научный дискурс относительно недавно. Авторами проанализированы разные подходы к определению и изучению культуры отмены, обозначены возможные последствия данного явления для общества, а также концепции, которые связаны с культурой отмены и могут дать (пусть и частичное) ее объяснение. В статье описана процедура и результаты разведывательного исследования на основе метода неоконченных предложений. В частности, респонденты склонны определять культуру отмены как инструмент воздействия, применяемый обществом в случае недопустимого поведения человека или организации. Респонденты уверены, что никто не застрахован от «отмены», однако порядочные люди меньше рискуют оказаться в числе «отмененных». Вопреки растиражированной СМИ позиции респонденты чаще связывают феномен отмены не с медийными личностями (как наиболее вероятными ее объектами), а с личностным восприятием, соотносят вовлеченность в практики отмены с аморальностью и глупостью, поэтому в целом негативно воспринимают попытки отменить кого-либо, полагая, что культура отмены приводит к эмоциональным и социальным проблемам. Как правило, среди тех, кто заслуживает отмены, опрошенные называют субъектов с ненормативным поведением (преступников, не порядочных людей и т.д.). Пользу культуры отмены респонденты видят в защите общества от деструктивного поведения его членов. Если же «отмена» затронет личные интересы респондентов, то опрошенные намерены использовать следующие тактики: если речь идет об «отмене» респондента, предпочтительно «исправление своих ошибок»; когда отмена затрагивает близкого человека, то респонденты ориентированы на поддержку и помощь; в случае отмены организации, услугами которой пользуются опрошенные, они скорее проявят равнодушие, так как данная ситуация не влияет непосредственно на их личность и самовосприятие.

Ключевые слова: метод неоконченных предложений; культура отмены; ресентимент; общество риска; «спираль молчания»

* © Савенкова А.С., Субботина М.В., 2024

Статья поступила в редакцию 02.12.2023. Статья принята к публикации 20.05.2024.

Метод неоконченных предложений вполне институционализирован в отечественной социологической традиции в контексте трех ключевых исследовательских стратегий: в качестве вспомогательного приема сбора данных в рамках массовых опросов (конструирование эмпирических индикаторов, обход жестких формулировок и т.д.); для создания новых методик изучения социальных феноменов (в ходе методических экспериментов); для описания жизнедеятельности людей в ситуации прояснения представлений о многомерных явлениях [15]. Большинство исследований, в которых используется метод неоконченных предложений, ориентированы на выявление обыденных представлений респондентов о привычных понятиях (например, патриотизм [13], гендерные различия [16], справедливость и счастье [21] и т.д.). Крайне редко данная методика применяется в изучении новых феноменов, представления о которых находятся в стадии формирования, и один из таких феноменов — культура отмены, трактовки которой оформились в общественном и научном дискурсе относительно недавно. Как правило, под ней понимается бойкотирование конкретных людей или брендов, которые транслировали идеи (обычно в сети Интернет), отличающиеся от общепринятых. По сути, культура отмены — это сложное социальное движение, сочетающее демократизацию дискурса с цензурой и нетерпимостью к идеям, которые противоречат доминирующим социальным нормам.

На сегодняшний день оформилось несколько подходов к определению культуры отмены, хотя большинство исследователей признают, что этот термин крайне перегружен как универсальное обозначение общественных реакций на оскорбительные мнения. Феномен настолько запутан и противоречив, что его сложно адекватно применять, особенно в научном дискурсе, поэтому необходима более точная концептуализация повседневных терминов, позволяющая «измерять» сложные социальные явления, к которым относится и культура отмены. В любом случае социальные активисты оказывают неформальное давление для наказания и изгнания влиятельных людей путем нанесения ущерба их репутации и карьере, отказа им в доступе к общественным платформам и социальным сетям, создания оснований для судебного преследования. Такая стратегия дает людям возможность поделиться собственным мнением и выразить коллективное моральное возмущение, мобилизовать общественное мнение и потребовать действий от людей, принимающих решения. Соответственно, культура отмены — коллективная стратегия активистов, использующих социальное давление для воздействия на людей, обвиняемых в оскорбительных словах или действиях [31. С. 4]. Это давление может дополняться полным прекращением «инвестиций» (лишением внимания и ресурсов того, кто совершил или сказал нечто оскорбительное) [24] и публичным осуждением того, кто обвиняется в противоречивых действиях и/или в сомнительных высказываниях.

Последствия отмены — потенциальная потеря социального и финансового статуса — часто трудно исправимы, хотя люди по-разному определяют культуру отмены и потому противоречиво реагируют на ее проявления. Например, большинство совершеннолетних американцев позитивно оценивают культуру отмены, трактуя ее как средство, заставляющее людей быть более ответственными в высказываниях и поступках, а не инструмент манипуляции и проявления: когда люди видят новостные сообщения, что кто-то подвергся «отмене», они, с одной стороны, испытывают удовлетворение, потому что «восторжествовала справедливость», а, с другой стороны, ощущают тревогу, потому что сами в прошлом могли высказать идею, которая на тот момент была приемлема, но теперь может быть использована против них; в то же время «отмена» может вызывать у людей гнев, поскольку ущемляет свободу слова [38].

Независимо от того, как люди воспринимают культуру отмены, само явление «отмены» далеко не новое — ее проявления можно встретить на протяжении всей истории человечества: например, в античности человек, который воспринимался обществом как неудобный или опасный, изгонялся из полиса на десять лет, что породило термин «остракизм», потому что решение об изгнании принималось на общественном голосовании с использованием остраконов — глиняных черепков, на которых люди писали имя того, кого, по их мнению, необходимо изгнать [14].

Возникновение Интернета и социальных сетей повлекло за собой создание новых типов коллективов на стыке общества и технологий. С одной стороны, социальные сети стали масштабной площадкой для обмена информацией, с другой стороны, проложили путь для развития многообразных цифровых культур и общественных движений. Возникновение разных социальных течений зачастую приводит к столкновению интересов и идеологий, в связи с чем одной из стихийных коллективных практик пользователей социальных сетей (без учета возможных последствий), стал акт отмены. Справедливо замечание М.Д. Кларк, что культура отмены укладывается в хабермасовскую концепцию публичной сферы, согласно которой публичный дискурс является сферой элит, и любое исследование культуры отмены должно начинаться с анализа властных отношений, которыми она определяется [24].

Феномен культуры отмены тесно связан и с концепцией «спирали молчания», разработанной Э. Ноэль-Нойман: человек будет стараться не озвучивать свое мнение, если уверен, что находится в меньшинстве и может столкнуться с общественным порицанием и осуждением. Согласно Ноэль-Нойман, когда человек не может свободно высказываться или поступать так, как считает нужным, не ориентируясь на идеи и установки своего окружения, можно наблюдать проявления общественного мнения [12]. Риск оказаться в изоляции пугает людей сильнее, чем невозможность высказать свое мнение.

Социальные сети оказывают непосредственное влияние на то, как репрезентируется общественное мнение, а потому воздействуют на индивидуальное восприятие, независимо от того, соответствует ли картина, представленная в социальных сетях, действительности (не исключено, что это лишь симулякр). Именно от того, как человек воспринимает общественное мнение, зависит эффект спирали молчания, и культура отмены во многом способствует ее закручиванию.

Также феномен культуры отмены можно связать с теорией конгруэнтности, согласно которой, если человек относится негативно/позитивно и к информации, и к ее источнику, то информация конгруэнтна и отношение к ее источнику не претерпевает изменений. Если же отношение к одному из них является позитивным, а к другому — негативным, то восприятие информации или ее источника может измениться [5].

В рамках теории общества риска действия, способные повлечь остракизм по отношению к человеку, могут трактоваться как способ достижения целей и самоактуализации [4]. Сопоставительный анализ работ отечественных и зарубежных авторов показывает сходство используемых примеров кенселинга (от *cancel* — отмена) — это музыкальные исполнители, кинозвезды и политики [1; 8]. Однако восприятие жизненных практик обычных людей и медийных личностей претерпело серьезные трансформации вследствие распространения социальных сетей: следствием диджитализации социума стало переформатирование ряда актов социализации, таких как поиск референтных групп и практики соотношения индивида с большими группами. Возможность неформальной коммуникации в социальных сетях разрушает пространственные и статусные границы между социальными акторами, результатом чего становится возможность отзеркаливания, переноса событий и процессов, происходящих в жизни знаменитостей, в сферу повседневности широких кругов населения. Угроза быть осуждаемым, ущемленным в социальных или имущественных правах может рассматриваться как акт приравнивания к социальной значимости общественных элит. Следует отметить и определенную амбивалентность в восприятии процесса отмены и отменяемого: прибегающие к механизмам диссоциации индивиды могут восприниматься как морально ущербные, маргинализированные личности [25], способные добиться поставленных целей за счет медийного резонанса и коллективных акций, но не конструктивных предложений, подкрепленных весомой аргументацией.

Соответственно, действия расистской или сексистской направленности могут рассматриваться как осознанное рисковое поведение. Возможное осуждение, сопротивление трактуется как доказательство собственной «верной позиции» и социальной неполноценности оппонента, стремящегося добиться незаслуженно хороших условий. Медийный пример — слу-

чай Х. Вайнштейна и актрис, пострадавших от его действий: распространена точка зрения о вторичности вклада в киноискусство потерпевших женщин в сравнении с заслугами Вайнштейна, что порождает мученический образ несправедливо осужденного человека, чей профессиональный вклад несомненно заслуг обвинителей (1). Аналогичный дискурс обнаруживается и в бытовой коммуникации, например, когда арендодатели жилья, указывающие приоритетность нанимателей по этническому признаку, похожим образом реагируют на обвинения в бытовом расизме [7]: осуждающие маркируются как не имеющие собственности, но стремящиеся распорядиться чужой.

Действия отменяющих также можно рассматривать как рискованные — нацеленные на достижение или восстановление социальной справедливости для группы или общности. В таком случае обоснованно рассмотрение феномена культуры отмены в контексте ресентимента: он может играть роль стимула для отмены, быть основой выбора объекта отмены и выполнять функцию морального возвышения инициаторов отмены [6]. Понятие ресентимента было введено Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» для характеристики морали рабов: они испытывают чувство враждебности к тем, кого считают виновными в своих неудачах, при этом ресентимент не просто проявление зависти или неприязни, а сублимация собственной неполноценности в особую систему морали [11].

М. Шелер, развивая идеи Ницше, определял ресентимент как интенсивное переживание и воспроизведение негативной реакции, направленной на другого. Иными словами, деструктивная эмоция «врастает» в структуру личности и определяет ее мировоззрение и реакции на события. Кроме того, человек постоянно возвращается к этим эмоциям и неоднократно проживает укоренившуюся ненависть [22]. Центральным элементом ресентимента является импульс зависти и мести, но ресентимент не подразумевает мгновенного выхода негативной энергии, он опасен переносом акта мести на будущее, на более подходящее время. Так формируется межклассовая зависть и ненависть — когда любое внешнее проявление враждебного класса/группы (жесты, одежда, речь) вызывает порыв злости и желание отомстить. В ресентименте Ницше и Шелер видели скрытую силу, которая ведет к агрессии и разложению общества, или же индикатор аномии, свидетельствующей о смене иерархии общественных ценностей [2].

Хотя явление «отмены» далеко не ново, и остракизм, бойкот и изгнание типичны для общества с момента его возникновения, современные возможности исключения человека из социума (речь идет не о полном изгнании, а скорее о существенном сокращении социальных контактов и финансовых возможностей) и причинения ему ощутимого репутационного урона вышли на качественно новый уровень. Согласно Р. Мертону, аномия — расхождение между структурами норм и возможностей [9], поэтому, вероятно, культура

отмены — ответ общества на накопившийся негатив от длительного ощущения несправедливости вследствие неравномерного распределения возможностей и благ в обществе.

Несмотря на значительную мифологизированность, практики остракизма воспринимаются и локализуются по-разному. Так, агрессивность и общественная поляризация наблюдаются не только в социальных сетях, где разворачивается противостояние между «отменяющими» и «отменяемыми», но и в невовлеченных группах, где растет непонимание и взаимная подозрительность: большинство американцев не совершали действий по «устранению» допускающего оскорбительные высказывания оппонента, но гипотетические действия соотечественников в схожей ситуации оценивают иначе (в ходе опроса была обнаружена более чем двукратная разница между восприятием того, как часто сограждане прибегают к остракизму, и реальным положением дел) [25]. Жертвами остракизма в XXI веке нередко выступают знаменитости, обвиненные в сексуальных домогательствах, домашнем или экономическом насилии, что влияет на гендерные представления и стратегии брачного поведения. Случаи «отмены» медийных персонажей, нередко сопровождаемые имущественными потерями, могут выступать одним из факторов возрастания числа «соло-стратегий» (люди не регистрируют отношения с партнером или принципиально отказываются от отношений), хотя модальность восприятия рисков, формируемых «новой этикой», у мужчин и женщин различается.

Теневой стороной брака для мужчин выступает риск потери свободы и независимости в отношениях, собственности в случае развода. Распространенность практик отмены в современном обществе усиливает имущественные риски (женщину не станут осуждать, если после развода она подаст иск на раздел имущества), риски сожительства и поиска сексуального партнера (обвинения в насилии, шантаж). Освещение в отечественных и зарубежных СМИ изменений в гражданском законодательстве (например, принятый конгрессом Испании закон «Только “да” означает согласие» [37]), тиражирование ток-шоу с морально неоднозначными участниками (случай Дианы Шурыгиной, процесс Д. Деппа и Э. Херд) наводят на мысли о небезопасности для мужчин поисков партнера и сожительства. Приведенные примеры вызывают активный отклик в сети, формируя не только юмористический, но и критический контент, а многократное повторение новости делает ситуацию более масштабной в глазах публики, превращая ее в самосбывающееся пророчество практически для любого мужчины. Как правило, в роли отменяемого предстает мужчина, и каждое такое событие транслируется в фем-сообществах, в том числе радикальной направленности, как наглядное подтверждение патриархальности современного мира и опасности гетеросексуальных отношений для женщин.

В частности, демографические проблемы Южной Кореи не в последнюю очередь объясняются тенденцией отказа молодых кореянок от брака и романтических отношений: семейная жизнь кажется женщинам невыгодной и небезопасной (возможность насилия со стороны мужчин, их неготовность к совместному быту) [10].

Распространение культуры отмены накладывается на характерную для современного общества тенденцию открытого самовыражения, в том числе публичного. Внимание к эмоциональному комфорту, возможности выразить собственную позицию — отличительная черта таких институтов социализации, как школы и университеты (преимущественно в США и Европе). На административном уровне развиваются механизмы защиты студентов и сотрудников от притеснений по национальному или гендерному признаку, контроля недружественных, оскорбительных замечаний. Фоновой стороной демократизации социально-образовательного процесса выступает неустойчивость к «враждебному миру», сознательный или неосознанный поиск оскорбленной позиции. Наблюдаются разнополярные социальные тренды: с одной стороны, человек ответственен за свои высказывания, с другой стороны, их критика может восприниматься как попытка применения «социального кляпа», поэтому чувствовать себя в той или иной степени «отмененными» могут представители широких групп населения, придерживающиеся разных социально-политических взглядов [31. С. 3].

Представления о масштабности и неотвратимости рисков, связанных с реализацией социального контроля, не всегда приводят к стабилизации ситуации и минимизации агрессивного поведения, хотя ориентация на социальную справедливость способствует ощущению единения, солидарности в борьбе против совершившего осуждаемое деяние актора [28]. Однако такого рода коллективные действия не всегда носят рациональный характер, поэтому порой радикализируют общество, легитимизируя кенселлинг (выталкивание из социального пространства неодобряемой личности, попытки уничтожения и повреждения предметов, прямо или косвенно указывающих на подлежащие отмене явления). Причем успешная отмена выступает катализатором аналогичных действий, а в случае неудачи число попыток социального ostracism может сократиться. Так, после оправдательного решения суда в отношении Д. Деппа некоторые заявления о домашнем насилии были отозваны [26]. Однако такое снижение социальной напряженности носит временный характер и может восприниматься как доказательство сохранения статуса-кво для проигравшей стороны. Кроме того, объектами ostracism нередко оказываются бывшие соратники — если их действия были восприняты как недостаточно эффективные и решительные [3].

Еще одна особенность культуры отмены — проблема соразмерности социальной обструкции нарушению. Первый ее фактор — интерпретация

проступка и намерения: ряд ситуаций, определяемых как проявления остракизма/травли, основаны на определении действий нарушителя как расистских (например, так были расценено сообщение жительницы Окленда в полицию о группе афроамериканцев, готовивших барбекю в неполюженном месте, — в результате онлайн-травли ей пришлось покинуть город) [23]. Также кенселлинг способен усиливать неравенство социальных групп: в отличие от медийных личностей, привыкших выступать в качестве инфоповода, осуждение и травля в соцсетях могут серьезно повлиять на привычные элементы жизненного мира обывателя. Кроме того, у обычных людей нет фанатских групп, проблема травли простого человека не афишируется в крупных новостных изданиях, что уменьшает шансы на формирование контрдискурса защиты.

Нацеленность на достижение социальной справедливости ограничена как уровнем взаимного понимания и рефлексии, так и механизмами интернет-коммуникации. Соцсети — инструмент демократизации общества, эффективной борьбы с негативными стереотипами и стигматизацией, поскольку информация СМИ и привилегированных групп может быть оспорена «снизу» [29]. Распространение расистской идеологии, публикация враждебных комментариев возможны, но меняется их подача — тон сообщения становится более ироничным, завуалированным, скажем, высказывание может подразумевать оскорбление по национальному или гендерному признаку, но подаваться как адресованное конкретному человеку или малой группе. С одной стороны, сокращение числа прямых, однозначных призывов к ненависти формирует новую коммуникативную нормальность, активно воспроизводимую в силу ее опривычивания. С другой стороны, принудительно уравнивающий характер онлайн-среды затрудняет дискуссию между разностатусными участниками, создавая напряженность в онлайн-пространстве [33]. Особенно это актуально в тех случаях, когда относительно гомогенные группы сталкиваются с попытками представителей других общностей быть включенными в пространство, где они ранее не были представлены. Например, повышение интереса к компьютерным играм среди женщин обусловило взаимные претензии в геймерских сообществах: игроки-мужчины высказывали недовольство изменением сюжетной и визуальной сторон игр под влиянием феминистической критики; для женщин-геймеров такая позиция подтверждала наличие сексистских стереотипов. Согласно исследованиям [39], платформа X (бывший Twitter) (2) способствовала поляризации точек зрения и внутригрупповой предвзятости: убежденность в справедливости собственной позиции заставляет каждую из сторон действовать агрессивнее, а внутригрупповая агрессия — одна из причин тневизации Интернета, появления преступных киберсообществ (люди создают закрытые сообщества, недоступные для представителей нежелательных групп, и такие сообщества могут об-

ретать экстремистскую направленность, сознательно отдаляясь от законодательных норм враждебного с их точки зрения государства). Выявления и блокировки группы, распространяющей агрессивные суждения, недостаточно для прекращения ее существования — зачастую не дожидаясь решения суда, ее участники создают новые каналы. Так, заблокированные каналы «Мужское государство» (2) и «ИГ» (2) продолжают работу под другими названиями или IP-адресами. Кроме того, закрытость затрудняет контроль со стороны гражданского общества: люди не видят содержимого страниц и групп с ограничениями доступа.

Определенные риски обусловлены и спецификой интернет-администрирования. Попытки кенселлинга не всегда сводятся к коммуникации двух противоборствующих групп/субъектов — взаимное осуждение дополняется апелляцией к третьей стороне, в качестве которой могут выступать надзорные органы, журналистские и профессиональные сообщества. Условными «третейскими судьями» могут быть администраторы и модераторы сообществ, получающие от участников дискуссии просьбы заблокировать одного из коммуникаторов. Подобные коммуникативные практики можно рассматривать как проявления инфантилизма или «аутсорсинга субъектности» — задача оценки глубины и серьезности оскорбления делегируется стороннему субъекту. Решение проблемы воспринимается участниками спора и комментаторами-наблюдателями по-разному, поэтому распространены обвинения в предвзятости или халатности модераторов. Один из вариантов минимизации интернет-агрессии — боты, удаляющие неподобающие комментарии и блокирующие участников беседы. С одной стороны, таким образом обеспечивается равенство пользователей, с другой стороны, наблюдается процесс дегуманизации, контроля над эмоциями и словами не человеком, а машиной. Оспаривается и практическая целесообразность электронной модерации: «В типичных системах модерации, управляемых платформой, ко всем нарушителям относятся одинаково, и к пользователям, которые непреднамеренно нарушают правила, применяются те же санкции, что и к пользователям, преднамеренно пытающимся причинить вред» [27].

Поскольку культура отмены столь многогранное и неоднозначное социальное явление, мы решили использовать метод неоконченных предложений для ее разведывательного эмпирического исследования, нацеленного на конструирование эмпирических индикаторов для будущего массового опроса. В исследовании приняли участие 87 респондентов в возрасте от 16 до 69 лет. Анкета состояла из двух разделов: «паспортички» и вопроса-фильтра, отсеивающего респондентов, которые не знают, что такое культура отмены (109 человек); 15 неоконченных предложений и 1 закрытый вопрос об отношении к идее о желании людей, чтобы общество разделяло их негативное отноше-

ние к тем, кого они осуждают. Неоконченные предложения были направлены на: выявление доминирующих представлений о феномене отмены («Культура отмены — это...», «Особенность культуры отмены в...»); оценку влияния культуры отмены на общество («Культура отмены приводит к...», «Культура отмены недопустима в случае...», «Культура отмены может быть полезной, если...», «Культуру отмены можно использовать как инструмент...», «Если бы не существовало культуры отмены, то...»); конструирование «портретов» тех, кто вовлечен в «отмену» («Действия, направленные на отмену кого-либо или чего-либо, совершают...», «Жертвой культуры отмены может стать...», «Однозначно заслуживает отмены...», «От действия культуры отмены защищен...»); выявление стратегий поведения респондентов в случае, если они сталкиваются с отменой («Если бы я стал жертвой культуры отмены, я бы...», «Если бы близкий мне человек стал жертвой культуры отмены, я...», «Если бы организация, производящая продукт/услугу, которой я пользуюсь, подверглась социальному осуждению, я...»); поиск понятий, с которыми респонденты связывают культуру отмены («Ближе всего к понятию культура отмены понятие...»). Полученные данные были сгруппированы в однотипные оценочно-смысловые блоки для выявления «ядра» и «периферии» представлений о культуре отмены.

Несмотря на то, что объем данных и структура выборки не позволяют говорить о типичности зафиксированных представлений, можно выделить несколько тенденций в восприятии культуры отмены. Так, в ответах прослеживается убежденность в ее широкой распространенности и доминировании ее бытовых проявлений, т.е. культура отмены не считается «прерогативой» медийных личностей. Такое восприятие отражено в логике конструирования определений культуры отмены, где было выделено шесть блоков, из которых четыре представляют собой разные реакции обывателя на процессы в его инфополе. Так, для 29 опрошенных культура отмены — инструмент нормативного воздействия в ситуации девиантного поведения индивида или группы: *«осуждение обществом человека за оскорбительные слова»*. 22 человека определяют культуру отмены как *«коллективный призыв к отказу от взаимодействия с брендами или персонами»* и не дают моральной оценки явления. 6 респондентов акцентируют внимание на форме воздействия — *«инструмент эмоционального давления»*, 4 — как способ взаимодействия с инакомыслящими. Два «небытовых» типа определения сводят культуру отмены к *«способу привлечь к ответственности государственные власти»* и к неотрефлексированной массовой антипатии: *«когда куча людей хейтят, потому что это тренд»*. Такие «политизированные» трактовки в большей степени характерны для мужчин.

В числе обозначенных респондентами особенностей культуры отмены выделяется три основные группы. Чаще всего опрошенные связывали специфику культуры отмены с моральными аспектами, и амбивалентность

ее восприятия обнаруживается в оценках ее последствий, где негативные оценки преобладают. Так, 14 человек указывают на неосознанность и бессмысленность диссоциации, не конкретизируя последствия, а ограничиваясь художественными образами: *«тупость»*, *«слепота»*, *«неуправляемость»*. Несправедливость выражается и в тотальном обесценивании личности — *«отрицание прежних заслуг»* (7 человек). 3 респондента отметили несоизмеримость проступка и наказания. Позитивная оценка весьма консолидирована — достижение справедливости назвали 11 человек.

Следующая группа ответов указывает на инструментальный характер культуры отмены: 16 опрошенных считают ее основным следствием формирования новых правил. Эмоциональная оценка здесь неоднозначна, как правило, это простая констатация *«четкие правила»* и пессимизм — *«утрата ценностей»*, *«понимание неизбежности новой жизни»*. 10 респондентов отметили масштабность явления, фоновым проявлением которого выступает консолидация общества — *«сплоченность»*, *«сила общественного мнения»*, *«массовое осуждение»*. В большей степени «бытовой» тип представлений о культуре отмены определяет наличие в числе ее сущностных особенностей последствий для «жертв», но лишь 3 респондента видят в роли таковых в основном публичных, медийных личностей. 11 человек говорят в целом об *«эмоциональной, социальной депривации»*.

Распределение мнений о последствиях культуры отмены не обнаруживает серьезных разногласий с логикой ответов на предшествующие вопросы — чаще всего упоминаются эмоциональные и социальные проблемы (29 ответов). Деструктивное психоэмоциональное состояние связывается с лишением «отменяемого» социальной поддержки. Диссоциация имеет всеохватывающий характер, формулировки респондентов (*«исчезновение»*, *«отрицание обществом»*, *«забвение»*) указывают на страх перед социальным «небытием» как наиболее жестокой формой наказания (преимущественно респонденты в возрасте 30–55 лет). Реже упоминаются репутационные и финансовые потери (13 и 8 ответов соответственно). Для обывателя последствия критичнее, нежели для организаций и медийных лиц: *«в масштабах корпораций — ничего, для обычных людей — травля и отчуждение в социуме»*.

Распространено и представление о негативных макропоследствиях культуры отмены: 16 респондентов отметили разворачивание открытых конфликтов, в том числе политических. Формулировки позитивных последствий носят абстрактный характер: *«улучшение жизни»*, изменение форм коммуникации — *«эстетика общения»*. 15 ответов были сгруппированы в последствие «несправедливость», включающее обобщенные ответы *«ничего хорошего»* и *«потерю талантливых людей»*. 7 респондентов не наделяют возможные масштабные социальные трансформации ценностными характеристиками, говоря о *«переменах»*, *«замене культуры»* (чаще женщины). Лишь 3 респондента не видят существенных последствий в культуре отмены.

По мнению большинства респондентов, никто не застрахован от «отмены» (31 респондент), поэтому наиболее интересны периферийные представления о социальных группах, чей риск диссоциации минимален. Одна часть опрошенных связывает неприменимость социального остракизма или его неэффективность с позитивным восприятием личности, другая часть считает порядочность гарантией от общественных обвинений (следование коммуникативным нормам, общественной морали — *«воспитанные люди», «культурные люди»*) (преимущественно люди в возрасте от 30 до 55 лет). Другой тип ответов подчеркивает особенности характера как условие «выживания» в условиях попыток отмены — *«сила духа», «уверенность в собственной позиции»* (чаще люди в возрасте от 40 до 69 лет). Популярное представление о связи культуры отмены с корыстными интересами ее инициаторов выразили 7 опрошенных: *«простой», «непубличный человек»*, не обладающий экономическим, медийным капиталом, не представляет интереса для отменяющих.

Другая группа опрошенных связывает безопасность личности с принадлежностью к привилегированной группе, подразумевая эксплуататорский и претенциозный типы отношений. К эксплуататорской группе относятся представители управленческой элиты: *«вся политическая сфера», «руководители крупнейших социальных сетей»*. Безопасное положение политической, чиновничьей элиты, видимо, связано с доминирующей трактовкой отмены как бойкота, сопряженного с социально-психологическим, реже с материальным ущербом, а отсутствие или незначительность реакции на общественное осуждение воспринимается как неспособность добиться поставленных целей посредством практик отмены. 4 человека считают безопасной претенциозную позицию: *«женщины», «люди нетрадиционной ориентации»* могут апеллировать к своему дискриминируемому положению, что уменьшает шансы их «отмены».

Весьма мозаичен социальной «портрет» применяющих инструменты культуры отмены: кенселлинг как набор негативных практик характеризует и личность акторов отмены, и негативные процессы культуры отмены в целом. Нередко вовлеченность в практики отмены соотносится с аморальностью, глупостью, бессубъектностью: *«недалекие», «настроенные, проплаченные»* (24 ответа, преимущественно мужчины и женщины старше 40 лет). Причисление прибегающих к практикам кенселлинга к конформистской группе характерно для респондентов 16–39 лет. 16 респондентов видят в культуре отмены способ победить в конкурентной борьбе как бытовом уровне (*«люди с противоположными интересами»*), так и на макрополитическом (*«страны коллективно»*). 12 опрошенных описывают прибегающих к практикам отмены лиц как активистов, равнодушных к общественным проблемам, однако демонстрируют амбивалентное отношение к культуре отмены: с одной стороны, акторы отмены воспринимаются как *«борцы за правду», «осужденные общественных пороков»*, с другой стороны, упоминается ситуативность

подобных действий (*«иногда, скрепя сердце»*). 22 человека не выделяют каких-либо особенностей «отменяющей» группы.

Описания ситуаций, в которых применение практик отмены недопустимо, соответствуют «бытовому» типу восприятия несправедливости: *«в случае невиновности жертвы», «корыстных целей обвиняющих»* (20 ответов). Значительная часть респондентов (18) считают культуру отмены деструктивной практикой, в принципе недопустимой — *«крайне нездоровый способ решать вопросы»*. В определенной степени такая позиция может свидетельствовать о лично осознаваемых рисках, о признании тотального вовлечения в процесс кенселлинга всех членов общества в условиях наличия антагонистических групп. Несоизмеримость наказания и проступка принципиальна для 11 респондентов, что соответствует критическому дискурсу о культуре отмены в отечественных и зарубежных публикациях [32]. Менее распространена позиция, связывающая недопустимость попыток отмены с поведением отменяемого: 5 респондентов считают раскаяние достаточным основанием для прекращения остракизма, 4 уверены, что общественное осуждение не должно побуждаться действием, имеющим в своей основе благородные мотивы (*«патриотизм», «отстаивание несправедливости»*). Часть респондентов акцентирует внимание на критических, опасных последствиях остракизма, что делает культуру отмены недопустимой *«в военное время», «если она вызывает хаос»*, в отношении уязвимых групп — *«дети», «люди со слабым эмоциональным фоном»*. Лишь по мнению 3 респондентов, культура отмены оправдана в любых ситуациях.

43 опрошенных полагают, что «отменен» может быть любой, 13 связывают вероятность кенселлинга с известностью, влиятельностью, медийностью, экономической состоятельностью (чаще женщины). Часть респондентов рассматривает отмену в геополитическом контексте — может быть «отменен» *«любой народ, любая страна»* (чаще респонденты старше 40 лет). 8 человек считают весьма вероятной отмену аморальных людей, делинквентов — *«расисты», «насильники», «нарушающий нравственные и этические нормы»* (преимущественно молодежь). В свою очередь, негативный «модуль» восприятия культуры отмены связан с представлениями о ее манипулятивности, конъюнктурности, когда ее вероятная жертва — критически мыслящий человек с четко обозначенной позицией (8 ответов, преимущественно люди старше 40 лет) или же простой человек, не понимающий специфику современного общества и его коммуникативных практик (*«неподготовленный человек», «неопытный человек»*).

Амбивалентность представлений о культуре отмены показывают ответы на вопрос, кто однозначно заслуживает отмены. Чаще всего кенселлинг связывается с ненормативным поведением (26 опрошенных) без конкретизации: *«преступники», «человек, опасный для окружения», «плохой человек», «нечестные люди, которые пользуются другими», «садисты», «педофилы»,*

«предатели, иноагенты», «нечестивые мерзавцы, живущие не по совести и без Бога». В отдельную группу были объединены ответы о нежелательных явлениях — «несправедливость», «негатив», «фашизм, национализм» (14 ответов; чаще респонденты в возрасте 40–69 лет и до 18 лет). 15 респондентов считают, что культура отмены не должна применяться никогда, это преимущественно люди до 40 лет, видимо, как активные медиапотребители видящие в кенселлинге угрозу собственной безопасности и привычным досуговым практикам (если отменяется предпочитаемый бренд или медийное лицо).

Респондентам было предложено закончить предложение: «Культура отмены может быть полезной, если...». В основном полезность соотносится с функцией поддержания социальной нормы, защитными механизмами в формальной и неформальной сфере. Наиболее частыми были ответы, которые подразумевают защиту общества от деструктивного поведения его членов (15 ответов): «касается отмены доказано социально опасных явлений и людей», «есть угроза государственной безопасности», «если человек совершил серьезное правонарушение, особенно если замешаны жизни и здоровье людей» и т.д. На втором месте (14 ответов) идут ответы, подразумевающие, что культура отмены, в целом, может принести позитивные изменения в жизнь людей: «приведет общество к более здоровой атмосфере», «идет во благо народа, страны», «полезна человеку», «есть польза от этой отмены для общества», «делается во благо мира», «если будет полезной». Другими словами, респонденты склонны видеть позитивный потенциал в данном явлении, но не готовы предложить конкретные примеры. На третьем месте по частоте упоминаний находятся ответы, связанные с проблемой морали и ответственности (12 ответов): «общество искренне осуждает порок», «люди забыли о морали», «заставляет публичных личностей нести ответственность за оскорбительные слова и действия, которые транслируются огромной аудитории», то есть культура отмены может быть направлена на перевоспитание общества. Несколько реже респонденты делали высказывания, связанные с темой справедливости (5 ответов): «направлена против несправедливости», «направлена на борьбу за социальную справедливость», «если нужно восстановить справедливость». Вероятно, опрошенные ощущают, что культура отмены, как рычаг давления, может быть использована для достижения справедливости, однако респонденты не предлагали конкретных примеров, что закономерно, учитывая, что данное понятие крайне неоднозначно и имеет множество коннотаций. Отдельно стоит выделить такую категорию ответов, как исключяющее положение (13 ответов), куда были занесены ответы, отрицающие пользу культуры отмены: «не полезна никак», «ни в каком из случаев», «не может быть полезной», «в том виде, который есть сейчас, данный феномен не может быть полезен» и т.д. Таким образом, многие респонденты воспринимают культуру отмены исключительно как негативное явление.

Достаточно большое количество респондентов (7 человек) затруднились с ответами на данный вопрос, еще больше (18 человек) дали ответы, которые не удалось отнести к какой-либо классификации из-за редкости упоминаний или несогласованности со стимульной частью предложения: *«там будет Солженицын»*, *«нет клеветы»*, *«всё вместе»*, *«страны об этом договорились»* и т.д. Существенных различий в ответах мужчин и женщин не прослеживается, что касается различий между респондентами из разных возрастных групп, опрошенные 30–39 лет чаще всех остальных давали ответы, отнесенные к категории «исключающее положение», либо отмечали позитивные изменения в целом, без указания конкретики. Так, исходя из ответов респондентов касательно пользы культуры отмены, можно резюмировать, что устойчивые представления практически не сформированы: чаще всего опрашиваемые либо затрудняются ответить, либо дают абстрактные ответы без уточнений. При этом в основном респонденты не исключают того факта, что культура отмены может приносить обществу пользу, контролируя деструктивные поступки и напоминая людям о морали и ответственности за свои действия.

Варианты окончания предложения «Культуру отмены можно использовать как инструмент...» разделились, однако общая модальность восприятия данного феномена сохранилась — четко прослеживаются представления о конструктивном и деструктивном применении культуры отмены: контроль и управление (12 ответов), защита (7), достижение справедливости и воспитание (по 6); но в то же время давление (22) и манипуляции (8), изменение общественного мнения и использование в политических целях (по 6). Говоря о деструктивном использовании культуры отмены, респонденты указывают *«запугивание»*, *«давление»*, *«гонение»*, *«ущемление»*, *«манипулирование»*, *«издевательство»*, *«травлю»*, *«кенселлинг»* и т.д., о ее конструктивном применении — *«контроль за насилием»*, *«регуляцию поведения медийных личностей»*, *«предотвращение преступлений»*, *«воспитание, образование, развитие кругозора и мышления»*, *«исправление преступников»* и т.д.

Что касается гипотетической ситуации отсутствия в мире культуры отмены, то респонденты чаще отмечали негативные аспекты такого положения дел: *«было бы плохо»*, *«был бы хаос»*, *«был бы беспредел»*; *«проблемы морали»*, *«вседозволенность»*, *«не осталось бы справедливости, чести, совести»*; *«многие знаменитости не знали бы границ плохих действий»*, *«было бы дозволено оскорбление в адрес других людей»*, *«люди были бы более грубыми»*, *«не было бы стандарта поведения в обществе»*; *«многие действительно разрушающие действия компании и/или человека остались бы безнаказанными»*, *«был бы наводнен рынок чем попало»*. Позитивные последствия упоминались значительно реже: *«было бы здорово»*, *«все было бы гораздо лучше»*, *«все люди жили бы в счастье»*; *«было бы меньше бойкотов»*, *«не было бы драк, оскорблений»*, *«меньше было бы клеветы»*; *«в обществе был бы мир и согласие»*,

«был бы равный культурный обмен», «общества вышли бы на новый уровень», «меньше осуждения». 13 респондентов считают, что, если бы культуры отмены не существовало, было бы аналогичное явление с другим названием: «общество бы придумало что-то еще», «возник бы другой аналогичный инструмент», «ее бы просто назвали по-другому, а так она всегда была и будет». 7 респондентов указали, что при отсутствии культуры отмены ничего бы не изменилось: «всем было бы все равно», «оставалось бы все, как и прежде», «ничего особенного бы не было».

Называя синонимы культуры отмены, респонденты давали достаточно предсказуемые ответы — бойкот, остракизм, изгнание, подразумевающие исключение человека из общества (28 ответов). На втором месте по частоте упоминаний оказались понятия, связанные с активными агрессивными действиями против человека: травля, буллинг, унижение (16 ответов), далее следуют осуждение (7), игнорирование как пассивное проявление отмены (5), реже этактические формы воздействия — цензура (4) и правосудие (3). Затруднились ответить на данный вопрос 8 респондентов, еще 20 написали закрытия, которые не поддаются классификации или не согласуются со стимульной частью предложения (например: «интеллигент», «закон», «слова», «понимание» и т.д.). Женщины чаще затруднялись с ответом, а мужчины чаще давали ответы, которые не согласуются с вопросом. Чем старше респонденты, тем чаще они использовали такие слова, как бойкот и остракизм, в то время как более молодые участники опроса упоминали травлю и буллинг.

Три завершающих неоконченных предложения были посвящены реакции респондентов на ситуацию, когда жертвой отмены стали они сами, их близкие и организации, продуктами/услугами, которых они пользуются. В первом случае одни респонденты указывали разные варианты предполагаемых действий, а другие сделали акцент на особенностях эмоционального состояния — подавленность, грусть, огорчение (10 человек) или, напротив, спокойствие и безразличие (12). Что касается активных действий, то 13 респондентов попытаются исправить ситуацию своими силами: «постаралась найти выход из сложившейся ситуации», «сделать все, чтобы вернуть свое место в обществе», «доказывал бы свою невиновность», «решила бы признать свою ошибку, извиниться и принять меры для исправления ситуации». 5 респондентов выбрали бы юридическое решение: «нанял адвоката», «подала в суд», «если действия неправомерны, решила бы конфликт законным путем». 7 респондентов заявили о готовности к полной информационной изоляции, 6 — о полном бездействии, 10 — о саморефлексии: «проанализировал бы свои действия», «задумалась бы над правильностью выбора», «подумала, а права ли я?», «постаралась бы пересмотреть свои поступки», «прислушался бы к мнению и пересмотрел свои взгляды». 5 респондентов исключили для себя возможность быть отмененными. Женщины чаще склонялись к спокойствию, бездействию и рефлексии, мужчины чаще заяв-

ляли о вероятном подавленном состоянии. Больше всего затруднений этот вопрос вызвал у респондентов 24–29 лет, респонденты 30–39 лет чаще намерены исправить ситуацию своими силами, 40–55-летние склонны к рефлексии и спокойствию, самая старшая группа (56–69 лет) чаще предпочитала юридическое решение вопроса.

Ситуация меняется, когда речь заходит о близких людях в «статусе отмены»: изменить их положение постараются 24 респондента (против 13 готовых бороться за себя), 3 респондента выбрали юридическое решение, 4 — бездействие и спокойствие (против 12 в случае собственной отмены), 10 — рефлексии и анализ. Большинство ответов (30) было отнесено к категории «поддержка»: *«попытаюсь понять, в случае чего я всегда его поддержу и не брошу»*, *«поддержала бы его и посоветовала обратиться к психологу»*, *«поддержал бы его морально»* и т.д. Лишь 1 респондент указал, что присоединился бы к травле, если бы вина его близкого была доказана. Женщины чаще склонялись к поддержке, а мужчины к активным действиям.

Возможные реакции респондентов на отмену организации, чьей услугой или товаром они пользуются, были объединены в три группы: большинство не изменит своим потребительским привычкам — продолжают пользоваться услугами организации (19 респондентов) или безразлично относятся к данному инциденту (12); значительное число (24 ответа) сначала изучат ситуацию, а потом примут решение (*«проверила бы все источники, узнала бы в чем дело»*, *«выясню все обстоятельства»*, *«сначала разобрался бы в ситуации»*, *«перепроверил и только потом сделал вывод»*); реже всего респонденты готовы отказаться от привычного потребления — 10 перестанут быть пользователями, 4 присоединятся к осуждению, а 3 огорчатся. Несколько респондентов неверно истолковали стимульную часть предложения, подумав, что речь идет об организации, в которой они работают, и ответили, что уволились бы из данной компании. Такая интерпретация подтверждает личностно-ориентированное отношение к культуре отмены и пониманию индивидуальных рисков.

Таким образом, ответы респондентов на обозначенные выше вопросы можно объединить в следующую таблицу 1:

Завершал анкету закрытый вопрос о согласии или несогласии с тем, что большинство людей хотели бы негативного общественного восприятия тех, кого они лично осуждают. Затруднились высказать свое мнение 4 % респондентов, остальные ответы (Рис. 1) говорят о том, что, несмотря на распространенное негативное отношение к практикам кенселлинга и реализующим их группам, большинство респондентов (81 %) отмечают формирование монополярного общественного восприятия действий и суждений, что, видимо, обусловлено высоким уровнем тревожности в диджитализирующемся социальном пространстве (боязнь оказаться в числе изгоев).

Таблица 1

«Ядро» и «периферия» трактовок феномена отмены

	Ядро	Периферия	Дальняя периферия
Культура отмены	Общие представления		
	Инструмент нормативного воздействия на девиантных личностей Коллективный отказ от взаимодействия (с людьми или брендами) Негативная оценка (неосознанность и бессмысленность) Недопустима, если приводит к несправедливости	Инструмент эмоционального давления Формирование новой этики/ новых норм Недопустима ни при каких условиях	Способ взаимодействия с инакомыслящими Тренд на антипатию Абстрактные негативные последствия для общества Недопустима, если несоизмеримы проступок и реакция на него
	Польза культуры отмены		
	Защита/поддержание социальных норм Сохранение общества от аномии	Перевоспитание общества/защита морали и нравственности Позитивные изменения	Достижение справедливости Нет пользы
	Деструктивное влияние культуры отмены		
	Давление на общество Увеличение числа конфликтов	Манипуляции общественным мнением	
Человек в контексте механизмов отмены	Кто может подвергнуться отмене		
	Любой человек	Знаменитости	Аморальные личности
	Кто застрахован от отмены		
	Никто	Порядочные люди Принадлежащие к привилегированной/ властной группе	Сильные духом/ уверенные в себе Непубличные люди Представители меньшинств
	Кто однозначно заслуживает отмены		
	Индивиды, действующие ненормативно Преступники	Никто не заслуживает	Сама культура отмены и ее сторонники
	Кто является инициатором отмены		
	Аморальные, глупые люди	Те, кто стремится победить в конкурентной борьбе	Неравнодушные к общественным проблемам
	Последствия отмены для «жертвы»		
	Эмоциональные и социальные проблемы (отсутствие солидарности)	Репутационные и финансовые потери	
	Стратегии поведения при столкновении с отменой		
	<i>Отмена респондента</i>		
	Активные действия	Эмоциональная реакция	Рефлексия, попытка понять свои ошибки
<i>Отмена близкого человека</i>			
Эмоциональная поддержка	Действия, направленные на изменение ситуации	Безразличие, одобрение диссоциации	
<i>Отмена организации</i>			
Сохранение потребительской модели	Анализ ситуации, оценка мнений	Отказ от потребления	

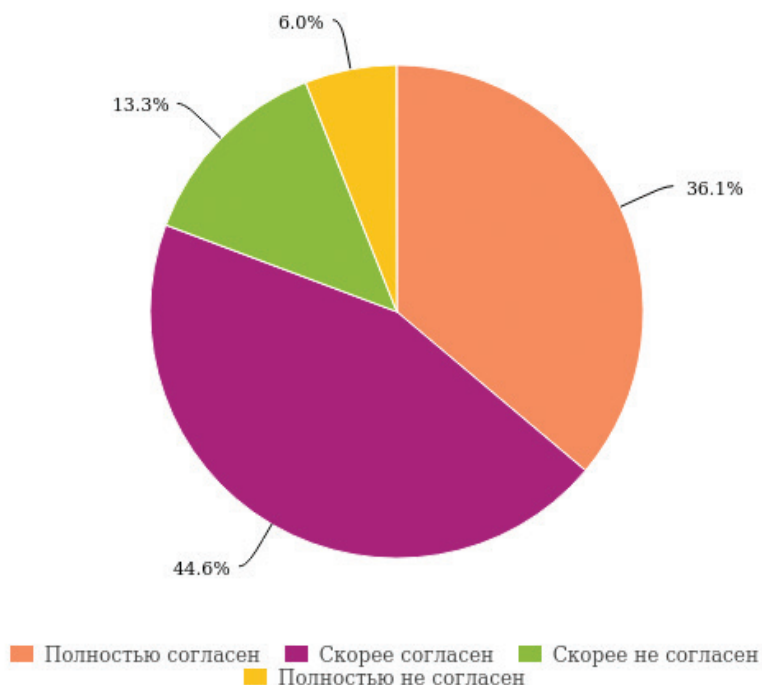

Рис. 1. Степень согласия с высказыванием: «В большинстве своем люди хотят, чтобы общество разделяло их негативное отношение к тем, кого они осуждают»

Таким образом, представления о культуре отмены сложно назвать оформившимися и однозначными — зачастую респонденты давали весьма общие и абстрактные ответы на неоконченные предложения, что, впрочем, говорит и о необходимости доработки исследовательского инструментария. В целом, несмотря на широкую тиражируемость термина «культура отмены», ответы респондентов говорят о несформированности, размытости представлений о ней. На это указывают как расширительные трактовки диссоциации (включая социально-правовые ее проявления), так и разброс ответов, многие из которых не поддаются типологизации или же противоречат логике вопроса.

Примечания

- (1) Город грехов: справедлив ли приговор Харви Вайнштейну // URL: <https://iz.ru/980087/marina-ivanova-elena-sidorenko-natalia-vasileva-elena-palmer/goroda-grekhov-spravedliv-li-prigovor-kharvi-vainshteinu>.
- (2) Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Библиографический список

1. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019.
2. Беспалова Ю.М., Кондаков В.А. Модернизационные преобразования в России // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М., 2012.

3. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3.
4. Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. № 2.
5. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. М., 2012.
6. Зайкова О.Н., Соковиков С.С. Ресентимент как контекстуальная среда культуры отмены // XIV международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы–2022. К 100-летию ‘Философского парохода’» / Отв. ред. В.Ю. Перов. СПб., 2022.
7. Казакова А.Ю. Дискриминация арендатора: ксенофобия или практика безопасности // Жилищные стратегии. 2019. Т. 6. № 2.
8. Котунова О.В. Культура отмены: этический анализ // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 2.
9. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
10. Набиева К.М. Проблемы демографии Южной Кореи в XXI веке // Корееведение в России: направление и развитие. 2020. Т. 1. № 1.
11. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения. Т. 2. М., 1990.
12. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
13. Сикевич З.В. Опыт применения процедуры неоконченных предложений в социологическом исследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. № 4.
14. Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.
15. Татарова Г.Г., Бурлов А.В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8.
16. Тихомиров Д.А., Новицкая К.В. Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3.
17. Троцук И. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2.
18. Троцук И.В. Несправедливая справедливость, или как социальный активизм разрушает идеи равенства и «хорошего общества» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2.
19. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
20. Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Политкорректность, постмодерн и неутралиализм: социологический взгляд на идеологию, инструменты и последствия «восстания меньшинств» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 3.
21. Троцук И.В., Субботина М.В. «Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
22. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.
23. Blitvich P.G.-C. Moral emotions, good moral panics, social regulation, and online public shaming // Language & Communication. 2022. Vol. 84.
24. Clark D. Drag them: A brief etymology of so-called “cancel culture” // Communication and the Public. 2020. Vol. 5. No. 3–4.
25. Dias N., Druckman J.N., Levendusky M. Unraveling a “Cancel Culture” Dynamic: When and Why Americans Sanction Offensive Speech. 2024 // URL: <https://ssrn.com/abstract=4235680> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4235680>.

26. *Dickson E.J.* Men Always Win: Survivors “Sickened” by the Amber Heard Verdict. 2020 // URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/amber-heard-johnny-depp-verdict-metoo-trial-1361356>.
27. *Hasinoff A.A., Schneider N.* From scalability to subsidiarity in addressing online harm // *Social Media + Society*. 2022. Vol. 8. No. 3.
28. *Henderson R.* The atavism of cancel culture // *City*. 2019. October.
29. *Khosravi N.M.* Social media critical discourse studies // Flowerdew J., Richardson J. (Eds.). *Handbook of Critical Discourse Analysis*. L., 2018.
30. *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Neighboring countries’ images: Persistent stereotypes of the Russian student youth // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. Т. 17. № 3.
31. *Norris P.* Cancel culture: Myth or reality? // *Political Studies*. 2021. Vol. 71.
32. *Owens E.* *The Case for Cancel Culture*. Washington, 2023.
33. *Shepherd T., Harvey A., Jordan T., Srauy S., Miltner K.* Histories of hating // *Social Media + Society*. 2015. Vol. 1. No. 2.
34. *Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V.* The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 4.
35. *Trotsuk I.V.* Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 2.
36. *Trotsuk I.V., Subbotina M.V.* Three questions to start the sociological study of heroism // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 1.
37. *Valdes I.* El Congreso aprueba la ‘ley del solo sí es sí’, que consagra el consentimiento como clave de la libertad sexual. 2022 // URL: elpais.com.
38. *Wong R.S.* Revisiting cancel culture // *Contexts*. 2022. Vol. 21. No. 4.
39. *Yardi S., Boyd D.* Dynamic debates: An analysis of group polarization over time on Twitter // *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010. Vol. 30.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683

EDN: DXLFCJ

Possibilities of the unfinished sentences technique in the study of cancel culture*

A.S. Savenkova, M.V. Subbotina

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. In recent years, the unfinished sentences technique has become increasingly popular, especially for identifying everyday interpretations of concepts with ambiguous connotations (e.g., patriotism, heroism, etc.). The authors applied the unfinished sentences technique to study the phenomenon of cancel culture, which has been included in the scientific discourse relatively recently. The article presents different approaches to the definition and study of cancel culture, focusing on possible consequences of this phenomenon for society, and some concepts that are associated with cancel culture and can provide (albeit partial)

* © A.S. Savenkova, M.V. Subbotina, 2024

The article was submitted on 02.12.2023. The article was accepted on 20.05.2024.

explanation for it. The article describes the procedure and results of the exploratory study conducted by the authors and based on the unfinished sentences technique. Thus, respondents tend to define cancel culture as a means of influence used by society in case of unacceptable behavior. Respondents believe that no one is safe from “cancellation”, but decent people are less likely to be among the “cancelled”. Contrary to the media position, respondents more often associate cancellation not with media personalities (as its most likely objects) but with everyday immorality and stupidity; therefore, in general, attempts to cancel someone are perceived negatively based on the belief that cancel culture leads to emotional and social problems. As a rule, respondents consider actors with abnormal behavior (criminals, dishonest people, etc.) as deserving cancellation, thus, considering cancel culture as a means of protecting society from the destructive behavior of its members. If “cancellation” affects their personal interests, respondents would use the following tactics: in case of their “cancelling” respondents would prefer to correct their mistakes; if their loved ones are cancelled, respondents would focus on support and assistance; if the organization whose services respondents use is cancelled, they would rather be indifferent, since this situation does not directly affect their personality or self-perception.

Key words: unfinished sentences technique; cancel culture; resentment; risk society, spiral of silence

References

1. Assman A. *Zabvenie istorii — oderzhimost istoriey* [Oblivion of History — Obsession with History]. Moscow; 2019. (In Russ.).
2. Bepalova Yu.M., Kondakov V.A. Modernizatsionnye preobrazovaniya v Rossii [Modernization transformations in Russia]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa*. Moscow; 2012. (In Russ.).
3. Boykina E.E. Ostrakizm i rodstvennye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovaniy [Ostracism and related phenomena: A review of foreign studies]. *Psikhologiya i Pravo*. 2019; 9 (3). (In Russ.).
4. Bylevsky P.G., Tsatskina E.P. Fenomenologichesky analiz yavleniya “kultura otmeny” [Phenomenological analysis of “cancel culture”]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki*. 2022; 2. (In Russ.).
5. Zhmurov V.A. *Bolshaya entsiklopediya po psikiatrii* [The Great Encyclopedia of Psychiatry]. Moscow; 2012. (In Russ.).
6. Zaykova O.N., Sokovikov S.S. Resentiment kak kontekstualnaya sreda kultury otmeny [Resentiment as a contextual environment of cancel culture]. *XIV Mezhdunarodnaya konferentsiya “Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy — 2022. K 100-letiyu ‘Filosofskogo parokhoda’”*. Otv. red. V.Yu. Perov. Saint Petersburg; 2022. (In Russ.).
7. Kazakova A.Yu. Diskriminatsiya arendatora: ksenofobiya ili praktika bezopasnosti [Discrimination of the tenant: Xenophobia or safety practices]. *Zhilishchnye Strategii*. 2019; 6 (2). (In Russ.).
8. Kotunova O.V. Kultura otmeny: etichesky analiz [Cancel culture: An ethical analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2022; 2. (In Russ.).
9. Merton R.K. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
10. Nabieva K.M. Problemy demografii Yuzhnoy Korei v XXI veke [Demographic problems of South Korea in the 21st century]. *Koreevedenie v Rossii: Napravlenie i Razvitie*. 2020; 1 (1). (In Russ.).
11. Nietzsche F. K genealogii morali [On the genealogy of morality]. *Sochineniya*. Vol. 2. Moscow; 1990. (In Russ.).

12. Noelle-Neumann E. *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [The Spiral of Silence. A Theory of Public Opinion]. Moscow; 1996. (In Russ.).
13. Sikevich Z.V. Opyt primeneniya protsedury neokonchennykh predlozheniy v sotsiologicheskom issledovanii [An application of the unfinished sentences technique in sociological research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2019; 4. (In Russ.).
14. Surikov I.E. *Ostrakizm v Afinah* [Ostracism in Athens]. Moscow; 2006. (In Russ.).
15. Tatarova G.G., Burlov A.V. Logicheskaya organizatsiya analiza dannykh, poluchennykh metodom neokonchennykh predlozheniy [Logical organization of the analysis of data obtained by the unfinished sentences technique]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999; 8. (In Russ.).
16. Tikhomirov D.A., Novitskaya K.V. Predstavleniya molodezhi Moskvy o gendernykh rolyakh i kharakteristikah sovremennoy zhenshchiny [Moscow youth's ideas about gender roles and characteristics of the contemporary woman]. *Gorizonty Gumanitarnogo Znaniya*. 2018; 3. (In Russ.).
17. Trotsuk I. Diskursivnoe konstruirovaniye sotsialnoy realnosti: kontseptualnye osnovaniya i empiricheskie priemy razoblacheniya “skvernykh” praktik [Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the “abominable” practices]. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (2). (In Russ.).
18. Trotsuk I.V. Nespravedlivaya spravedlivost, ili kak sotsialny aktivizm razrushayet idei ravenstva i “khoroshego obshchestva” [Unfair justice, or how social activism destroys the ideas of equality and ‘good society’]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (2). (In Russ.).
19. Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom disкурse: semanticheskie, empi-richeskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
20. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Politkorrektnost, postmodernizm i neotribalizm: so-tsiologichesky vzglyad na ideologiyu, instrumenty i posledstviya “vosstaniya menshinstv” [Political correctness, postmodernism and neotribalism: A sociological perspective on ideology, instruments and consequences of ‘the revolt of the minorities’]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 3. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. “Yadro” i “periferiya” ponyatiy “schastie” i “spravedlivost”: metod neokonchennykh predlozheniy kak instrument validizatsii [‘Core’ and ‘periphery’ of the concepts ‘happiness’ and ‘justice’: Unfinished sentences technique as a means of validation]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (4). (In Russ.).
22. Scheler M. *Resentiment v strukture moraley* [Resentment in the Structure of Morals]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
23. Blitvich P.G.-C. Moral emotions, good moral panics, social regulation, and online public shaming. *Language & Communication*. 2022; 84.
24. Clark D. Drag them: A brief etymology of so-called “cancel culture”. *Communication and the Public*. 2020; 5 (3–4).
25. Dias N., Druckman J.N., Levendusky M. Unraveling a “Cancel Culture” Dynamic: When and Why Americans Sanction Offensive Speech. 2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=4235680> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4235680>.
26. Dickson E.J. Men Always Win: Survivors “Sickened” by the Amber Heard Verdict. 2020. URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/amber-heard-johnny-depp-verdict-metoo-trial-1361356>.
27. Hasinoff A.A., Schneider N. From scalability to subsidiarity in addressing online harm. *Social Media + Society*. 2022; 8 (3).
28. Henderson R. The atavism of cancel culture. *City Journal*. 2019; October.
29. Khosravi N.M. Social media critical discourse studies. Flowerdew J., Richardson J. (Eds.). *Handbook of Critical Discourse Analysis*. London; 2018.
30. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries’ images: Persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3).
31. Norris P. Cancel culture: Myth or reality? *Political Studies*. 2021; 71.

32. Owens E. *The Case for Cancel Culture*. Washington; 2023.
33. Shepherd T., Harvey A., Jordan T., Srauy S., Miltner K. Histories of hating. *Social Media + Society*. 2015; 1 (2).
34. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
35. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
36. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
37. Valdes I. El Congreso aprueba la 'ley del solo sí es sí', que consagra el consentimiento como clave de la libertad sexual. 2022. URL: elpais.com.
38. Wong R.S. Revisiting cancel culture. *Contexts*. 2022; 21 (4).
39. Yardi S., Boyd D. Dynamic debates: An analysis of group polarization over time on Twitter. *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010; 30.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-684-698

EDN: DWONKG

Проблема поиска оптимальной модели организации местного самоуправления в Российской Федерации (опыт социологического анализа)

В.И. Злотковский

Красноярский филиал Академии труда и социальных отношений,
ул. Марковского, 81, Красноярск, 660017, Россия*

(e-mail: nn101@yandex.ru)

Аннотация. Поиск оптимальной модели организации местного самоуправления, которая наилучшим образом отражает интересы местных сообществ, был и остается для Российской Федерации актуальной задачей, обусловленной тем, что местная власть наиболее приближена к населению и призвана решать большинство проблем, связанных с жизнеобеспечением граждан. Данная задача рассматривается по материалам мониторинговых социологических исследований в Красноярском крае, который по многим статистическим показателям и данным социологических исследований считается микромоделью Российской Федерации. Результаты проведенных опросов позволили сделать ряд важных выводов. Во-первых, переход с 2010 года на не прямые выборы глав местного самоуправления по модели «сити-менеджер» и «совет-комиссия» не привел к притоку во власть эффективных управленцев, ориентированных, прежде всего, на отстаивание интересов муниципальных образований и населения. Главы местного самоуправления, будучи недостаточно эффективными и непопулярными среди местных жителей, тем не менее, успешно проходят процедуру не прямых выборов в случае предварительного согласования их кандидатур с краевой властью. Во-вторых, существенно возросла текучесть среди руководителей местных органов власти. На половине территорий Красноярского края главы, избранные в 2015 году, не доработали до конца отчетного периода от полугодия до трех лет; на посту главы администрации на этих территориях побывали 2, 3 и даже 4 управленца. Инициаторами досрочных отставок выступают главным образом правоохранительные органы (каждый пятый руководитель местных органов власти осужден по уголовной статье) и краевые органы власти. В-третьих, муниципальные руководители теряют популярность у населения, поэтому значительно снизилась явка избирателей

* © Злотковский В.И., 2024

Статья поступила в редакцию 15.01.2024. Статья принята к публикации 20.05.2024.

на муниципальных выборах. В-четвертых, за десятилетний период не удалось разрешить или хотя бы снизить остроту социальных проблем, беспокоящих граждан в наибольшей степени. В-пятых, ухудшаются самооценки населением своего материального положения и социального самочувствия. Все это говорит о рисках утраты легитимности местными органами власти в крупном сибирском регионе.

Ключевые слова: модель организации местного самоуправления; единая система публичной власти; выборы главы муниципального образования; легитимность местных органов власти; социальное самочувствие населения

Местную власть по праву называют основой любого государства и наиболее приближенной к населению — на местном уровне решается большинство проблем, связанных с жизнеобеспечением граждан, вследствие чего их социальное благополучие во многом зависит от эффективной работы всех структур местного самоуправления и их конструктивного взаимодействия с государственной властью. Неслучайно Президент Российской Федерации В.В. Путин видит в сильном и эффективном местном самоуправлении «залог успешного развития России, ключ к раскрытию громадного потенциала всех ее территорий» [21]. Поэтому так важен поиск оптимальной модели организации местного самоуправления, которая, с одной стороны, будет способствовать приходу в местные органы власти наиболее эффективных и достойных руководителей, с другой — повысит активность участия граждан в решении проблем местного значения.

Эмпирическая база исследования — результаты мониторинговых социологических опросов жителей Красноярского края с 2000 по 2020 годы, дополненные анализом документов. Опросы проводились по комбинированной выборке, репрезентативной по полу, возрасту и уровню образования и включающей процедуры квотирования и районирования, методом формализованного интервью. В опросах приняли участие в разные периоды времени от 572 до 1120 респондентов.

В постперестроечный период вплоть до конца нулевых годов в России на местном уровне использовалась главным образом модель «сильный мэр — совет» — право выбора руководителя муниципалитета имело население. Однако с течением времени все отчетливее стали проявляться недостатки прямых выборов, в частности, риск прихода во власть как недостаточно эффективных руководителей, так и преследующих узкокорыстные цели (личные или групповые) при отсутствии реальной возможности отзыва главы муниципалитета. Так, в Красноярском крае в 2005 году в ходе выборов глав администраций на 29 территориях сменяемость корпуса глав составила 79 %).

В нулевые годы появляется значительное количество научных работ, посвященных электоральному поведению, включая подходы к типологизации участников избирательного процесса, в том числе избирателей и кандидатов на выборные должности. Так, одна классификация глав администраций опиралась на количество избирателей, проголосовавших за них на выборах: аб-

солютные лидеры, относительно популярные, относительно непопулярные и непопулярные. Уровень поддержки в двух последних группах составлял от 20 % до 40 % и менее 20 % соответственно [16. С. 206–207]. Если руководствоваться таким подходом, то абсолютное большинство глав администраций Красноярского края (76 %) в середине нулевых годов следует отнести либо к числу непопулярных (6 территорий, в среднем поддержка 13 % избирателей), либо относительно непопулярных (16 территорий; 28 %). В то же время не было зафиксировано ни одного случая досрочной отставки главы администрации и даже таких попыток.

Анализ результатов предвыборных исследований и электоральной статистики позволил сделать два вывода по итогам избирательной кампании 2005 года. Во-первых, итоговый результат главы администрации на выборах детерминируется оценками его деятельности населением: когда эти оценки составляли 45 % и более, руководитель одерживал уверенную победу, если опускались ниже 30 %, то глава в большинстве случаев терпел поражение. Во-вторых, отношение населения к деятельности главы администрации напрямую не связано ни с уровнем материального благосостояния, ни с развитостью социальной инфраструктуры, ни с состоянием экономики. Так, главы повторно избирались в ряде депрессивных территорий и могли безнадежно проиграть в экономически развитых городах/районах. Отсюда вывод: популярность муниципального руководителя и оценка его деятельности населением зависит, прежде всего, от его работы в интересах муниципального образования и его жителей.

Вполне логичным стало дальнейшее реформирование системы муниципальных выборов в направлении непрямого избрания глав: предполагалось, что муниципальные депутаты как более образованные и хорошо информированные о положении дел на местах способны сделать более осознанный и рациональный выбор по сравнению с населением, значительная часть которого не проявляет интереса к политике и делам на местном уровне. К середине 2010-х годов большинство муниципальных образований страны (порядка 90 %) перешли к непрямым выборам руководителей муниципалитетов. Наибольшее распространение получила модель «сити — менеджер», согласно которой местные депутаты выбирали главу из своего состава. По всей вероятности, предполагалось за счет двухступенчатой системы отбора (избиратели и депутатский корпус) обеспечить приход во власть наиболее эффективных и достойных руководителей. Однако новая система выборов практически сразу вызвала возражения у населения и подверглась критике со стороны ряда ученых. Например, отмечалось, что использование в России модели «сити-менеджер», которая зародилась и получила наибольшее распространение в США [1. С. 82], — следствие некритического заимствования западного опыта без должного осмысления и учета национальных тра-

диций, поэтому внедрение данной модели не пойдет на пользу местному самоуправлению [3. С. 91–92].

К началу 2021 года доля муниципальных образований, где использовались модели не прямых выборов глав, сохранилась на уровне 90 % [10], но лидером стала модель «совет — комиссия», которая предусматривает избрание главы депутатами из числа, как правило, двух кандидатур, предварительно отобранных конкурсной комиссией по заранее определенной процедуре. В модели «сити — менеджер» влияние региональных властей на формирование местных органов власти было опосредованным, поэтому наблюдались, хотя и крайне редкие, случаи избрания руководителей, предварительно не согласованных с региональной партией власти. При использовании модели «совет — комиссия» ситуация кардинальным образом менялась, так как в работе конкурсной комиссии региональная власть обладает правом решающего голоса. В результате в Красноярском крае с 2015 года не было зафиксировано ни одного случая, когда конкурсная комиссия рекомендовала бы для избрания кандидатуру, предварительно не согласованную с региональной властью. В то же время в научном сообществе все чаще стали говорить об отчетливо наметившемся тренде на усиление влияния государственных органов на местное самоуправление [15. С. 296] и о риске его превращения в низовое звено государственной власти.

Изменения, происходящие в последние годы в системе местного самоуправления, включая выборы их руководителей, получили закрепление в нормативных документах: в федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», принятом в 2021 году, и законопроекте № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», принятом в первом чтении в конце 2021 года.

Каким образом реагировало научное сообщество на эти законодательные инициативы и, прежде всего, на роль и место местного самоуправления в единой системе публичной власти? Анализ публикаций позволяет выделить три неравных по численности группы ученых с различающимися позициями. Наиболее многочисленную группу составляют исследователи, в целом позитивно оценивающие изменения [7; 13; 17; 25 и др.]: они полагают, что создание единой системы публичной власти «определенно повышает престиж муниципального уровня и актуализирует вопрос финансового обеспечения и хозяйственной самостоятельности органов местного самоуправления, учитывая потенциальное расширение их полномочий и спектра возложенных на них задач» [17. С. 91]; «с принятием закона по новой системе местного самоуправления эффективность управления территориями поднимется на более высокий уровень, конкретизируется и усилится ответственность муниципальных властей» [13. С. 20]. Вторую группу составляют те, кто выражает скепсис по поводу перспектив развития местного самоуправления, отмечая

низкую эффективность муниципальных реформ в предыдущие годы [2; 11], противоречия между законопроектом № 40361–8 и Основным законом [27], угрозу утраты стабильности системой местных органов власти [14]. Третью группу составляют ученые, не разделяющие оптимизма относительно перспектив развития местного самоуправления, полагая, что «реализация законодательных инноваций, наряду с усилением вертикали власти, может привести к ослаблению института местного самоуправления» [18. С. 24], что изменения не приведут к улучшению жизни населения, а лишь усилят централизацию власти, при которой муниципалитеты потеряют независимость [19. С. 52], что высоки риски для местного самоуправления, связанные с фактическим отчуждением граждан от формирования местных органов власти, что нарушает конституционный принцип народовластия и снижает зависимость этих органов от населения [26]. Вероятно, в каждом подходе есть рациональное зерно. К этой мысли подводит анализ муниципальных выборов в Красноярском крае, начиная с 2010 года, когда произошел массовый отказ от прямых выборов глав администраций.

В 2017 году состоялись не прямые выборы главы Красноярска по модели «совет — комиссия». Согласно заявлениям краевых политиков и экспертов, широко представленным в СМИ, действующий губернатор Красноярского края В.А. Толоконский дал добро на повторное избрание главой Красноярска Э.Ш. Акбулатова, поэтому президиум регионального политсовета партии «Единая Россия» поддержал действующего мэра. В постановлении политсовета он был назван опытным управленцем, хозяйственником и грамотным руководителем, способным решать серьезные задачи, стоящие перед городом. Однако анализ официальных документов и результатов социологических исследований дает серьезные основания для сомнений в объективности этого решения.

Рассмотрим сначала результаты конкурса эффективности органов местного самоуправления, который ежегодно проводит правительство Красноярского края (с 2009 года). Муниципальная власть Красноярска стабильно занимала первое или второе места в 2009–2011 годы в категории «городские округа». После прихода к власти Акбулатова в декабре 2011 года городские власти начали быстро утрачивать лидирующие позиции, и в 2016 году заняли предпоследнее место среди городов края [24]. Неудачно складывалась для Акбулатова и ситуация в политической сфере, в частности, на муниципальных выборах 2013 года, когда вместо традиционной «тройки» политиков он единолично возглавил партийный список «Единой России». В итоге единороссы получили всего 12 депутатских мандатов из 36, потерпев чувствительное поражение в одномандатных округах (4 мандата из 18), — это самый низкий результат «Единой России» в политической истории Красноярска.

Причины разочарования красноярцами деятельностью главы города после его успешного избрания на прямых выборах в 2012 году становятся понят-

ны из результатов социологических опросов об изменениях в жизни города. Анализ первичных данных проводился с помощью частных индексов и сводного индекса изменений, который определялся как среднее арифметическое по 14 частным индексам (разность суммы положительных и нейтральных ответов и суммы отрицательных ответов). Аналогичным образом определялись частные и сводные индексы по другим индикаторам.

Красноярцев по данной тематике опрашивали трижды — в 2011, 2013 и 2016 году. Сводный индекс изменений в 2013 году оказался почти в два раза ниже по сравнению с 2011 годом — +24 % против +43 %. Наиболее заметные ухудшения наблюдались в отношении сферы здравоохранения и занятости населения, состояния автомобильных дорог и мест в детских садах. Доля тех, кто отметил позицию «изменилась к худшему», по перечисленным позициям колебалась в диапазоне от 42 % до 59 %. Если же брать шестилетний интервал, то значение сводного индекса изменений снизилось в пять раз и составило в 2016 году +4,5 %. Иными словами, за то время, когда должность главы города занимал Акбулатов, жизнь в Красноярске, по мнению горожан, ухудшилась.

В этих условиях закономерно снижение материального достатка и социального самочувствия горожан, которые измерялись с помощью четырехчастных и сводного индекса [6]. Так, за время работы Акбулатова на посту главы администрации индекс материального положения снизился в полтора раза — с +52 % в 2012 году до +33 % в 2016 году, а сводный индекс социального самочувствия — на четверть (с 63 % до 47 %). Отсюда вполне логичное ухудшение отношения горожан к деятельности главы города. В преддверии последних прямых выборов главы города (2012) за счет административного ресурса и, прежде всего, полугодовой раскрутки в СМИ удалось «накачать» рейтинг Акбулатова: индекс оценки его деятельности (разность сумм в целом положительных и в целом отрицательных ответов) составил +42 %. Последующие замеры фиксировали устойчивую тенденцию к снижению индекса: через полгода — +30 %, еще через семь месяцев — +16,4 %, +12 % — в середине 2016 года. В печатных и электронных СМИ стали появляться публикации, ставящие под сомнение управленческие способности главы города: например, отмечалось, что большая часть предвыборных обещаний Акбулатова не была выполнена [22], а ситуация, складывающаяся в администрации Красноярска, оказалась близка к потере управляемости [5].

Для избрания главы города необходимо простое большинство депутатов — 19 из 36, и единокороссам не хватало 7 депутатских голосов. Поэтому городская администрация, обладая значительным административным ресурсом, проводила «работу» с депутатами от других партийных фракций, в том числе предлагая им руководящие должности в организациях краевого центра. Местные эксперты назвали данные действия мэрии прямым подкупом депутатов, а одна партийная фракция в городском совете вывела из состава

трех депутатов, принявших предложения городской администрации, «за предательство интересов красноярцев, политическую продажность и человеческую непорядочность» [8].

Таким образом, избрание Акбулатова на второй срок превращалось в техническую процедуру с заранее предрешенным результатом, однако в нее неожиданно вмешалась отставка губернатора края Толоконского и назначение исполняющим обязанности руководителя региона председателя краевого парламента А.В. Усса. Данная кадровая рокировка привела к смене приоритетов в отношении кандидатуры на пост главы города: новый руководитель региона поддержал С.В. Еремина, и по итогам первого этапа работы конкурсной комиссии он занял первое место, а Акбулатов — третье. Во второй тур были допущены четыре кандидата, получившие наибольшие баллы: два отказались от дальнейшего участия в конкурсе и вскоре получили назначения на высокие должности, третий кандидат, выступая перед депутатами, призвал голосовать за Еремина, который и был в итоге избран главой города [9].

Из анализа выборов главы Красноярска в 2017 году можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, выбор главы города определялся позицией губернатора края, хотя формально зависел от решения конкурсной комиссии и местной представительной власти (их роль оказалась номинальной, как и регионального отделения партии «Единая Россия»). Во-вторых, региональная партия власти воспринимала процедуру не прямых выборов главным образом через призму укрепления своей властной вертикали, подбирая исключительно лояльных муниципальных руководителей. В-третьих, избиратели от участия в выборах были отстранены, их мнение не учитывалось, а процедура избрания носила закрытый характер. Для общественности оказались недоступны документы, предоставляемые кандидатами в конкурсную комиссию, в том числе проекты социально-экономического развития муниципального образования, а также протоколы конкурсной комиссии, способные пролить свет на причины занятия Акбулатовым лишь третьего места.

Следует подчеркнуть, что ситуация с выборами главы Красноярска в 2017 году не уникальна, а типична: «если отсутствие прямых всеобщих выборов защищает от электоральных ошибок в подборе кадров, то от непрофессиональных руководителей, попадающих на руководящие должности, и что особенно опасно, от их гипертрофированной лояльности начальству защитить не может» [4. С. 156]. Таким образом, изучение механизма выборов главы города по новой схеме в краевом центре в 2017 году выявил в этой процедуре потенциальные риски для муниципальных образований. В то же время анализ выборов глав городов и районов в 2010, 2015 и 2020 годы позволил понять, в какой мере внедрение новых моделей («сити — менеджер» и «совет — комиссия») повлияло на жизнь муниципальных образований и благосостояние граждан.

В 2010 году абсолютное большинство муниципальных образований по инициативе региональных властей внесли изменения в уставы — отказались от прямых выборов руководителя и перешли на модель «сити — менеджер» или двуглавую модель (руководство муниципалитета — глава местного самоуправления и глава администрации). Из 54 избранных депутатами глав городов и районов 53 выдвигались партией «Единая Россия», все они, а также избранные на конкурсной основе главы администраций, предварительно согласовывались с краевой властью под руководством губернатора Л.В. Кузнецова. Тем не менее, к концу отчетного периода местные эксперты заговорили о серьезных проблемах в муниципальном управлении, в частности, политические конфликты наблюдались в 17 из 61 муниципального образования [12]; внедрение модели «сити — менеджер» привело к потере управляемости на местах. По сути, под сомнение была поставлена эффективность краевой кадровой политики на местном уровне, и с этим трудно не согласиться, принимая во внимание рейтинг эффективности губернатора края Кузнецова — третье место с конца из 77 по экспертным оценкам [23].

В 2015 году произошел массовый переход к модели «совет — комиссия»: все избранные главы муниципалитетов поддерживались партией власти и получали мандат на встречах с губернатором, о чем сообщалось в местных СМИ. Какие выводы можно сделать из анализа результатов выборов глав местного самоуправления и последующих изменений в их составе в избирательном цикле 2015–2020 годов? Во-первых, несмотря на признание новым руководителем края факта потери управляемости на местах, три четверти глав городов и районов (по сути, неэффективных руководителей) не испытали проблем с подтверждением своих властных полномочий в 2015 году. Даже нахождение органа местного самоуправления на последних строчках краевого рейтинга в течение всего отчетного периода не мешало его руководителям успешно проходить процедуру повторного избрания, как и низкая популярность среди населения. На большей части территорий отрицательные оценки преобладали над положительными, в отдельных случаях доля отрицательных оценок могла составлять половину респондентов (Ачинск) и даже три четверти (Канск).

Во-вторых, заметно растянулись сроки проведения выборов глав местного самоуправления — восемь месяцев с весны до конца 2015 года, а сама процедура избрания нередко составляла полгода и более (например, в Козульском районе десять месяцев). В ряде территорий руководители в статусе исполняющих обязанности находились длительное время, например, в Богучанском районе 2,5 года. В-третьих, возросла сменяемость глав городов и районов: если при использовании моделей «сильный мэр — совет» и «сити — менеджер» наблюдались единичные случаи досрочных отставок, то при использовании модели «совет — комиссия» отставки стали повседневной практикой муниципального управления. Так, из числа глав, избранных

в 2015 году, половина не доработали до конца срока полномочий от полугода до трех лет, в половине муниципальных образований пост руководителя занимали 2, 3 и даже 4 управленца (рекордсмен — Ачинск, где за два года пост главы администрации занимали шесть руководителей, трое в статусе исполняющего обязанности). Основными инициаторами досрочных отставок выступали правоохранительные органы (каждый пятый глава осужден по уголовной статье) и региональные власти, в том числе и по политическим мотивам. В общей сложности недостойными или неэффективными оказались почти половина глав (21 из 45 избранных в 2015 году). В-четвертых, участие гражданского общества в непрямых выборах обрело номинальный характер, как и его влияние на политику местных властей в межвыборный период. Показательным примером служит Ачинск, где гражданские активисты, используя все разрешенные законодательством формы участия населения в местном самоуправлении, в течение длительного времени безрезультатно пытались вернуть прямые выборы и отправить в отставку неэффективного и непопулярного муниципального руководителя.

Три цикла выборов глав администраций в 2010-е годы проходили под полным контролем краевых властей, но их курировали разные губернаторы — Л.В. Кузнецов, В.А. Толоконский и А.В. Усс, которые по оценкам экспертов не были эффективными руководителями, не пользовались популярностью у населения и по инициативе федерального центра были отправлены в отставку в преддверии очередных губернаторских выборов. Возникает закономерный вопрос: способна ли региональная власть, будучи недостаточно эффективной, сформировать корпус эффективных глав муниципальных образований? Не должны ли краевые органы власти сначала доказать, что являются эффективной управленческой структурой, и лишь затем получить право участвовать в формировании муниципальных органов власти? Ведь в противном случае происходит перенос неэффективных управленческих практик, методов и стилей с регионального уровня на муниципальный, без возможностей их исправления, хотя бы частичного.

Может быть, граждане, в отличие от экспертов, замечают положительные изменения в работе местных органов власти? К сожалению, результаты социологических исследований не дают оснований для оптимизма. Когда респондентам предлагали ответить на вопросы о положительных и отрицательных аспектах в деятельности местных органов власти, то в положительных аспектах явно доминировали культурные мероприятия, включая праздники (государственные, профессиональные и др.), юбилеи и спортивные мероприятия, главным образом для детей, а все остальные альтернативы получали оценки на уровне, не намного превышающем статистическую погрешность: борьба с коррупцией; помощь в получении жилья; встречи с гражданами, чтобы узнать волнующие их проблемы; учет их мнения при принятии управленческих решений. В негативных высказываниях чаще всего упоминались

сферы здравоохранения и ЖКХ, проблемы с безработицей, плохое состояние автомобильных дорог и ухудшение экологии; почти 20 % респондентов в целом негативно оценили работу чиновников местных администраций («не думают о людях»; «непонятно чем вообще занимаются»; «не решают проблемы района»; «заботятся только о своих интересах» и т.д.). Наилучшей иллюстрацией восприятия гражданами деятельности местных органов власти служит почти десятикратное преобладание числа негативных высказываний над числом позитивных. Отсюда устойчивый тренд на снижение оценки деятельности глав местного самоуправления: в 2002 году –2,5 %, в 2011 — –8,5 %, в 2016 — –9,9 %, в 2020 — –15,2 %.

С чем связано столь критическое восприятие гражданами деятельности самого близкого к ним органа власти? Результаты опросов показывают, что за десять лет (с 2011 по 2020 годы) не снизилась актуальность социальных проблем, беспокоящих граждан в наибольшей степени. Более того, острота главных из них (значимых для 30 % и более респондентов) возросла. Так, если проблема безработицы, занятости населения занимала в 2011 году третью позицию в краевом рейтинге, то в 2020 году вышла на первую позицию; проблема высоких тарифов на услуги ЖКХ переместилась с четвертой на третью позицию; усилилось беспокойство населения относительно доступности и качества медицинских услуг (седьмая и четвертая позиции, соответственно); сохранила вторую позицию проблема низкого уровня заработной платы, пенсий и пособий; возросло беспокойство по поводу экологии, состояния автомобильных дорог, недоступности/дороговизны жилья, коррупции чиновников и правоохранителей.

Не добавляют оптимизма и оценки уровня удовлетворенности разными сферами жизни в муниципальных образованиях (в 2014 и 2020 годы). Так, с точки зрения отмеченных респондентами наибольших изменений в худшую сторону негативными лидерами выступили здравоохранение (индекс удовлетворенности вырос с –9,9 % в 2014 году до –31,3 % в 2020) и занятость (–18,2 % и –37,5 %, соответственно). Что касается сфер, вызывающих наибольшее неудовлетворение жителей, то здесь фактически оказался продублированным список социальных проблем, беспокоящих граждан в наибольшей степени: в 8 из 11 сфер доля неудовлетворенных составляет 40 % и более, самый высокий уровень неудовлетворенности зафиксирован в отношении состояния автомобильных дорог (76,1 %). Снизился и сводный индекс удовлетворенности — с –1,8 % до –12,5 %. Эти данные объясняют причины ухудшающегося материального положения и социального самочувствия населения: в первом случае индекс равен –0,8 % (2002), +6,5 % (2005), +13,3 % (2011), +0,6 % (2016) и –1,9 % (2020); во втором случае — +24,9 % (2002), +31 % (2005), +38,8 (2011), +27,4 % (2016) и 25,4 % (2020).

Таким образом, внедрение моделей «сити — менеджер» и «совет—комиссия», предусматривающих непрямые выборы глав местного самоуправления,

не привели к созданию условий, способствующих социально-экономическому развитию муниципальных образований и повышению уровня и качества жизни населения. Кроме того, прослеживаются риски утраты легитимности органами местного самоуправления Красноярского края. Так, устойчиво снижаются оценки деятельности руководителей муниципалитетов (снижение индекса в шесть раз за 18 лет), интерес граждан к муниципальным выборам (в 2005 году явка избирателей составила 62 %, в 2010 — 40 %, в 2015 — 30 %, в 2020 — 25 %, т.е. за 15 лет избирательная активность сибиряков сократилась в 2,5 раза) и электоральная база поддержки партии власти «Единая Россия» на выборах местной представительной власти (в 2010 году — 60,6 тысяч избирателей, в 2020 — 20,4).

В постсоветский период в Российской Федерации сформировалась система местного самоуправления, сумевшая обеспечить социально-политическую стабильность и управляемость на муниципальном уровне как во время пандемии, так и в период масштабного санкционного давления. Вместе с тем система местного самоуправления требует дальнейшей доработки, прежде всего, такой модели организации, которая, с одной стороны, сумеет обеспечить местным органам власти определенную автономность, расширит их полномочия и реальные возможности влияния на жизнь муниципальных образований [20], а, с другой стороны, повысит активность граждан в решении проблем местного значения посредством участия в социально-экономической, политической, культурной и других сферах жизни муниципальных образований. В этом видится основной залог сильного и эффективного местного самоуправления как важнейшего элемента единой системы эффективной публичной власти.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы реформы местного самоуправления и развития муниципального права в России / Под ред. С.А. Глотова. М., 2013.
2. *Артюхин О.А., Крицкая А.А., Чеченов Х.Р.* Проблема реформирования местного самоуправления в контексте формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право; управление.* 2023. № 4.
3. *Благов Ю.В.* Реформирование муниципального права России в новейшее время: Дис. к.ю.н. Омск, 2017.
4. *Васильев В.И.* Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // *Журнал российского права.* 2015. № 9.
5. Главу Красноярска отправляют за спикером // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2806940>.
6. *Гришаев С.В., Злотковский В.И.* Социальное самочувствие населения крупного сибирского региона (из опыта социологического исследования в Красноярском крае) // *Труд и социальные отношения.* 2023. Т. 34. № 4.
7. *Дадаева М.С.* Место и функции органов местного самоуправления в системе местного самоуправления Российской Федерации // *Актуальные вопросы управления региональными социально-экономическими системами.* Курск, 2023.

8. Депутатов горсовета, продавшихся Акбулатову, исключили из партии и фракции «Патриоты России» // URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/174208627>.
9. Депутаты не поддержали возвращение прямых выборов мэра // URL: <https://dela.ru/articles/264445>.
10. Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1674368415&tld=ru&lang=ru&name=Доклад20Минюста%20МСУ>.
11. Егоров Е.К., Свириденко М.В. Трансформация органов местного самоуправления в единую систему публичной власти // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 7.
12. Каримуллин Р. Мэром Красноярска станет депутат горсовета? // URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26317/3196355>.
13. Катов В.В. Встраивание местного самоуправления в единую систему публичной власти РФ // Ученые записки. 2022. № 3.
14. Кремлев М.И., Чащина С.И. Местное самоуправление в единой системе публичной власти // День Конституции РФ: конституционные гарантии: проблемы реализации в современном мире. Комсомольск-на-Амуре, 2022.
15. Крупинина Е.А. Местное самоуправление в контексте политического формирования 2000–2008 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1.
16. Кудинов О.П., Шитлов Г.А. Диалектика выборов. М., 1997.
17. Кузнецов И.И., Жаров А.С. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: предпосылки и перспективы // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 1.
18. Леонов С.Н. Перспективы формирования местного самоуправления в свете законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Проблемы развития территорий. 2022. Т. 26. № 5.
19. Пименов Н.Н., Суркина Ф.Ж. Местное самоуправление Республики Коми в контексте формирования единой системы публичной власти // Вестник КРАГСУ. Теория и практика управления. 2023. № 1.
20. Послание Президента Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62582>.
21. Путин: нам необходимо сильное, дееспособное самоуправление // URL: <http://club-rf.ru/news/19715>.
22. Пять лет грусти: топ-5 невыполненных обещаний мэра Акбулатова // URL: <https://newslab.ru/article/774551?ysclid=1z9a2tjpsl900797264>.
23. Рейтинг эффективности // URL: http://civilfund.ru/mat/index?filter=3&Mat_page=2.
24. Система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // URL: <http://www.krskstate.ru/msu/effekt>.
25. Ткачева Н.А. Органы местного самоуправления как структурно функциональный элемент единой системы публичной власти в Российской Федерации // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 3.
26. Чиконова Л.В. Проблемы реформирования местного самоуправления в единой системе публичной власти // Конституция России: динамика и перспективы. Горно-Алтайск, 2023.
27. Шапиро И.В., Нехова А.В. Проблемы развития местного самоуправления в Российской Федерации в единой системе публичной власти // Очерки новейшей камералистики. 2023. № 4.
28. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1.

29. Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. No. 3.
30. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 4.
31. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants' social image // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-684-698

EDN: DWONKG

In search for an optimal model of local self-government in the Russian Federation (sociological analysis)*

V.I. Zlotkovsky

Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations,
Markovskogo St., 81, Krasnoyarsk, 660017, Russia

(e-mail: nn101@yandex.ru)

Abstract. The search for an optimal model of local self-government that best reflects the interests of local communities has always been a pressing issue for the Russian Federation, since local government is closest to the population and is expected to solve most everyday problems. This issue is considered in the article based on the monitoring sociological studies conducted in the Krasnoyarsk Region as a micro-model of the Russian Federation according to many statistical indicators and sociological data. The results of the surveys allowed the author to make the following conclusions. First, the transition since 2010 to the indirect elections of heads of local government (“city–manager” and “council–commission” models) has not led to an influx of effective managers into power — heads of local government remain insufficiently effective and unpopular but win indirect elections provided the preliminary approval of their candidacies by the regional government. Second, the turnover among the heads of local governments has increased significantly: in half of the territories of the Krasnoyarsk Region, the heads elected in 2015 did not work until the end of the period under consideration from six months to three years; therefore, 2, 3 or even 4 managers held the position of the administration head. Such early resignations were initiated mainly by the law enforcement agencies (every fifth head of local authorities was convicted under a criminal article) and regional authorities. Third, municipal leaders have lost popularity, so the municipal elections turnout has significantly dropped. Fourth, over a ten-year period, the acuteness of social problems that worry citizens has not been eliminated or at least reduced. Fifth, the population’s self-assessments of financial situation and social well-being have deteriorated. All this indicates the risks of losing legitimacy by local authorities in the large Siberian region.

Key words: local self-government model; unified system of public authority; election of the head of municipality; legitimacy of local authorities; social well-being of the population

* © V.I. Zlotkovsky, 2024

The article was submitted on 15.01.2024. The article was accepted on 20.05.2024.

References

1. *Aktualnye problemy reformy mestnogo samoupravleniya i razvitiya munitsipalnogo prava v Rossii* [Acute Issues of the Local Self-Government Reform and Municipal Law Development in Russia]. Pod red. S.A. Glotova. Moscow; 2013. (In Russ.).
2. Artyukhin O.A., Kritskaya A.A., Chechenov Kh.R. Problema reformirovaniya mestnogo samoupravleniya v kontekste formirovaniya edinoj sistemy publichnoj vlasti v Rossijskoj Federatsii [Issues of the local self-government reform under the formation of a unified system of public authority in the Russian Federation]. *Nauka i Obrazovanie: Khozyajstvo i Ekonomika; Predprinimatelstvo; Pravo; Upravlenie*. 2023; 4. (In Russ.).
3. Blagov Yu.V. *Reformirovanie munitsipalnogo prava Rossii v novejshee vremya* [The Contemporary Reform of the Russian Municipal Law]: Dis. k.yu.n. Omsk; 2017. (In Russ.).
4. Vasilyev V.I. Mestnoe samoupravlenie na puti tsentralizatsii i sokrashcheniya vybornosti [Local self-government on the path to centralization and electoral reduction]. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2015; 9. (In Russ.).
5. Glavu Krasnoyarska otpravlyayut za spikerom [Head of Krasnoyarsk is sent for a speaker]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2806940>. (In Russ.).
6. Grishaev S.V., Zlotkovskiy V.I. Sotsialnoe samochuvstvie naseleniya krupnogo sibirskogo regiona (iz opyta sotsiologicheskogo issledovaniya v Krasnoyarskom krae) [Social well-being of the population of the large Siberian region (a sociological study in the Krasnoyarsk Region)]. *Trud i Sotsialnye Otnosheniya*. 2023; 34 (4). (In Russ.).
7. Dadaeva M.S. Mesto i funktsii organov mestnogo samoupravleniya v sisteme mestnogo samoupravleniya Rossijskoj Federatsii [Place and functions of local self-government bodies in the system of local self-government of the Russian Federation]. *Aktualnye voprosy upravleniya regionalnymi sotsialno-ekonomicheskimi sistemami*. Kursk; 2023. (In Russ.).
8. Deputatov gorsoveta, prodavshihsya Akbulatovu, isklyuchili iz partii i fraktsii “Patrioty Rossii” [Deputies of the city council, who sold to Akbulatov, were excluded from the party and faction Patriots of Russia]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/174208627>. (In Russ.).
9. Deputaty ne podderzhali vozvrashchenie pryamykh vyborov mera [Deputies did not support the return of direct elections of the mayor]. URL: <https://dela.ru/articles/264445>. (In Russ.).
10. Doklad o rezultatah ezhegodnogo monitoringa organizatsii i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federatsii za 2020 god [Report on the results of the annual monitoring of the organization and development of local self-government in the Russian Federation for 2020]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1674368415&tld=ru&lang=ru&name=Doklad20Minyusta%20MSU>. (In Russ.).
11. Egorov E.K., Sviridenko M.V. Transformatsiya organov mestnogo samoupravleniya v edinuyu sistemu publichnoj vlasti [Transformation of local self-government into a unified system of public authority]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoj Ekonomiki*. 2022; 7. (In Russ.).
12. Karimullin R. Merom Krasnoyarska stanet deputat gorsoveta? [Will the mayor of Krasnoyarsk become a deputy of the city council?]. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26317/3196355>. (In Russ.).
13. Katov V.V. Vstraivanie mestnogo samoupravleniya v edinuyu sistemu publichnoj vlasti RF [Integration of local self-government into Russia’s unified system of public authority]. *Uchenye Zapiski*. 2022; 3. (In Russ.).
14. Kremlev M.I., Chashchina S.I. Mestnoe samoupravlenie v edinoj sisteme publichnoj vlasti [Local self-government in a unified system of public authority]. *Den Konstitutsii RF: konstitutsionnye garantii: problemy realizatsii v sovremennom mire*. Komsomolsk-na-Amure; 2022. (In Russ.).
15. Krupinina E.A. Mestnoe samoupravlenie v kontekste politicheskogo formirovaniya 2000–2008 gg. [Political development of local self-government in 2000–2008]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2010; 1. (In Russ.).

16. Kudinov O.P., Shipilov G.A. *Dialektika vyborov* [Electoral Dialectics]. Moscow; 1997. (In Russ.).
17. Kuznetsov I.I., Zharov A.S. Mestnoe samoupravlenie v edinoj sisteme publichnoj vlasti: predposylki i perspektivy [Local self-government in a unified system of public authority: Prerequisites and prospects]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2023; 23 (1). (In Russ.).
18. Leonov S.N. Perspektivy formirovaniya mestnogo samoupravleniya v svete zakonoproekta “Ob obshchih principah organizatsii mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti” [Prospects of local self-government according to the draft law “On general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority”]. *Problemy Razvitiya Territorij*. 2022; 26 (5). (In Russ.).
19. Pimenov N.N., Surkina F.Zh. Mestnoe samoupravlenie Respubliki Komi v kontekste formirovaniya edinoj sistemy publichnoj vlasti [Local self-government of the Komi Republic in the context of the unified system of public authority]. *Vestnik KRAGSU. Teoriya i Praktika Upravleniya*. 2023; 1. (In Russ.).
20. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu [President’s Address to the Federal Assembly]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62582>. (In Russ.).
21. Putin: nam neobkhodimo silnoe, deеспosobnoe samoupravlenie [Putin: We need strong, effective self-government]. URL: <http://club-rf.ru/news/19715>. (In Russ.).
22. Pyat let grusti: top-5 nevypolnennyh obeshchanij mera Akbulatova [Five years of sadness: Top-5 unfulfilled promises of the mayor Akbulatov]. URL: <https://newsrab.ru/article/774551?ysclid=lz9a2tjpsl900797264>. (In Russ.).
23. Rejting effektivnosti [Ranking of efficiency]. URL: http://civilfund.ru/mat/index?filter=3&Mat_page=2. (In Russ.).
24. Sistema otsenki effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya [System for evaluating the efficiency of local self-government]. URL: <http://www.krskstate.ru/msu/effekt>. (In Russ.).
25. Tkacheva N.A. Organy mestnogo samoupravleniya kak strukturno funktsionalny element edinoj sistemy publichnoj vlasti v Rossijskoj Federatsii [Local self-government as a structurally functional element in the unified system of public authority in the Russian Federation]. *Uchenye Zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo, Yuridicheskie Nauki*. 2022; 8. (In Russ.).
26. Chikonova L.V. Problemy reformirovaniya mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti [Issues of the local self-government reform in the unified system of public authority]. *Konstitutsiya Rossii: dinamika i perspektivy*. Gorno-Altaysk; 2023. (In Russ.).
27. Shapiro I.V., Nekhova A.V. Problemy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federatsii v edinoj sisteme publichnoj vlasti [Issues of the local self-government development in the Russian Federation in a unified system of public authority]. *Ocherki Novejshej Kameralistiki*. 2023; 4. (In Russ.).
28. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (1).
29. Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture. *Eurasian Geography and Economics*. 2017; 58 (3).
30. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
31. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-699-714

EDN: DTVAQF

Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов*

В.С. Богданов², А.А. Почестнев^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Большая Андроньевская, 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия

²Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Волоколамское ш., 4, Москва, 125993, Россия

(e-mail: valarf@mail.ru; apochestnev@yandex.ru)

Аннотация. В ходе реализации национальных проектов российское правительство заинтересовано в мониторинге выполнения ими национальных целей развития, и изменения отслеживаются разными способами. В связи с этим возникла потребность в проведении социальной экспертизы, которая бы позволила оценить социальные эффекты от реализации проектов и получить оперативную обратную связь, необходимую для «умного» управленческого вмешательства. В статье представлены некоторые результаты применения методологии дистанционной социальной экспертизы, разработанной Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Данная методология предназначена для проверки выполнения «общественного договора» между обществом и государством в рамках выполнения проектных решений, а также оценки, насколько в них учитываются интересы, запросы и потребности населения. Такой тип экспертизы позволяет повысить достоверность данных, поскольку подразумевает их получение от непосредственных участников и бенефициаров проектных решений. Целью исследования была апробация разработанной методики дистанционной социальной экспертизы и получение объективной информации о состоянии и внедрении национальных проектов, включая накопившиеся в них проблемы. Предмет экспертизы — ход реализации 12 национальных проектов. Апробация методики проводилась в четырех регионах России с разным уровнем социокультурной модернизации. В результате анализа данных, полученных в ходе проведения экспертизы, был подтвержден эвристический потенциал методики — она расширяет диагностико-аналитические и прогностические возможности оценки реализации крупных проектов.

Ключевые слова: социальная экспертиза; национальные проекты; экспертное групповое образование; социология управления; социокультурная модернизация регионов; социальная аналитика

Актуальность представленных в статье результатов научно-исследовательского проекта обусловлена апробацией дистанционной социальной экс-

* © Богданов В.С., Почестнев А.А., 2024

Статья поступила в редакцию 20.12.2023. Статья принята к публикации 14.06.2024.

пертизы хода реализации национальных проектов, которые, с одной стороны, условно являются новой формой «договора» между государством и обществом в контексте решения накопившихся социально значимых проблем, а, с другой стороны, представляют собой форму и содержание проектного управления в масштабах страны. Данные аспекты стали основанием для продолжения лонгитюдного исследования Центра социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН в контексте изучения институционализации новых практик в ходе реформирования отечественной системы управления [9], в том числе путем внедрения в систему государственного управления проектного подхода (согласно Постановлению Правительства от 15 октября 2016 года «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»).

По данным нашего исследования 2015–2017 годов [9], государственное управление в большей степени опирается на одностороннее экономико-центричное целеполагание (индикативное планирование) и ресурсы органов власти, в меньшей степени — на запросы разных категорий населения и их социально-профессиональный потенциал [2]. Соответственно, все звенья властно-управленческой вертикали закономерно воспроизводят комплекс управленческих барьеров, ведущих к искажению ожидаемых населением социальных эффектов (дисфункции), что подтверждается и результатами другого нашего исследования 2018–2020 годов [8]: при реализации крупномасштабных проектов органы власти видят низкий уровень общественной сензитивности: 1) экспертное группобразование в интересах управления региональным развитием находится в зачаточном состоянии, т.е. большая ресурсная часть (потенциал стейкхолдеров) остается на периферии принятия решений [4; 8; 13], 2) практически отсутствует понимание, как регулировать социально-сетевое группобразование (жители регионов в социальных сетях указывают на реальные проблемы и не находят их решений в реализуемых национальных проектах).

В апреле 2023 года премьер-министр России М.В. Мишустин заявил о переходе к новой модели государственного управления, основанной на принятии решений исходя из достоверных первоисточников, а не «экспертного метода принятия решений», как было ранее, что должно повысить объективность и релевантность информации. Правительство перешло на постоянный мониторинг достижения национальных целей развития и государственных программ, чтобы своевременно и эффективно реагировать на все изменения, который отслеживаются посредством цифровых платформенных технологий с применением искусственного интеллекта. Такие платформенные решения могут обеспечить социальный эффект только при условии интерактивности экспертизы, актуализации социогуманитарного знания об управляемости и технологизации организационно-управленческих процессов, применения передовых социолого-диагностических методов сбора и анализа данных, ор-

ганизации оперативной обратной связи и цифрового контроллинга на основе объективных (достижение целевых показателей) и субъективных (массовый и экспертный опросы) оценок. Для решения этих задач наш Центр разработал и апробировал методологию социальной экспертизы функционирования региональных систем управления в реализации проектов на основе рефлексивного анализа проблемно-ориентированных ситуаций и управленческих барьеров [3]. Сегодня продолжение этой работы стало возможным по итогам конкурса ЭИСИ, Министерства высшего образования и науки и РАН: Центр получил грант на выполнение НИР по теме «Дистанционная социальная экспертиза как форма общественной коммуникации в реализации национальных проектов», и подобная социальная экспертиза объективно назрела на срединном этапе реализации нацпроектов (2018–2030), когда остро ощущается общественный запрос на оценку их социальных эффектов и барьеров. Для оценки проектов на предмет максимизации их позитивных социальных последствий нужен специальный аналитический инструментарий комплексной оценки, который позволит «фильтровать» неэффективные решения, и один из таких инструментов — социальная экспертиза.

Концептуальные основания социальной экспертизы в проектном управлении представлены двумя методологиями: во-первых, это методология управления проектами, созданная Институтом управления проектами, призванная повысить эффективность разработки и внедрения инноваций и управления изменениями; во-вторых, системная методология, актуализирующая значимость и проведение экспертизы [1], возникшая как реакция на внедрение сложных комплексных проектов. Без социальной экспертизы оценить последствия реализации таких проектов практически невозможно: экспертиза выступает в качестве оптики для настройки системного проектирования через призму идеи разработки проекта для людей с комплексом потребностей и ожиданий. Оптимальный проект должен им соответствовать в допустимой мере, поэтому появились экологические, нравственные и эстетические параметры. Кроме того, социальная экспертиза рассматривает объект изменения как систему — сложный комплекс взаимосвязанных элементов (группы, люди), имеющий структуру, внешние связи с другими объектами и обладающий определенными свойствами, которые могут измениться в результате реализации проекта. Каждый элемент имеет свои потребности, интересы, ожидания и условия существования. Крупные проекты прямо или косвенно подразумевают социальные изменения (эффекты).

Насколько планируемые изменения могут привести к деградации, гибели социального объекта или насколько они позитивны, способствуют функционированию и развитию социального объекта (отдельных его элементов) — предмет социальной экспертизы. Системное проектирование направлено на удовлетворение потребностей определенной части общества, социальной группы, что может привести к изменению условий существования других со-

циальных групп. Если проектирование улучшает положение одной группы и ухудшает условия жизни другой, то проект не может быть признан эффективным, и это препятствие для его реализации.

В ходе системного проектирования необходимо выявить противоречия ожиданий и реакций элементов социальной системы на внедряемые изменения и исследовать системные последствия. Поскольку элементы системы взаимосвязаны, изменение поведения и условий существования одного элемента изменит реакции других, что, в свою очередь, трансформирует конфигурацию или свойства общества. Цель системного проектирования — изменение интегрального состояния среды/общества, предмет социальной экспертизы (анализ, оценка и прогнозирование) — поведение отдельных (и в комплексе) элементов социальной системы, конкретные и интегративные последствия внедряемого проекта для изменения общественного устройства [16]. В указанном формате социальная экспертиза с недавнего времени стала активно применяться не только в социальных, но и в крупных социально-технических проектах, что подтверждает гуманистическую направленность в управлении территориями [5; 6; 14].

Экспертная информация позволяет определить не только целевые основания проектов, но и их ограничения, сделать проекты более оптимальными, а управление территориями — более «умным». Управление может идти от решения проблем или от идеи развития, совершенствования социальных элементов и/или системных свойств, но в любом случае направлено не столько на максимизацию целевого параметра, сколько на минимизацию негативных последствий для социальной системы [17]. То есть проекты должны быть организованы таким образом, чтобы первоначально снять ключевые противоречия в реакциях элементов социальной системы, а затем достигать целей, и социальная экспертиза — единственный способ оценки масштабов и последствий изменений. Такое внедрение проектов поможет сэкономить на исправлении социальных последствий и преодолении барьеров реализации посредством учета реакций неудовлетворенной части общества. Напротив, заинтересованность социальных групп в проектах будет способствовать более качественной и быстрой их реализации, формированию активных групп стейхолдеров для адекватного выполнения функций управления.

Социальная экспертиза обладает широким спектром возможностей и требует конкретных механизмов осуществления. Центр разработал методологическую основу дистанционной социальной экспертизы развития регионов для решения комплекса задач, связанных с оценкой особенностей реализации национальных проектов (при помощи специальной многоэтапной методики проверки возможностей и ограничений проектных решений). Данная экспертиза предполагает выявление мнений разных слоев населения и служит механизмом оперативной обратной связи для органов власти, учитывающим специфику регионов. Научная задача нашего исследования — определение

функций и возможностей дистанционной социальной экспертизы как основания диалога власти и общества в практике территориального управления.

Социальная экспертиза может быть профессиональной или общественной [7]. Так как нас интересовала реакция отдельных частей территориальной системы (целостности), мы изучили мнения основных социальных групп (заинтересованных сторон) о ходе реализации национальных проектов. В такой постановке задач экспертизу можно обозначить скорее как общественную (выявляет общественное мнение), но нас интересовал и другой механизм ее осуществления: общественная экспертиза подвержена эффекту взаимовлияния, формирования группового мнения в ходе обсуждения проекта [11], поэтому мы выбрали дистанционный формат, блокирующий такое воздействие.

В рамках дистанционной экспертизы нас интересовали следующие вопросы: насколько проекты общественно значимы, насколько фокус внимания государственных органов соответствует потребностям всех групп населения, насколько управление реализуется в интересах населения, а не отдельных групп (кто выигрывает от проектов), насколько весомы различия в оценках реализации проектов у представителей разных групп, насколько эксперты от органов власти склонны завышать оценки (проблема ангажированности, зависимости), насколько экспертная группа однородна и информирована об особенностях реализации проектов, какие барьеры мешают их реализации, каковы их последствия (эффекты), в частности итоговый прогноз. Исходя из круга вопросов, проверялись диагностико-аналитические и прогностические возможности экспертизы — способность нивелировать выявленные управленческие барьеры и повысить вероятность успешности проектов.

Апробация дистанционной социальной экспертизы проводилась Центром в 2023 году в четырех регионах с разным уровнем социокультурной модернизации: с высоким уровнем — Свердловская область, средним — Республика Башкортостан, ниже среднего — Вологодская область, низким — Смоленская область. С помощью региональных координаторов была отобрана экспертная группа из 200 человек. Рекрутинг экспертов проводился офлайн, методом снежного кома и RDS-выборки (respondent-driven sample), позволяющей подобрать труднодостижимых экспертов с управленческим опытом, занятых в разных организациях и учреждениях региона. Первичная оценка компетентности экспертов была подтверждена рекомендациями, уровнем образования, наличием практического опыта управления, разработки и реализации программ и проектов социальных региональных изменений. Экспертиза была заочной, индивидуальной и анонимной, проводилась методом формализованного интервью по электронной анкете на базе сервиса АНКЕТОЛОГ.РУ (по 50 экспертов в каждом регионе).

Особенность дистанционной индивидуальной экспертизы обусловила высокую стандартизированность методики и ограниченное число параметров оценки. Апробация методики предполагала дистанционный контроль

за ходом экспертизы: смысловые блоки и вопросы анкеты были представлены в определенной последовательности, чтобы эксперты постепенно погружались в проблематику и смогли сформировать в итоге целостную картину хода реализации национальных проектов. Анализ возможностей и ограничений разработанной методологии дистанционной социальной экспертизы проводился в несколько этапов. Сначала был проведен анализ открытых вопросов, чтобы оценить уровень компетенции экспертов и их заинтересованности в реализации нацпроектов. Была зафиксирована высокая заинтересованность и активность: 80 % дали развернутые ответы на вопрос «На Ваш взгляд, с какими трудностями сталкивается регион в ходе реализации национальных проектов?»; эксперты представили развернутые ответы о целях, выгодах и барьерах в функционировании региональных систем управления, в том числе в процессе реализации национальных проектов; 90 % высказали конкретные релевантные предложения по стимулированию активности (интереса) населения, 88 % представили свои варианты создания коммуникативных площадок для обсуждения реализации национальных проектов. Из всех экспертов, которые оценили ход реализации проектов, примерно по 20 % из Свердловской и Смоленской областей и по 10 % из Республики Башкортостан и Вологодской области затруднились с ответами (суммарно по ответам пришлось исключить только 6 % экспертов).

В целом технология подбора экспертов (RDS) позволила сконфигурировать «стереоскопичную» выборку: в нее попали типичные представители важных социальных групп, отражающих структуру исследуемых регионов в топологии и насыщенности, в связи с чем можно говорить о выявлении «кластеров» общественного мнения о ходе реализации национальных проектов. Отражением структуры социальной подсистемы стали разные возрастные группы экспертов с доминантой среднего возраста, имеющие разный уровень образования (преимущественно высшее) и активную общественную позицию. Экономическая подструктура отобразилась в том, что эксперты заняты примерно в равных пропорциях в ключевых секторах экономики и сферах социального жизнеобеспечения: производство, обслуживание, высокотехнологичные услуги, образование и наука, государственное управление и общественные организации; руководители высшего и среднего уровня, представители органов территориальной власти и те, кто управляет коллективами в организациях.

Особенно важно, что в экспертную группу вошли те, кто имеет непосредственный опыт участия в реализации национальных проектов (22 %), т.е. владеет детальной информацией по рассматриваемому вопросу и проблемам регионального развития, знаком с функционированием органов власти и управления (примерно в равных пропорциях представители государственных органов и руководители региональных предприятий). Нас интересовало отличие их мнения от оценок большинства, обусловленное непосредственным опытом.

Таблица 1

Структура экспертных групп в рамках дистанционной социальной экспертизы, %

Показатель	Регион	Свердловская область	Республика Башкортостан	Смоленская область	Вологодская область	Всего
Возраст	До 30 лет	37	2,1	10,2	12	16
	31–45	42,6	68,1	55,1	48	53
	От 46 и выше	20,4	29,8	34,7	40	31
Образование	Неоконченное высшее	13	2,1	10,2	8	8,5
	Высшее	68,5	76,6	65,3	78	72
	Кандидаты и доктора наук	18,5	21,3	24,5	14	19,5
Роль в организации	Руководитель высшего звена	46,3	34	36,7	20	34,5
	Руководитель среднего звена	22,2	40,4	38,8	38	34,5
	Специалист	31,5	25,5	24,5	42	31
Опыт управления	В государственных и муниципальных органах власти	24,5	29,5	26,1	35,7	28,6
	Предприятиями	45,3	38,6	56,5	40,5	45,4
	Трудовыми коллективами	30,2	31,8	17,4	23,8	25,9
Участие в работе общественных организаций	Да	61,1	61,7	65,3	60	62
	Нет	38,9	38,3	34,7	40	38
Участие в реализации нацпроектов	Да	22,2	23,4	22,4	18	21,5
	Нет, но хотел бы	33,3	38,3	40,8	28	35
	Нет, не хотел бы	44,4	38,3	36,7	54	43,5
Занятость	Производство	14,8	38,3	14,3	14	20
	Обслуживание	24,1	14,9	22,4	26	22
	Услуги высокотехнологичные	13	8,5	18,4%	20	15
Образование, наука, журналистика	Государственные органы власти и армия	13	17	8,2	12	12,5
	Общественные организации	16,7	6,4	8,2	10	10,5

При планировании национальные проекты должны были отвечать коренным интересам разных групп и слоев населения, и эта идея легла в основу дистанционной социальной экспертизы в регионах, где сконцентрированы главные бенефициары проектов. Экспертиза предполагала определение вектора реализации проектов, оценку их эффективности, а информация о проблемах и дисфункциях позволяет опередить корректирующие управленческие воздействия, оценив контуры рационального вмешательства. По итогам экспертизы были получены интегральные оценки реализации национальных проектов (Табл. 2).

Таблица 2

**Интегральные групповые оценки
реализации национальных проектов (медианы)**

Регион		П1 ¹	П2	П3	П4	П5	П6	П7	П8	П9	П10	П11	П12
Свердловская область	в32	2	2	2	3	2	2,5	3	2	3	2	2	2
	в43	1	1	1	2	1	2	3	3	2	2	3	2
	в14	3	3	4	3	4	3	3	4	3	3	3	3
	в85	3	3	3	2	3	3	2	3	3	3	2	2
Республика Башкортостан	в3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	в4	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2
	в1	4	4	4	3	3	3	4	4	4	4	4	3
	в8	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Смоленская область	в3	2	2	2	2,5	2	2	2	2	2	2	2,5	2
	в4	1	1	1	2	1	1	2	2	2	2	3	2
	в1	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	2
	в8	2	3	3	2	3	2	2	3	3	2	2	2
Вологодская область	в3	2	2	2	2	2	2	3	2	2	2	2	2
	в4	1	1	2	2	1	2	3	2	2	2	3	2
	в1	3	3	4	3,5	4	4	3	3	4	3	3	3
	в8	2	2	3	3	3	2	2	3	3	3	3	2
Сильная несогласованность	Несогласованность					Слабая несогласованность				Согласованность			

¹ П1 – Здоровоохранение, П2 – Образование, П3 – Жилье и городская среда, П4 – Экология, П5 – Автодороги, П6 – Рынок труда, П7 – Наука, П8 – Цифровая экономика, П9 – Культура, П10 – Малый бизнес, П11 – Развитие экспорта, П12 – Демография

² В3 «Насколько органы власти заинтересованы в качественной реализации конкретного проекта»: 1 – максимально заинтересованы, 2 – скорее заинтересованы, 3 – скорее заинтересованы, чем не заинтересованы, 4 – скорее не заинтересованы, 5 – совсем не заинтересованы

³ В4 «Насколько население заинтересовано в качественной реализации конкретного проекта»

⁴ В1 «Как Вы в целом в настоящее время оцениваете уровень реализации национальных проектов в вашем регионе»: 5 – очень высоко, 4 – высоко, 3 – средне, 2 – низко, 1 – очень низко

⁵ В8 «Как Вы считаете, насколько успешно будут реализованы национальные проекты в вашем регионе»: 1 – не успешно, 2 – скорее не успешно, 3 – в целом успешно, 4 – очень успешно

Для определения возможности замены множества значений измеряемого признака одним числом (отображение группового мнения) был проведен анализ основных описательных статистик: средней, медианы, среднего квадратического отклонения, асимметрии и эксцесса. Эти показатели позволяют судить о наличии центральной тенденции или о гомогенности оценок. Оказалось, что говорить о согласованности оценок не приходится: по ряду оценок значения асимметрии и эксцесса сильно отклонялись от допустимых пределов (красная заливка), значительно отклонялись (розовая), или незначительно (зеленая), а остальные оценки (белая) свидетельствуют о гомогенности мнений. Таблица 2 показывает несогласованность мнений в большинстве случаев. Была выделена значимая закономерность: ответы экспертов на вопросы о востребованности проектов у населения (в4) и заинтересованности властей в реализации проектов (в3) имели больший разброс, т.е. разные группы имеют разные интересы и по-разному видят реализацию проектов и работу властей, однако, по мнению экспертов, в целом органы власти и население демонстрируют заинтересованность в реализации большинства проектов в регионах.

Оценки хода реализации проектов (в1) оказались более согласованными: в более развитых регионах проекты реализованы на хорошем уровне, а в менее развитых — на среднем. Что касается перспективы (в8), то во всех регионах, кроме Республики Башкортостан, эксперты сомневаются в финальном успехе проектов.

Различия в оценках позволяют предположить разное воздействие проектов на разные группы как в отношении самих проектов, так и во взаимодействии с другими группами (обострение противоречий, конфликт, неудовлетворенность). Как правило, противоречия снижают доверие к оппонировавшим группам и готовность с ними сотрудничать, что касается и доверия к власти. Такое положение дел меняет социальный порядок, нарушает устойчивость структур и характер выполнения функций. Несогласованность позиций может приводить к дисфункциональным последствиям проектов. Для прогнозирования воздействий проектов необходимо оценивать рассогласования мнений и выделять группы с позитивными последствиями. Так, эксперты старше 46 лет были склонны давать более оптимистичные оценки, а кандидаты и доктора наук, напротив, их занижали. Представители общественных организаций и государственных органов власти завышали оценки, а представители секторов бытовых и высокотехнологичных услуг — занижали. Участники национальных проектов оценивали их реализацию выше.

Пока в целом ход реализации проектов оценивается экспертами положительно, но большинство полагают, что выгоду получают в большей степени органы власти и крупный бизнес, что идет вразрез с идеей проектов, ориентированных на интересы всех групп населения (Табл. 3).

Оценка последствий нацпроектов и барьеров в их реализации, %

Регион	Свердловская область	Республика Башкортостан	Смоленская область	Вологодская область
1	2	3	4	5
Кто в настоящее время больше всего выигрывает от реализации нацпроектов в регионе?				
Федеральные органы власти	41,5	51,1	32,7	51
Региональные органы власти	71,7	59,6	73,5	63,3
Муниципальные органы власти (органы местного самоуправления)	43,4	48,9	40,8	40,8
Крупный бизнес	45,3	34	18,4	24,5
Средний и малый бизнес	22,6	25,5	30,6	10,2
Научно-образовательные коллективы	7,5	12,8	12,2	6,1
Общественные организации	15,1	8,5	10,2	8,2
Активные граждане и журналисты	13,2	8,5	18,4	28,5
Политические партии	28,3	17	22,4	22,4
Большинство населения региона	28,3	29,8	38,8	26,5
С какими трудностями сталкивается регион в ходе реализации нацпроектов?				
Нехватка финансовых средств (бюджет, субсидирование, инвестиции)	27,3	29,7	2,2	40,9
Нехватка квалифицированных кадров	20,9	21,6	33,3	22,7
Распространение формального подхода к решению проблем, наличие «тяжелых» бюрократических процедур, регламентов, долгие процедуры заключения госконтрактов	11,6	8,1	17,8	13,6
Проблема низкой компетентности и профессионализма у ответственных исполнителей нацпроектов	8,7	8,1	13,3	
Достижения численных показателей для отчетности перед вышестоящими органами власти, а не ожидаемых социальных эффектов	7	10,8	8,9	4,5
Отсутствует позитивная конкурентная среда, развита коррупция	6,4	5,4	8,9	

1	2	3	4	5
Предложения для стимулирования активности/интереса населения к нацпроектам				
Активнее и качественнее информировать о специфике и ходе реализации нацпроектов по всем возможным каналам	40,4	41,7	36,4	39
Открытость властей, постоянная работа по вовлечению в реализацию заинтересованных лиц (стейкхолдерами)	21,3	30,6	27,3	26,8
Информировать заинтересованных субъектов о результатах и лучших практиках, конкретных задачах на перспективу	21,3	25	31,8	14,6
Разработать механизмы активизации и поощрения целевых групп	27,7	13,9	20,5	26,8
Адресное информирование целевых групп	21,3	11,1	13,6	9,8
Создавать коммуникативные площадки для разработки и контроля реализации проектных решений	12,8	13,9	6,8	19,5

Поскольку реализация национальных проектов длится уже почти шесть лет, мы попросили экспертов высказаться о барьерах, которые деформируют процесс их реализации, затрудняют достижение социальных эффектов от проектных решений на местах. По результатам контент-анализа высказываний экспертов главными барьерами оказались: нехватка финансовых средств для решения текущих проектных задач (27 %) и нехватка квалифицированных кадров (21 %), в том числе узкоспециализированных. Эксперты отметили и недостаточность внебюджетных фондов для софинансирования проектов на местах, вследствие чего их реализация часто заходит в тупик, а ответственные исполнители становятся заложниками длительных процедур заключения госконтрактов. Так, в Смоленской области средств из государственного бюджета хватает, но наблюдается нехватка внебюджетных средств и квалифицированных кадров (33 %), в том числе узкоспециализированных: *«недостаточно специалистов и, соответственно, времени, чтобы успеть в срок выполнить планы и освоить средства»*. В итоге эксперты из Смоленской области чаще говорят о некачественном решении проектных задач и безответственности подрядчиков.

Примерно одинаково кадровый голод испытывают Республика Башкортостан (22 %) и Вологодская область (23 %), что некоторые эксперты связывают с неравенством центра и периферии, в результате чего в этих регионах наблюдается отток кадров, низкие доходы населения, ухудшение демографической ситуации и др. (как и в Смоленской области). Видимо, ответственные лица нацпроектов фокусируются на достижении количественных показателей для отчетности перед вышестоящими органами власти (7 %), а не на ожидае-

мых населением социальных эффектах. В Вологодской области эксперты отмечают недостаточную проработку бюджета проектов, в связи с чем необходимо дорабатывать сметы и искать дополнительные бюджетные средства, что приводит к временным потерям, связанным с процедурой торгов и тендеров (11 %).

В таких высоко ресурсных регионах (с высоким уровнем социокультурной модернизации по версии ЦИСИ ИФ РАН), как Свердловская область, где имеется необходимый кадровый состав для реализации программных мероприятий, стоит проблема финансирования из государственных фондов (37 %), что *«может быть связано с ограниченным бюджетом региона или неполным перераспределением федеральных средств для национальных проектов»*. Здесь же целевым группам сложно включаться в реализацию нацпроектов по причине отсутствия условий для создания позитивной конкурентной среды, что связано с нехваткой компетентных управляющих и коррупцией в местных органах власти.

Эксперты из всех четырех регионов выделили и другие барьеры, которые упоминались не столь часто, как перечисленные выше, но обратить внимание на них следует — это те самые дисфункциональные последствия не до конца продуманной стратегии реализации программных мероприятий нацпроектов, которые необходимо устранять «здесь и сейчас»: несогласованность между звеньями управления, вследствие чего теряется координация направлений деятельности и снижается управляемость; отсутствие системного видения, что приводит к неравномерному распределению усилий и нарушению баланса в развитии территорий; недостаточная информированность населения о проблемах региона, результатах работы властей, возможностях своего участия в реализации нацпроектов и т.д.; отсутствие инициативы, желания у населения (включая представителей бизнеса) включаться в разработку и реализацию проектов развития региона, пассивность самоорганизации в решении вопросов местного значения; заикленность ответственных исполнителей на местах на реализации собственных интересов; недостаточная инфраструктурная обеспеченность региона, ограничивающая реализацию прорывных идей развития (предприятия, здания, ЖКХ, транспортная и инженерно-технологическая инфраструктура, зоны рекреации, школы, досуговые организации и т.д.).

Поскольку в высказываниях экспертов упоминалась низкая активность населения в реализации национальных проектов, следует обратить внимание на предложения экспертов о том, каким образом следует преодолевать безынициативность жителей регионов в рамках проектных мероприятий (Табл. 2): эксперты выступают за более активное и качественное информирование населения (39 %), в том числе о достигнутых результатах, лучших практиках и задачах на перспективу (23 %) в понятной и доступной форме, с разъяснением их содержания и ожидаемых результатов.

Согласно экспертным оценкам, в Смоленской области заинтересованным субъектам более всего не хватает информации о результатах и лучших

практиках, которые можно было тиражировать на всей территории области, а не только в приоритетном порядке в центральной ее части (32 %). Для этого необходимо обеспечить открытость властей и организовать постоянную обратную связь с разными группами населения, направленную на вовлечение в реализацию нацпроектов заинтересованных лиц (стейкхолдерами) (27 %). Как конкретизирует один из экспертов, необходимо ввести в постоянную практику *«понятную, доступную, регулярную отчетность по реализации нацпроектов (интерактивная карта), а принятие управленческих решений (рекомендаций/резолуций) должно базироваться на итогах публичных встреч (эксперты, заинтересованная активная общественность)»*. За подобную прозрачность деятельности органов власти выступают и эксперты из Республики Башкортостан (31 %): *«не бояться приглашать активных граждан в пункты реализации проектов (поликлиники, больницы, школы), быть открытыми к предложениям — надо руководству организаций работать с людьми... обучать работать с общественным мнением и объективности»*.

Чтобы активизировать деятельность конкретных целевых групп, эксперты из Свердловской (27 %) и Вологодской областей (28 %) сходятся во мнении, что пора внедрять механизмы поощрения заинтересованных групп, а не заниматься их сдерживанием, вступая в конфликтные противостояния. Эксперты из Свердловской области настаивают на создании такого коммуникативного режима, как адресное информирование целевых групп по проектам (21 %), эксперты из Вологодской области — на организации диалога между органами власти и населением на специальных коммуникативных площадках (20 %), на которых бы проходило не только обсуждение проектных мероприятий, но и разработка и внедрение конкретных решений с последующим контролем целевыми группами их реализации.

В целом эксперты предлагают оптимизировать онлайн каналы обратной связи, в том числе в социальных сетях, для привлечения молодежной аудитории, которая должна более активно включаться в решение социально значимых проблем регионов и отдельных территорий, формируя образ будущего и предлагая конкретные шаги по его достижению. Также эксперты предлагают организовать ежемесячный мониторинг выполнения проектов в формате цифровой платформы, чтоб отслеживать *«реализацию национальных проектов в контексте улучшения жизни граждан»* (учитывать общественное мнение).

Таким образом, разработанная методика дистанционной социальной экспертизы реализации национальных проектов позволяет выдержать принцип системного подхода в управлении сложными проектами. Экспертиза показала различное влияние проектов на отдельные элементы социальной системы регионов, что дает возможность предвидеть изменения в их поведении. Большинство экспертов считают, что пока результаты проектов приносят выгоду преимущественно государственным органам и крупному бизнесу,

но подобная закрытость и концентрация властей на предпочтениях элит [15] ведет к стагнации, что нарушает базовую идею проектов о реализации интересов всех групп населения. Разработанная методика позволила собрать конструктивную группу экспертов, состоящую из представителей ключевых социальных групп регионов, способных компетентно оценить положение дел в основополагающих сферах жизнедеятельности и выразить приоритетные интересы населения (стереоскопичное общественное мнение). Поскольку в ходе применения методики были обнаружены некоторые причины рассогласования оценок экспертов, в дальнейшем будут введены дополнительные основания для группировки экспертов [13].

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований».

Библиографический список

1. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика понижения сложного // Человек перед лицом неопределенности. М.–Ижевск, 2003.
2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Под ред. Н.И. Лапина. М., 2016.
3. *Богданов В.С., Почестнев А.А.* Методология установления управленческих барьеров в реализации политики смягчения неравенств регионов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 4.
4. *Горшков М.К.* Успокоить нервы общества. Что говорит народ и как его слышит власть // Аргументы и факты. 2019. № 24.
5. *Гусарова З.В.* Социальная экспертиза качества жизни молодежи Московской области // Социология: 4М. 2019. № 4.
6. *Дризде Т.М.* К проблеме социальной экспертизы управленческих решений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. № 3.
7. *Корнев Н.* Экспертиза социальных изменений // Телескоп. 2005. № 4.
8. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования. М., 2021.
9. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. М., 2017.
10. Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России. СПб., 2003.
11. *Тернер Д.* Социальное влияние. СПб., 2009.
12. *Тихонов А.В.* Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // Вестник Института социологии. 2018. № 25.
13. *Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Почестнев А.А.* Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. № 10.
14. *Шаповалова И.С., Шеховцова Е.Ю.* Эффективность внедрения гражданской экспертизы: технологии и подходы // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2012. № 2
15. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power Prosperity, and Poverty. Crown Business, 2012.
16. *Harper C.I.* Exploring Social Change. N.Y., 1989.
17. World Bank Participation Source Book. Washington, 1996.

Remote social expertise of national projects*

V.S. Bogdanov², A.A. Pochestnev^{1,2}

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Bolshaya Andronyevskaya St., 5–1, Moscow, 109544, Russia

²Moscow Aviation Institute (National Research University),
Volokolamskoe Sh., 4, Moscow, 125993, Russia

(e-mail: valarf@mail.ru; apochestnev@yandex.ru)

Abstract. When implementing national projects, the Russian government aims at monitoring their achievement of national development goals, identifying changes in different ways. Thus, there is a need for social expertise that would allow to assess social effects of projects and to obtain feedback necessary for ‘smart’ management. The article presents some results of testing the methodology of remote social expertise developed by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. This methodology was designed to verify the fulfillment of the ‘social contract’ between society and the state in the framework of project decisions and to assess the extent to which these decisions refer to the interests, requests and needs of the population. This type of expertise allows to increase the reliability of data, since it implies questioning direct participants and beneficiaries of project decisions. The study aimed at testing the developed methodology of remote social expertise and obtaining objective information on the status of national projects, including problems accumulated in them. The expertise focused on 12 national projects. The methodology was tested in four regions of Russia with different levels of social-cultural modernization. The analysis of the data obtained proved the heuristic potential of the developed methodology as expanding the diagnostic, analytical and prognostic capabilities of assessing large projects.

Key words: social expertise; national projects; expert group formation; sociology of management; social-cultural modernization of regions; social analytics

Funding

The study was conducted with the financial support of the Expert Institute for Social Research.

References

1. Arshinov V.I., Budanov V.G. Sinergetika ponizheniya slozhnogo [Synergetics of reducing complexity]. *Chelovek pered litsom neopredelennosti*. Moscow–Izhevsk; 2003. (In Russ.).
2. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnye tendentsii i problemy* [Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Social-Economic and Social-Cultural Trends and Problems]. Pod red. N.I. Lapina. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Bogdanov V.S., Pochestnev A.A. Metodologiya ustanovleniya upravlencheskih barierov v realizatsii politiki smyagcheniya neravenstv regionov [Methodology for identifying management barriers in the implementation of policies to mitigate regional inequalities]. *Nauchny Rezultat. Sotsiologiya i Upravlenie*. 2022; 8 (4). (In Russ.).

* © V.S. Bogdanov, A.A. Pochestnev, 2024

The article was submitted on 20.12.2023. The article was accepted on 14.06.2024.

4. Gorshkov M.K. Uspokoit nervy obshchestva. Chto govorit narod i kak ego slyshit vlast [To calm the nerves of society. What the people say and how the authorities hear them]. *Argumenty i Fakty*. 2019; 24. (In Russ.).
5. Gusarova Z.V. Sotsialnaya ekspertiza kachestva zhizni molodezhi Moskovskoy oblasti [Social expertise of the life quality of the youth in the Moscow Region]. *Sotsiologiya: 4M*. 2019; 4. (In Russ.).
6. Dridze T.M. K probleme sotsialnoy ekspertizy upravlencheskih resheniy [On the social expertise of management decisions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2008; 3. (In Russ.).
7. Kornev N. Ekspertiza sotsialnyh izmeneniy [Expertise of social changes]. *Teleskop*. 2005; 4. (In Russ.).
8. *Reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v usloviyah realizatsii natsionalnykh projektov i aktivizatsii protsessov spontannogo gruppooobrazovaniya* [Reform of the Vertical of Power under the Implementation of National Projects and Fostered Spontaneous Group Formation]. Moscow; 2021. (In Russ.).
9. *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontekste problem sotsiokulturnoy modernizatsii regionov* [Russia: Reform of the Vertical of Power in the Context of the Regional Social-Cultural Modernization]. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. *Territorialnoe strategicheskoe planirovanie pri perekhode k rynochnoy ekonomike: opyt gorodov Rossii* [Territorial Strategic Planning during the Transition to a Market Economy: Experience of Russian Cities]. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
11. Turner J. *Sotsialnoe vliyanie* [Social Influence]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
12. Tikhonov A.V. Problema reformirovaniya sistemy upravleniya v strane: k istorii razrabotki issledovatel'skoy programmy [The issue of reforming the national management system: On the development of the research program]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 25. (In Russ.).
13. Tikhonov A.V., Merzlyakov A.A., Pochestnev A.A. Fenomen latentnogo gruppooobrazovaniya v regionah s razlichnym urovnem sotsiokulturnoy modernizatsii [The phenomenon of latent group formation in regions with different levels of social-cultural modernization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 10. (In Russ.).
14. Shapovalova I.S., Shekhovtsova E.Yu. Effektivnost vnedreniya grazhdanskoj ekspertizy: tekhnologii i podkhody [Efficiency of civil expertise: Technologies and approaches]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova*. 2012; 2. (In Russ.).
15. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power Prosperity, and Poverty*. Crown Business; 2012.
16. Harper C.I. *Exploring Social Change*. New York; 1989.
17. *World Bank Participation Source Book*. Washington; 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-715-733

EDN: DTKNET

Практики управленческой оценки ресурсности научно-педагогических работников вузов*

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Аннотация. Основой эффективного использования и мобилизации ресурсности научно-педагогических работников (НПР) российских вузов в интересах программ их развития выступает разработка адекватных подходов к ее оцениванию. Практики оценивания НПР — предмет деятельности университетского управления, и сегодня они нуждаются в критическом анализе и обосновании направлений их совершенствования. Актуальность такой исследовательской задачи обусловлена отсутствием комплексного знания о ресурсном потенциале академических сотрудников российских вузов и возможностях его продуктивной реализации в условиях ресурсных ограничений высшей школы. Цель статьи — представить управленческие подходы к оцениванию ресурсности НПР, сложившиеся в региональных вузах, и наметить направления их совершенствования. Эмпирическая база статьи — результаты социологического исследования, проведенного в 2023–2024 годы с помощью метода полуструктурированного интервью с представителями научно-педагогического сообщества (N=40) и университетского менеджмента (N=25) вузов Уральского федерального округа. Авторы отмечают недостатки формализованного подхода к оцениванию ресурсности НПР, который преимущественно используется при разработке программ развития вузов и базируется на количественных метриках и ограниченной информационной базе (отчетной документации, статистических данных вузов, кадровых справках). Сравнительный анализ мнений НПР и административно-управленческого персонала позволил сделать заключение о критическом расхождении их представлений не только о качествах ресурсности НПР, но и эффективности используемых подходов к ее оцениванию. Практическое значение полученных результатов заключается в обосновании интегрированного качественно-количественного подхода к оцениванию ресурсности НПР с опорой на принцип «необходимого и достаточного». Такой подход позволяет охватить все критические точки состояния и развития ресурсности НПР и в то же время обеспечить скорость и обоснованность решений в области управления человеческими ресурсами вуза.

Ключевые слова: ресурсность научно-педагогических работников; университетское управление; оценка ресурсности; эффективность оценивания; программы развития; региональные вузы

* © Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., 2024

Статья поступила 12.04.2024 г. Статья принята к публикации 14.06.2024 г.

Актуализация проблемы ресурсности НПП обусловлена востребованностью качественного человеческого капитала в программах развития российских вузов и государственной стратегии научно-технологического развития страны (1). Выступая важнейшим элементом ресурсного обеспечения стратегических планов высшей школы, ресурсность НПП требует многосторонней управленческой оценки, предваряющей решения об ее использовании и развитии. Ресурсность НПП — интегральная структура, объединяющая разные виды ресурсов, функционирующих как на уровне личности сотрудника вуза, так и на уровне НПП как социально-профессиональной общности. Мы исходим из трактовки ресурсов как возможностей, которые реально используются человеком для обеспечения его деятельности [10. С. 34]. Нами была предложена структура ресурсности НПП, охватывающая ключевые направления их деятельности, а также обоснованы два управленческих подхода к ее использованию и развитию — административный и мобилизационный [8. С. 86]. Разведение этих подходов [9] получило эмпирическое подтверждение в исследовании, реализованном в 2023–2024 годы. Одна из задач этого исследования была связана с выявлением практик управленческой оценки ресурсности НПП и их оценкой с позиций административной и мобилизационной методологии.

Исследовательский интерес к данной проблематике обусловлен необходимостью изменения управленческой системы оценивания ресурсности НПП в соответствии со стратегиями развития российских университетов в современных сложных условиях. Университетское управление постоянно декларирует дефицит человеческих ресурсов, необходимых для достижения вузами лидерских позиций в мировом и национальном масштабах, поэтому вузы, в том числе участники программы «Приоритет–2030», вынуждены критически пересматривать показатели своих стратегий развития. Глубокий анализ ресурсности НПП, несмотря на трудоемкость и методическую сложность, может стать основой для выработки эффективных способов ее активизации и «концентрации» в соответствии со стратегическими целями высшего образования.

В статье были поставлены следующие исследовательские вопросы: охватывает ли управленческий анализ все многообразие ресурсов НПП; на какой методологии и информационной базе он основан; каким образом существующая система оценивания соотносится с моделью университетского управления. Мы обобщили эти исследовательские вопросы в следующей цели статьи — идентифицировать практики управленческой оценки ресурсности НПП в современных российских вузах и выявить отношение к ним со стороны представителей как НПП, так и административно-управленческого персонала.

Управленческие подходы и методики оценки НПП образуют отдельное направление в исследованиях современного университетского менеджмента.

Такие работы имеют не только дисциплинарный (как правило, социологический или экономический), но и междисциплинарный характер, а количество статей, посвященных новым, еще не апробированным методикам, превышает число статей о методиках, уже применяемых в университетской практике, что свидетельствует о неудовлетворенности ситуацией, сложившейся в данной сфере управления человеческими ресурсами. Проведенные в данной предметной области исследования можно разделить на три тематические группы: оценки ресурсного потенциала и человеческого капитала НПР; оценка эффективности (продуктивности, результативности) НПР; сравнение количественного и качественного подходов к оценке НПР (предметом оценивания могут быть ресурсный потенциал, эффективность, результативность, продуктивность).

Как показал анализ научной литературы, работ, посвященных ресурсному потенциалу НПР и его оценке, немного. Одна из них была опубликована исследователями Уральского федерального университета в начале 2010-х годов [7], когда перед вузом остро стоял вопрос о реструктуризации и выработке новой стратегии развития. В рамках исследования кадрового потенциала НПР были изучены такие элементы ресурсности, как социально-демографический и образовательно-квалификационный, социальное самочувствие (настроения, ценностные ориентации, установки, уровень социальной напряженности), инновационный потенциал, готовность к изменениям. Прикладное значение исследования заключалось в выработке рекомендаций для совершенствования системы служебно-профессионального роста и продвижения НПР, формирования кадрового резерва вуза. Исследование показало актуальность управленческой оценки ресурсного потенциала НПР как основы эффективной корпоративной стратегии, но охватило лишь некоторые его элементы.

В связи с нынешним акцентом на исследовательской функции вузов и НПР большое число работ посвящено их научному капиталу и потенциалу, в частности закономерностям и факторам концентрации НПР с высоким уровнем научного капитала в исследовательских университетах разных стран. Так, в крайне незначительном числе российских вузов концентрация активных исследователей и авторов научных публикаций достигает уровня ведущих исследовательских университетов мира [2. С. 149]. Однако данная группа российских вузов вносит существенный вклад в национальные показатели объема и качества научной продукции [2. С. 154]. Зависимость качества человеческого капитала НПР (не только его научной, но и образовательной, квалификационной составляющей) от типа университета также была зафиксирована в Латвии [26].

Комплексный подход к изучению человеческого капитала и ресурсности НПР был использован в сравнительном европейском исследовании «Модернизация высшего образования в Европе», охватившем более 30 уни-

верситетов [21]. Были изучены такие элементы ресурсности академического персонала, как квалификационные (ученая степень), демографические (численность, гендерный и возрастной состав), темпоральный (бюджет рабочего времени) и иные ресурсы. Помимо качественно-количественной оценки ресурсов авторы рассмотрели кадровые технологии и их влияние на выделенные показатели ресурсности НПП. Коллективом исследователей Казанского федерального университета, опираясь на методологию управления качеством, рассмотрели образование как главный фактор развития интеллектуального капитала НПП. В структуре интеллектуальных ресурсов было выделено две группы — «мягкие» и «жесткие» [25], а качество интеллектуальных ресурсов НПП было связано с разными треками карьерных стратегий.

В последние годы получили импульс исследования нематериальных ресурсов НПП, таких как социальное благополучие, доверие, стрессоустойчивость, лояльность, вовлеченность [4; 13; 22; 23], и их связи с академическим контрактом и уровнем зарплаты [30].

В большинстве исследований, помимо проблемы человеческого капитала и ресурсного потенциала НПП, так или иначе затрагивался вопрос об их эффективности и результативности. Поскольку таковые выступают элементами управленческого дискурса, этот вопрос получил наиболее полное отражение в статьях, посвященных управлению человеческими ресурсами (человеческим капиталом) вуза в целях повышения конкурентоспособности университетов. Поскольку эта задача приоритетна для государственной политики, исследователи обсуждают эффективность ресурсности НПП, прежде всего, в контексте институциональных и организационных систем оценки качества научных исследований в вузах [28; 32]. В то же время ряд авторов отметили непреднамеренные последствия подобных механизмов контроля — в виде страха и тревожности, сосредоточения на количестве, а не на качестве исследований, увеличении рабочей нагрузки [27] и текучести кадров [18]. С другой стороны, несомненно и позитивное влияние оценки ресурсности НПП, входящих в систему управления человеческими ресурсами вуза, на внутреннюю среду университета — академическую успешность студентов [20] и повышение уровня резильентности и вовлеченности НПП [29].

Некоторые авторы раскрывают не только методические особенности замера научной продуктивности НПП на индивидуальном уровне, но и ее положительную связь с продвижением по службе, высокой зарплатой и повышением социального престижа [33]. Однако анализ факторов продуктивности НПП показал, что связь между ней и некоторыми субъективными факторами может быть обратной: наиболее ресурсные в научном плане сотрудники обладают большими возможностями академической мобильности, значительными шансами получения

бóльшего материального вознаграждения и внешнего финансирования (грантов) [15].

В научной литературе продолжают споры о количественном и качественном подходах к оценке НПР. Одни авторы полагают, что с середины XX века университетский менеджмент в системе академических исследований прошел определенную эволюцию — от экспертной оценки научной результативности НПР до применения простых библиометрических методов и сложной наукометрии (индексы цитируемости, публикационные рейтинги и пр.) [16. С. 116]. Другие авторы предлагают классифицировать управленческие методы оценки научной работы по двум критериям — способ оценки значимости научных результатов и однородность показателей. По первому критерию выделяют показатели количественные (число и объем научных работ), качественные (научный уровень результатов), восприятия (цитируемость) и смешанные. По второму критерию — показатели однородные (например, только публикации в журналах) и неоднородные (оценка разных видов научных результатов) [14. С. 42–43]. В то же время в зарубежных университетах был выявлен любопытный парадокс: несмотря на принцип «публикуйся или умри», действие которого сопряжено с количественными показателями научной продуктивности, реально на академические позиции сотрудников влияет их символическая ресурсность — престиж факультета, на котором получена научная степень, и репутация университета (факультета), в котором человек работал [5].

Рассматривая количественную методiku оценки публикационной активности ученых как инструмент управления по результатам, коллектив авторов проанализировал трудности применения формализованного подхода в высшей школе [11]. Оказалось, что, как и в зарубежных университетах, показатели, связанные с производством нового знания, результаты деятельности НПР и ресурсы, обеспечивающие их, плохо поддаются формализованной оценке [1; 24], а она неоднозначно влияет на мотивацию НПР и организационную культуру вуза.

В целом исследователи сходятся во мнении, что доминирование количественных методик обусловлено внедрением менеджериальной модели управления и бюрократических механизмов государственного контроля, которые требуют легких для понимания и прозрачных наукометрических показателей в оценке эффективности вузов и НПР и, соответственно, в распределении «наград и санкций» [6; 17; 19]. Безусловно, количественные методики имеют ряд преимуществ, позволяющих сравнивать эффективность и результативность различных НПР и целых групп академического персонала, проследить их связь с разными ресурсами и на этой основе строить более или менее справедливые для всех НПР системы вознаграждения. Обобщение управленческих практик зарубежных вузов, которые в последние годы активно ко-

пируются российскими университетами, помогло зарубежным и российским ученым поставить вопрос о необходимости разработки комплексных методологий оценки ресурсности НПП и эффективности ее реализации в профессиональной деятельности [6; 12] (2).

Статья основана на результатах исследования, проведенного в 2023–2024 годы и охватившего вузы Уральского федерального округа. Всего в вузах УрФО сегодня работают 14,6 тысяч НПП и 6,9 тысяч представителей административно-управленческого персонала. По данным Мониторинга эффективности вузов за 2023/2024 учебный год, в УрФО функционировало 88 вузов, среди них 73 государственных и муниципальных, 15 частных, 41 филиал. Среди вузов УрФО 1 федеральный университет, 1 национальный исследовательский университет, 2 опорных университета, 5 участников программы «Приоритет–2030», 3 университета были участниками проекта «5–100» (3).

В 2023 году в вузах УрФО было проведено 40 полуструктурированных интервью с НПП. Выборка состояла из представителей социальных, гуманитарных, естественно-научных и инженерно-технических наук; среди информантов было 24 кандидата и 7 докторов наук, 19 были младше 39 лет. Гайд интервью включал блок вопросов, посвященных управленческим подходам к оцениванию ресурсности НПП. В 2024 году было проведено 25 полуструктурированных экспертных интервью с представителями университетского управления и его исследователями: 20 интервью отражали трехуровневую структуру университетского управления — представители ректората, руководства институтов (факультетов), кафедр (научных подразделений); 5 интервью были проведены с исследователями проблем научно-педагогического сообщества и университетского управления (15 кандидатов и 9 докторов наук, 3 информанта младше 39 лет). Гайд экспертного интервью по «зеркальному» принципу включал вопросы об управленческих подходах к оцениванию ресурсности НПП. Такой дизайн исследования позволил провести сравнительный анализ мнений НПП и административно-управленческого персонала о сложившихся практиках оценки ресурсности академических сотрудников.

Форматы оценивания ресурсности НПП

В анализе материалов исследования мы исходили из трактовки управленческой оценки академического персонала как осуществляемой не только в специально организованных формах, но и с помощью неформальных подходов. Кроме того, очевидно, что не все оценки НПП ориентированы на анализ их ресурсности — чаще результативности и эффективности профессиональной деятельности. К формам оценивания ресурсности были отнесены отбор на должность (заключение времен-

ного договора или конкурс), зачисление в кадровый резерв, выдвижение на административную должность. Тем не менее, рейтингование НПР, подведение итогов выполнения эффективного контракта и начисление стимулирующей надбавки, выдвижение на профессиональный конкурс или конкурс публикаций, получение грамоты или почетного звания могут иметь косвенное значение для оценки ресурсности НПР, поскольку формируют представление о ресурсном потенциале «постфактум» и о способности его реализовать.

Прохождение на должность по конкурсу — традиционная для большинства вузов процедура. Исключение составляют университеты, которые перешли на формат открытого конкурентного отбора НПР, когда на конкурс заявляется несколько претендентов, в том числе новых, не известных вузу. Для большей части региональных университетов конкурсная процедура остается формальной, т.е. если оценка ресурсности НПР и происходит, никакого практического значения для принятия решения по кандидатуре она не имеет: *«Мы сталкиваемся с тем, что от 25 до 40 % соискателей (в некоторые годы до 50 %) не соответствует критериям. Но, даже если они не соответствуют, на должности их все равно проводят, потому что реального конкурса нет. И получается какая-то бесполезная работа. Кто-то рекомендует, кто-то не рекомендует, кто-то ругается на кадровой комиссии. Но конкурсная ситуация реальная не создается. То есть нет внешних претендентов, и на конкурс проходят те, кто есть. Либо окончательное слово, как это положено по нашему уставу, за Ученым советом»* (У) (4).

В условиях отсутствия конкурентной среды конкурсные процедуры теряют смысл как инструмент оценки потенциала сотрудника, и в реальной управленческой практике активно используются неформальные подходы — рекомендации коллег, «просмотр» кандидатов на публичных мероприятиях. Как отметил один из информантов, *«для нас важен внутренний кадровый резерв... Но мы нуждаемся и в новых кадрах, в новых заведующих... хорошие кадры на дороге не валяются, в том числе мы по сторонам смотрим»* (У). В региональных вузах неформальные подходы к оцениванию ресурсности академического сотрудника выступают в качестве первого фильтра отбора, за которым следует институциональный способ, легитимизирующий результаты неформального оценивания: *«Как мы обычно человека принимаем в штат? Сначала он у нас проводит какие-то мастер-классы, мы на него смотрим. Потом мы его приглашаем на договор ГПХ... Мы смотрим на него как преподавателя... и в научном плане присматриваемся, как он вписывается в коллектив. И вот обычно мы его как минимум год точно на ГПХ поддержим, мы никогда его не берем сразу»* (У).

Материалы интервью с НПР и представителями университетского управления показали, что в академическом сообществе сложился консенсус по по-

воду конкурсного отбора на должность. Обе стороны понимают и принимают формальный характер процедур оценивания, признавая важность первого этапа неформального оценивания. Конфликты возможны в трех случаях: когда в реальной конкурентной ситуации неформальное оценивание начинает определять итоговое решение в противовес результатам формальной оценки; когда намеренно сужается набор критериев и/или используются неадекватные показатели; когда кандидаты исключаются из обсуждения их профессиональных возможностей и потенциала. Все эти случаи формируют представления НПП о конкурсном отборе как имитации для принятия «удобного» управленческого решения: *«Официально все формализовано, но вся формализация — в глазах высокого ранга чиновников, она трансформируется под конкретную ситуацию, под какого-то человека. Как сказал Крылов в одной из басен: “какой порядок ни затеи, если он руками бессовестных людей, они всегда найдут уловку”»* (НПП).

Создание кадрового резерва вуза как формализованная процедура оценки ресурсности НПП характерно далеко не для всех региональных вузов — чаще оно встречается в крупных вузах, хотя и в небольших отбор в кадровый резерв осуществляется, но на неформальной основе: *«Все-таки у нас вуз специфический — камерный, небольшой. И отсутствие формальных процедур не означает, что на самом деле нет оценки. Например, я уже сейчас понимаю, кто из моих бывших аспирантов может в перспективе стать заместителем декана или даже ректора. И тогда я говорю: “давайте мы на нее обратим внимание. Ну и что, что сейчас в декрете сидит. Когда выйдет. Дети имеют свойство вырастать. У этого человека есть вот такие и такие качества — раз, два, три. Мы можем на него положиться, это наш человек. У нее есть организованность, мозги”»* (У).

Одной из проблем рассматриваемой процедуры и управленцы, и НПП крупных вузов считают неясность критериев оценивания и отбора, а также отсутствие полной информации об этой кадровой технологии: *«Здесь вообще... все непрозрачно. Не понятно, как у нас зачисляются в кадровый резерв. Хотя я, будучи работником управления персонала, задавала этот вопрос. Я так поняла, что здесь, наверно, возрастные ограничения. Например, я как возрастной работник не состою в кадровом резерве. Наверное, в него привлекаются более молодые. Но я не вижу афишированности этого процесса. На мой взгляд, информация о нем не доступна НПП»* (У). *«Я как-то неожиданно обнаружила себя в кадровом резерве университета. В личном кабинете увидела специальный значок и удивилась: “А я, оказывается, кадровый резерв!”*. Когда, кто и почему зачислил меня, что это значит для меня, не знаю до сих пор» (НПП).

Учитывая, что вузы сегодня испытывают серьезные проблемы с воспроизводством научно-педагогических и управленческих кадров, техноло-

гия создания кадрового резерва представляется крайне значимой, особенно для крупных университетов. Однако именно в них в силу забюрократизированности управления такой подход к оцениванию НПР превращается в имитацию: *«Я знаю, что отбирают молодых и обучают, т.е. кадровый резерв как-то работает. Насколько эффективно, не могу сказать. Но подозреваю, что кадровые назначения и перемещения осуществляются вообще помимо этого кадрового резерва. Кадровый резерв — это те педагоги, которые потом должны занять управленческие посты. Но, судя по тому, что я вижу, это совсем разные потоки: на заведование и на повышение идут люди совершенно не из кадрового резерва. Он опять для какого-то отчета. Наверное, где-то в каком-то документе написано, что университет должен иметь кадровый резерв — вот и сделали. А дальше у власти, ректора и проректора, свои мысли»* (У).

Бесполезность технологии кадрового резерва для оценивания ресурсности НПР подчеркивает один кейс: исследовательская группа вуза разработала программу формирования и обучения кадрового резерва, которая затем была внедрена в группе отраслевых университетов, однако сами разработчики не видят, как реализуется данная программа: *«Формально, может быть, программа и существует. Может быть, даже мы кого-то туда несколько лет назад и вписывали. Но фактически дело выглядит так, будто программы нет. По крайней мере, списков каких-то, даже если мы говорим о формальной стороне дела, списков обучения на уровне резерва заведующих кафедр точно нет»* (У).

Таким образом, существующие в университетах практики оценивания ресурсности НПР включают в себя как формализованные процедуры, закрепленные в локальных нормативных документах, так и неформальные методы, основанные на субъективном взгляде руководителя. Реальной основой для принятия решения в отношении НПР выступает второй, неформальный, подход, результаты которого просто закрепляются документальными процедурами (например, заполнением оценочных листов для конкурсной комиссии). С одной стороны, повсеместное использование внеинституциональных методов подтверждает особое значение для университетского менеджмента качественных метрик НПР (лояльности, неконфликтности, мотивации), которые невозможно количественно объективировать. С другой стороны, такие практики образуют «серую зону» — неартикулируемые правила и критерии оценки, двойные стандарты.

Соотношение количественных и качественных метрик в оценке ресурсности НПР

Бюрократизация университетского управления и стремление к сравнительному анализу привели к доминированию количественных метрик в оценивании академических сотрудников. Материалы интервью показа-

ли, что университеты предпочитают использовать в формальных процедурах те параметры, которые можно оценить по имеющимся документам (отчетам, сводкам, статистике, базам данных), привязаны к целевым показателям деятельности вуза (аккредитационным или программам развития) и имеют объективную природу. В ходе исследования были определены основные проблемы количественной «парадигмы» оценивания ресурсности НПП, в первую очередь, ее односторонность и фрагментарность: *«В полном объеме оценка, конечно, не проводится. Естественно, когда формируется программа, берутся такие показатели, как количество молодых ученых, ученых большего возраста и статуса. Некие количественные оценки проводятся на основании тех данных, которые представляет управление персоналом, — по среднему. Но на самом деле это оценка абсолютно не полная и необъективная»* (У).

Ориентация на «аккредитационную историю» исключает из оценивания такие трудно измеряемые и верифицируемые элементы ресурсности, как морально-идеологические (доверие, лояльность, вовлеченность, мотивация). Вернее, эти элементы можно легко замерить и оценить в ходе внутривузовских исследований, более трудоемких, нежели анализ ограниченного набора цифр из отчетной документации или баз. Информантов из группы университетских руководителей по их отношению к востребованности качественных замеров можно условно разделить на три группы. Первая группа абсолютизирует значение количественного подхода к оценке ресурсности НПП и признает его достаточным для принятия решений о стратегии развития университета: *«Мы используем кадровые базы, проводим анализ движения контингента, остротенности, сокращений. Пользуемся всеми возможностями e-Library, собственными методиками оценки публикационной активности. У нас в управлении есть специалисты по наукометрии. Что касается опросов, то мы, к сожалению, их не проводим. Но какого-то дефицита информации не испытываем»* (У). Такая позиция соответствует принципам административного подхода и обеспечивает получение информации для решения оперативных задач (уточнение соответствия кадровых показателей вуза аккредитационным требованиям или требованиям конкурсов на получение дополнительного финансирования из госпрограмм).

Вторая группа информантов придерживается мнения, что количественная оценка ресурсности НПП по ограниченному числу показателей не дает возможности увидеть перспективы развития университета и латентные риски, связанные с человеческим фактором: *«В нашем университете проводился четыре года подряд опрос по удовлетворенности и вовлеченности всех категорий персонала. Акцент делался на НПП, хотя и другие категории сотрудников опрашивались. По итогам опросов принимались управленческие решения, дорабатывался академический кон-*

тракт и меры социальной поддержки сотрудников. Но, к сожалению, в 2023 году опроса не было по причине смены руководства, ответственного за кадровое развитие. Соответственно, кадровая политика сейчас несколько... снизила обороты. Я думаю, что опросы нужны. Из открытых источников мы можем собрать только факты (сколько статей опубликовано), а через опросы понять настроение сотрудников, насколько у них есть потенциал, мотивация или выгорание... смогут ли они в будущем опубликовать столько-то статей или получить столько-то грантов или достигнуть других показателей. Опросы могут дать представление о потенциале НПР в перспективе. Поэтому одними формальными показателями ресурсности не обойтись. Их мало, нужно еще понимать, что дальше будет» (У). Представители второй группы понимают, что комбинированный подход трудозатратен и не очень оперативен, но важен для оценки характеристик внутренней среды вуза (сильные и слабые стороны), которые необходимо учитывать для выработки стратегии поведения в конкурентной среде.

Третья группа информантов отводит главную роль количественным показателям и квалиметрическим методикам оценки ресурсности НПР, однако признает важность их дополнения условно качественными методами, такими как беседы с линейными руководителями (заведующими кафедрами, лабораториями), отдельными НПР (ведущими учеными, руководителями научных школ, представителями разных возрастных групп НПР), коллективами кафедр. Позиция данной группы интересна тем, что ограничения количественного подхода связывает с использованием усредненных показателей по вузу без учета специфики, профиля подразделений и без фокусировки на проблемах и зонах развития: «Надо делать оценку в разрезе каждого научного направления. Если у нас 15 ученых советов, и они имеют по 2–3 специальности, то надо по 30–75 научным направлениям делать такую оценку, например, сколько в каждом из направлений молодых и пожилых. Если сделать такой срез, можно увидеть, что эти направления живут, здесь ресурс есть, потому что полностью комплект — от студента и до академика, а вот эти направления, где одни академики в пожилом возрасте, через 5–6 лет просто умрут» (У).

Обобщая результаты интервью с представителями университетского управления, можно сказать, что выбор того или иного подхода к оцениванию ресурсности НПР в определенной степени обусловлен базовым образованием руководителя, который проводит оценку. Гуманитарии и представители социально-экономических наук склонны поддерживать интегративный и качественный подход, но в большей степени интегративный, поскольку управленческая работа, по их мнению, предполагает оперирование сводными количественными данными по университету и теми данными, которые соответствуют бюрократическому языку отчет-

ных документов и в целом управления высшей школой: *«Я не предпочитаю, работаю и с теми, и с другими данными. Но поскольку образование у меня инженерное, я все-таки больше с цифрами привык работать, хотя качественные показатели, безусловно, важны, и я их тоже учитываю. Например, когда мы оцениваем образовательно-психологический ресурс, без качественных показателей не обойтись. Одними количествами не обойдешься, особенно средними цифрами»* (У).

Барьером для использования интегративного и качественного подходов выступает модель управления, характерная для конкретного вуза. Поскольку методика интервью предполагала «погружение» в общие принципы и правила взаимодействия университетского менеджмента и НПП, мы можем проследить эту связь. В вузах с менеджеральной моделью управления сам характер организационных коммуникаций не позволяет реализовать названные подходы. Здесь система управления человеческими ресурсами базируется на контролирующей (диктующей) роли руководителя: *«Ректор и проректоры с НПП не работают, как и директора институтов. Работает заведующий кафедрой. Коммуникации с коллегами обычно осуществляются не непосредственно, а через строго регулируемые нормативы, которые устанавливаются центром управления нашей организацией, известным как ректорат. Этот центр разрабатывает специальные правила и стандарты, которые затем передаются сотрудникам на исполнение. Вопрос заключается в том, как персонал адаптируется к правилам и следит за их соблюдением»* (У).

В вузах, в которых в той или иной степени реализуется партисипативная модель (на разных уровнях управления), сбор информации по качественным параметрам ресурсности НПП и неформализуемым ресурсам осуществляется естественным образом, в текущем режиме. Более того, здесь складываются регулярные практики специально организованных встреч с линейными руководителями и НПП (в формате личных бесед, стратегических сессий, мозговых штурмов), которые позволяют, с одной стороны, избежать формализации оценки ресурсного потенциала академических сотрудников, а, с другой, обогатить инструменты управленческой аналитики: *«Вуз у нас относительно небольшой, и по большому счету ты как будто бы знаешь ресурс каждой кафедры и каждого факультета, потому что численность сотрудников небольшая. О ресурсе каждого имеется некоторое представление. Когда мы разрабатывали стратегию университета, создавались рабочие группы. Лично я беседовала с заведующими кафедрами — кого они видят в качестве членов рабочей группы. И экспертное сообщество мы так же специально подбирали. Всегда беседуем с заведующими кафедрами. Примерно потенциал каждого понимаем, каким образом мы можем его использовать по направлению и, тем самым, коллег перераспределяем»* (У).

Мнения информантов из числа НПП более критические и практически единодушно выражают достаточно высокий уровень неудовлетворенности

сложившимся в управленческой практике количественным подходом. Кроме того, мнения НПП и представителей управления кардинально расходятся в отношении набора показателей для оценки того или иного вида профессиональной деятельности НПП: *«Пока у нас ориентируются только на публикации, но ведь успешность преподавателя отличается не только этим, но и тем, насколько он вовлечен в образовательный процесс. Наличие публикаций — это важно, безусловно, но еще важным может быть неофициальный рейтинг, составленный по студенческим оценкам, важны отзывы по всем полям деятельности. А мы сосредотачиваемся на научном направлении и забываем об образовательном. У нас все-таки научно-образовательная деятельность по идее... а получается, что мы упор делаем на науку, а про образование забываем. Такой перекося мне кажется не совсем правильным»* (НПП).

НПП вузов чувствуют себя недооцененными в плане ресурсности и результатов деятельности, поскольку система оценивания ориентирована на показатели эффективности вуза, которые заданы Министерством науки и высшего образования и Рособрнадзором. Соответственно, те направления профессиональной деятельности академических сотрудников, которые не попадают в понятие эффективности, уходят из предмета оценивания, а затем и поддержки. Результат — снижение мотивации НПП и фокусировка работы только по оцениваемым университетом направлениям: *«Мне пришлось участвовать во время прохождения по конкурсу не на предварительных слушаниях, а уже в финале. Это было больше похоже на порку публичную. У любого преподавателя могут найтись проблемные места. Любой преподаватель в глазах руководства не идеальный. Если у человека хорошая публикационная активность, то у него недостаточно привлечено финансов. Или много привлек финансов, но мало написал статей. Постоянно что-нибудь находится: если финансы привлек, статьи выполнил, то грант не выиграл. Неприятно, конечно. После этого желания работать нет, тебя не ценят, ты не нужен»* (НПП).

Выработка стратегий развития организаций высшего образования, согласно методологии стратегического планирования, должна базироваться на глубоком анализе их внутренней и внешней среды. Научно-педагогические сотрудники, как «элемент № 1», безусловно, должны быть включены в стратегический анализ ресурсного обеспечения на всех уровнях управления университетом. Как показало наше исследование, анализ ресурсности НПП в том или ином виде проводится в региональных университетах, но не носит стратегического характера — в нем отсутствуют системность, регулярность и проблемная ориентированность.

Важный признак стратегического анализа ресурсности НПП — «пригодность» полученных результатов для прогнозирования развития человеческо-

го капитала вуза в перспективе пяти и более лет. Доминирующий сегодня в университетском управлении количественный подход дает объективный срез кадровой обеспеченности, показывая актуальное состояние, но не потенциал «на будущее». Такой подход захватывает только верхушку «айсберга» (параметры ресурсности, которые «привязаны» к конъюнктурным показателям эффективности университета), но не более глубокие и скрытые пласты ресурсности НПП, из которых в будущем произрастает эта эффективность.

Сложившийся подход к оцениванию ресурсности НПП можно идентифицировать с позиций административной (менеджеральной) парадигмы: «новый менеджериализм» базируется на количественной оценке при принятии управленческих решений и позитивно воспринимается не академическим, а управленческим персоналом, поскольку существенно облегчает его работу и легитимизирует перераспределение ресурсов между академическими сотрудниками и научными группами [6. С. 15]. Теоретические интерпретации П. Бурдье форм капитала и их конвертации позволяют рассмотреть последствия сложившего административного подхода в контексте социальной структуры вузов. Не только достижения (результаты деятельности), но и ресурсы (потенциал) НПП предопределяют статус академических работников во внутривузовской структуре, поэтому неадекватный подход влечет за собой не только недооценку ресурсности НПП, но и ее обесценивание за счет игнорирования важнейших с точки зрения НПП элементов их потенциала, определяющей их дальнейшую деятельность и позиции в вузе, а также вследствие отсутствия мер по активизации (мобилизации) и развитию этих элементов.

Казалось бы, объективная оценка НПП, выраженная в формализованных показателях, должна обеспечивать возможности карьерного роста и способствовать назначению справедливого срока трудового контракта. В реальности же она не может гарантировать устойчивые и долгосрочные позиции НПП и даже создает предпосылки для прекаризации и маргинализации. НПП в результате таких управленческих практик превращаются почти в «одномерных людей», в которых востребованы только определенные качества. Выражаясь метафорически, административный подход к оцениванию стимулирует «накачивание» только тех ресурсных «мышц», которые нужны для конкурса «академических бодибилдеров».

Как правило, концепцию «нового академического менеджериализма» поддерживает управленческий персонал вузов [3; 31], однако наши эмпирические данные говорят не только о негативном отношении НПП к данной концепции, но и о неоднозначном мнении части представителей управления в региональных вузах. Хотя это мнение менее критичное и более взвешенное, чем у НПП, оно свидетельствует о готовности университетского менеджмента пересматривать инструменты оценивания. Возможно, понимание ресурсного неравенства в высшем образовании и ресурсные дефициты региональных ву-

зов служат источником такой установки и будут способствовать разработке и внедрению сбалансированного качественно-количественного подхода, который обладает потенциалом для раскрытия и наиболее полной реализации возможностей НПП.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

Примечания

- (1) Указ Президента РФ «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 28.02.2024 № 145 // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/73579>.
- (2) The State of Scientific Research Productivity. November 2021 // URL: <https://www.emdgroup.com/content/dam/web/corporate/non-images/scientific-research-productivity/us/Scientific-Research-Productivity-White-Paper-NA.pdf>.
- (3) Характеристика системы высшего образования Уральского федерального округа // URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_vpo/material.php?type=1&id=5.
- (4) В транскриптах представители университетского управления обозначены буквой «У», представители научно-педагогических работников — «НПП».

Библиографический список

1. *Абрамо Д.* Библиометрическая оценка результативности научно-исследовательской работы: к чему мы пришли? // Вопросы образования. 2017. № 1.
2. *Акоев М.А., Валеева М.В., Яблоков Е.Б.* Концентрация человеческого капитала в исследовательских университетах как основа конкурентоспособности образовательных систем и ее отражение в глобальных рейтингах университетов // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 2.
3. *Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
4. *Герасимова О.Я., Михалкина Е.В., Скачкова Л.С.* Вовлеченность в академической сфере как современный тренд и способ удержания аспирантов и научно-педагогических работников // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.
5. *Губа К.С.* Publish or perish, или развенчание меритократии в науке // Вопросы образования. 2011. № 3.
6. *Дежнина И.Г.* Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты «нового менеджериализма» // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 3.
7. *Зайцева Е.В., Запарий В.В., Коробейникова А.П., Бусыгина И.С.* Кадровый потенциал вуза. Екатеринбург, 2011.
8. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5.
9. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
10. *Ильин В.И.* «Человеческий капитал» как категория качественной социологии // Социологические исследования. 2023. № 3.
11. *Калгин А.С., Калгина О.В., Лебедева А.А.* Оценка публикационной активности как способ измерения результативности труда ученых и ее связь с мотивацией // Вопросы образования. 2019. № 1.

12. *Кириченко И.В., Шелюбская Н.В.* Система оценки качества научных исследований в странах Европы // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 4.
13. *Колычев В.Д., Буданов Н.А.* Вовлеченность студентов и научно-педагогических работников как показатель оценки корпоративной культуры и инструмент формирования кадрового резерва вуза // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2.
14. *Котляров И.Д.* Научная работа профессорско-преподавательского состава: управление продуктивностью // Труд и социальные отношения. 2010. № 4.
15. *Литвинова Л.И.* Факторы научной продуктивности и проблемы ее оценки // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 1.
16. *Ниязова М.В.* Индивидуальная научная продуктивность vs новый менеджериализм в академических исследованиях // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 2.
17. *Шибанова Е.Ю.* Политика NPM в высшем образовании: обзор влияния «нового государственного управления» на эффективность и производительность вузов // Вопросы образования. 2023. № 2.
18. *Abubakar B., Oluwade D., Ibrahim U.* Evaluating the effects of human capital development on employee retention in Nigerian universities // Journal of Human Resource and Sustainability Studies. 2022. No. 10.
19. *Carvalho T.* New public management and the academic profession // The International Encyclopedia of Higher Education Systems and Institutions. Dordrecht, 2020.
20. *Destari D.* Analysis the quality of human resources and the effectiveness of higher education management on student academic performance at universities in Samarinda, East Kalimantan // Eastasouth Journal of Learning and Educations. 2023. Vol. 1. No. 3.
21. European Commission/EACEA/Eurydice: Modernization of Higher Education in Europe: Academic Staff — 2017. Luxembourg, 2017.
22. *Fetherston C., Fetherston A., Batt S., Sully M., Wei R.* Wellbeing and work-life merge in Australian and UK academics // Studies of Higher Education. 2021. Vol. 46.
23. *García-Carbonell N., Guerrero-Alba F., Martín-Alcázar F., Sánchez-Gardey G.* Academic human capital in universities: Definition and proposal of a measurement scale // Science and Public Policy. 2021. Vol. 48. No. 6.
24. *Kallio K.M., Kallio T.J.* Management-by-results and performance measurement in universities — implications for work motivation // Studies in Higher Education. 2014. Vol. 39. No. 4.
25. *Levina Yu., Bodina A.E., Artemova G.E., Kiryakova V.A., Matvievsкая G.E., Kriskovets N.T., Ogorodnikova V., Kashina G.S.* University intellectual capital formation and development // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. No. 4.
26. *Lentjushenkova O.* Human capital development at higher education institutions // Economics and Culture. 2021. Vol. 18. No. 2.
27. *Martin-Sardesi A., Guthrie J.* Human capital loss in an academic performance measurement system // Journal of Intellectual Capital. 2018. Vol. 19. No. 1.
28. *Martin-Sardesai A., Irvine H., Tooley S., Guthrie J.* Accounting for research: Academic responses to research performance demands in an Australian university // Australian Accounting Review. 2017. Vol. 27. No. 3.
29. *McCormack C., Schönwetter D.J., Ruge G., Kennelly R.* Promoting university teacher resilience through teaching philosophy development // Canadian Journal for the Scholarship of Teaching and Learning. 2023. Vol. 14. No. 1.
30. *Prakhov I., Rudakov V.* The Determinants of Faculty Pay in Russian Universities: Incentive Contracts. Education Working Papers BRP 47/EDU/2018.
31. *Söderlind J., Geschwind L.* Making sense of academic work: The influence of performance measurement in Swedish universities // Policy Reviews in Higher Education. 2019. Vol. 3. No. 1.

32. *Veltri S., Puntillo P.* On intellectual capital management as an evaluation criterion for university managers: A case study // *Journal of Management and Governance*. 2020. No. 24.
33. *Zainab H., Aminu U.M., Jimoh M.I.* Research and publication productivity of academic staff of Auchi Polytechnic, Auchi, Edo State, Nigeria // *British Journal of Library and Information Management*. 2023. Vol. 3. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-715-733

EDN: DTKNET

The practices of managerial assessment of the resources of the university academic staff*

G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Abstract. The basis for the effective use and mobilization of the resources of the scientific-pedagogical staff (SPS) of Russian universities in the interests of their development are adequate approaches to assessment. The practices of the SPS assessment are a part of university management activities, and today these practices require critical analysis for identifying directions for their improvement. The relevance of this research task is determined by the lack of comprehensive knowledge about the resource potential of the academic staff of Russian universities and about the possibilities of this potential productive realization under the current resource constraints of the higher education. The article aims at presenting management approaches to assessing the SPS resources applied in regional universities and at identifying ways for their improvement. The empirical basis of the article is the sociological study conducted in 2023–2024 using semi-structured interviews with representatives of academic community (N = 40) and university management (N = 25) in the Ural Federal District. The authors focus on the shortcomings of the formalized approach to assessing the resources of the academic staff, which is mainly used in programs for the university development and is based on quantitative metrics and limited information base (reports, statistical data, HR department certificates). The comparative analysis of the opinions of the academic and administrative staff showed a critical discrepancy between their ideas not only about the qualities and resources of the SPS but also about the efficiency of approaches used to assess them. The practical significance of the study lies in the explanation of the need for the integrated qualitative-quantitative approach to assess resources of the academic staff based on the principle of “necessary and sufficient”. This approach allows to reveal all critical points in the academic staff state and development and to ensure the speed and validity of decisions in the university HR management.

Key words: resources of academic staff; university management; assessment of resources; efficiency of assessment; development programs; regional universities

Funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

* © G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova, 2024

The article was submitted on 12.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

References

1. Abramov D. Bibliometricheskaja otsenka rezultativnosti nauchno-issledovatel'skoj raboty: k chemu my prishli? [Bibliometric evaluation of the research work: What did we end up with?]. *Voprosy Obrazovanija*. 2017; 1. (In Russ.).
2. Akoev M.A., Valeeva M.V., Yablokov E.B. Kontsentratsija chelovecheskogo kapitala v issledovatel'skikh universitetah kak osnova konkurentosposobnosti obrazovatel'nyh sistem i ee otrazhenie v global'nyh rejtingah universitetov [Concentration of human capital in research universities as the basis of education systems competitiveness and its reflection in global university rankings]. *Upravlenie Naukoy: Teorija i Praktika*. 2021; 3 (2). (In Russ.).
3. Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Innovatsionnaja bjurokratija v upravlenii vysshim obrazovaniem [Innovative bureaucracy in the higher education management]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1). (In Russ.).
4. Gerasimova O.Ya., Mikhalkina E.V., Skachkova L.S. Vovlechnost v akademicheskoj sfere kak sovremennyj trend i sposob uderzhanija aspirantov i nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov [Academic engagement as a contemporary trend and method for keeping PhD students and academic staff]. *Gosudarstvennoe i Munitsipalnoe Upravlenie. Uchenye Zapiski*. 2020; 4. (In Russ.).
5. Guba K.S. Publish or perish, ili razvenchanie meritokratii v nauke [Publish or perish, or debunking meritocracy in science]. *Voprosy Obrazovanija*. 2011; 3. (In Russ.).
6. Dezhina I.G. Nauchnaja politika v vedushchih rossijskikh universitetah: efekty "novogo menedzherializma" [Scientific policy of leading Russian universities: Effects of the "new managerialism"]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2020; 24 (3). (In Russ.).
7. Zajtseva E.V., Zapary V.V., Korobejnikova A.P., Busygina I.S. *Kadrovyy potentsial vuza* [Human Resources Potential of the University]. Yekaterinburg; 2011. (In Russ.).
8. Zborovsky G., Ambarova P. Nauchno-pedagogicheskie rabotniki kak sotsialnaya obshchnost v menyayushchihsya usloviyah akademicheskogo razvitiya [Research-pedagogical staff as a social community under the changing conditions of academic development]. *Obrazovaniye i Nauka*. 2022; 24 (5). (In Russ.).
9. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Resursnost nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva: administrativny i mobilizatsionny podkhody k analizu [Resources of the research-pedagogical community: Administrative and mobilization approaches]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (4). (In Russ.).
10. Il'in V.I. "Chelovecheskiy kapital" kak kategorija kachestvennoj sotsiologii ["Human capital" as a category of qualitative sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovanija*. 2023; 3. (In Russ.).
11. Kalgina A.S., Kalgina O.V., Lebedeva A.A. Otsenka publikatsionnoj aktivnosti kak sposob izmerenija rezultativnosti truda uchennyh i ee svjaz s motivatsiej [Evaluation of publication activity as a way to measure the efficiency of the research work and its relationship with motivation]. *Voprosy Obrazovanija*. 2019; 1. (In Russ.).
12. Kirichenko I.V., Sheljubskaja N.V. Sistema otsenki kachestva nauchnyh issledovanij v stranah Evropy [System for evaluating the quality of scientific research in European countries]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2019; 23 (4). (In Russ.).
13. Kolychev V.D., Budanov N.A. Vovlechnost studentov i nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov kak pokazatel otsenki korporativnoj kultury i instrument formirovaniya kadrovogo rezerva vuza [Students and academic staff engagement as an indicator for assessing corporate culture and a tool for forming the university personnel reserve]. *Vysshhee Obrazovanie v Rossii*. 2022; 31 (2). (In Russ.).
14. Kotljarov I.D. Nauchnaja rabota professorsko-prepodavatelskogo sostava: upravlenie produktivnostiju [Research work of the academic staff: Productivity management]. *Trud i Sotsialnye Otnoshenija*. 2010; 4. (In Russ.).

15. Litvinova L.I. Faktory nauchnoj produktivnosti i problemy ee otsenki [Factors of academic productivity and issues of its measurement]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2018; 22 (1). (In Russ.).
16. Nijazova M.V. Individualnaja nauchnaja produktivnost vs novy menedzherializm v akademicheskikh issledovanijah [Individual research productivity vs new managerialism in academic research]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2021; 25 (2). (In Russ.).
17. Shibanova E.Yu. Politika NPM v vysshem obrazovanii: obzor vlijanija “novogo gosudarstvennogo upravljenija” na effektivnost i proizvoditelnost vuzov [NPM policy in the higher education: A review of the “new state management” impact on universities’ efficiency and productivity]. *Voprosy Obrazovanija*. 2023; 2. (In Russ.).
18. Abubakar B., Oluwade D., Ibrahim U. Evaluating the effects of human capital development on employee retention in Nigerian universities. *Journal of Human Resource and Sustainability Studies*. 2022; 10.
19. Carvalho T. New public management and the academic profession. *The International Encyclopedia of Higher Education Systems and Institutions*. Dordrecht; 2020.
20. Destari D. Analysis the quality of human resources and the effectiveness of higher education management on student academic performance at universities in Samarinda, East Kalimantan. *Eastasouth Journal of Learning and Educations*. 2023; 1 (3).
21. European Commission/EACEA/Eurydice: *Modernization of Higher Education in Europe: Academic Staff*. Luxembourg; 2017.
22. Fetherston C., Fetherston A., Batt S., Sully M., Wei R. Wellbeing and work-life merge in Australian and UK academics. *Studies of Higher Education*. 2021; 46.
23. García-Carbonell N., Guerrero-Alba F., Martín-Alcázar F., Sánchez-Gardey G. Academic human capital in universities: Definition and proposal of a measurement scale. *Science and Public Policy*. 2021; 48 (6).
24. Kallio K.M., Kallio T.J. Management-by-results and performance measurement in universities — implications for work motivation. *Studies in Higher Education*. 2014; 39 (4).
25. Levina Yu., Bodina A.E., Artemova G.E., Kiryakova V.A., Matvievskaya G.E., Kriskovets N.T., Ogorodnikova V., Kashina G.S. University intellectual capital formation and development. *Humanities & Social Sciences Reviews*. 2019; 7 (4).
26. Lentjushenkova O. Human capital development at higher education institutions. *Economics and Culture*. 2021; 18 (2).
27. Martin-Sardesi A., Guthrie J. Human capital loss in an academic performance measurement system. *Journal of Intellectual Capital*. 2018; 19 (1).
28. Martin-Sardesai A., Irvine H., Tooley S., Guthrie J. Accounting for research: Academic responses to research performance demands in an Australian university. *Australian Accounting Review*. 2017; 27 (3).
29. McCormack C., Schönwetter D.J., Ruge G., Kennelly R. Promoting university teacher resilience through teaching philosophy development. *Canadian Journal for the Scholarship of Teaching and Learning*. 2023; 14 (1).
30. Prakhov I., Rudakov V. *The Determinants of Faculty Pay in Russian Universities: Incentive Contracts*. Education Working Paper: BRP 47/EDU/2018.
31. Söderlind J., Geschwind L. Making sense of academic work: The influence of performance measurement in Swedish universities. *Policy Reviews in Higher Education*. 2019; 3 (1).
32. Veltri S., Puntillo P. On intellectual capital management as an evaluation criterion for university managers: A case study. *Journal of Management and Governance*. 2020; 24.
33. Zainab H., Aminu U.M., Jimoh M.I. Research and publication productivity of academic staff of Auchi Polytechnic, Auchi, Edo State, Nigeria. *British Journal of Library and Information Management*. 2023; 3 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-734-746

EDN: FKZYCT

Algorithmic management in the focus of sociology of technology*

M.A. Yudina

HSE University,
Pokrovsky Blvd., 11, Moscow, 109028, Russia

(e-mail: m.yudina@hse.ru)

Abstract. This article considers the managerial aspect of digital transformation — various programs and infrastructure that have recently received the general name “algorithmic management”. The boom in the use of such tools occurred during the covid-19 pandemic as a unique set of circumstances for the digitalization of human life. The authorities of several countries monitored their citizens’ behavior, including with the QR-code systems that limited their rights, in the fight against the spread of the covid-19, which has caused discussions and even protests. Businesses accelerated their digital transformation in HR management due to government restrictions and lockdown measures and to production needs in the new conditions. Quarantines are over, but the active development of algorithmic management continues; it extends beyond the platform economy and plays an integral role in Industry 4.0, which makes the study of algorithmic management relevant and timely. A significant contribution to understanding algorithmic management was made by the report of the experts from the European Commission and International Labor Organization. Based on the relevant publications up to 2022, they suggested giving up the narrow understanding of algorithmic management as a platform economy issue; however, most studies are still based on this interpretation. The article presents a broader definition to identify additional social contradictions and challenges of digital transformation. The author considers algorithmic management in the perspective of sociology of management and sociology of technology, in particular the works of A. Feenberg and P. Edwards. The approach of sociology of technologies studies (STS) allowed the author not only to analyze the events of the recent pandemic but also to consider the future of such technologies under the transition towards Industry 4.0. The article identifies three elements of algorithmic management together with hidden social-managerial biases and contradictions related to their implementation and shows how the new approach integrates direct and indirect control in management.

Key words: algorithmic management; platform economy; management; Industry 4.0; surveillance; stress; control

In the early 2000s, theories of post-industrial society were scientific mainstream; today the ideas of data- and sharing-economy, Industry 4.0 (In management) and re-

*© M.A. Yudina, 2024

The article was submitted on 01.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

industrialization era seem to destroy the previous of consensus, and that is exactly what contemporary convergent technologies do — change everything, promising some future profit. Digital platforms are promoted as innovative business-models supporting the sharing economy with the “future is now” slogans, but is their creative destruction as positive as the owners of platforms try to convince us? “Through digital platforms, the sharing economy creates a technological infrastructure for new interactions between producers and consumers” but “can increase social inequality by creating privileges for those who own property and make money by renting out resources” [26. P. 14].

It is only logical that management increasingly relies on technologies in the digital era. In 1986, Beniger “developed a theory of industrial capitalism centered around the problem of control, a functional issue linking technological, social, institutional, and information dimensions” [9. P. 205]. The same functional issue determined the development of algorithmic management which is defined by the International Labor Organization (ILO) and European Commission (EC) experts “in general, as a social-technical process” [2. P. 5]. The Joint Research Centre of the EC published the paper “The Algorithmic Management of Work and Its Implications in Different Contexts” to provide a conceptual framework “for this emerging phenomenon”, including for “Building Partnerships on the Future of Work”.

ILO and EC define algorithmic management (AM) as “the use of computer-programmed procedures for the coordination of labor input in an organization” [2. P. 1], and this paper adds to this definition different theories and methods of sociology of technologies studies (STS) to ensure a deeper understanding of AM in the social-managerial scope and go beyond consideration of only platform algorithms. Moreover, the current stage of digital transformation affects management in a variety of ways; thereby, leaders of countries, CEOs of transnational corporations, technological and scientific researchers and journalists suggest different names for the transformation of management due to technological changes. STS methods and a broader interpretation of AM help to see how digital transformation changes the ways to control labor, what perspectives AM has in Industry 4.0, and how it would affect social interactions.

STS for digital transformation

Descriptive approaches focus on different characteristics of the interconnection between social and technical phenomena without interpreting it. For instance, the Social Construction of Technology (SCOT) theory argues that technologies are shaped by human activity and not otherwise [4]. Giddens’ structuration theory [14] with its duality of structure (a set of rules and the result of individual actions) also describes technology and society [6; 29]. Actor-network theory, focusing on a constant flexible network of subjects and objects (actants), was initially a part of “the pragmatic turn” in sociology, i.e., from the very beginning considered technology [20; 21]. Edwards used the pragmatic turn’s results to define modernity

as the co-construction of technology and society: “infrastructures form the state of modernity and are formed by it, in other words, they are in the process of co-construction” [9]. Thereby, infrastructures are sustainable technological systems, organizational structures, and the basic individual knowledge of their use. Co-construction theory is also based on Beniger’s view on industrial capitalism. This research also refers to Beniger [3], considering AM as different technological forms of solving the control issue in contemporary societies.

Feenberg developed his instrumentalization theory, referring to Latour’s configuration of interconnected sets of technologies (“technogram”) and individual actors (“sociogram”) [19]: a particular technical configuration reflects a particular network of actors [11; 12]. Thus, the task of a good social-technological theory is dual: to describe the ways in which technology is chosen and to identify the goal behind this choice. Instrumentalization theory implies a critical emphasis on actors/stakeholders that adopt and use technologies, which is why technology is always biased [13] — due to the combination of time, place, and the way of its creation and introduction. Feenberg’s instrumentalization theory can be used to emphasize that AM is always biased socially and technologically. According to Edwards, any infrastructural form of AM would depend on actants (In the actor-network theory terminology); therefore, bias can be embodied in the seemingly neutral technological solutions to social problems, since the symptom of the deep social condition, which determines the problem, cannot be eliminated by this technical decision. The technology used in a particular social context is driven by what Feenberg calls “technical codes” as a combination of “the rule under which technical choices are made” and “a certain meaning or purpose that explains” [12. P. 47] the necessity of these choices. Whatever bias AM has as a high-tech way to solve coordination and control tasks of management, it needs sociological analysis due to the disruptive nature of such innovations.

Livingstone [22. P. 174] believes that due to digital technologies, there are three types of shifts: (1) government intervention in personal life with surveillance technologies and personal data collection; (2) privatization of the personal and personalization of the private through the social media, since personal images and stories become available and accessible to anyone; (3) corporate commercialization of personal life with “surveillance capitalism” [32], which use the private/intimate life of individuals to make profit. However, not only governments, but businesses use surveillance technologies of control, and AM may represent a significant shift in the people-technology balance.

Development and spread of algorithmic management

Before the covid-19 pandemic, the IT sector of the economy grew, attracting more workers not just by higher salaries but also by special treatment of “computer personnel”, who, among other benefits, can work from home. The pandemic led to multiple lockdowns all over the world, and the digital transformation accelerated,

sometimes provoking public protests against the massive violation of privacy by leading technological corporations. Digital technologies were used both to decrease loneliness and isolation [18] and to ensure an extensive, distant, “soft” control over citizens. The interconnection of people by social media increased a sense of personal responsibility, thus stimulating preventive behaviors [24]. Many copied other people’s behavior based on the social media content (like photos of people wearing face masks). Covid-19 prevention was stimulated by instruments installed in the social media interfaces, such as hashtags and geolocations. Non-digital mechanisms were primary, but digital technologies prolonged their effects, motivating people to demonstrate publicly conformist social behavior. Evaluability code helps to sustain this effect as the social media provides instruments for quantifying the audience’s perception of what is posted publicly.

During the covid-19 pandemic, health (normally a private/intimate matter) became a public affair: masks and sanitizing were the signs that private health was no longer an individual matter. Many countries used special apps to track and control the state of health and movements of people. In some countries, such types of smartphone apps were to be used only by the sick or those in contact with the sick. In other countries, like South Korea, many people used the “self-quarantine safety protection app and self-diagnosis app”. 15 countries developed and actively used 17 mobile apps to control the covid-19 pandemic [17], and only 3 out of these 17 apps were applied according to the national data protection laws. The world experienced the largest tech violation of privacy under the cover of public good, i.e. governments easily gave up their citizens’ privacy rights for societal health concerns.

Zuboff [32] had emphasized the use of technologies for surveillance before the pandemic. In Russia, Dudina in 2018 mentioned the possibility of pan-spectron as “the placement of human bodies around a central observer (panopticon) is replaced by a multitude of sensors; cables are placed everywhere, recording all incoming information and accumulating it in computers” [8. P. 24]. In 2020, in some countries, a system of QR-codes replaced traditional vaccine certificates: special systems allowed vaccinated citizens to access public spaces and forbade it to those not vaccinated, thus producing a social division. The other technology applied was the AI face-recognition algorithms: by getting access to publicly recorded photo and video materials, these programs could identify a person in a public space, track his movements or even send a signal to the law enforcement agencies.

Such technologies indicate a shift in public control over personal life, including a geolocation and health status. To fight the pandemic, these private areas became a part of public interest, and the traditional generalized policy transformed into selective and occasional individual-level policy, which is characterized by some researchers as biopolitics [23]. The main challenge in terms of social interaction was to keep social distance. Most digital solutions included traditional distant communication instruments (social networks, messengers and video conferences) that were either used more actively or transformed to better fit the online socializing:

many shopping businesses went online, developing purchasing platforms and apps, and many entertainment establishments, such as theaters or cinemas, launched online broadcasting. Thus, people witnessed a deep shift in the public/private dichotomy, and digital tools played a key role in it. AM is only a part of such tools but a very special one due to the changes in the human-artificial balance in the work environment.

How algorithmic management transforms the world of work

The covid-19 social turbulence changed the territorial and time frames of work as millions of people had to change their way of organizing workspaces. For businesses, profitability became an incentive for organizing technology to make workers more productive and effective in the unstable environment. We may classify a variety of technology used these days to control labor in several types: the first is direct digital control from the employer; the second is workers self-management on a digital basis, and the third as a combination of the first two. The first type is introduced by the employer to control and organize the worker (sometimes in a home-office space): work-tracking and performance-tracking computer programs, voice-over-internet protocols (VoIPs), video conference programs, work collaboration tools, cloud technologies, communication technologies (messaging), and virtual working spaces.

Control is not the only managerial function that technologies take care of — HR management goes through digital transformation too, and this is the first type since employers use them. As for the legibility of such algorithms in the workers' perspective, research results are contradictory. In their research of employment relationships in AM, Tomprou and Lee considered how employees perceive algorithmic agents taking on a managerial role as compared to human agents and found evidence in favor of diametrically opposite points of view [27]. Some studies provide results more compliant with human decision-making, while in others, workers considered algorithmic and human agents similarly or preferred the algorithmic ones. Thus, the organizational agent type, algorithmic versus human, influences one's psychological contract depending on the organizational inducement type: transactional versus relational [27]. Transactional inducements are tangible and calculative (salary and bonus), promissory cues on them can be conveyed equally by humans and algorithms. Relational inducements focus on subjective, personal aspects of work; therefore, "during recruitment, using algorithmic agents could lower perceived employer commitments compared to human agents interacting through video chatting, but this was not observed during onboarding" [27. P. 9]. The research shows that AM can be as effective as human managers are even with relational inducements algorithms.

Workers' self-management technologies are the second type. Some of them had been introduced before the recent pandemic, but it created special social-economic conditions for a previously unprecedented demand for such tools (many were tried

for the first time). The transformation of the working environment into a home-office broke some daily habits; thereby many workers were forced to reorganize the control over their performance to avoid procrastination and preserve a certain work-life balance. These technologies ensure that profitability becomes a personal value through the use of such programs as calendars and planners, goal-setters, budget-planners, etc. In other words, workers are supposed to consider work efficiency as a personal goal rather than something useful for employers. Some authors argue that AM of platforms is a new stage of control in management after the direct control (“exercised by superiors and based on the direct surveillance”) and indirect control (“a form of domination over workers’ autonomy”) [1. P. 88]. However, this paper supports a broader perspective, considering the first and second types of technologies for organizing work as means for direct and indirect control and as types of AM.

The third type of technologies called AM is presented in most cases as algorithms of digital platforms. Although some authors use the terms “platformization” and “AM” as synonyms [2], AM is used by platforms for organizing working processes, but there are other types to control work algorithms and tools. Some platform-owners get huge amounts of money by their innovative business practices, while others criticize such practices as illegal precarization based on the insufficient legal regulation of digital technologies. Platformization is the large-scale and systematic example of disruption created by digital transformation: platforms often create questionable values, because the traditional, “maintaining the status quo” kind of employment contracts implies taxes for both employers and employees, while platform-workers do not pay taxes (and do not have social guarantees) in most countries.

In the control perspective, platform algorithms are special due to their innovative mix of indirect and direct control: “algorithmic management devices... give rise to even more pervasive forms of precariousness and intervene directly in modeling identities through a mechanism similar to the interiorization of market imperatives” [1. P. 89], i.e., these devices are “suppliers and users of control”, while platforms act as independent regulators [25]. AM becomes an infrastructure which changes management — sub-reporting becomes extinct on platforms, because it is neither vertical nor lateral; there is no accountability in algorithmic accounting [25]. This lack of accountability is an especially worrying feature of platforms due to their questionable legal status. During the covid-19, workers without legal status were in double trouble due to (1) the risk of getting the virus and being pushed by AM to still complete tasks not to lose ratings, and (2) to the prior state support of taxpayers (like it was in Russia).

For instance, at the peak of the pandemic crisis in Barcelona, delivery workers as “subcontractors” of the platforms worked illegally, thus being deprived of social protection, but at the same time they complied with the strict requirements of AM of platforms [28]. Without a guaranteed minimum wage, the income

of delivery employees depended on a combination of factors: the ability to work during hours that the platform considers necessary (especially in the evenings and at weekends), the speed of delivery, and customers' feedback. "Subcontractors" got points by achieving goals set by the platform, and points determined the ability to take orders (earn). Traffic jams, poor food quality, any other failure, including those not depending on the courier, led to losing points, but at the outbreak of the pandemic, due to high demand, for the first time platforms provided the opportunity to choose working hours.

Covid-19 lockdowns revealed the precarious status of platform-contractors in many countries due to their protests after some cases of fatalities, unsafe work routines, and the questionable use of AM due to distant working. EC and ILO experts believe that AM can lead to mental distress at work [2. P. 21]: when used for decision-making and coordination of input, AM may make workers feel that they have little control over their work and that they are constantly monitored and evaluated, which leads to anxiety, stress and burnout. In the case of platform AM, the unpredictability of work demand and schedule can make it difficult for workers to achieve a healthy work-life balance, which can also contribute to stress. Thereby, the AM of more mundane business models might be less stressful due to being more stable — the usual working routine with some transactional inducements by algorithms is closer to pre-digital times.

There are at least six challenges for the AM of platforms [2]: job and income insecurity due to the unpredictability of work demand; difficulty in making autonomous decisions to comply with given instructions; accidents and mental distress at work; high work intensity to meet requirements or make a living; deterioration of work-life balance; a deep shift from traditional HR practices to new forms of control, monitoring and discipline. This might create a worrying picture, but it misses positive sides of this kind of infrastructure creation. That is why further we to Industry 4.0 with a much more positive reputation, for which AM plays a key role.

Algorithmic management in Industry 4.0

AM should not be reduced to platforms due to providing disruptive instruments for all other sectors of the economy. Interconnectivity makes Industry 4.0 demands unimaginable without automation of human performance tracing, but it is an open question whether the last word stands with a human manager or should we expect platform-like power-shift.

The Industry 4.0 Maturity Index [16] implies several stages on the way to the fourth industrial revolution. Computerization is only the first step of the organization's digital transformation. The next step is connectivity — when different business-apps are connected in synchronized work, which is the basis for visibility — when all workers have open access to the information. This is an important ideological shift, because in many (if not most) groups power is based on control over information.

However, some elements of Industry 4.0, including artificial intelligence, flourish in China with an entirely different concept of management, although the founders of Industry 4.0 argued that open information policy was the best way to reduce a broad variety of mistakes and bugs and to raise the level of trust. Workers can fight for open access to information, but providing access to control and management decisions is one of the key elements of managerial trust [30. P. 118]. Some authors [15; 31] argue that granting open access to job monitoring both to the worker and the employer is a sign of biopolitics. It implies a high level of workers' self-management and argues for adding technologies of this type to a mosaic of AM, at least for a better understanding of the shift in control functions.

What the Industry 4.0 creators suggest as the only way to achieve technological advances seems to be in contradiction with the paradigm of unqualified control: "It is this control which orients technical development toward disempowering workers and the massification of the public" [12. P. 53]. Should we consider access to data on their performance for workers as empowering? In biopolitics studies, self-management technologies are considered just another stage of controlling others, thus, creating only an illusion of empowerment. The Industry 4.0 Maturity Index implies that at the connectivity stage, open access to information may lead to the "widespread willingness to embrace change within the company, which is supported by continuous development and innovation" [16. P. 18]. Nevertheless, at the next visibility stage, when a special Industry 4.0 "company's digital shadow" becomes a reality and the organizational structure is to change, the acceptance of all data collection on all stages becomes critically important. It is also a cultural change — when workers are open to the idea of everyone knowing their level of performance, which requires a digital model of the situation in the company. If such a model is available only to decision makers, it will lose its efficiency, since the pressure of hierarchy makes employees hide information about their mistakes, which diminishes chances for preventing damage to the company as soon as possible.

The fourth stage is transparency and implies the use of big data for understanding the digital shadow of the company. Again, it is expected that employees of different levels would be ready to participate, and management would become more agile: "predictive capacity is a fundamental requirement for automated actions and automated decision making" [16. P. 20]. We may see parallels with the use of AM on platforms, but it is much harder due to the need to turn a hierarchy into more flexible networks, while platforms, starting from zero point, have no problem with changing what previously worked well.

It may seem that thanks to AM, "the operational autonomy of management and administration positions them in a technical relation to the world, safe from the consequences of their own actions" [12. P. 53]. If Industry 4.0 is as connected as it supposed to be by its ideologists, administrative defense would not be as effective as before — all managers would become actants in a huge digital shadow of organization networks. However, this does not work for business

in Industry 4.0 and platform-owners: what looks like huge inequality and hierarchy reduction might be a huge increase in control. Before AM and Industry 4.0, capital and/or firm owners controlled their assets through their managers. Today the whole organization (humans and objects), thanks to ubiquitous computerization, can be ruled by decision-making based on systems of algorithms. Platform-owners create a technological environment with unique opportunities for market manipulation [5].

The main goal of Industry 4.0 creation is its predictive capacity — technologies help to understand not only what is happening with the company now also to predict its future based on all obtained data. Such capabilities are key, game-changing, business advantages. However, if the organizational structure should be ready for changes, the demands on management skills would increase. To implement changes based only on predictions might be harder than based on current company results open to all levels of employees. The Industry 4.0 Maturity Index does not comment on the risks to which such openness may lead, when workers leave the firm knowing what future its shadow version promised. In the platform economy, short transactions do not provide workers with much information, while the informed Industry 4.0 worker has many more ways to affect the situation. The employee already has better control through visibility; at the transparency stage, management may pay even more attention to the employees' opinions; the predictive capacity of the Industry 4.0 system gives workers more than previous generations had (like knowledge of the current weak spots of the company), but there also is a risk of bad relationship with those aware of the most reliable forecasts of the company's future. If workers are to have access to all the data, we need a huge change in the corporate culture.

The final step and goal of digital transformation within Industry 4.0 is adaptability — to make an organization an entity comprising people and machines more flexible for now and for the future. Adaptability is achieved when all real-time adjustments are performed automatically; therefore, it demands “flexible communities” and “agile project management” with life-long learning for all employees [16. P. 21].

Thus, the development of Industry 4.0 demands a combination of AM with deep social, cultural, and structural changes on each step of creating this infrastructure, i.e., technological infrastructure should never be a mere tool but a complex of special ways and cultural patterns to use it. It is the social shift in management that raises most questions about digital transformation: technological infrastructure should never be seen as mere tools but as a complex of special ways to use them. If Industry 4.0 truly demands an open access to information for all employees, why is it no less effective in countries with the authoritarian managerial culture? According to the index [16], most businesses have not achieved the final stages yet, so today Industry 4.0 and its managerial algorithms are more about accepting connectivity and constant job monitoring, in some societies willingly, in others not. Moreover, if we talk about open data for managers or for workers too, which

model is more effective? Even if total transparency seems to be the most effective way, can it support a more equal relationship between people in the organizational hierarchy? Or such equality is impossible in the knowledge economy with power held by technocrats? These questions still await answers.

The environment changes management as a profession, although there are still too many aspects cheaper to be done by people than to automate. Standards of effective management have become higher — there is the need to be good with both people and algorithms. AM changes the role of human-managers in a highly digital environment due to high demands on emotional intellect and skills to motivate your team. With further predictive capabilities of digitally controlled firms even low levels of management are to check the validity of such prognoses: are they based on the right and properly calculated data? Can HR managers decide the future of the employee based on the AM results, or should the labor law secure people from such simplification? Today the new management infrastructure is implemented, but it still can be changed to a more humanitarian one, if people stand against the automation of working relations. That is why the European Trade Union Institute issued policy recommendations “Regulating algorithmic management. An assessment of the EC’s draft Directive on improving working conditions in platform work” [10]. We should expect more such initiatives in the future.

Digital transformation might have looked different if societies had not experienced covid-19 the way they did. The lockdowns across the world boosted our virtual life and its infrastructure, the private/public dichotomy was challenged by governmental technologies and management digitalization more widely and forcefully. This research focused on one aspect of this global change — AM in the broader definition of the term suggested by the EC and ILO experts [2] and not reducing it to platform algorithms. For sociology of management, we suggest the define AM as a combination of (1) the automation of managerial functions by the employer; (2) technologies for workers’ self-management; (3) the digital economy way of organizing labor, in which platform is a third party. AM represents one of many innovations changing the human–artificial relationship and share in the work environment, being one of many signs of the public/private dichotomy deterioration due to digital transformation. It may become the last nail in the coffin of privacy in the reality of social media, smart houses, smart cities, and e-government. Being a combination of direct and indirect control, AM already has shown many social biases in business. However, it is still understudied since there are not many companies with a high Industry 4.0 Maturity Index, but mostly because the mainstream still reduces it to a matter of the platform economy. Even the network-like anti-hierarchy Industry 4.0 increases the operational autonomy of business-owners in technical relations to the world, safe from the consequences of their own actions. In some cases, it may end up in the form of pan-spectron surveillance without legislative protection. Since AM as infrastructure is still at the early stages of Industry 4.0, many underestimate possible problems — opportunities created by virtual shadows

of organization may look too tempting to care enough for the risks. AM is much more than just the digital support of traditional management functions; it implies deep structural and cultural changes.

Funding

This article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the HSE University.

References

1. Armano E., Leonardi D., Murgia A. Algorithmic management in food delivery platforms: Between digital neo-Taylorism and enhanced subjectivity. *Digital Platforms and Algorithmic Subjectivities*. London; 2022.
2. Baiocco S., Fernández-Macías E., Rani U., Pesole A. *The Algorithmic Management of Work and Its Implications in Different Contexts*. Seville; 2022.
3. Beniger J.R. *The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society*. Cambridge–London; 1986.
4. Bijker W.E., Thomas P.H., Pinch T.J. (Eds.). *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge; 1987.
5. Calo R., Rosenblat A. The taking economy: Uber, information, and power. *Columbia Law Review*. 2017; 117 (6).
6. Desanctis G., Poole M.S. Capturing the complexity in advanced technology use: Adaptive structuration theory. *Organization Science*. 1994; 5 (2).
7. *Digital Platforms and Algorithmic Subjectivities*. Armano E., Briziarelli M., Risi E. (Eds.). University of Westminster Press; 2022.
8. Dudina V.I. From panopticon to panspectron: Digital data and transformation of surveillance regimes. *Sociological Studies*. 2018; 11. (In Russ.).
9. Edwards P.N. Infrastructure and modernity: Force, time, and social organization in the history of sociotechnical systems. *Modernity and Technology*. Cambridge; 2003.
10. ETUI: Regulating Algorithmic Management: An Assessment of the EC's Draft Directive on Improving Working Conditions in Platform Work. 2022. URL: <https://www.etui.org/publications/regulating-algorithmic-management>.
11. Feenberg A. *Transforming Technology*. Oxford; 2002.
12. Feenberg A. Critical theory of technology: Overview. *Tailoring Biotechnologies*. 2005; 1 (1).
13. Feenberg A. *Technosystem: The Social Life of Reason*. Harvard; 2017.
14. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Los Angeles; 1979.
15. Hardt M., Negri A. *Commonwealth*. Cambridge; 2009.
16. *Industry 4.0 Maturity Index. Managing the Digital Transformation of Companies. Update 2020*. Schuh G., Anderl R., Dumitrescu R., Krüger A., Hompel M. (Eds.). URL: <https://en.acatech.de/publication/industrie-4-0-maturity-index-update-2020>.
17. Jalabneh R. et al. Use of mobile phone apps for contact tracing to control the covid-19 pandemic: A literature review. *Applications of Artificial Intelligence in covid-19. Medical Virology: From Pathogenesis to Disease Control*. Nandan Mohanty S., Saxena S.K., Satpathy S., Chatterjee J.M. (Eds.). Singapore; 2021.
18. Kovacs B., Caplan N., Grob S., King M. Social networks and loneliness during the covid-19 pandemic. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 2021; 7.
19. Latour B. *Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Harvard University Press; 1987.
20. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford; 2005.
21. Law J. Notes on the theory of the actor network: Ordering, strategy, and heterogeneity. 1992. URL: <https://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/law-notes-on-ant.pdf>.

22. Livingstone S. In defense of privacy: Mediating the public/private boundary at home. *Audiences and Publics: When Cultural Engagement Matters in the Public Sphere*. Bristol; 2005.
23. Lorenzini D. Biopolitics in the time of coronavirus. *Critical Inquiry*. 2021; 47 (2).
24. Piper Liping L. Digital disinformation about covid-19 and the third-person effect: Examining the channel differences and negative emotional outcomes. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2021; 23 (11).
25. Stark D., Pais I. Algorithmic management in the platform economy. *Sociologica*. 2020; 22 (3).
26. Styrin E.V., Dmitrieva N.E. *State Digital Platforms: Formation and Development*. Moscow; 2021. (In Russ.).
27. Tomprou M., Lee M.K. Employment relationships in algorithmic management: A psychological contract perspective. *Computers in Human Behavior*. 2022; 126.
28. Viera T. The lose-lose dilemmas of Barcelona's platform delivery workers in the age of covid-19. *Social Sciences & Humanities Open*. 2020; 2 (1).
29. Workman M., Ford R., Allen, W. A structuration agency approach to security policy enforcement in mobile ad hoc networks. *Information Security Journal*. 2008; 17.
30. Yakhontova E.S. Assessing trust in the context of personnel management. *Sociological Studies*. 2004; 9. (In Russ.).
31. Zhelnin A.I. From “the first controlled pandemic in history” to rational biopolitical administration. *Discourse-Pi*. 2021; 1. (In Russ.).
32. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York; 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-734-746

EDN: FKZYCT

Алгоритмический менеджмент в фокусе социологии технологий*

М.А. Юдина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Покровский бул., 11, Москва, 109028, Россия

(e-mail: m.yudina@hse.ru)

Аннотация. Статья посвящена управленческому аспекту цифровой трансформации — программам и инфраструктурам, недавно получившим общее название «алгоритмическое управление». Бум использования подобных инструментов пришелся на пандемию covid-19, породившую уникальное стечение обстоятельств для цифровизации разных аспектов нашей жизни. Власти ряда стран применяли приложения для мониторинга поведения граждан и системы QR-кодов, ограничивающие их права, в рамках борьбы с распространением коронавируса, что вызвало общественные дискуссии, а в ряде случаев и протестные движения. Параллельно бизнес-сообщество усиливало цифровую трансформацию управления работниками как по причине введенных правительствами ограничений и «локдаунов», так и в связи с производственной необходимостью в новых условиях. Карантины covid-19 закончились, но алгоритмическое управление активно развивается, выходя за пределы плат-

*© Юдина М.А., 2024

Статья поступила в редакцию 01.04.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

форменной экономики, в том числе как связующий элемент Индустрии 4.0. Значимый вклад в понимание «алгоритмического управления» внес доклад экспертов Европейской комиссии и Международной организации труда, в котором впервые на основе анализа изданных к 2022 году публикаций было предложено отказаться от редукции термина до «алгоритмов платформенной экономики». Тем не менее, большинство научных публикаций об алгоритмическом управлении по-прежнему базируются на узком понимании термина. В статье предлагается широкая трактовка явления, что позволяет выявить больше социальных противоречий — вызовов цифровой трансформации. Автор анализирует алгоритмическое управление с точки зрения социологии управления и средствами социологии технологий (STS), опираясь, в частности, на подходы А. Финберга и П. Эдвардса. Применение STS помогает не только проанализировать события недавней пандемии, но и заглянуть в технологическое будущее в контексте перехода компаний на Индустрию 4.0. В статье обозначены элементы «алгоритмического управления» как зонтичного термина, выявлены связанные с их применением скрытые социально-управленческие проблемы и противоречия, показано, как сочетаются скрытый и прямой контроль в алгоритмическом типе управления.

Ключевые слова: алгоритмическое управление; платформенная экономика; менеджмент; Индустрия 4.0; наблюдение; стресс; контроль

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763

EDN: FJVAXU

Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта*

Пузанова Ж.В., А.Г. Тертышникова, У.О. Павлова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; ertyshnikova-ag@rudn.ru; 1132236786@rudn.ru)

Аннотация. Восприятие общественностью искусственного интеллекта может не совпадать с его реальными возможностями, но при этом играть ключевую роль в том, как алгоритмы разрабатываются, внедряются, используются и регулируются. Средства массовой информации (СМИ) не являются сторонними наблюдателями этого восприятия, а формируют общественное мнение: оказывают влияние на отношение к технологиям посредством формирования повестки дня и фреймирования новостей. Учитывая тот факт, что тема искусственного интеллекта стала одной из самых запрашиваемых в поисковиках и обсуждаемых на новостных ресурсах в 2023–2024 годы, актуализировался вопрос о доминировании в технологическом дискурсе и контроле над трансформацией общества под влиянием технологий нового типа/порядка. Цель проведенного авторами социологического исследования — выявление репрезентаций и стратегий конструирования образа искусственного интеллекта в российских СМИ в условиях активного внедрения и рутинизации алгоритмических технологий. Был использован подход социологии знания к анализу дискурса, чтобы понять, как социальные акторы формируют и используют дискурсивные стратегии для реализации собственных интересов. В статье представлены результаты анализа, показывающие, как СМИ репрезентируют искусственный интеллект, какие акторы участвуют в дискуссии и какие метафреймы в отношении технологии присутствуют в новостях. В частности, отмечено, что новостной дискурс на момент проведения исследования оказался не чувствителен к потенциальным рискам использования алгоритмов: возможные негативные последствия упоминаются значительно реже преимуществ, список упоминаемых угроз зачастую имеет неполный и гиперболизированный характер. Авторы акцентируют внимание на тенденции воспринимать системы искусственного интеллекта как превосходящие возможности человека, что может привести к антропоморфизации технического прогресса, а значит, породить новые этические и социальные вызовы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; социальные технологии; дискурс-анализ; фреймирование технологии; контент-анализ, средства массовой информации

* © Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г., Павлова У.О., 2024

Статья поступила в редакцию 12.02.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации выделены две временные точки в развитии искусственного интеллекта (ИИ): 2024 год — когда Россия, как ожидается, значительно улучшит свои позиции в этой области, и 2030 год — когда должно быть ликвидировано отставание от развитых стран и достигнуто глобальное лидерство в сферах, связанных с ИИ [7]. По словам Президента В.В. Путина, страна рассматривает данную технологию как средство доминирования на международной арене [1; 7], и важным фактором рутинизации алгоритмических систем выступает готовность российских предприятий к повсеместному применению ИИ в рамках реализации дорожной карты по его внедрению [2].

В то же время, по мере распространения ИИ, возникает множество вопросов, в том числе о том, какое влияние он оказывает, какие возможности создает и к каким рискам приводит. Ответы на эти вопросы формируют общественное мнение, отражая приоритеты власти и направление социальных трансформаций [8]. В целом академические источники склонны придерживаться нейтральной позиции, однако в СМИ наблюдается дисбаланс мнений [29]. СМИ играют ключевую роль в определении значения технологий в масштабе общества, дискурсивно конструируя потенциальные возможности и угрозы, опосредованные технологиями [10]. Кроме того, изучение новостного дискурса показывает, какие акторы контролируют новостную повестку и соответствующие социальные трансформации. Следовательно, одна из задач научного сообщества — оценивать репрезентацию и стратегии конструирования образа ИИ в российских СМИ для понимания потенциальных последствий медийного дискурса, особенно для развития и регулирования ИИ. Для этой оценки мы предлагаем использовать подход социологии знания к анализу дискурса, предложенный Р. Келлером и основанный на идее, что дискурс — всегда производная социальных структур и отношений [22].

В качестве единицы анализа были выбраны предложения и/или группы предложений, опубликованные на интернет-ресурсах и содержащие в себе слова и/или словосочетания, затрагивающие тему ИИ. Генеральной совокупностью стали сообщения в трех самых популярных онлайн СМИ по данным на ноябрь 2022 года (24): «РИА Новости: главные новости часа», «Комсомольская правда-Digital» и «Lenta.Ru». Данный выбор обусловлен тем, что тема ИИ в последнее время часто появляется в СМИ в связи с активным развитием технологий. Выборочная совокупность включала в себя публикации по темам, связанным с ИИ. Поиск осуществлялся методом ручного отбора на официальных сайтах по запросам «искусственный интеллект», «нейросеть» и «алгоритм». Рассматривался контент за период с 1 января 2021 по 1 января 2023 года, и такая точка отсчета была выбрана потому, что за год пандемии технологическое оснащение страны заметно возросло, с 2021 года правительство реализует дополнительные меры поддержки в сфере ИИ [11], и с этого же года начало увеличиваться количество поисковых запросов, свя-

занных с данной темой (Рис. 1). В результате были проанализированы 708 фрагментов текста, содержащих слова и/или фразы, раскрывающие отношение к ИИ. В таблицах 1–2 представлены основные акторы и тональность их высказываний. Преимущественно положительную тональность для репрезентации ИИ используют государство и бизнес, а наименее лояльный актор — церковь (преимущественно негативная оценка ИИ). Каждый актор не представляет собой монолитную структуру, его позиции дифференцированы, и для выявления «фреймов» используются доминирующие оценки.

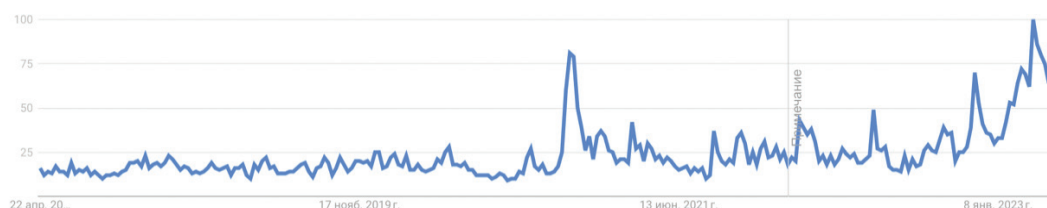

Рис. 1. Динамика количества сообщений по запросу «искусственный интеллект» (8)

Таблица 1

Основные институциональные акторы, принимающие участие в дискуссии

Актор	Агенты
Государство	Президент депутаты, министры и их заместители государственные служащие представители государственных предприятий
Бизнес	владельцы негосударственных предприятий и их представители
Церковь	представители Русской православной церкви
Эксперты	представители научного сообщества эксперты в определенных отраслях (например, военные или экономические эксперты, футурологи)

Таблица 2

Тональность высказываний акторов в репрезентации ИИ

Тональность	Эксперты	Государство	Бизнес	Церковь
Положительная	236 (83 %)	212 (99 %)	192 (98 %)	7 (44 %)
Отрицательная	47 (17 %)	2 (1 %)	3 (2 %)	9 (56 %)

Рассмотрение дискурса об ИИ целесообразно начать с позиции акторов, которые наиболее часто упоминаются в публикациях и формируют образ ИИ в СМИ, — это эксперты. В рамках данной категории было представлено 283 фрагмента текста, из которых 83 % имели положительную тональность, а 17 % — отрицательную. Облако слов, наиболее часто употребляемых в высказываниях экспертов, представлено на рисунке 2, и большинство из встречающихся в них понятий имеют позитивную коннотацию: «помочь», «позволить», «разработать», «решение» и др. В статьях также встречается синоним ИИ — «технология». С помощью программы Atlas.ti были выявлены прилагательные, используемые вместе с данным словом: «продвинутая», «передовая», «современная», «решающая», «военная».

Рис. 2. Наиболее частотные слова в высказываниях экспертов

Здесь дискурсивная стратегия заключается в том, что эксперты считают ИИ средством прогресса в различных сферах — медицине, экономике, военном оснащении страны, спорте, технологической и гуманитарной областях знания, и рассматривают ИИ как своего рода дополнение человека (а не его замену), способ упрощения рутинизированных действий: «Принцип работы когнитивных “кентавров”, или гибридных систем поддержки принятия решений, основан на совместном итеративном решении сложной задачи человеком и ИИ. Таким образом, человек и ИИ могут одновременно проявлять свои сильные качества (человек — за счет интуиции, а ИИ — за счет быстрой реакции и безусловной памяти), что позволяет достичь лучшего результата, чем их работа по отдельности» (26).

В военной сфере прослеживается тенденция к оправданию использования ИИ опытом других стран и гонкой вооружений, которую нельзя остановить, и подчеркивается важность технологий преимущественно для защиты и с точки зрения гуманности: устройства с ИИ могут управляться дистанционно, т.е. сохранять жизни людям, участвующим в военных действиях: «ИИ

в России используют и для анализа современной геополитической картины мира, исходя из большого массива данных о предыдущих крупных конфликтах. На операционном уровне в войсках ИИ задействуют для увязки в единую сеть подразделений разных видов и родов вооруженных сил, чтобы лучше их координировать и ускорить процесс принятия решений... Усилия российских ученых, работающих над ИИ, сконцентрированы на том, чтобы предотвратить угрозу для страны со стороны Североатлантического альянса» (1). По сути, можно говорить о нормализации военного применения ИИ в глазах общества.

С точки зрения медицины технологии — средство совершенствования ее возможностей, в том числе диагностики заболеваний на ранних стадиях: «Нейросети помогают значительно автоматизировать любой производственный процесс, например, они облегчают работу врачам... ИИ уже помогает врачам локализовать опухоли в головном мозге. Сейчас некоторые обучаемые нейросети облегчают работу и других специалистов. За ними будущее» (25).

Эксперты считают ИИ и двигателем прогресса в технических и гуманитарных областях знания: в первом случае он способен ускорять работу устройств, находить ошибки в кодах, оптимизировать технику и т.д., во втором — определять авторство произведений, восстанавливать первоначальный вид картин художников, переводить тексты и анализировать документы: «Инженеры запустили ИИ, который значительно сокращает время, необходимое для синтеза материалов и тестирования аккумуляторов... Для улучшения существующих аккумуляторов инженеры объединили два ИИ» (13).

Однако эксперты видят и опасность ИИ для человека и общества — возможность уничтожения человечества: обладая военной мощью, ИИ может специально или по ошибке нанести непоправимый вред. «Если мы все будем уничтожены ИИ, то почти наверняка это произойдет случайно... Например, мы запрограммируем компьютер установить мир во всем мире, а он взломает правительственные системы и запустит все ядерное оружие на планете, ведь без людей не будет и конфликтов» (12). «При таком развитии событий повышается вероятность, что человечество окажется втянутым в масштабную ядерную катастрофу в силу естественного стремления искусственных стратегов достичь поставленных военным руководством “национальных целей”. Ведь недоверие к противнику и стремление превентивно нейтрализовать его коварные планы — профессиональные качества военных, от которых они неизбежно перейдут и к искусственным стратегам» (2).

Также отмечается, что в сфере рутинизированных операций технологии могут лишиться человека выбора — уже сейчас ИИ предлагает нам музыку и фильмы, предоставляя конкретной аудитории определенный контент, за рамки которого она может не выйти. Предполагается, что алгоритм бу-

тегия — трактовка ИИ как инструмента прогресса в здравоохранении, обеспечивающего точность и дополнительные возможности диагностики заболеваний и повышения качества и продолжительности жизни: «ИИ, глубокое и машинное обучение изменили подходы к диагностике и лечению онкологических заболеваний. Новые методы обеспечивают эффективное выявление рака на ранней стадии, локализацию конкретной опухоли, помощь в назначении терапевтических вариантов. Получившаяся нейросеть была точна в диагностировании заболеваний в 86 % случаев» (14). «Обучение довольно долгое, но уже год назад мы достигли хороших результатов. Программа определяет норму в 97 % случаев. С патологиями хуже — точность доходит пока до 75 %, в случае эмфиземы легких — до 90 %. Нужно улучшать методы предварительной обработки изображений» (15). «Продолжительность и качество жизни — обобщенный показатель работы государства по всем направлениям: и в экономике, и в социальной сфере. Безусловно, задача вхождения в клуб 80+ остается, мы, безусловно, к этому будем двигаться... в том числе с помощью инструментов ИИ» (21).

Другая дискурсивная стратегия — репрезентация технологии как «умного врача», который поможет специалистам принимать более эффективные решения, основанные на данных и анализе большего, по сравнению с человеком, объема информации: «Сегодня с помощью технологии ИИ обрабатывают 20 тысяч радиологических исследований в сутки, а всего с момента запуска алгоритмы помогли медикам описать 1,5 млн снимков. В течение минувшего года ИИ начали использовать для диагностики не только covid-19, но и рака молочной железы и легкого» (6).

Кроме того, ИИ может сократить риски возникновения аварий и чрезвычайных ситуаций, что делает его использование необходимым для повышения безопасности: «Систему мониторинга аварий в сфере ЖКХ в России планируется дополнить функцией прогнозирования инцидентов с помощью ИИ... С сентября прошлого года в России заработала единая система мониторинга инцидентов и контроля устранения аварий на объектах ЖКХ. Кроме мониторинга, планируется вводить с помощью ИИ возможность прогнозирования тех или иных аварийных ситуаций» (9).

Что касается рынка труда, то государство полагает, что благодаря ИИ будут появляться новые профессии, а трудовая деятельность станет эффективнее и безопаснее: «Повсеместное, широкое использование передовых решений призвано прежде всего повышать уровень жизни, создавать новые возможности для людей... внедрение необходимых систем и промышленных роботов, а также автоматизированных рабочих мест “должно сократить объем рутинных функций, свести к минимуму работу человека на вредных и опасных участках производства... следствием внедрения ИИ и роботиза-

ции становится не рост безработицы, а появление новых, более творческих, содержательных и интересных профессий, высококвалифицированных рабочих мест» (19).

Представители государственных институций подчеркивают и экономический эффект от повсеместного внедрения ИИ — в интересах глобального доминирования, сохранения и укрепления позиций на мировой арене: «*Экономический эффект от внедрения ИИ в России по самым скромным оценкам превысил 300 млрд рублей... Владимир Путин отметил, что значение прорывов в этой сфере колоссально, и от того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, ее суверенитет, безопасность и возможности на качественно новом уровне решать задачи промышленного и социального развития*» (11).

Следующая стратегия — акцент на преимуществах ИИ в военных операциях как надежного и точного инструмента, который поможет сократить потери среди военнослужащих и повысить эффективность боевых операций: «*Российские боевые роботы с ИИ могут сохранить жизни личного состава... способны воевать самостоятельно*» (4). «*Развитие автономных способов наведения, получающих новое качественное развитие в связи с внедрением элементов ИИ, позволяет применять вооружение массированно, залпами или роями, при этом со значительной дистанции и с обеспечением безопасности носителя*» (7).

Также в государственном дискурсе встречаются понятия, связанные с безопасностью и защитой государства от внешних угроз: «*инструмент обороны и безопасности государства — технологии ИИ применяются для повышения эффективности решения задач российской армией*» (5).

Таким образом, в высказываниях государства как коллективного актора сочетаются несколько дискурсивных стратегий: подчеркивание важности ИИ в разных сферах жизни, акцент на преимуществах технологий и апелляция к образам, связанным с современными технологиями и наукоемкими отраслями, чтобы подчеркнуть важность алгоритмов в современном мире. Высказывания актора «государство» об ИИ в СМИ нередко отражают определенную идеологическую позицию, в частности приоритет национальной безопасности и суверенитета в контексте развития технологий, что связано с политическими и геополитическими интересами руководства страны.

Позиции бизнеса также схожи с уже упомянутыми. Количество фрагментов текста, в которых актор затрагивает тему ИИ, — 195, и это почти исключительно положительные оценки (98%). Облако слов, наиболее часто встречающихся в высказываниях представителей бизнеса, представлено на рисунке 4: доминируют опять «помощь», «технология», «решение», «развитие», технологии характеризуются как «новые», «продвинутые», «передовые», «высокие».

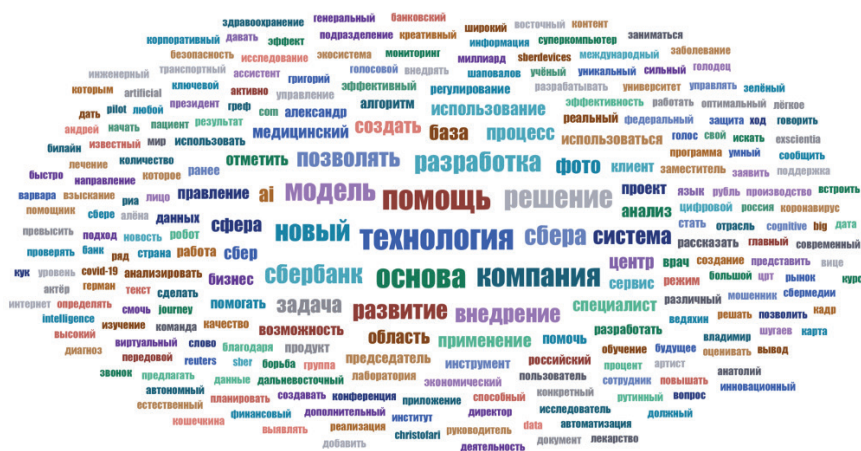

Рис. 4. Наиболее частотные слова в высказываниях актора «бизнес»

В дискурсе данного актора также затрагивается сфера здравоохранения, что может объясняться периодом анализа (пандемийным и постпандемийным): ИИ рассматривается как инструмент разработки лекарств и совершенствования медицинских технологий, также, как и с позиций государства и экспертов, диагностирования и лечения заболеваний на ранней стадии: «Стартап Exscientia, который с помощью ИИ разрабатывает лекарства, подписал с Фондом Билла и Мелинды Гейтс четырехлетний контракт, стоимость которого может достигать 70 млн долларов. Exscientia утверждает, что ее ИИ может сократить время, необходимое для изобретения препаратов для борьбы с коронавирусом, на 20 %» (3). Другая дискурсивная стратегия — трактовка технологий как способа улучшения качества обслуживания и предоставления более функционального и персонализированного продукта: «ИИ и роботы станут главными прорывными технологиями будущего. Так, ИИ поможет в контроле за информацией и сможет оградить человека от неинтересного контента» (17).

Представители бизнеса рассматривают ИИ как средство упрощения рутинных задач и оптимизации производственных процессов: «Новая разработка Сбербанка — сервис “Прогнозирование спроса на производстве и в ретейле”. Встроенная в сервис модель ИИ определяет оптимальный объем товаров для каждой точки продаж либо ожидаемый спрос от дистрибьюторов. Точное прогнозирование спроса на базе моделей ИИ помогает ретейлерам и производителям значительно повышать рентабельность и эффективность, снижать расходы и в конечном счете увеличивать количество клиентов, лояльных компании» (22). В целом, бизнес репрезентирует ИИ как мощный инструмент повышения эффективности и конкурентоспособности.

Представители церкви обсуждают использование ИИ в разных областях жизни — в данной категории представлено 16 фрагментов. Облако часто встречаемых слов представлено на рисунке 5, но тональность высказываний

отличается от других акторов: «заменить» (человека, гуманность) и «идеология» (56 % отрицательных высказываний), а технологии ИИ «дьявольские» и «бездушные».

Одна из дискурсивных стратегий представителей РПЦ — акцентирование этических и моральных аспектов использования ИИ, и, по мнению данного актора, внедрение ИИ может привести к негативным последствиям, если не будет следовать этическим принципам: «*Идеология трансгуманизма, предлагающая обществу заменить человеческую личность ИИ опасна, она нацеливает общество на создание суррогата человека, который может полностью подменить собой человека подлинного*» (16).

Рис. 5. Наиболее частотные слова в высказываниях актора «Церковь»

Другая дискурсивная стратегия представителей РПЦ связана с образами человеческого достоинства и свободы воли. Утверждается, что ИИ не должен заменять человеческую свободу воли и интеллект, его следует применять лишь в тех областях, где это действительно необходимо: «*Сегодня мы хотим поговорить о пределе человеческого начала. Человек был создан по образу и подобию Божьему. Но человек, растворенный в компьютере, — это вроде уже и не человек? А если он еще не растворился, но уже подключен к матрице, как убедительно нам показывали в голливудском кино? Это еще человек? А если он весь день сидит в шлеме виртуальной реальности? Или просто в телефоне? В общем где он, предел человечности? И есть ли он вообще?» (18). «*Использование ИИ для профилактики правонарушений оправдано, однако ИИ не может делать верные выводы о психологическом состоянии человека и общества на основе данных соцсетей*» (10).*

Соответственно, представители РПЦ репрезентируют ИИ как инструмент, который следует использовать только в соответствии с этическими и религиозными принципами в целях сохранения человеческой свободы воли и достоинства в условиях быстро развивающихся технологий.

Чтобы суммировать приоритетные позиции всех акторов, в программе Atlas.ti была построена таблица сопряженности (Табл. 3): путем выделения главных участников дискуссии об ИИ, была реконструирована его медийная дискурсивная структура. Тематики, формирующие дискурс об ИИ, связаны преимущественно с областями применения его технологий, его оценкой и возможными сценариями будущего в условиях развития алгоритмов. Разные акторы используют похожие дискурсивные стратегии, что говорит об общей цели — активном внедрении технологий в различные сферы жизни общества.

Таблица 3

Основные дискурсивные фреймы в отношении ИИ

Фреймы	Эксперты	Государство	Бизнес	Церковь
Инструмент национальной безопасности и развития страны	93 (40 %)	75 (38 %)	2 (1 %)	5 (31 %)
Средство повышения эффективности и прибыльности бизнеса	30 (13 %)	53 (27 %)	121 (80 %)	0
Инструмент диагностики и лечения заболеваний, повышения продолжительности жизни	75 (32 %)	64 (33 %)	22 (15 %)	2 (13 %)
Объект этического и морального обсуждения	4 (2 %)	0	0	9 (56 %)
Источник социальных последствий	31 (13 %)	4 (2 %)	7 (5 %)	0

Посредством категоризации высказываний об ИИ в российских СМИ были выделены следующие фреймы и мета-фреймы:

- ИИ как инструмент национальной безопасности и развития страны:
 - Использование ИИ в сфере безопасности: возможности применения технологий для обеспечения национальной безопасности, включая задачи контроля и защиты границ.
 - Использование ИИ для развития экономики: инвестирование в сферу технологий — автоматизация рутинных задач, повышение эффективности производства и создание новых высокотехнологичных рабочих мест.
 - Применение ИИ для улучшения военных технологий (повышение их точности и эффективности, сохранение жизни людей).
- ИИ как средство повышения эффективности и прибыльности бизнеса:
 - Автоматизация рутинных задач позволяет сотрудникам сконцентрироваться на более важных задачах, что повышает производительность и эффективность работы.

- Оптимизация производственных процессов позволяет снизить издержки и повысить качество продукции, что повышает прибыльность бизнеса.
- ИИ как инструмент диагностики и лечения заболеваний, увеличения продолжительности жизни:
 - Использование ИИ для анализа медицинских данных (более точная диагностика и лечение).
 - Применение ИИ в области генетики (анализ генома, более точная диагностика и лечение наследственных заболеваний).
 - Использование ИИ для создания персонализированной медицины, что может повысить эффективность лечения и продолжительность жизни.
- ИИ как объект этического и морального обсуждения:
 - Этические принципы использования ИИ (чтобы предотвратить негативные последствия) — непричинения вреда, справедливости, автономии и т.д.
- ИИ как источник социальных последствий (в частности, сокращение рабочих мест может негативно сказаться на экономике и обществе в целом).

Таким образом, на момент проведения исследования ИИ рассматривался преимущественно с положительной стороны, т.е. новостной дискурс был нечувствителен к рискам данной технологии. Выгоды от внедрения ИИ большинство акторов связывают с обеспечением безопасности и экономическим ростом (повышение эффективности и продуктивности, улучшение качества продукта и обслуживания). Кроме того, в СМИ ИИ часто сравнивается с человеческим потенциалом, что позволяет подчеркнуть его преимущества и перспективы. Несмотря на то, что в ряде областей ИИ опережает возможности «естественного интеллекта» и оптимизирует решение задач, подверженных человеческому фактору, методы фреймирования, подразумевающие превосходство ИИ, несут в себе угрозу. Во-первых, формируют установку, что технологии ИИ объективны и не зависят от предубеждений и стереотипов разработчиков. Во-вторых, затрудняют решение вопроса об ответственности ИИ, делая его самостоятельным актором. В целом наблюдается тенденция репрезентировать (а значит и воспринимать) системы ИИ как абсолютно безопасные и превосходящие человеческие возможности, что подразумевает антропоморфизацию технического прогресса, что может повлечь за собой ряд этических и социальных проблем (фейковые новости и дезинформация, усиление социального неравенства, предвзятость алгоритмов, утечка данных и др.) [4; 5; 15; 19; 21].

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках ИнНИР 100938-0-000 «Использование искусственного интеллекта: перспективы, угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)».

Примечания

- (1) «А это уже не та страна»: в Пентагоне подробно высказались об армии России // URL: <https://ria.ru/20210604/pentagon-1735479744.html>
- (2) «Людей станут массово вытеснять» Кто в ближайшем будущем потеряет работу из-за искусственного интеллекта? // URL: <https://lenta.ru/articles/2021/08/01/intel>.
- (3) Билл Гейтс вложил в создание таблеток от коронавируса // URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/10/billkoron>.
- (4) В Госдуме раскрыли назначение боевых роботов с искусственным интеллектом // URL: <https://lenta.ru/news/2021/05/21/purpose>.
- (5) В Минобороны уверены, что Россия может лидировать в сфере ИИ // URL: <https://ria.ru/20210823/tekhnologii-1746915840.html>.
- (6) В Москве расширят эксперимент по ИИ-технологиям в здравоохранении // URL: https://aif.ru/moscow/v_moskve_rasshiryat_eksperiment_po_ii-tehnologiyam_v_zdravoohranenii.
- (7) Генерал рассказал, как работает высокоточное авиационное оружие // URL: <https://ria.ru/20220811/aviatsiya-1808773566.html>.
- (8) Искусственный интеллект // URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=now%20Id&geo=RU&q=искусственный%20интеллект&hl=ru>.
- (9) Искусственный интеллект будет прогнозировать аварии в сфере ЖКХ в России // URL: <https://realty.ria.ru/20210224/avarii-1598747825.html>.
- (10) Искусственный интеллект не годится для анализа личности, заявили РПЦ // URL: <https://ria.ru/20211130/intellekt-1761494570.html>.
- (11) Мишустин рассказал об экономическом эффекте от внедрения ИИ // URL: <https://ria.ru/20221201/ii-1835582598.html>.
- (12) На Западе описали «случайный» сценарий начала ядерной войны // URL: <https://ria.ru/20220901/sluchayno-1813841281.html>.
- (13) Нейросеть научили улучшать аккумуляторы // URL: https://lenta.ru/news/2022/10/12/better_battery.
- (14) Нейросеть поможет быстро найти рак // URL: https://lenta.ru/news/2022/03/03/neuro_cancer.
- (15) От избытка данных. Как диагностику опасных заболеваний ставят на поток // URL: <https://ria.ru/20220418/meditsina-1783559123.html>
- (16) Патриарх Кирилл предостерег от создания суррогата человека // URL: <https://ria.ru/20221025/surrogat-1826593122.html>
- (17) Перечислены главные технологии будущего // URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/04/newfuture/>
- (18) Пределы человечества. Растворится ли человек в компьютере? Часть первая // URL: <https://radiosputnik.ru/20220807/1807828648.html>.
- (19) Путин предложил использовать ИИ вместо людей на вредных производствах // URL: <https://ria.ru/20221124/ii-1833987848.html>.
- (20) Путин призвал укреплять технологический суверенитет // URL: <https://ria.ru/20221215/suverenitet-1838931905.html>.
- (21) Путин рассказал об использовании ИИ для улучшения качества жизни // URL: <https://ria.ru/20221124/putin-1834003861.html>.
- (22) Сбер поможет спрогнозировать спрос для производителей товаров и ретейла // URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/24/sprs>.
- (23) Сверхинтеллект может сделать из человека «котика», заявил футуролог // URL: <https://ria.ru/20210309/sverkhintellekt-1600421390.html>.
- (24) Топ-10 СМИ // URL: <https://www.mlg.ru/ratings>.
- (25) Эксперт: будущее — за нейросетями и искусственным интеллектом // URL: <https://radiosputnik.ru/20221106/neyroseti-1829524277.html>.
- (26) Эксперт: гибрид человека и искусственного интеллекта появится в 2022 году // URL: <https://ria.ru/20220105/ii-1766599568.html>.

Библиографический список

1. *Абросимов В.К.* Искусственный интеллект и проблемы развития вооружения и военной техники // Вооружение и экономика. 2021. № 2.
2. *Городнова Н.В.* Применение искусственного интеллекта в бизнес-сфере: современное состояние и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4.
3. *Горохова С.С.* Искусственный интеллект в контексте обеспечения национальной безопасности // Национальная безопасность/Nota Bene. 2020. № 3.
4. *Даллакян К.А.* Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1.
5. *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Возможно ли цифровое равенство? // Социологические исследования. 2020. № 10.
6. *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1.
7. *Камолов С.Г. и др.* Доминанты национальных стратегий развития искусственного интеллекта в России, Германии и США // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2.
8. *Кастельс М.* Галактика Интернет. М., 2003.
9. *Красикова Т.Р.* Проблема конструирования социальной реальности в теории массовой коммуникации // Современный дискурс-анализ. 2013. № 1.
10. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
11. *Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г.* О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть-XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 5–6.
12. *Малышкин А.В.* Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3.
13. *Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е.* Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.
14. *Фомина А.Н.* Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2.
15. *Brayne S., Christin A.* Technologies of crime prediction: The reception of algorithms in policing and criminal courts // Social Problems. 2021. Vol. 68. No. 3.
16. *Bunz M., Braghieri M.* The AI doctor will see you now: Assessing the framing of AI in news coverage // AI & Society. 2022. Vol. 37. No. 1.
17. *Cave S., Dihal K.* Hopes and fears for intelligent machines in fiction and reality // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 2.
18. *Crépel M., Cardon D.* Criticism and prophecy in media coverage of AI controversies // Society for Social Studies of Science, 2021.
19. *Cruz T.M.* Perils of data-driven equity: Safety-net care and big data's elusive grasp on health inequality // Big Data & Society. 2020. Vol. 7. No. 1.
20. *Daniels J.* Cyber Racism: White Supremacy Online and the New Attack on Civil Rights. Rowman & Littlefield Publishers, 2009.
21. *Kalluri P.* Don't ask if artificial intelligence is good or fair, ask how it shifts power // Nature. 2020. Vol. 583.
22. *Keller R.* Doing Discourse Research: An Introduction for Social Scientists. Sage, 2012.
23. *Lasswell H.* Function of mass communication in society // Mass Communications / Ed. by W. Schramm. Urbana, 1960.
24. *Ossewaarde M., Gulenc E.* National varieties of artificial intelligence discourses: Myth, utopianism, and solutionism in West European policy expectations // Computer. 2020. Vol. 53. No. 11.

25. *Strauß S.* Deep automation bias: How to tackle a wicked problem of AI? // *Big Data and Cognitive Computing*. 2021. Vol. 5. No. 2.
26. *Suresh H., Guttag J.* A framework for understanding sources of harm throughout the machine learning life cycle // *Equity and Access in Algorithms, Mechanisms, and Optimization*. Sage, 2021.
27. *Trotsuk I.V.* All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // *Социологическое обозрение*. 2021. Т. 20. № 1.
28. *Trotsuk I.* When methodology beats techniques; or, why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data // *Социологическое обозрение*. 2015. Т. 14. № 3.
29. *Webster J., Phalen P.* Victim, consumer or commodity. Audience models in communication policy // *Audience-Making. How the Media Create the Audience*. Sage, 1994.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763

EDN: FJVAXU

Technological discourse in the Russian media: Main strategies for representing artificial intelligence*

Puzanova Zh.V., A.G. Tertyshnikova, U.O. Pavlova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; ertyshnikova-ag@rudn.ru; 1132236786@rudn.ru)

Abstract. Public perception of artificial intelligence may not coincide with its actual capabilities, but it plays the key role in how algorithms are developed, implemented, used and regulated. Mass media are not bystanders to this perception but shape public opinion: they influence attitudes towards technologies by setting the agenda and framing news. Given the fact that the issues of artificial intelligence have become increasingly requested in search engines and discussed on news resources in 2023–2024, we need to focus on the dominants of technological discourse and control over the transformation of society under the influence of new technological forms/orders. The sociological study conducted by the authors aimed at identifying representations and strategies for constructing the image of artificial intelligence in the Russian media under the active implementation and routinization of algorithmic technologies. The study was based on the discourse analysis as developed by sociology of knowledge — to understand how social actors form and use discursive strategies to realize their own interests. The article presents the results of the analysis, showing how the media represent artificial intelligence, which actors participate in the discussion and what meta-frames for the technology the media use. Thus, the authors mention that the news discourse at the time of the study was not sensitive to the potential risks of algorithms: possible negative consequences were considered less often than advantages, and the list of threats was usually incomplete and rather hyperbolic. The authors focus on the tendency to perceive artificial intelligence systems as superior to human capabilities, which can lead to the anthropomorphization of technical progress, and, therefore, to new ethical and social challenges.

Key words: artificial intelligence; sociology of technology; discourse analysis; technological framing; content analysis; mass media

* © Zh.V. Puzanova, A.G. Tertyshnikova, U.O. Pavlova, 2024

The article was submitted on 12.02.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

Funding

The article was prepared as a part of the InNIR No. 100938-0-000 “The use of artificial intelligence: prospects, threats, and limitations (based on students’ perception)”.

References

1. Abrosimov V.K. Iskusstvenny intellekt i problemy razvitiya vooruzheniya i voennoj tekhniki [Artificial intelligence and development of weapons and military equipment]. *Vooruzhenie i Ekonomika*. 2021; 2. (In Russ.).
2. Gorodnova N.V. Primenenie iskusstvennogo intellekta v biznes-sfere: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Application of artificial intelligence in business: Current status and prospects]. *Voprosy Innovatsionnoj Ekonomiki*. 2021; 11 (4). (In Russ.).
3. Gorokhova S.S. Iskusstvenny intellekt v kontekste obespecheniya natsionalnoj bezopasnosti [Artificial intelligence in the context of national security]. *Natsionalnaya Nezopasnost/Nota Bene*. 2020; 3. (In Russ.).
4. Dallakyan K.A. Tekhnosotsialnoe neravenstvo v tsifrovuyu epokhu [Technological-social inequality in the digital age]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2020; 26 (1). (In Russ.).
5. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Vozmozhno li tsifrovoe ravenstvo? [Is digital equality possible?]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2020; 10. (In Russ.).
6. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossiyskogo informatsionnogo obshchestva: urovni tsifrovogo razryva [Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (1). (In Russ.).
7. Kamolov S.G. i dr. Dominanty natsionalnyh strategij razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossii, Germanii i SShA [Dominants of national strategies for the development of artificial intelligence in Russia, Germany, and the USA]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*. 2022; 2. (In Russ.).
8. Castells M. *Galaktika Internet* [The Internet Galaxy]. Moscow; 2003. (In Russ.).
9. Krasikova T.R. Problema konstruirovaniya sotsialnoj realnosti v teorii massovoj kommunikatsii [The issue of constructing social reality in the theory of mass communication]. *Sovremenny Diskurs-Analiz*. 2013; 1. (In Russ.).
10. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow; 2004. (In Russ.).
11. Lyubimov A.P., Ponomareva D.V., Barabashev A.G. O natsionalnoj strategii razvitiya iskusstvennogo intellekta [On the national strategy for the development of artificial intelligence]. *Predstavitel'naya Vlast — XXI Vek: Zakonodatel'stvo, Kommentarii, Problemy*. 2019; 5–6. (In Russ.).
12. Malyshkin A.V. Integrirovaniye iskusstvennogo intellekta v obshchestvennyy zhizn: nekotorye eticheskie i pravovye problemy [Integration of artificial intelligence into public life: Some ethical and legal issues]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Pravo*. 2019; 10 (3). (In Russ.).
13. Martynenko T.S., Dobrinskaya D.E. Sotsialnoe neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the era of artificial intelligence: From digital to algorithmic gap]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 1. (In Russ.).
14. Fomina A.N. Problemy i perspektivy razvitiya rynka iskusstvennogo intellekta v Rossii [Challenges and prospects for the development of the artificial intelligence market in Russia]. *Voprosy Innovatsionnoj Ekonomiki*. 2022; 12 (2). (In Russ.).
15. Brayne S., Christin A. Technologies of crime prediction: The reception of algorithms in policing and criminal courts. *Social Problems*. 2021; 68 (3).
16. Bunz M., Braghieri M. The AI doctor will see you now: Assessing the framing of AI in news coverage. *AI & Society*. 2022; 37 (1).

17. Cave S., Dihal K. Hopes and fears for intelligent machines in fiction and reality. *Nature Machine Intelligence*. 2019; 1 (2).
18. Crépel M., Cardon D. Criticism and prophecy in media coverage of AI controversies. *Society for Social Studies of Science*; 2021.
19. Cruz T.M. Perils of data-driven equity: safety-net care and big data's elusive grasp on health inequality. *Big Data & Society*. 2020; 7 (1).
20. Daniels J. *Cyber Racism: White Supremacy Online and the New Attack on Civil Rights*. Rowman & Littlefield Publishers; 2009.
21. Kalluri P. Don't ask if artificial intelligence is good or fair, ask how it shifts power. *Nature*. 2020; 583.
22. Keller R. *Doing Discourse Research: An Introduction for Social Scientists*. Sage; 2012.
23. Lasswell H. Function of mass communication in society. *Mass Communications*. Ed. by W Schramm. Urbana; 1960.
24. Ossewaarde M., Gulenc,E. National varieties of artificial intelligence discourses: Myth, utopianism, and solutionism in West European policy expectations. *Computer*. 2020; 53 (11).
25. Strauß S. Deep automation bias: How to tackle a wicked problem of AI? *Big Data and Cognitive Computing*. 2021; 5 (2).
26. Suresh H., Guttag J. A framework for understanding sources of harm throughout the machine learning life cycle. *Equity and Access in Algorithms, Mechanisms, and Optimization*. Sage; 2021.
27. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
28. Trotsuk I. When methodology beats techniques; or, why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data. *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (3).
29. Webster J., Phalen P. Victim, consumer or commodity. Audience models in communication policy. *Audience-Making. How the Media Create the Audience*. Sage; 1994.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-764-776

EDN: GNHDHD

Язык и пространство как идентификационные ценности*

В.А. Цвык, К.В. Радкевич, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; radkevich-kv@rudn.ru; shabaga-av@rudn.ru)

Аннотация. XXI век порождает новые общества, государства и сообщества, каждое из которых отстаивает свою неповторимость и отличие от других. Этот феномен не нов, его возраст сопоставим, а может быть и равен возрасту человечества. Наибольшие инструментальные возможности для исследования феномена идентичности предоставляет теория ценностей, в частности, учение баденской школы неокантианства. Процесс передачи базовых ценностей от одного поколения к другому крайне важен для сохранения в социуме идентичности, что проявляется в ощущении ценностной связи с прошлым, которое связывает одни поколения с другими не только историей и культурой, но также этикой и телеологией. Передача ценностей происходит через язык, быт и организацию пространства. Ценности пространства, наряду с этническими, конфессиональными и лингвистическими, определяют социальную идентичность, а взаимосвязь и взаимовлияние ценностей выступает идентификационной основой общества. На примерах Франции, Германии и России в статье показано как взаимовлияние ценностей, пространства и языка, так и попытки изменения социального пространства и ценностей путем целенаправленной лингвистической политики: описано воздействие пространственных структур на идентичность социума и эффект обратного влияния — происходящий в силу изменений социального пространства по причине трансформации поля, образованного структурированными позициями акторов. В результате были выявлены различия в ценностных основаниях восприятия пространства у французской, немецкой и российской социологических и геополитических школ. Специальное внимание авторы уделяют аксиологическим особенностям евразийства, ориентированного на традиционные ценности народов России и направленного на установление союзных и партнерских отношений с теми странами евразийского пространства, что отвергают глобализм и радикальный либерализм в пользу многополярности и национальных традиций.

* © Цвык В.А., Радкевич К.В., Шабага А.В., 2024

Статья поступила в редакцию 12.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Ключевые слова: идентичность; теория ценностей; операциональные ценности; идентификационная функция пространства; язык; геополитика; французская, немецкая и российская идентичность; евразийство

XXI век, несмотря на всю его специфику, роднит с предшествующими эпохами то, что он также является веком становящихся идентичностей — новых обществ, государств и сообществ. Этот феномен — спутник человечества и, вполне вероятно, будет существовать столько же, сколько отмерено человечеству, однако в последние десятилетия это явление получило свое нынешнее наименование и стало предметом множества исследований.

Идентичность — свойство, проявляющееся в соотнесении себя с кем-то (обычно определенной социальной группой) за счет приписывания себе атрибутов, значимых для обоснования сравнения. Среду, в которой формируется и транслируется идентичность, составляют язык и пространство, причем оба могут как способствовать развитию социальных групп, которые они идентификационно маркируют, так и вести к их деградации [10. С. 296–297]. Под деградацией мы имеем в виду эффекты пространственных и лингвистических расхождений с текущими социальными потребностями, например, эффекты пространственной тесноты (что свойственно перенаселенным регионам) или, напротив, пространственной избыточности. В лингвистической сфере подобные расхождения могут быть связаны со стремительно протекающим заимствованием чужеродной лексики и грамматики или вообще с языковой ассимиляцией. Подобные ведут к деформации социального континуума, что в конечном счете сказывается на идентичности общества, группы и индивида. В этом смысле феномен идентичности многоаспектен и связан с текущим состоянием среды, формирующей социальный хронотоп. Поэтому он может, в зависимости от обстоятельств, приобретать особые ситуативные характеристики (например, солидарная, мобилизационная идентичность) как реакцию на изменения среды.

Тема идентичности в последние годы стала весьма востребованной — постоянно выходят посвященные ей книги и статьи. Тем не менее, не прекращаются попытки дать исчерпывающее, универсальное, общепризнанное, научно выверенное понимание этого термина. К числу последних подобных работ об идентичности относится книга Ф. Фукуямы: автор претендует на глубокое исследование феномена, пытаясь увязать современное его понимание с античными представлениями. Ориентируясь на трехчастное деление человеческой души, предложенное Платоном, Фукуяма связывает идентичность с той частью души, что отвечает за страстность (*θυμός*) [25. С. 49]. У А.Ф. Лосева приведен подробный разбор значений этой категории [14. С. 418–422], из которого следует, что она куда более многозначна, чем полагает Фукуяма. Его псевдоплатонизм связан с зави-

симостью от идей А. Кожева, интерпретировавшего учение Г.В.Ф. Гегеля о значении мировой души (абсолютного духа) в историческом процессе [25. С. 19, 66]. Фукуяма использует для анализа основанные на категории $\theta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$ понятия изотимии (стремление быть не хуже других) и мегалотимии (стремление быть лучше других) [25. С. 47]. Дело не только в том, что такой подход спекулятивен, но и в том, что он трактует идентичность как некую данность, не позволяя ставить вопросы о ее генезисе и трансформациях.

Мы полагаем, что наиболее подходящий инструментарий для исследования феномена идентичности предоставляет теория ценностей. Социальные ценности не только описываются и транслируются языковыми средствами, но и предопределяются языковыми возможностями и особенностями, что весьма убедительно показал М. Хайдеггер [27. С. 40–41]. Поэтому именно ценности лежат в основе идей по изменению и поддержанию социальной среды, в которой формируется та или иная идентичность.

Понятия ценности, значения и смысла появляются в постклассической гносеологии. Во второй половине XIX века понятие ценности ввел в философский оборот Р.Г. Лотце, утверждавший, что ценность существует лишь в ее значимости для субъекта, но не является продуктом его произвола, она объективна как общезначимая форма воления и поведения человека. В таком аспекте и целесообразно исследовать ценности — анализировать, как они воплощены материально и ментально или же отражены в пространстве и языке. В свою очередь, это приводит к необходимости задать пространству и языку эпистемологический и этический контексты, продвигаясь тем самым в сторону преодоления того, что М.М. Бахтин называл «дурной неслиянностью и невзаимопроницаемостью культуры и жизни» [3. С. 83].

Попытку разработать так называемую «этическую гносеологию» предприняли философы Баденской школы неокантианства. Г. Риккерт, предложивший индивидуализирующий метод для исторических наук (изучать не массовые явления, а конкретные, частные, индивидуальные), понимал его трудность для историка, поэтому призывал дополнить этот метод другим, который называл «отнесением к ценностям». Ценности, согласно Риккерту, ставят мир в отношении к человеку [20]. В. Виндельбанд определял ценности как нормы мысли, чувства и воли для человека [6]. Оба философа сходились во мнении, что ценность есть должное, но не внешний, а внутренний стимул, исходящий из чувств человека, его воли. Согласно аксиологической концепции Бахтина, все элементы бытия пронизаны ценностным значением, каждый человек является ценностным центром, но при этом существует «совокупность ценностей, ценных не для того или иного индивидуума и в ту или иную эпоху, а для всего человечества» [3. С. 130]. Этот феномен объясняется тем, что процесс возникновения ценностей свя-

зан со взаимодействием с трансцендентальным миром: чем более «опытным» становится миропонимание, созерцание, познание, тем больше оттенков, полутонов, сочетаний различает человек. С другой стороны, стремление к единообразному, теряя по пути старое, традиционное, осмысленное и закрепленное в традициях, приобретая новые черты, а может быть и иное значение, приводит к типичному, потерявшую свою уникальность образу и человека, и общества. Смысловое выражение становится типовым, утрачивая уникальность осмысления, но именно общие ценности и смыслы лежат в основе идентификационных процессов.

В современном информационном обществе интеграция социальных образований, создавая новые идентификационные феномены, осуществляется в тех рамках, что задаются существующей в интегрирующихся общностях системой ценностей. Поэтому, отвечая на вопрос, что служит ручательством отождествления одного феномена с другим, который задает М. Фуко в связи с анализом труда Марка Аврелия, можно ответить, что мерой самоидентичности (*l'identité de soi*) [24. С. 347] могут быть только ценности. Большинство современных исследователей разделяют основополагающее понимание ценностей, сложившееся еще в классический период, — различение ценностей субъективных и объективных, относительных и абсолютных, трансцендентальных и эмпирических. Часть исследователей акцентирует внимание на субъективной стороне ценностей, отмечая, что «важнейшим свойством ценности является ее субъективный характер» [12. С. 154], «ценности могут быть только обретением самого человека, они могут быть созданы лишь самими людьми... люди сами могут избирать ту или иную ценность или не избирать никакую» [1. С. 139–140].

В то же время такой подход не учитывает влияние объективных социокультурных факторов на формирование ценностей [22. С. 53–63]. Не вызывает сомнений, что восприятие ценностей тесно связано с социокультурными условиями, в которых существует индивид или группа. При этом ценность, поощряемая обществом в качестве положительной, в большей степени будет восприниматься членами данного социума, в то время как та же ценность, транслируемая как негативная, — в меньшей. Все эти подходы и определения не исключают друг друга, а взаимно дополняют как определенным образом субординированными. Системообразующим в ценности является ее определение через значение предметов, процессов, явлений для удовлетворения потребностей субъекта. Характеристика субъектом объектов, имеющих для него то или иное значение, одновременно выступает как ценностное отношение к ним. Значение объекта для субъекта выявляется через оценку [39. С. 534], что наиболее очевидно в изучении поощряемых ценностей. Социологический анализ идентичности, особенно ее гражданских и государственных аспектов, дает надежные аргументы для определения текущего состояния общества с точки зрения его социальной устойчивости [17. С. 1–6].

В исследовательской литературе ценности часто рассматриваются в связи с возможностью реализации сущностных сил человека, нравственного совершенствования, личностного развития. Именно ценности превращают части действительности в объекты культуры, выделяя их тем самым из природы: «Ценности упорядочивают действительность... Они соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале, желаемом, нормативном» [11. С. 117]. Характерные представления об идеале и других ценностях имеются у каждой культуры, общества, государства, профессии, личности, также существуют и общечеловеческие ценности, которые ориентированы, прежде всего, на сохранение человеческого рода. Ценность есть не природное, а социальное свойство предмета, явления, процесса, поступка, события и т.д., которое проявляется в деятельности человека, т.е. субъектом ценностного отношения выступает не просто индивид, а действующая и познающая личность. Ценность есть объективное соответствие данного явления, поступка, процесса или события общественным потребностям и интересам. В ценностном отношении раскрывается значение явления для социальной практики, и в этом смысле ценностное отношение всегда объективно.

Существуют разные подходы к классификации ценностей. При наиболее общем подходе различают два класса ценностей: фундаментальные, базовые ценности, ценности-цели, важные для жизни человека в целом, главные, конечные цели индивидуального существования; и операциональные ценности, ценности-средства, предпочитаемые человеком в любой жизненной ситуации. Операциональные ценности важны для функционирования социального образования, они позволяют формировать, сохранять и транслировать остальные группы ценностей. Однако с точки зрения идентичности особый интерес представляют базовые ценности — основной элемент причинной обусловленности общественной консолидации, интеграции и самоорганизации. Человек, имеющий свободу выбора, как и группа или общество, совершает «социальное действие», порождающее «социальный факт», исходя из того, что ему дорого, важно, значимо или ценно. Ценность объекта социальной действительности определяет его значимость, притягательную силу, характер и энергию устремлений к нему. Очевидно, что ценности детерминируют наши представления о должном, ориентируют нас на определенную цель. На основе ценностей создается мораль и право, то, благодаря чему возникают социальные и политические институты. Иначе говоря, феномен социальной интеграции и самоорганизации — результат непосредственного воздействия базовых ценностей [16. С. 67].

Соответственно, процесс передачи базовых ценностей от одного поколения к другому крайне важен для сохранения феномена идентичности как ощущения ценностной связи с прошлым — историей и культурой, этикой и телеологией. Передача ценностей происходит через язык, быт и организацию пространства. Например, популярную американскую идею «American

business is business» впервые сформулировал сто лет назад президент К. Кулидж. Она существовала и раньше, передавалась из поколения в поколение в иных выражениях и, с высокой долей вероятности, была заложена в протестантских традициях переселенцев из Британии [4]. О том, что высшей целью Франции является слава, заявлял Людовик XV, к этому призывает «Марсельеза» (*notre gloire*), об этом мечтал Ш. де Голль [8. С. 102], и до сих пор французская идентичность поверяет себя категорией славы [33].

О влиянии пространственных структур на идентичность социума и об обратном влиянии писали П. Видаль де ла Блаш и М. Хальбвакс. Первый делал упор на выбор, осуществляемый социумом согласно своим ценностям: выбор предопределяет использование природных возможностей и преобразование их сообразно представлениям о должном [5. С. 19; 40. С. 17–18]. В случае экспансии в пространство, где проживает другой народ, происходит столкновение ценностей, которое может иметь несколько вариантов: аксиологическая ассимиляция, ценностное сосуществование, ценностный синтез. Хальбвакс, исследуя специфику организации пространства, показывал, как ценностные представления о должном видоизменяют социальное бытие, а эти изменения, в свою очередь, влияют на идентификационные ценности [26. С. 223–224, 234–237]. Опираясь на идеи П. Бурдьё, можно говорить об изменениях социального пространства по причине трансформации поля, образованного структурированными позициями акторов [28. С. 113–120]. Если продолжать использовать в качестве примера Францию, то сравнение идентификационных характеристик на уровне ценностей показывает, что северяне в несколько приемов в значительной степени ассимилировали южан. Так, с V века начинается взаимопроникновение ценностей вторгшихся франков и населения Галлии [23. С.173–177], положившее начало формированию французской нации и идентичности. Через тысячу лет, когда пространство Франции уже было в достаточной мере обустроено (культурно и коммуникативно), встал вопрос о полном языковом единстве, и в 1539 году был издан королевский указ (Ордонанс Виллер-Котре), направленный на унификацию управления и вводящего вместо латыни парижский диалект в качестве официального языка.

Что касается лингвистической составляющей идентификационных процессов, то принятый Франциском I «Ордонанс Виллер-Котре» был направлен на изменение управленческих практик посредством введения более приспособленной для них лексики и грамматических форм диалекта Иль-де-Франса, что должно было скорректировать население Лангедока в ценностном отношении и направить самобытную культуру южан к унификации с северной частью страны [10. С. 296–297]. В дальнейшем операциональные возможности языковых ценностей продолжали использовать для направления в нужную сторону идентификационных и интеграционных процессов. Пик влияния языковых ценностей пришелся на более поздние

времена, когда в качестве инструментов были привлечены возможности телекоммуникаций, однако и ранние усилия бюрократов вольно или невольно поддерживались повсеместным распространением в XVII и XVIII веках шедевров французской литературы. В следующие два века (XIX и XX), благодаря средствам массовой информации, результаты лингвистического воздействия стали более впечатляющими. Широкое распространение газет, журналов, радио и телевидения привело к тому, что литературный французский язык практически вытеснил провинциальные диалекты (хотя и сегодня их около 75). В этом отношении из французских говоров (patois) исключение составляет сохраняющийся пикардийский диалект и диалект бельгийских валлонов. Что касается других автохтонных языков, то, несмотря на постоянное уменьшение числа их носителей, в современной Франции остались родственные немецкому эльзасский и фламандский, а также бретонский, каталанский, корсиканский и баскский.

Лингвистическая унификация как стремление использовать язык в качестве операционального средства (в интегративных целях) и для передачи заложенных в нем базовых ценностей (в идентификационных целях) свойственна не только Франции. Схожие процессы можно наблюдать во многих странах, но французский пример, вероятно, наиболее показателен, поскольку отлично вписывается в концепцию дирижизма, предусматривающую энергичное вмешательство французского государства в основные сферы общественной деятельности [19. С. 227–228]. Именно во Франции для борьбы с проникновением чуждых ценностей правительство ввело ограничения на использование английского языка в документах, вывесках, маркировках и т.д. («Закон Тубона» 1994 года) и отказалось подписывать Европейскую хартию региональных языков. Власти Франции вводят законы для защиты языка, считая таковые основным препятствием для размывания идентичности [31. С. 115–146].

В Германии сложилась другая ситуация: провинциальные языки (результат развития древних племенных наречий) не подвергались сильному давлению, а в последнее время в связи с угрозой исчезновения даже находятся под защитой (для их сохранения выделяются гранты и создаются специальные средства информации). В современной Германии помимо официального литературного языка существуют 53 наречия, которые сводят к 16 диалектам [32]: наибольшей популярностью пользуются баварский и мекленбургский диалекты (опросы показывают лидерство то одного, то другого); диалекты используют 60 % немцев, но постепенно эта доля уменьшается (с каждым поколением разговорный диалект утрачивает 9 % словарного запаса [37]). Вероятно, эти процессы показывают, что региональная идентичность, распространенная в Германии со средневековых времен, все же меняется в пользу общенациональной. Если это так, то плюралистическое сознание немцев, основанное на политической силе федеральных земель [38. С. 506], постепенно уходит в прошлое, что

приводит к исчезновению не только политической конкурентности, ранее свойственной германским регионам, но и их социокультурной индивидуальности. По мнению известного экономиста К. Вайцзеккера, немецкую модель можно с полным правом назвать псевдофедерализмом, так как политические и социокультурные права земель лишь маскируют централизм [29. С. 149–150]: мы не разделяем эту точку зрения, хотя доводы исследователей о снижении ценности региональной идентичности вполне справедливы. Дело в том, что само существование Bundesländer — федеральных земель (хотя их история крайне непростая) — и их частичный суверенитет говорят об обратном.

Представляется весьма показательным сопоставление французской и немецкой трактовки соотношения политика и геополитики. До конца XVIII века Франция состояла из провинций, население которых представляло собой «как бы малую нацию, которая отворачивалась от прочих» [15. С. 281]. В 1790 году Учредительное собрание, чтобы избавиться от многовековой региональной идентичности, разделило провинции на массы департаментов, которые в целях симплификации переименовали по географическим особенностям и даже пронумеровали по алфавиту. В отличие от такой сугубо политической практики французские геополитики предпочли сосредоточиться на регионах, пристально вглядываясь в их специфику [36. С. 146–147; 28]. Австро-германский геополитик Г. Йордис фон Лохаузен (один из немногих послевоенных немецких геополитиков), продолжая развивать идеи К. Хаусхофера, отстаивал преимущество крупных форм, что диссонировало с официальной концепцией немецкого федерализма. В названиях его работ звучал призыв иметь «смелость властвовать», «мыслить тысячелетиями и континентами» [34], потому что сила народа заключена в «языке и пространстве» [38]. Иными словами, в то время, как французские власти стремились унифицировать язык и пространство, геополитики, напротив, сосредотачивались на региональных различиях, тогда как в немецкой геополитике были свойственны рассуждения о преимуществе больших пространств и культурного единства, а политики отстаивают идеи федерализма и региональных ценностей.

В сравнении с Францией и Германией Россия обладает значительно большим пространственным и языковым разнообразием. Языковая политика страны всегда была крайне либеральной: с XVI века, когда Россия стала активно расширяться, включая в свой состав территории, населенные иноязычными и инокультурными народами, не было попыток воспрепятствовать развитию местных языков. Более того, для бесписьменных языков вводили письмо (например, для удмуртского и марийского в XVIII веке, для коми-пермяцкого и абхазского — в XIX веке) и стимулировали развитие национальной литературы. Проводимая политика русификации заключалась в создании коммуникационного единства

государства, что подразумевало введение официального языка, но не запрещало и не ущемляло местные языки. В последние сто лет, с тех пор как Россия стала федерацией, был взят курс на сохранение и развитие языков населяющих ее народов (сегодня в стране более 100 языков, относящихся к 14 языковым семьям). Объяснение такого лингвистического и, соответственно, этнического, разнообразия в рамках единого пространства лежит в сходстве ценностей народов. Их идентификационным маркером являются ценности, воплощенные в многонациональности, федерализме, коллективизме и русском языке как средстве межнационального общения. Специфика российского восприятия организации пространства наиболее ярко выражена в концепции евразийства, которая имеет столетнюю историю и в настоящее время вновь политически востребована на уровне так называемого «прагматического евразийства» [7]. Евразийство ориентировано на традиционные ценности народов России и партнерские отношения с теми странами Евразии, кто отвергает глобализм и радикальный либерализм в пользу многополярности и национальных особенностей.

В целом современные сообщества наиболее ярко проявляют себя на уровне воспроизводства и трансляции ценностей, на глубинном уровне идентифицируя себя прежде всего с ними. Борьба между сообществами сегодня (политическая, культурная, экономическая и др.) может быть объяснена ценностными различиями и стремлением навязать явно или неявно свою аксиологическую систему. Среди ценностей, что определяют идентичность общества, кроме конфессиональных, этнических и языковых, отмеченных еще Т. Парсонсом [18. С. 118–120], следует выделить и ценности пространства. Они не являются исключительным достоянием геополитики, хотя, как правило, о них предпочитают рассуждать представители этого направления. Идеальное общество, о котором говорят как о цели развития, существует в ментальном пространстве, а реальное общество — в реальном, но оба пространства подвержены изменениям, поскольку развитие общества предполагает «плавку» прежних принципов, некогда почитавшихся священными (традиций, прав, обязанностей), если они препятствуют дальнейшему развитию [2. С. 10]. Оба пространства воплощают в себе сделанный выбор, предпочтения и решения, которые имеют свои смыслы и причины, поскольку предопределены ценностями, формирующими идентичность.

Библиографический список

1. *Абишева А.К.* О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3.
2. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986.
4. *Вебер М.* Протестантизм и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
5. *Видаль де ла Блаш П.* Географические картины Франции. М., 2020.

6. Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904.
7. Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2.
8. Голль де Ш. Военные мемуары: призыв 1940–1942. М., 2003.
9. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
10. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
11. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1995.
12. Докучаев И.И. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009.
13. Дэвис У.С. История Франции с древнейших времен до Версальского договора. М., 2016.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. 2. М., 2000.
15. Люшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа. М., 1999.
16. Масликов В.А. Роль и значение ценностей в интеграционных процессах // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 2018. № 6–1.
17. Михайлова Е.А. Идентичности: социологическое измерение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4.
18. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
19. Покидченко М.Г. История возникновения дирижизма и перспектива его использования в России // Философия хозяйства. 2017. № 2.
20. Радкевич К.В., Шаблага А.В. Евразийство и геополитика: социальные мифологемы пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
21. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
22. Романова О.Б. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2013. № 4.
23. Скоробогатова Т.И., Суралева О.Ю. История и лингвистика: лексическое наследие франков в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9. Ч. 1.
24. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.
25. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
26. Хальбвакс М. Планы расширения и благоустройства Парижа до XIX века // Социальные классы и морфология. М.–СПб., 2000.
27. Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Время и бытие. М., 1993.
28. Bourdieu P. Quelques propriétés des champs // Questions de sociologie. Paris, 1984.
29. Föderalismus zwischen Konsens und Konkurrenz. Tagungs- und Materialienband zur Fortentwicklung des deutschen Föderalismus. Baden-Baden, 1998.
30. Foucher. Fronts et Frontières. Un tour du monde géopolitique. Fayard, 1991.
31. Gordon D. The French Language and National Identity 1930–1975. Hague–Paris–N.Y., 1978.
32. Hoffmeyer M. Dialekt im Job? Reinschter Bogmisch // Süddeutsche Zeitung. 02.11.2014.
33. Jégo Y. Il y a 250 ans naissait Napoléon: pourquoi en parle-t-on si peu? // Figaro. 13.08.2019.
34. Jordis von Lohausen H. Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz, 2001.
35. Jordis von Lohausen H. Mut zur Macht — Denken in Kontinenten. Berg a/See, 1981.
36. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique // Hérodote. La géopolitique, des géopolitiques. 2012. № 3–4.
37. Post R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. Landau, 1992.
38. Rau J. Wir brauchen die Vielfalt in der Einheit // Die neue Gesellschaft Frankfurter Hefte. 1999. № 6.
39. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
40. Vidal de la Blache P. Les conditions géographiques des faits sociaux // Annales de géographie. 1902. Vol. XI.

Language and space as identification values*

V.A. Tsvyk, K.V. Radkevich, A.V. Shabaga

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; radkevich-kv@rudn.ru; shabaga-av@rudn.ru)

Abstract. The 21st century has created new societies, states and communities that defend their uniqueness and difference. This phenomenon is not new, its age is comparable and may be equal to the age of humanity. The greatest instrumental opportunities for studying the phenomenon of identity are provided by the theory of values, in particular of the Baden school of neo-Kantianism. The transfer of basic values from one generation to another is extremely important for preserving social identity which is manifested in the feeling of a value connection with the past and other generations not only by history and culture, but also by ethics and teleology. Values are transferred through language, everyday practices and space organization. The values of space, along with ethnic, religious and linguistic ones, predetermine social identity; interrelation and mutual influence of values act as the identification basis of society. Using examples from France, Germany and Russia, the authors show the mutual influence of values, space and language, and the attempts to change social space and values through targeted linguistic policy, describing the impact of spatial structures on social identity and the effect of reverse influence under changes in social space due to the transformation of the field formed by the structured positions of actors. Thus, the article presents differences in the value bases of the space perception in the French, German and Russian sociological and geopolitical schools. The authors pay special attention to the axiological features of Eurasianism as focused on the traditional values of Russia's peoples and on partnerships with those countries of the Eurasian space that reject globalism and radical liberalism in favor of multipolarity and national traditions.

Key words: identity; theory of values; operational values; identification function of space; language; geopolitics; French, German and Russian identity; Eurasianism

References

1. Abisheva A.K. O ponyatii "tsennost" [On the concept "value"]. *Voprosy Filosofii*. 2002; 3. (In Russ.).
2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [On the philosophy of action]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki*. Moscow; 1986. (In Russ.).
4. Weber M. Protestantizm i duh kapitalizma [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Vidal de la Blache P. *Geograficheskie kartiny Frantsii* [Geographical Pictures of France]. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Windelband W. *Preljudii* [Preludes]. Saint Petersburg; 1904. (In Russ.).
7. Vinokurov E. Pragmaticheskoe evraziystvo [Pragmatic Eurasianism]. *Rossiya v Globalnoy Politike*. 2013; 2. (In Russ.).
8. Gaulle de Ch. *Voennye memuary: prizyv 1940–1942* [War Memoirs: The Call to Honor, 1940–1942]. Moscow; 2003. (In Russ.).

* © V.A. Tsvyk, K.V. Radkevich, A.V. Shabaga, 2024

The article was submitted on 12.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

9. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva v usloviyah sovremennykh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskyy i tsennostno-mirovozzrenchesky konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
10. Humboldt W. Von. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniy na duhovnoye razvitiye chelovechestva (1830–1835) [On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species (1830–1835)]. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow; 1984. (In Russ.).
11. Gurevich P.S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Dokuchaev I.I. *Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kultury* [Fundamentals of the Historical Axiology of Culture]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
13. Davis W.S. *Istoriya Frantsii s drevneyshih vremen do Versalskogo dogovora* [A History of France from the Earliest Times to the Treaty of Versailles]. Moscow; 2016. (In Russ.).
14. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrates. Plato* [History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Vol. 2. Moscow; 2000. (In Russ.).
15. Luchaire A. *Frantsuzskoye obshchestvo vremen Pilipp-Augusta* [Social France at the Time of Philip Augustus]. Moscow; 1999. (In Russ.).
16. Maslikov V.A. Rol i znachenie tsennostey v integratsionnykh protsessakh [The role and significance of values in integration]. *Sotsialnaya Integratsiya i Razvitiye Etnokultur v Evraziyskom Prostranstve*. 2018; 6–1. (In Russ.).
17. Mikhaylova E.A. Identichnosti: sotsiologicheskoye izmerenie [Identities: A sociological dimension]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2017; 4. (In Russ.).
18. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1998. (In Russ.).
19. Pokidchenko M.G. Istoriya vozniknoveniya dirizhizma i perspektiva ego ispolzovaniya v Rossii [The history of dirigisme and the prospects for its use in Russia]. *Filosofiya Khozyaystva*. 2017; 2. (In Russ.).
20. Radkevich K.V., Shabaga A.V. Evraziystvo i geopolitika: sotsialnye mifologemy prostranstva [Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1). (In Russ.).
21. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o culture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Saint Petersburg; 1911. (In Russ.).
22. Romanova O.B. Osnovnyye teoreticheskiye podkhody k sodержaniyu ponyatiya “tsennost” [Basic theoretical approaches to the concept “value”]. *Territoriya Novykh Vozmozhnostey. Vestnik VGUES*. 2013; 4. (In Russ.).
23. Skorobogatova T.I., Suraleva O.Yu. Istoriya i lingvistika: leksicheskoye nasledie frankov v sovremennom frantsuzskom yazyke [History and linguistics: The Franks’ lexical heritage in contemporary French]. *Filologicheskyye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2018; 9 (1). (In Russ.).
24. Foucault M. *Germenevtika sub`ekta* [The Hermeneutics of the Subject]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
25. Fukuyama F. *Identichnost. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition]. Moscow; 2019. (In Russ.).
26. Halbwachs M. *Plany rasshireniya i blagoustroystva Parizha do XIX veka* [Plans for the expansion and improvement of Paris until the 19th century]. *Sotsialnyye klassy i morfologiya*. Moscow–Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
27. Heidegger M. Vvedenie k: “Chto takoye metafizika?” [Introduction to “What is metaphysics?”]. *Vremya i bytie*. Moscow; 1993. (In Russ.).
28. Bourdieu P. Quelques propriétés des champs. *Questions de sociologie*. Paris; 1984.
29. *Föderalismus zwischen Konsens und Konkurrenz. Tagungs- und Materialienband zur Fortentwicklung des deutschen Föderalismus*. Baden-Baden; 1998.

30. Foucher. *Fronts et Frontières. Un tour du monde géopolitique*. Fayard; 1991.
31. Gordon D. *The French Language and National Identity 1930–1975*. Hague–Paris–New York; 1978.
32. Hoffmeyer M. Dialekt im Job? Reinschter Bogmisch. *Süddeutsche Zeitung*. 02.11.2014.
33. Jégo Y. Il y a 250 ans naissait Napoléon: pourquoi en parle-t-on si peu? *Figaro*. 13.08.2019.
34. Jordis von Lohausen H. *Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte*. Graz; 2001.
35. Jordis von Lohausen H. *Mut zur Macht — Denken in Kontinenten*. Berg a/See; 1981.
36. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique. *Hérodote. La géopolitique, des géopolitiques*. 2012; 3–4.
37. Post R. *Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft*. Landau; 1992.
38. Rau J. Wir brauchen die Vielfalt in der Einheit. *Die neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 1999; 6.
39. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
40. Vidal de la Blache P. Les conditions géographiques des faits sociaux. *Annales de géographie*. 1902; XI.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-777-794

EDN: GIYJHI

Социология образования в России: тренды и риски последнего десятилетия*

А.М. Осипов¹, В.П. Бабинцев² Н.А. Матвеева³

¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Наб. реки Мойки, 48–50–52, Санкт-Петербург, 191186, Россия

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, к.10, Белгород, 308015, Россия

³Алтайский государственный педагогический университет,
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 626031, Россия

(e-mail: osipov.al58@gmail.com; babintsev@bsu.edu.ru; matveeva_n_a@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен обзор развития социологии образования в России за десятилетие, прошедшее с предыдущего обзора (2013). Данный материал сохраняет концептуальную преемственность с предыдущими обзорами в понимании предмета, теоретических конструкций и предназначения социологии образования, основан на анализе источников и описывает состояние, качественно новую ситуацию, наиболее значимые достижения и ключевые задачи данной отрасли. Социология образования в России все еще находится на начальном этапе институционализации — развивается усилиями энтузиастов из разных регионов и по-прежнему не имеет механизмов самоорганизации и координации, более того, сократились ее позиции в вузовских программах, публикационные возможности и влияние на образовательную политику. Эти негативные черты обусловлены неустойчивым системным положением данной науки и бюрократическим управлением как в сфере исследований и публикаций, так и в образовании. Надежда на преодоление негативных трендов связана с начавшимся разворотом к приоритету национальных интересов в условиях глобальных конфликтов. Новая ситуация в российской социологии образования выражается в обосновании ее методологии и базовых концепций, а также издании солидной учебно-методической литературы — основы профессиональной подготовки и научной деятельности. Ключевые достижения социологии образования авторы видят в решении проблем, связанных с ее теоретической интеграцией и обеспечивающих ее разворот к оценке общественной эффективности образования, предотвращению системных бюрократических патологий и внедрению научно обоснованных подходов к развитию образования. Современные риски российской социологии образования обусловлены начальной стадией ее институционализации и системными слабостями (отсутствие должной координации научных исследований в масштабе страны, дезорганизация научно-отраслевого сообщества, недооценка теоретической интеграции на фоне усилившейся тематической дифференциации и гиперувлечения эмпирическими исследованиями вне связи с базовыми концепциями, определенный произвол в редакционной политике ряда научных журналов). Статью завершают актуальные задачи в области теории и организации российской социологии образования.

* © Осипов А.М., Бабинцев В.П., Матвеева Н.А., 2024

Статья поступила в редакцию 12.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Ключевые слова: российская социология образования; институционализация научной отрасли; достижения; проблемы; задачи развития; организация науки

Любая отрасль науки нуждается в рефлексии, регулярных аналитических обзорах, оценке достигнутого ею состояния и с учетом этого в обосновании своих приоритетов на перспективу. Способность социологии образования к такой рефлексии известна по опыту ряда национальных ассоциаций (Финляндии, Испании, США, Японии и др.): они регулярно обсуждают свои приоритеты и ключевые научные проблемы, добились публичного внимания и даже влияния на образовательную политику [8; 9; 42]. В России социология образования взяла быстрый старт, но демонстрирует те же признаки кризиса, что и зарубежная отрасль в первой половине XX века: запоздалая разработка предмета и понятийного аппарата; дефицит внутриотраслевой критики и рефлексии; перевес периферийных тем над центральными; малочисленность теоретических и прикладных исследований; слабая теоретическая интеграция; автономизация подотраслей (например, социологии высшего образования; неготовность ученых анализировать проблемы образовательной политики; дезорганизация научно-отраслевого сообщества; отсутствие дискуссий о принципах изучения образовательных процессов, систем и управленческих практик; дефицит возможностей для воспроизводства кадров).

Предшествующие аналитические обзоры социологии образования в России

Задача данного обзора несколько облегчена тем, что аналогичные обзоры были опубликованы в ведущих журналах ранее [18; 32; 34]: в них прослеживается концептуальная преемственность, показаны основания методологического кризиса, прослежена динамика достижений и «белых пятен». Так, на рубеже XX–XXI веков, спустя почти сорок лет с момента возрождения российской социологии, ученые сделали первые попытки обобщить и проанализировать развитие отечественной социологии образования, однако они носили описательный характер (1), не оценивали ее методологию, концептуальное развитие и актуальные задачи, поэтому, в частности, в сборнике «Социология образования перед новыми проблемами» не было ни одного теоретико-аналитического обзора — только статьи по итогам эмпирических проектов [41].

Преобладание эмпирических аспектов при неясности методологических основ стало очевидным и на II Всероссийском социологическом конгрессе в 2003 году [34. С. 120–121]. Уже тогда назрела потребность в осмыслении «узких мест» теоретического развития и слабой общественной отдачи социологии образования, что было показано в обзоре 2004 года [34]. Его авторы впервые анализировали методологический контекст научно-отраслевых исследований и пришли к выводу об остаточной зависимости социологии образования от педагогики (склонности к вненаучной категории «воспитание»), несостоятельности подхода к образованию только как процессу, чрезмерной

концентрации на взаимосвязях образования с социальной структурой при дефиците научного видения его миссии, невнимании к социальному контексту образования, игнорировании методологии и ключевых концепций социологии применительно к образованию. В этот период появились первые публикации, хотя бы частично затрагивающие проблему условий и возможностей социологических исследований в образовательных учреждениях, специфическая корпоративная среда которых создает ограничения и ловушки для получения общей объективной картины.

Критическая оценка состояния социологии образования определяла видение перспектив ее социально-практической отдачи в России [34. С. 125–126]. Контраст между описательным, в целом некритическим и комплементарным подходом к оценке научной отрасли [21], с одной стороны, и ее восприятием с позиции нереализованных возможностей и насущных задач [32], с другой, проявился и в двух обзорах, опубликованных в журнале «Высшее образование в России» (видимо, отражая и позицию главного редактора журнала М.Б. Сапунова).

С десятилетним интервалом журнал «Социологические исследования» опубликовал новый научно-отраслевой обзор [18], констатирующий методологический кризис социологии образования. По мнению коллектива авторов, кризис заключался в сохраняющемся на протяжении десятилетий дефиците внутриотраслевой критики и рефлексии, запоздалом признании предмета, приоритетов и понятийного аппарата, перевесе периферийных тем, слабой теоретической интеграции на фоне активной автономизации подотраслей [18. С. 95–96]. Вновь подчеркивалось, что «под флагом» социологии образования собрались преимущественно эмпирические исследования, не связанные с многократно опубликованными ее теоретико-методологическими основаниями и отличающиеся отсутствием целостного видения образования как института.

При значительном расширении географии социологических исследований проявилась регионализация социологии образования, а приоритеты и результаты разных центров (и научных сообществ) говорили о позитивном тематическом и научно-методическом разнообразии (Москва, Екатеринбург, Великий Новгород, Тюмень, Новосибирск, Барнаул и др.). Благодаря снижению в 1990-е годы барьеров глобальных научных обменов возникло особое направление — анализ теоретических взаимовлияний в международном аспекте, что привело не к шаблонному копированию зарубежного опыта, а к его освоению, определению нереализованного потенциала российской социологии образования и уточнению ее приоритетов в интересах общества. Авторы обзора 2013 года так сформулировали приоритеты социологии образования в России: консолидация и формирование профессиональной ассоциации; взаимное уяснение приоритетов отрасли и различающихся теоретических позиций, поддержание внутриотраслевой

дискуссии и критики; упорядочение понятийного аппарата, достижение баланса макро- и микроуровня; координация проблематики и методики прикладных исследований; создание системы подготовки преподавателей социологии образования и ее внедрение в программы вузов; издание учебника по социологии образования и разработка программных документов о приоритетах научной отрасли в России.

Состояние социологии образования — далеко не благополучное

По проблематике образования социологами выполнен большой объем эмпирических исследований как в столице, так и в регионах. Казалось бы, столичные специалисты «по умолчанию» должны были бы лидировать в постановке фундаментальных вопросов развития отрасли, организаторами и координаторами научно-отраслевого сообщества и дискуссии в нем. Однако этого не произошло, вероятно, в силу увлеченности эмпирическими работами, анализ которых приводит к констатации подчас очевидных выводов (2). Безусловно, в «эпоху рынка и конкуренции» авторы вправе сами выбирать тематику и проблемы, но не всякая публикация об образовании, его социальных институциях и акторах относится к социологии образования, иначе размывается предметное поле этой науки [29; 42], а также растет круг работ, необоснованно относимых к ней и страдающих рядом «болезней» (3). Для основной массы публикаций характерны несогласованность с приоритетами отрасли, слабая преемственность и сопоставимость, географическая и тематическая «местечковость», неявная результативность (а то и отсутствие значимых выводов). Они продолжают работать с проблематикой «воспитуемых» в отрыве от деятельностного и субъектного подхода к личности, системного и институционального — к образованию. Почти единственное, что дает формальное основание многим авторам и редакторам журналов отнести те или иные публикации, как и защищаемые диссертации, к социологии образования, — ссылки на опросы учащихся или преподавателей.

Методологическое качество многих исследований также заслуживает критики. Редки работы, следующие правилам научной культуры — изначально позиционироваться в концептуальном пространстве отрасли, увязывать выдвигаемую проблему со степенью ее разработанности в науке, следовать понятийному аппарату отрасли, обосновывать подход к решению проблемы на основе теоретического и научно-методического анализа опыта ее изучения, стремиться к сопоставимости данных и выводов. Описания всевозможных опросов, проводимых в школах и вузах, не предполагающие их интеграции в системном видении образования, нельзя отнести к социологии образования, но именно таково было большинство докладов по проблемам образования на V и VI Всероссийских социологических конгрессах (2016

и 2021), хотя эти методологические ошибки вряд ли были неизбежны ввиду доступности цифровых научных ресурсов.

Вновь приходится констатировать, что социология образования в России находится на затянувшейся стартовой стадии институционализации, — если следовать не оспоренным в литературе критериям и концепции институционализации, учитывающим мировой опыт и основные виды научного потенциала дисциплины [29; 42. С. 23–28]. Сегодня в стране действует отраслевое сообщество с эпизодическими сетевыми связями при отсутствии самоорганизации (избрание руководящих органов, планирование работы, отчетность и т.п.) и ограниченных ресурсах (определения издательской политики, профильных публикационных ресурсов, влияния на решения грантовых фондов и т.д.). В России нет, в отличие от многих стран, ассоциации социологов образования как субъекта научного пространства, чей коллективный авторитет и голос помог бы довести до политиков и топ-менеджеров образования консолидированное мнение ученых. Пока нельзя говорить и о влиянии такого общества на образовательную политику, хотя следует признать, что научная критика росла от года к году и помогла изменениям. Однако топ-менеджмент игнорирует теоретический и прикладной ресурс социологии образования и замкнут на проектном менеджменте, что видно из программ проводимых мероприятий.

На фоне незавершенности институционализации социологии образования деятельность ее региональных центров [в сравнении с прошлым обзором: 18] оказалась неустойчивой. Усилилась регионализация и даже теоретическая энтропия региональных центров, где происходила смена поколений ученых, исчезали научные школы, или, как в Уральском регионе, наоборот, отмечен рост и обновление тематики исследований и публикаций. Намечаются новые региональные центры исследований: Ростов-на-Дону (проблемы менеджизма), Саранск (бюрократизация образовательного процесса), Белгород (социальные отношения в вузах), Барнаул (проблемы инновационного развития общего и педагогического образования). Кадровые ресурсы некоторых региональных центров иссякли, например, в Великом Новгороде (социология образования даже не преподается) и Санкт-Петербурге (прервалась преемственность поколений). Тем не менее, именно региональные центры, в отличие от сконцентрированных в столице академических учреждений, стали источником многих фундаментальных трудов (монографий и учебников) по социологии образования (4), без которых невозможно ее возвращение в высшую школу и превращение в научную профессию.

Затянувшееся отсутствие эффективной координации и самоорганизации научного сообщества в сфере социологии образования негативно сказывается на ее перспективах (5). Координация нужна для следования научно доказанным концептуальным ориентирам и обоснованным приоритетным темам,

создания межрегиональных исследовательских коллективов и поддержания уровня дискуссионности [18], разработки и реализации вузовских образовательных программ и учебных курсов на федеральном уровне. Без основательного включения в эти программы нет и не может быть устойчивого воспроизводства и преемственности научного сообщества и общественной отдачи от дисциплины.

В вузовских программах даже в режиме спецкурса социологии образования отводится все меньше места (в начале XXI века на порталах 34 вузов сообщалось о спецкурсе «Социология образования», в 2023–2024 учебном году — 12, лишь 2 (НИУ ВШЭ и РАНХиГС) имеют магистерские программы, предметно близкие к социологии образования, — образовательный менеджмент и анализ образовательной политики). Социология образования не преподается даже в тех вузах, что получили известность благодаря изданию их сотрудниками крупных научных трудов. Вузы, где ведется такой курс, не используют возможности цифровой академической мобильности — сетевой интеграции посредством онлайн взаимодействия студентов с ведущими учеными [8. С. 133–152], что противоречит масштабу развития социологии образования в мире, где она не ограничена элективным спецкурсом, а составляет каркас полноценных программ подготовки, включая аспирантуру, где действуют департаменты социологии образования (в США — 26, в зарубежных странах Европы — свыше 120), которые готовят не только преподавателей, но и экспертов для органов управления образованием (6).

Снижение общественной роли социологии образования проявилось и в публикационной деятельности. В России прекратил существование единственный профильный журнал «Социология образования», отраслевая рубрика уже не выходит в журнале «Высшее образование в России», неоднозначна позиция журнала «Социологические исследования»: несмотря на ряд смелых и интересных статей по проблемам образования [20; 36; 40; 38], в последние годы соответствующая рубрика в нем сократилась вдвое. Безусловно, значимые в теоретическом отношении публикации появляются в других журналах [5; 6; 15; 16; 23; 25], но позиция многих редакций состоит в том, чтобы отобрать по своим критериям (порой субъективным) новые рукописи, хотя миссия журналов состоит в том, чтобы активно влиять на научные сообщества, направлять и стимулировать формирование приоритетных научных тематик, разворачивать дискуссии по наиболее актуальным темам, формировать повестку дня для заинтересованной общественности.

Все эти нынешние слабости отечественной социологии образования вытекают в основном из ее неустойчивого институционального положения в постсоветской России. Один из источников этих тенденций — доминирующий ориентир образовательной и научной бюрократии на замещение объективной научной картины в сфере образования ее имитационной моделью.

Новое качество — все-таки есть

На рубеже 2020-х — 2030-х годов российская социология образования обрела новое качество — постепенное преодоление методологического кризиса «быстрого старта» [18. С. 95]. Это подтверждается выходом крупных научных трудов, в том числе десятка монографий и учебника для вузов [7], ставшего ориентиром для развития отрасли [42; 6] и основой для теоретической, методологической и научно-методической подготовки специалистов по социологии образования. Новое качество отрасли выражается и в разработке — после почти тридцати лет с начала обсуждения — согласованной трактовки предмета, категориального аппарата, стержневых теоретических конструкций (корпус институциональных функций образования и его социально-системного строения), понятийного аппарата общей теории и ее подотраслей (социология самообразования, социология учительства, социология высшей школы и др.), моделей взаимодействия классических и неклассических парадигм. Новое качество состоит и в определении перспектив российской социологии образования на фоне глобальных трендов и в оценке ее состояния в других странах [8; 9], анализе положений зарубежной социологии образования [14], обосновании социально-практического потенциала науки [42. С. 357–372].

Результатом прошедшего десятилетия стала систематизация в социологии образования особого круга (пороговых) проблем [31], от решения которых зависят возможности ее теоретической интеграции: предотвращение нарастающего необоснованного распада на набор автономных подотраслей, опора на базовые концепции и их развитие, поддержание продуктивных связей с общей социологией, превращение в развитую и непрерывно развивающуюся социальную технологию [23. С. 40–41] в интересах научного управления образованием в интересах общества. Исходная задача отрасли — анализ корпуса институциональных функций образования и на этой основе научное обоснование стратегии развития сферы образования в целях воспроизводства социума и преодоления глубоко укорененных бюрократических патологий. Важным дополнительным аргументом в пользу скоординированного развития социологии образования в новом направлении стал провозглашенный Россией поворот от подчиненности глобалистским целям и вестернизированным стандартам к выстраиванию суверенной, ориентированной на ее собственные интересы отечественной системы образования и науки, на достижения мировой науки и становление научного управления с максимальной социально-практической отдачей образования.

Достижения российской социологии образования

1. Один из продуктов прошедшего десятилетия — выделение и анализ в социологии образования особого круга пороговых проблем, от решения которых зависят возможности ее теоретической интеграции (предотвращение распада на набор автономных подотраслей, опора на базовые отраслевые

концепции и их развитие), превращения в развитую и непрерывно развивающуюся социальную технологию [32] и приближения к научному управлению образованием в интересах общества. Даже при том, что российская социология образования уступает зарубежной по тематическому богатству и во многих случаях по научно-методическому качеству, внимание к пороговым проблемам выражает ее опережающее развитие на глобальном фоне, ее потенциальное преимущество, заслуживающее реализации.

Одна из пороговых проблем — корпус институциональных функций образования [32; 42. С. 125–161], чье изучение начали отцы социологии. На основании этого корпуса возможны оценка общественной эффективности образования [33] и интеграция новых исследований в структуру отрасли [42. С. 105–109]. Но эта комплексная проблема ожидает междисциплинарной проработки ее компонентов — категориальной определенности функций и их состава, специфики корпуса применительно к разным сегментам образования (дошкольного, профессионального, высшего, неформального и т.д.) (7). На этом основании возможна доказательная выработка в социологии образования проблем методологии, общественной эффективности образования и образовательной политики, концепций ожидаемых общественных результатов и эффективности крупных секторов системы образования [42. С. 125–161].

Другой пороговой проблемой является создание динамичной социологической картины основных структурных элементов системы образования [42. С. 117–124]. Ее формирование связано с концепцией институциональных функций образования и позволяет локализовать их, определить явные и латентные функции, а также дисфункции.

Социологическая концепция системы образования задает детализированное представление о ней как о сложно структурированном объекте, мета-социальном институте, обеспечивающем воспроизводство социума. Учет его структуры и степени ее наполнения эмпирическими характеристиками — предпосылка ответственности ученого в выборе тематики исследования (8). При отсутствии координации и планирования исследований такая ответственная ориентация помогает отчасти преодолеть неравномерность научного процесса, обусловленную сложившейся в постсоветское время свободой выбора тематик научной работы.

Следует признать пороговый характер еще одной проблемы, теоретический масштаб которой долго удерживал социологов от ее постановки, — общественной эффективности образования. Ведущие социологи делали справедливые выводы о недостаточной эффективности образования и управления им в частных аспектах (недопроизводстве или перепроизводстве ряда профессиональных групп, стойком воспроизводстве неравенства и барьерах доступа, академических девиациях и недоверия, образовательной неуспешности, бюрократизации учительского труда и т.п.). Однако полномасштабное научное решение этой проблемы не сводимо к единичным индексам (вроде

метафоры «человеческого капитала»), а должно соотноситься с пониманием миссии образования — корпуса его институциональных функций [33]. .

2. Впервые социология образования приблизилась к пониманию внутренних противоречий нынешней образовательной политики — темы, десятилетиями выпадавшей из внимания социологов и специалистов образовательного менеджмента [1; 28; 50]. Она обозначена как фундаментальная задача и приоритетная область социально-практической отдачи отрасли, в отличие от привычно запоздалой критики отдельных управленческих решений, инициированных сверху. Ученые часто принимают законодательство об образовании и отраслевые программы как данность, которая «выше критики» и которой нужно следовать. Но социологический анализ вскрывает внутренние противоречия законодательства, бюрократических программ и проектов, говорит о необходимости научного осмысления социальных основ образовательной политики [42. С. 163–180]. Среди российских исследователей образования накапливалась и росла неудовлетворенность непродуманными и принимавшимися без учета мнений ученых «реформами» и «модернизациями» с негативными последствиями, превращением образования в рыночную услугу, насаждением компетентностного подхода как основы тотальной формализации и бумажного прессинга в образовании (9), однако за десятилетия в стране не появилось ни одного монографического труда об образовательной политике. Ни один из федеральных проектов в составе нацпроекта «Образование» (на 2019–2024 годы, с финансированием в 784,5 млрд руб.), принятого без предварительной научной экспертизы, не посвящен совершенствованию управления образованием.

Образовательная бюрократия в публичном пространстве нередко оказывается малозаметной [3; 2; 27; 30; 39; 35], но деформирует исследовательскую среду, а вместе с ней научно-методический и концептуальный арсенал, программы и кадровый состав исследователей [2]. Поэтому не всякий исследовательский продукт следует принимать «за чистую монету», если на него могла оказать латентное, а нередко и открытое влияние команда отраслевых и вузовских бюрократов. Исследователи, работающие в сфере образования (особенно в вузах), уязвимы для такого влияния, поскольку большинство связаны с образовательными организациями трудовыми договорами.

Результатом социологического осмысления противоречий управления образованием в России стало признание проблемы бюрократологий как приоритетной [27; 30; 38; 39]. В основе этого признания лежит доказательство институционального характера бюрократологий (укорененности всевластия бюрократов в нормативно-правовой сфере, информационных потоках, экономических, кадровых, культурно-психологических практиках и технологиях системы образования) [30]. Бюрократологии носят сквозной характер, пронизывают все сектора и уровни образования и управления им. Эмпирическое подтверждение данного вывода позволило выявить

инструменты образовательной бюрократии, обеспечивающие ее всевластие, деперсонализацию и безответственность, автономию и привилегии и, главное — безнадежность благих усилий массы ответственных тружеников и тысяч трудовых коллективов по оптимизации функционирования отрасли без предотвращения системных бюрократологий [16]. Акцентируя внимание на документальном обеспечении образовательного процесса, бюрократический топ-менеджмент десятилетиями игнорирует гораздо более значимый, чем документы проектов и отчеты, многолетний провал управления, выраженный в крайне низком уровне занятости выпускников по полученной в вузе специальности, что прямо указывает на низкую общественную эффективность системы управления [11. С. 217]. Доказано, что бюрократизация негативно влияет и на добровольное социальное движение, которое в последние годы пытаются организовать и стимулировать управленцы — волонтерство учащихся [49].

Задачи социологии образования в России

Несмотря на противоречивость развития социологии образования в России, следует отметить ряд ее позитивных достижений: формирование более ясного представления об объекте и предмете; определение ряда пороговых проблем; критика образовательной политики, анализ функций образования в нестабильном и ускоренно «дигитализирующемся» обществе, постановка и частичное решение проблемы «образовательной бюрократии» и бюрократологий, сочетания институционального и системного подходов, определения критериев эффективности образования с позиций воспроизводства социума. Наряду с достижениями сохраняется ряд проблем, которые по мере становления отрасли дополняются новыми: недостаточно проработанный методологический аппарат, открывающий простор для схоластических спекулятивных рассуждений на абстрактные темы (например, теоретизирование по поводу «новых функций» системы образования вне учета социологически понимаемой ее миссии); наметившаяся неоправданная диверсификация, вызвавшая рождение «микросоциологий»; смещение акцента на эмпирические исследования частных аспектов в ущерб общим вопросам; сервильность, ангажированность в отдельных образовательных учреждениях.

Одни проблемы имеют «возрастной» характер, обусловлены становлением научной отрасли или отражают общие «болезни» российской социологии (увлечение социальной риторикой, некритическое отношение к либеральным конструктам). Другие проблемы — результат влияния внешних факторов, среди которых недостаточная институционализация и давление образовательных бюрократов, рассчитывающих получить «картинку», тенденциозно подтверждающую правильность их решений. Особую проблему представляет позиция издателей журналов, размещающих социологические публикации: с одной стороны, прослеживается размывание или игнорирование

предмета отрасли (издатели позиционируют многие работы по социологии образования как относящиеся к другим отраслям); с другой стороны, нередко необоснованные ограничения (когда главным критерием отнесения к социологии образования становится наличие эмпирического исследования), а часть ученых «отлучена» от ведущих журналов (10).

С такими рисками и негативными трендами в социологии образования вряд ли можно мириться, она заслуживает внимания и усилий как научного сообщества, так и управленцев. Дальнейшее развитие социологии образования требует ее последовательной и всесторонней институционализации, предполагающей формирование общественного объединения (ассоциации) исследователей, достижение консенсуса о принципах социологического изучения образовательных процессов, систем, управленческих практик и базовых концепций, разработку и реализацию крупных всероссийских исследовательских программ в сфере образования, создание межвузовских центров по социологии образования, разработку учебно-методических комплексов для университетских программ подготовки специалистов и восстановление издательской платформы научных публикаций по вопросам социологии образования.

Примечания

- (1) Астафьев Я.У., Шубкин В.Н. Социология образования // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998. С. 264–280.
- (2) Так, В.С. Собкин, руководитель Центра социологии образования ИУО РАО, вопросы образования затронул лишь в четверти публикаций (большинство — о поведении подростков, в предметном поле педагогики и психологии). Работы Г.А. Чередниченко посвящены поведению выпускников на рынке труда и заочному обучению. Д.Л. Константиновский рассматривает динамику неравенства в образовании и «молодежную составляющую» образования как процесса.
- (3) Например, книга Г.А. Ключарева и др. «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (М., 2024) написана с позиций экономики образования и рыночной ориентации, не касается концепций и проблем социологии образования, в ее библиографии нет многих российских публикаций по социологии образования, но присутствует более 200 зарубежных.
- (4) В числе таких регионов и городов Великий Новгород, Барнаул, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Поволжье, Тюмень, Ижевск, Петрозаводск, Смоленск, Саранск, Пермь и др.
- (5) Последняя конференция по социологии образования была проведена РОС (2009).
- (6) В центре CELE при Университете социологию образования изучают до 100 аспирантов. Его директор Р. Ринне — партнер международной сети «Глобальная социология образования» [6. С. 99–121; 7, С. 217–252].
- (7) В России вышли труды по социологии высшего, педагогического, непрерывного и дополнительного образования, студенчества и др., оставляющие за рамками внимания проблему институциональных функций.
- (8) При недостаточном финансировании НИР в гуманитарных и социальных науках в вузовской системе свобода выбора тематики абсолютизирована: студенты свободны в выборе тематики ВКР, а мнение преподавателей носит не обязательный характер. Эта практика подрывает планомерность и преемственность научной работы.

- (9) Далеко не полный список авторов, чьи труды заслуживают внимания: П.А. Амбарова, Н.Г. Багдасарьян, В.П. Бабинцев, Ю.Р. Вишнеvский, В.В. Гаврилюк, О.А. Донских, Н.В. Дулина, Г.Е. Зборовский, В.А. Иванова, Д.Л. Константиновский, Л.Ф. Красинская, А.Г. Кукушкина, Г.Ф. Куцев, М.В. Курбатова, В.В. Матвеев, Н.А. Матвеева, М.В. Певная, Р.М. Петрунева, С.В. Полутин, Л.Я. Рубина, П.И. Рысакова, М.Б. Сапунов, Е.И. Трубникова, Х.Г. Тхагапсоев, В.В. Фурсова, Е.А. Шуклина, Н.Г. Яковлева.

Библиографический список

1. *Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.* Политика Российской Федерации в сфере образования. Екатеринбург, 2021.
2. *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Надуткина И.Э., Шаповал Ж.А.* Исследование или исследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации // Вестник Института социологии. 2023. № 2.
3. *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.* Вузовская бюрократия в России — terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
4. *Вишнеvский Ю.Р.* История зарубежной социологии образования. Ч. I: Классический этап (середина XIX в. — начало XX в.): Тенденции развития и уроки. Екатеринбург, 2014.
5. *Вишнеvский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Дидковская Я.В.* Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 1.
6. *Гаврилюк В.В.* Рецензия: Социология образования: учебник и практикум для вузов // Социологический журнал. 2020. № 4.
7. Глобальная социология образования: зарубежный опыт решения социальных проблем в сфере образования / Под ред. А.М. Осипова. Великий Новгород, 2015.
8. Глобальная социология образования / Под ред. В.А. Ивановой, А.М. Осипова. Великий Новгород, 2012.
9. *Горшков М.К., Трофимова И.Н.* Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1.
10. *Довейко А.Б., Стеценко А.И.* Социологические аспекты мониторинга качества образования в Воронежском государственном университете // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века. Екатеринбург, 2018.
11. *Дулина Н.В., Петрунева Р.М.* Проблема выбора жизненного пути молодежи российских регионов (на материале полевого исследования в ВолгГТУ) // Вестник института социологии. 2023. № 3.
12. *Дятлов А.В., Ковалев В.В.* Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2.
13. *Журавлева И.А.* Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4.
14. Зарубежная социология образования / Под ред. А.М. Осипова. Великий Новгород, 2014.
15. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Концептуальные основы перехода к нелинейной модели высшего образования в регионе // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4.
16. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Социология высшего образования. Екатеринбург, 2019.
17. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Типология аномалий в высшем образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
18. *Иванова В.А., Матвеева Н.А., Осипов А.М., Рысакова П.И.* Современная социология образования в России: некоторые итоги и проблемы развития // Социологические исследования. 2013. № 5.

19. Информация в управлении образованием. Теоретические проблемы / Под ред. А.М. Осипова, П.А. Бояджиевой. СПб., 2019.
20. *Калмыков Н.Н., Сатырь Т.С.* Российское высшее образование: взгляд экспертов // Социологические исследования. 2016. № 8.
21. *Константиновский Д.Л.* Точка опоры (размышления накануне конференции) // Высшее образование в России. 2009. № 9.
22. *Красинская Л.Ф.* Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3.
23. *Матвеева Н.А., Замятина О.Н., Машикевич А.С.* Инновации в российской школе: категориальный анализ, социальные реалии и барьеры, перспективы // Вестник Института социологии. 2023. № 4.
24. *Немирова Н.В.* Метод кейс-стади в оценке качества образования: методологические преимущества // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». М., 2018.
25. *Никитин А.П.* Макдонализация высшего образования // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3.
26. Образовательное пространство школы: опыт социологических исследований / Под ред. Е.В. Прямиковой, С.В. Франц. Екатеринбург, 2014.
27. *Осипов А.М.* Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
28. *Осипов А.М.* К теории образовательной политики // Социологические исследования. 2022. № 2.
29. *Осипов А.М.* Об институционализации социологии образования // Социологические исследования. 2018. № 7.
30. *Осипов А.М.* Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий // Вестник Института социологии. 2023. № 2.
31. *Осипов А.М., Иванова В.А.* Институциональные функции — пороговая проблема современной социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1.
32. *Осипов А.М., Матвеева Н.А.* Социология образования в России: «работа над ошибками» в начале XXI века // Высшее образование в России. 2009. № 9.
33. *Осипов А.М., Наран Б.* Какова общественная эффективность образования в России? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
34. *Осипов А.М., Тумалев В.В.* Социология образования в России: проблемы развития и перспективы // Социологические исследования. 2004. № 7.
35. *Петрунева Р.М., Васильева В.Д.* Болонский тупик... Что дальше? // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 11.
36. *Попов Д.С., Шестакова Д.А.* Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели // Социологические исследования. 2022. № 2.
37. *Римский В.Л.* Помогают ли социологи гражданам формировать собственные мнения о реальности? // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». М., 2018.
38. *Селиверстова Н.А.* Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3.
39. *Смолин О.Н.* «Мед» и «деготь» в образовательной политике // Народное образование. 2007. № 7.
40. *Смолин О.Н.* Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? // Социологические исследования. 2015. № 6; № 7.
41. Социология образования перед новыми проблемами. М.—Омск, 2003.
42. Социология образования / Под ред. А.М. Осипова. М., 2022.
43. *Стеценко А.И.* Основные принципы и критерии организации социологического мониторинга качества образования // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными». М., 2016.

44. *Тимаев К.Д.* Опросы «под давлением»: как проверить качество данных, когда они собираются в закрытой для исследователя институции // *Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными»*. М., 2016.
45. *Тощенко Ж.Т.* Социальные парадоксы высшего образования в России // *Экономика образования*. 2012. № 1.
46. *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2014. Т. 24. № 1.
47. *Тхагансоев Х.Г., Сапунов М.Б.* Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // *Высшее образование в России*. 2016. № 6.
48. *Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании* / Под ред. А.М. Осипова. Великий Новгород, 2020.
49. *Шуклина Е.А., Певная М.В., Минченко Д.В.* Влияние образования на молодежные волонтерские практики в условиях общей формализации системы: кейс Свердловской области // *Вестник Института социологии*. 2023. № 2.
50. *Яковлева Н.Г.* Государственная образовательная политика в эпоху креативной революции: цели и ресурсы // *Философия хозяйства*. 2019. № 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-777-794

EDN: GIYJHI

Sociology of education in Russia: trends and risks of the last decade*

A.M. Osipov¹, V.P. Babintsev², N.A. Matveeva³

¹A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
Moika River Nab., 48–50–52, Saint Petersburg, 191186, Russia

²Belgorod National Research University,
Pobedy St., 85, bldg. 10, Belgorod, 308015, Russia

³Altai State Pedagogical University,
Molodezhnaya St., 55, Barnaul, 626031, Russia

(e-mail: osipov.al58@gmail.com; babintsev@bsu.edu.ru; matveeva_n_a@mail.ru)

Abstract. The article presents an overview of the development of the Russian sociology of education over the decade since the previous review (2013). The article maintains conceptual continuity with previous reviews in understanding the subject field, theoretical constructs and tasks of sociology of education, is based on the analysis of different sources and describes the state, a qualitatively new situation, the most significant achievements and key tasks of this scientific branch. Sociology of education in Russia remains at the initial stage of institutionalization due to being developed mainly by enthusiasts from different regions and still lacking mechanisms for self-organization and coordination; moreover, its position in university programs, publications and educational policy has worsened. These negative trends are determined by the unstable systemic position and bureaucratic management of research, publications and education; therefore, such negative trends can be overcome under the current turn towards the priority

* © A.M. Osipov, V.P. Babintsev, N.A. Matveeva, 2024

The article was submitted on 12.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

of national interests. The new situation in the Russian sociology of education is expressed in the development of its methodology and basic concepts, and in publication of educational and methodological works which form the basis of professional training and scientific activity. The authors see the key achievements of sociology of education in its theoretical integration and turn to assessing the social efficiency of education, preventing systemic bureaucratopathologies and introducing scientifically based approaches to the development of education. Urgent risks for the Russian sociology of education are determined by the initial stage of its institutionalization and systemic weaknesses (lack of proper coordination of research on the national scale, disorganization of the scientific community, underestimation of theoretical integration under the increasing thematic differentiation and hyper-passion for empirical research beyond basic concepts, a certain arbitrariness in the editorial policy of some scientific journals). The article concludes with current tasks for the theory and organization of the Russian sociology of education.

Key words: Russian sociology of education; institutionalization of the scientific branch; achievements; challenges; tasks of development; organization of science

References

1. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. *Politika Rossiyskoy Federatsii v sfere obrazovaniya* [Educational Policy of the Russian Federation]. Yekaterinburg; 2021. (In Russ.).
2. Babintsev V.P., Gaydukova G.N., Nadutkina I.E., Shapoval Zh.A. Issledovanie ili rassledovanie: perspektivy sotsiologii vysshego obrazovaniya v usloviyah byurokratizatsii i kommertsializatsii [Research or investigation: Prospects for sociology of higher education in the context of bureaucratization and commercialization]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2023; 2. (In Russ.).
3. Babintsev V.P., Gaydukova G.N., Shapoval Zh.A. Vuzovskaya byurokратиya v Rossii — terra incognita sotsiologii obrazovaniya [University bureaucracy in Russia — terra incognita of sociology of education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (4). (In Russ.).
4. Vishnevsky Yu.R. *Istoriya zarubezhnoy sotsiologii obrazovaniya. Ch. I: Klassichesky etap (seredina XIX v. — nachalo XX v.): Tendentsii razvitiya i uroki* [History of Foreign Sociology of Education. Part I: Classical Stage (mid-19th century — early 20th century): Development Trends and Lessons]. Yekaterinburg; 2014. (In Russ.).
5. Vishnevsky Yu.R., Narkhov D.Yu., Didkovskaya Ya.V. Trendy vysshego professionalnogo obrazovaniya: professionalizatsiya ili deprofessionalizatsiya? [Trends in higher professional education: Professionalization or deprofessionalization?]. *Obrazovanie i Nauka*. 2018; 20 (1). (In Russ.).
6. Gavrilyuk V.V. Retsenziya: Sotsiologiya obrazovaniya [Review: Sociology of Education]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2020; 4. (In Russ.).
7. *Globalnaya sotsiologiya obrazovaniya: zarubezhny opyt resheniya sotsialnyh problem v sfere obrazovaniya* [Global Sociology of Education: Foreign Experience in Solving Social Problems in Education]. Pod red. A.M. Osipova. Veliky Novgorod; 2015. (In Russ.).
8. *Globalnaya sotsiologiya obrazovaniya* [Global Sociology of Education]. Pod red. V.A. Ivanovoy, A.M. Osipova. Veliky Novgorod; 2012. (In Russ.).
9. Gorshkov M.K., Trofimova I.N. Obrazovanie kak faktor i resurs grazhdanskogo uchastiya i demokraticeskogo razvitiya obshchestva [Education as a factor and resource of civil participation and democratic development of society]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2016; 1. (In Russ.).
10. Doveyko A.B., Stetsenko A.I. Sotsiologicheskie aspekty monitoringa kachestva obrazovaniya v Voronezhskom gosudarstvennom universitete [Sociological aspects of monitoring the quality of education at the Voronezh State University]. *Vysshee obrazovanie v rossiyskikh regionah: vyzovy XXI veka*. Yekaterinburg; 2018. (In Russ.).

11. Dulina N.V., Petruneva R.M. Problema vybora zhiznennogo puti molodezhi rossiyskikh regionov (na materiale polevogo issledovaniya v VolgGTU) [The problem of choosing a life path for the youth in Russian regions (based on the field study at the Volgograd State Technical University)]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2023; 3. (In Russ.).
12. Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Effektivnost upravleniya vysshim obrazovaniem Rossii v praktikah primeneniya menedzheristskikh instrumentov [Efficiency of Russia's higher education management through the practice of applying managerial tools]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2023; 14 (2). (In Russ.).
13. Zhuravleva I.A. Otsenka razvitiya gosudarstvennoy obrazovatelnoy politiki (ekspertny analiz) [Assessment of the state educational policy development (an expert analysis)]. *Sotsiologiya*. 2021; 4. (In Russ.).
14. *Zarubezhnaya sotsiologiya obrazovaniya* [Foreign Sociology of Education]. Pod red. A.M. Osipova. Veliky Novgorod; 2014. (In Russ.).
15. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Kontseptualnye osnovy perekhoda k nelineynoy modeli vysshego obrazovaniya v regione [Conceptual foundations of the transition to a nonlinear model of higher education in the region]. *Ekonomika Regiona*. 2016; 12 (4). (In Russ.).
16. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Sotsiologiya vysshego obrazovaniya* [Sociology of Higher Education]. Yekaterinburg; 2019. (In Russ.).
17. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Tipologiya anomalii v vysshem obrazovanii [Typologies of anomalies in higher education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
18. Ivanova V.A., Matveeva N.A., Osipov A.M., Rysakova P.I. Sovremennaya sotsiologiya obrazovaniya v Rossii: nekotorye itogi i problemy razvitiya [Contemporary sociology of education in Russia: Some results and problems of development]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 5. (In Russ.).
19. Informatsiya v upravlenii obrazovaniyem. Teoreticheskie problem [Information in Education Management. Theoretical Issues]. Pod red. A.M. Osipova, P.A. Boyadzhievoy. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
20. Kalmykov N.N., Satyr T.S. Rossiyskoe vysshee obrazovanie: vzglyad ekspertov [Russian higher education: Experts' view]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 8. (In Russ.).
21. Konstantinovsky D.L. Tochka opory (razmyshleniya nakanune konferentsii) [Point of support (reflections on the eve of the conference)]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2009; 9. (In Russ.).
22. Krasinskaya L.F. Modernizatsiya, optimizatsiya, byurokratizatsiya... Chto ozhidaet vysshuyu shkolu zavtra? [Modernization, optimization, bureaucratization... What awaits the higher education tomorrow?]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2016; 3. (In Russ.).
23. Matveeva N.A., Zamyatina O.N., Mashkevich A.S. Innovatsii v rossiyskoy shkole: kategorialny analiz, sotsialnye realii i bariery, perspektivy [Innovations in the Russian school: Categorical analysis, social realities and barriers, prospects]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2023; 4. (In Russ.).
24. Nemirova N.V. Metod keys-stadi v otsenke kachestva obrazovaniya: metodologicheskie preimushchestva [Case study method in assessing the quality of education: Methodological advantages]. *Materialy VIII mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii "Sotsiolog 2.0: transformatsiya professii"*. Moscow; 2018. (In Russ.).
25. Nikitin A.P. Makdonalizatsiya vysshego obrazovaniya [Macdonalization of the higher education]. *Idei i Idealy*. 2018; 2 (3). (In Russ.).
26. *Obrazovatelnoe prostranstvo shkoly: opyt sotsiologicheskikh issledovaniy* [School Educational Space: Some Sociological Studies]. Pod red. E.V. Pryamikovoy, S.V. Frants. Yekaterinburg; 2014. (In Russ.).
27. Osipov A.M. Byuropatologiya i bumazhny pressing v rossiyskom obrazovanii [Bureaupathology and paper pressure in the Russian education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
28. Osipov A.M. K teorii obrazovatelnoy politiki [On the theory of educational policy]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).

29. Osipov A.M. Ob institutsionalizatsii sotsiologii obrazovaniya [On the institutionalization of sociology of education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 7. (In Russ.).
30. Osipov A.M. Prioritety izucheniya obrazovaniya v svete problemy byuropatologiy [Priorities in the study of education in the light of bureaupathologies]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2023; 2. (In Russ.).
31. Osipov A.M., Ivanova V.A. Institutsionalnye funktsii — porogovaya problema sovremennoy sotsiologii obrazovaniya [Institutional functions — a threshold problem of contemporary sociology of education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 1. (In Russ.).
32. Osipov A.M., Matveeva N.A. Sotsiologiya obrazovaniya v Rossii: “rabota nad oshibkami” v nachale XXI veka [Sociology of education in Russia: “Working on mistakes” at the beginning of the 21st century]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2009; 9. (In Russ.).
33. Osipov A.M., Naran B. Kakova obshchestvennaya effektivnost obrazovaniya v Rossii? [What is the social efficiency of education in Russia?]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
34. Osipov A.M., Tumalev V.V. Sotsiologiya obrazovaniya v Rossii: problemy razvitiya i perspektivy [Sociology of education in Russia: Problems of development and prospects]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2004; 7. (In Russ.).
35. Petruneva R.M., Vasilyeva V.D. Bolonsky tupik... Chto dalshe? [Bologna dead end... What’s next?]. *Alma Mater*. 2022; 11. (In Russ.).
36. Popov D.S., Shestakova D.A. Vyshee obrazovanie v zreлом vozraste v Rossii: bariery i modeli [Higher education in adulthood in Russia: Barriers and models]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).
37. Rimsky V.L. Pomogayut li sotsiologi grazhdanam formirovat sobstvennye mneniya o realnosti? [Do sociologists help citizens form their own opinions about reality?]. *Materialy VIII mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii “Sotsiolog 2.0: transformatsiya professii”*. Moscow; 2018. (In Russ.).
38. Seliverstova N.A. Imitatsiya obrazovatelnykh praktik v sfere vysshego obrazovaniya [Imitation of educational practices in the higher education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
39. Smolin O.N. “Med” i “degot” v obrazovatelnoy politike [“Ointment” and “fly” in the educational policy]. *Narodnoe Obrazovanie*. 2007; 7. (In Russ.).
40. Smolin O.N. Vyshee obrazovanie: borba za kachestvo ili pokushenie na chelovechesky potentsial? [Higher education: The fight for quality or an attack on human potential?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015;6;6;. (In Russ.).
41. *Sotsiologiya obrazovaniya pered novymi problemami* [Sociology of Education Facing New Problems]. Moscow–Omsk; 2003. (In Russ.).
42. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. Pod red. A.M. Osipova. Moscow; 2022. (In Russ.).
43. Stetsenko A.I. Osnovnye printsipy i kriterii organizatsii sotsiologicheskogo monitoringa kachestva obrazovaniya [Basic principles and criteria for organizing sociological monitoring of the quality of education]. *Materialy VI mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii “Zhizn issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat rezultaty ponyatnymi i poleznymi”*. Moscow; 2016. (In Russ.).
44. Titaev K.D. Oprosy “pod davleniem”: kak proverit kachestvo dannyh, kogda oni sobirayutsya v zakrytoy dlya issledovatelya institutsii [Surveys “under pressure”: How to check the quality of data when they are collected in an institution closed to the researcher]. *Materialy VI mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii “Zhizn issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat rezultaty ponyatnymi i poleznymi”*. Moscow; 2016. (In Russ.).
45. Toshchenko Zh.T. Sotsialnye paradoksy vysshego obrazovaniya v Rossii [Social paradoxes of the higher education in Russia]. *Ekonomika Obrazovaniya*. 2012; 1. (In Russ.).

46. Toshchenko Zh.T. Formy uchastiya vysshego obrazovaniya v reshenii problem proizvoditelnosti Truda [Forms of the higher education participation in ensuring labor productivity]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 24 (1). (In Russ.).
47. Tkhagapsoev Kh.G., Sapunov M.B. Rossiyskaya obrazovatelnaya realnost i ee prevrashchennyye formy [Russian educational reality and its transformed forms]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2016; 6. (In Russ.).
48. *Shkola v bumazhnoy puchine: krizis informatsionnyh potokov v obrazovanii* [School in the Paper Abyss: Crisis of Information Flows in Education]. Pod red. A.M. Osipova. Veliky Novgorod; 2020. (In Russ.).
49. Shuklina E.A., Pevnaya M.V., Minchenko D.V. Vliyanie obrazovaniya na molodezhnye volonterskie praktiki v usloviyah obshchey formalizatsii sistemy: keys Sverdlovskoy oblasti [The influence of education on the youth volunteer practices under the general formalization of the system: The case of the Sverdlovsk Region]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2023; 2. (In Russ.).
50. Yakovleva N.G. Gosudarstvennaya obrazovatelnaya politika v epokhu kreativnoy revolyutsii: tseli i resursy [State educational policy in the era of the creative revolution: Goals and resources]. *Filosofiya Khozyaystva*. 2019; 6. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-795-810

EDN: GFUGSE

Современные магические практики: исторические основания типологизации*

И.В. Троцук^{1,3}, М.В. Цимбал²

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117218, Россия

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; marya.tsimbal@yandex.ru)

Аннотация. Несмотря на претензии современного общества на прогрессивную научную рациональность, сложно не заметить в окружающей нас действительности все больше проявлений «магического» во вполне стандартизированных проявлениях «общества потребления». Отсутствие сложившейся социологической традиции концептуального осмысления магического и систематизированного эмпирического материала для его изучения в нынешних форматах заставляет начать исследовательские поиски с реконструкции общей логики возрождения магического/эзотерического как социокультурного феномена в современной истории. Здесь авторы выделяют четыре условных периода «магического ренессанса», позволившего эзотерическому движению обрести черты контркультурного движения, критикующего современный социальный порядок и предоставляющего несогласным с ним пространство для экспериментального конструирования идентичности и неконформного самовыражения (нестереотипное тайное сообщество, закрытое для непосвященных и сокрытое от общественности, а разнообразие по структуре открытые системы с внутренне дифференцированными системами холистических представлений о мироустройстве, которые сочетают интуитивные и духовные знания с элементами религиозной и научной картин мира). В российской истории прослеживаются относительно синхронные с западным обществом всплески популярности эзотерических практик (за исключением второго этапа магического ренессанса), поэтому можно выделить общие черты эзотерических движений: высокий уровень коммерциализации, относительная институционализация, преобладание среди членов и последователей людей с высшим образованием, контркультурная ориентация, визуальная эстетизация, частный характер практик и др. Соответственно, форма, наполнение и символическая нагрузка магических ритуалов нынешних эзотерических движений могут быть рассмотрены в структурно-функциональном контексте — определив проблемы и области социальной напряженности, коллективные запросы и потребности, что отражены в ритуализированных действиях (эзотерических практиках), которые лишь выглядят как проявления архаичного магического мышления.

* © Троцук И.В., Цимбал М.В., 2024

Статья поступила в редакцию 29.11.2023. Статья принята к публикации 20.05.2024.

Ключевые слова: магическое; эзотерическое; магический/эзотерический ренессанс; периодизация; западная традиция; российское общество; контркультурная ориентация; ритуализированные действия/практики

В социологическом дискурсе последних десятилетий неизменно постулируется усиление и расширение тенденций секуляризации, рационализации и цифровизации, причем с последней связывают и новые вариации общеизвестных процессов — постсекуляриции и пострациональности. В то же время сложно не заметить формирование противоположных тенденций, связанных преимущественно с эзотерическими [27] и магическими [12] верованиями и практиками [10], что сочетается в российском обществе с убеждением большей части населения в своей религиозности и воцерковленности: около двух третей россиян называют себя православными, но при этом две трети отмечают, что религия практически не играет роли в их жизни [31]; в воздаяние за грехи верит каждый десятый, а в возможность предсказывать будущее и наводить порчу — 28 % и 25 % соответственно [24] (проблема так называемой «слабой религиозности» или «постулированной религиозности» [29]. Хотя в XIX — XX веках отношение к магии (как своеобразной системе верований вне религиозного поля) и эзотерическим практикам было достаточно снисходительным в связи с доминированием эволюционизма, трактующего магию и религию как более «низкие» виды познания, чем наука (например, в знаменитом законе трех стадий О. Конта) социальные науки в целом и социология в частности занимаются исследованием магического практически с момента своего становления [8; 13; 21; 33] и по настоящее время [23; 37], поскольку магические практики сохраняют удивительную жизнестойкость и продолжают воспроизводиться в качестве системы верований, практик и даже институций и в тех культурных системах, которые считаются исключительно или преимущественно светскими. И в России наблюдается рост интереса к эзотерическим практикам (окультным [30], неоязыческим [6] и прочим «нерациональным» и «нетрадиционно-религиозным», причем и среди молодых поколений [46; 50]), о чем свидетельствует как динамика спроса на соответствующие товары [17] и образовательные курсы [7], так и обилие «магического» контента в социальных сетях и в сетке телевизионного вещания (встречающиеся здесь термины «магия», «эзотерика», «викка», «неоязычество» и др. не тождественны, но с социологической точки зрения описывают похожие явления, имеющие общие корни и набор кодов и символов), в результате, например, свой знак зодиака знают 97 % россиян, а женщины чаще просматривают контент о сверхъестественном [34] и в целом оценивают духовные практики как более важные лично для себя [31].

В сложившейся ситуации (расширяющееся и дифференцирующееся социальное поле магического на фоне отсутствия аналогичного «массива» попыток его социологического анализа) возникает по крайней мере две исследовательские задачи: обоснование концептуальной трактовки современ-

ных магических практик и оценка возможностей их эмпирического изучения в дисциплинарных рамках социологической науки. В данной статье мы попробуем ответить на первый.

Итак, более полутора столетий назад в западных обществах оформилась и поныне «рабочая» концепция разделения способов мышления на магическое и религиозное, метафизическое и научное, и в этих условных «дихотомиях» магия оказалась наименее институционализированным и наиболее «девиантным» явлением. Подобная «девиантность» объясняется тем, что, по сути, начало становления социальных наук (социологии) и «оккультного движения» в их современной версии приходится на один и тот же исторический период, хотя то, что общество сегодня называет оккультным или лженаучным (например, астрологию или алхимию), в период своего расцвета как особого инструмента познания таковым не считалось, поэтому условные хронологические рамки магических практик в их условном нынешнем восприятии в секулярных обществах можно обозначить как вторую половину XIX века — нынешнее время.

Эпоха институционализации социальных наук была периодом интенсивных общественных трансформаций, касающихся в том числе отношения к религии и формирования «культы» научно-технологического прогресса, урбанизации и промышленной революции. Иными словами, научные дисциплины и эзотерические направления неизменно отражают особенности общественных систем, в которых они оформились, что позволяет выделять современные эзотерические практики в отдельную категорию: в предшествующие исторические периоды демаркационные линии между магией, наукой и религией не были столь четкими и очевидными, как сегодня. Например, несколько столетий назад алхимия и астрология не противопоставлялись «правильным» научным дисциплинам (химии и астрономии), объединяя магическое и научное знание в единую систему. В то же время мы можем наблюдать многочисленные свидетельства ритуально-«прикладной» деятельности монотеистических религиозных конфессий, которые, в соответствии с современным их восприятием, не предполагают магических «атавизмов» [11] (например, начертания защитных символов над дверями и окнами церквей, чтобы защитить сакральное пространство от «низкоранговой» нечисти).

Чтобы понять, почему широкомасштабные и глубокие изменения в образе жизни и мировоззрении людей сначала привели к тому, что магия стала восприниматься как своего рода «атавизм» [40] — магические (оккультные, эзотерические) практики превратились в специфическое и самостоятельное социокультурное явление, перестав быть неизменным повседневным элементом быта или духовной жизни (в ряде случаев их «статус» приближался к контркультурному [22]), а затем магия начала активно возвращать утраченные позиции, попробуем обозначить те условные и значимые с социоло-

гической точки зрения трансформации магического за последние примерно полтора столетия, которые обусловили нынешний «эзотерический/магический ренессанс» (как «повторное очарование», последовавшее за описанным М. Вебером «разочарованием» как ценой, которую мы платим за рациональность, научное мышление и прогресс» [18. С. 11]).

За рассматриваемый период магическое пережило несколько витков популярности: первый — когда оккультное стало восприниматься как отдельный и отчасти контркультурный способ познания мира в последней четверти XIX века, благодаря в первую очередь Теософскому обществу (основано в 1875 году Е. Блаватской [30. С. 270–277]) и Герметическому ордену Золотой зари (в 1888 году [26. С. 65]). Оба сообщества в той или иной степени стремились к достижению «ультимативной истины» (абсолютного знания) посредством анализа научных дисциплин, философских концепций и духовных постулатов разных культур, т.е. речь идет о мультикультурном и мультиконфессиональном характере (по) знания: если «истина» «разбросана» по разным областям знания, нет смысла ограничиваться одной (европейской) наукой.

Немаловажную роль в этом периоде сыграло изменение гендерных ролей [4; 44]: условно контркультурный характер эзотерических практик в сочетании с их ориентацией на «естественные» начала позволил женщинам не только «официально» вступать в оккультные сообщества, но и становиться их активными участницами и даже лидерами. Последовавшие дискуссии о психоанализе как теории и методе и сексологии подтолкнули оккультные сообщества к экспериментам с телесностью и сексуальностью, что впоследствии также способствовало переосмыслению женских ролей, но уже с точки зрения интимных и семейных отношений. Взаимосвязь оккультизма и переосмысления сексуальности, прежде всего женской, прослеживается и усиливается и в последующие периоды роста популярности магического.

Кроме того, на западное общество оказывали серьезное влияние последствия колониализма, зафиксированные в антропологических исследованиях [43] и прослеживаемые в культурном воздействии колоний на колонизаторов, т.е. наблюдалась взаимная диффузия культур даже при их заведомо неравном положении [42] (доминировавшая в тот период парадигма прогресса размещала европейские общества прошлого и современные на тот момент «примитивные» культуры колоний на одних ступенях «цивилизационного развития»). С одной стороны, колониальные державы воспринимали и позиционировали себя в качестве доминирующих культур в отношении колоний; с другой стороны, в западных обществах стали появляться субкультурные и даже контркультурные движения, которые пытались сохранить/восстановить некую забытую (или вновь обретенную) духовную мудрость прошлого, опираясь в том числе на магические практики «примитивных» сообществ. В этом смысле викторианские и современные эзотерические движения имеют

схожие особенности, заимствованные у древних африканских, буддистских, иудаистских, исламских и иных религиозных, философских и духовных течений [1; 15; 35].

Второй общепризнанный период роста популярности оккультных практик пришелся на 1960-е годы и часто упоминается под названием «нью-эйдж» [2]: нередко его определяют как неомагическое движение (идеологию, секту, организацию [45]), однако более корректно считать данный собирательный термин обозначением *широкого ряда в целом не связанных практик, или «невидимую» религию*. Хотя период нью-эйджа считается продолжением первого этапа оккультного ренессанса, будучи основанным на учениях Е. Блаватской и С.Л. Мазерса [2. С. 107], он характеризуется разрозненностью, децентрализацией и широкой географией, а также принципиальным отказом от догматизма первого этапа и склонностью к свободным толкованиям, ассоциативности и интуитивности. В целом для «философии» неопанганизма (неоязычества) характерен фокус на равенстве во всех смыслах этого слова (гендерном, расовом, национальном и т.д.). Кроме того, в конце 1960-х годов сформировалась Викка в современном ее понимании — как открытое духовное движение, объединяющее множество практик [50. С. 52]. Безусловно, исторически Викка старше, но в период становления нью-эйджа формируется привычная для нас сегодня структура и сочетание многочисленных практик, берущих начало из разных религиозных течений (кельтское колесо года, медитации, ченнелинг, таро, скандинавские руны, работа с аурой и др.) [3].

Подобно первой волне эзотерического ренессанса, нью-эйдж развивался как своего рода контркультурное направление: как и в конце XIX века, здесь критикуются чрезмерный консьюмеризм и материализм капиталистического общества и характерного для него образа жизни. Как и на предыдущем этапе, оккультное движение имело во многом гендерно-специфический характер, оформившись в период сексуальной революции: если на первом этапе магического «ренессанса» обсуждалась женская субъектность как таковая, то в 1960-е годы речь идет не только о правах женщин де юре, но и о женской телесности и сексуальности. Кроме того, несмотря на свою в целом холистическую позицию (отрицание одной религии или философии как единственно верной), нью-эйдж сильнее своего исторического предшественника тяготел к индивидуализму и психологичности — не стремился жестко отграничиться от науки, а пытался интегрировать ее в свою философию, предложив своего рода «теорию всего». В частности, нью-эйдж трактует психику как один из сакральных элементов реальности, с которым можно работать эзотерическими методами, поэтому эзотерические обряды стали своеобразными инструментами психологической самопомощи, самосовершенствования и личного развития [14] (иногда с помощью психоактивных препаратов).

Третий условный эзотерический период современности пришелся в западных обществах на конец тысячелетия и нередко характеризуется как коммерческая версия этапа 1960-х годов [28], в то время как нынешний период магического ренессанса, как правило, рассматривается как логическое продолжение эзотерической волны 1990-х годов. Как и прежде, эзотерическое движение противопоставляет себя парадигме научно-технологического прогресса, вернее даже его объективным и социокультурным последствиям в капиталистическом обществе, однако в то же время характеризуется наибольшей степенью коммерциализации. В 1990-е годы сфера магического приобретает привычный для нас сегодня «облик»: профильные магазины магических товаров, присутствие эзотерических товаров даже на «светских» торговых площадках, курсы по йоге и прочим духовным практикам с выраженным восточным «флером духовности», многочисленные кинофильмы и телепередачи о ведьмах, магии, призраках и сверхъестественных явлениях [49. С. 237]. С одной стороны, выраженная коммерциализация породила упреки эзотерической волны в банальном обмане масс с целью получения прибыли; с другой стороны, в том числе благодаря последовательной маркетинговой политике, Викканство начало обретать черты полноценной институционализации — магические практики входят в обиход, а ряд эзотерических знаний, например представления об ауре и чакрах, астрологическом положении светил и пр., становятся частью обыденного кругозора.

Эзотерические практики в очередной раз конституируют пространство контркультурных практик, заставляя переосмысливать устоявшиеся коллективные представления и поведенческие паттерны, а также причины и результаты предшествующих волн магического ренессанса, в том числе в сфере сексуальности и телесности. Если в рамках первой и второй волн речь шла преимущественно о возвращении женщинам субъектности (правовой, социальной, личной) и о расовых и национальных противоречиях, то в 1990-е годы акцент смещается на вопросы сексуальной ориентации (эзотерическое оказывается сферой выражения женского опыта как такового, но особенно нетрадиционного, в частности квір-опыта). Впрочем, характерный для современного общества гендерный крен в сфере управления воспроизводится и в сфере магического: несмотря на явную связь ведьмовских движений с феминизмом, среди лидеров большинства общин и авторов книг о викканстве и других движениях доминируют мужчины [50. С. 70].

И, наконец, четвертый этап магического ренессанса оформился в 2020-е годы: следуя его общей логике, нынешнее эзотерическое движение имеет контркультурный характер (критикует общество потребления, погоню за прибылью и условия работы и жизни в мегаполисах), гендерно-специфично и гендерно-критично, стремится к холизму (пытается объединить философские и религиозные парадигмы, практики религиозных и духов-

ных движений с локальными, часто языческими верованиями) [25. С. 176]. Явное преобладание женщин среди практикующих порождает своего рода социальную стигматизацию движения и/или его обесценивание как «странного женского увлечения».

Яркая отличительная черта современного эзотерического движения — почти полный его переход в онлайн-пространство [46. С. 118], и «цифровизация» магии вносит серьезные изменения в структуру духовных движений. Во-первых, практики и ритуалы становятся более индивидуальными и лично-ориентированными: колены (сообщества ведьм) и групповые ритуалы в очном формате встречаются все реже, чаще всего практикующие — люди, которые наткнулись на материалы в открытых интернет-источниках и совершили своего рода «самопосвящение». Во-вторых, такое «размывание» магических практик ослабляет границы между течениями — становится все труднее определить, к какой школе магии относятся те или иные ритуалы и можно ли их четко классифицировать в принципе. В-третьих, особенности коммуникативных практик в Интернете приводят к упрощению магических практик и верований, поскольку онлайн-пространство отдает предпочтение таким форматам, которые требуют как можно меньше времени и усилий для понимания (короткие видео с акцентом на визуальной привлекательности). В результате наблюдается эстетизация магических практик — красивость используемых элементов оказывается первичной по отношению к концептуальной эзотерической базе.

В то же время сохраняется своего рода типология магических практик, оформившаяся еще в ходе первого всплеска интереса к эзотерике. Например, астрология, магия кристаллов или гадание на картах таро как будто бы являются элементами одного «движения», хотя могут не связываться друг с другом сторонним наблюдателем или практикующими. Скажем, согласно материалам С.Л. Мазерса, Е. Блаватской и А. Кроули, символы, тела, реакции и другие категории «бытия» неизменно взаимосвязаны: планеты — с днями недели, химическими элементами, видами химических реакций, алфавитными системами и т.д.; символика карт таро — с оккультными дисциплинами (алхимией, астрологией, нумерологией и др.) [26. С. 98]. Однако сегодня эти взаимосвязи оказались разорваны: например, карты таро сегодня выделены в отдельную категорию практической магии, а тарологи стали особыми «специалистами», которые могут не использовать другие элементы эзотерики. В результате сложно говорить о некоем едином предметном поле эзотерики (совокупности знаний, верований и практик) и проводить научную концептуализацию магического движения (как системы взаимосвязанных сообществ, а не раздробленного фрагментарного образования под зонтичным названием). Тем не менее, даже в своей нынешней версии — популяризированной, коммерциализированной, упрощенной и эстетизированной — эзо-

терическое/магическое как социокультурный феномен сохраняет те свои черты, что обрело в конце XIX века.

Следует отметить, что нынешняя общедоступность эзотерического знания (благодаря его популярным форматам) не противоречит понятию магического как такового, вопреки стереотипному представлению о нем как о чем-то сокрытом и запретном для непосвященных. Во-первых, изначально секретность обуславливалась не столько желанием оградиться от масс, сколько необходимостью передавать им информацию структурированно и в определенной последовательности для лучшего усвоения и систематизации. Во-вторых, принцип закрытости быстро нарушался — ради сохранения созданных материалов и популяризации практик [47]. Соответственно, если считать принципиальным критерием эзотерического движения секретность (закрытость для общественности), то практически ни одно из множества движений, взявших за основу наработки первой волны, не сможет претендовать на статус эзотерического.

Другая черта нынешнего магического ренессанса — возрастающая секулярность и даже «научность» магических практик, как ни парадоксально это звучит. Если на первых этапах своего ренессанса оккультизм претендовал на некий альтернативный путь познания и объяснения мира (затем «религиозный» крен сменился на «волшебный»), то постепенно степень секулярности и общества, и духовных практик возрастала: ритуалы, выглядящие как магические (форма), все чаще объясняются когнитивно-поведенческими процессами, с использованием психологической и психотерапевтической терминологии, что вновь затрудняет однозначную концептуализацию эзотерики [19. С. 104].

Реконструировать современную историю эзотерического знания в России затруднительно, поскольку по объективным причинам историческая преемственность многих социальных институтов и явлений была нарушена. В дореволюционной России эзотерическое движение было достаточно популярно, и в целом первый этап магического ренессанса в западных обществах и в России совпадает благодаря тесным связям российской и европейской интеллигенции (например, во многих российских городах существовали отделения Теософского общества [40]). После Октябрьской революции члены эзотерических сообществ подверглись репрессиям за духовные убеждения и/или покинули страну, а в 1929 году все движения, не разделяющие идеологические постулаты советского государства (подобное несогласие было характерной чертой эзотерических сообществ), были запрещены [32. С. 313]. Поэтому исследования эзотерических движений в современной российской истории датируют их возникновение 1990-ми годами [10]: с одной стороны, произошел объективный всплеск интереса к магическим практикам, суевериям, сверхъестественному в широком смысле слова; с другой стороны, исследователи получили доступ к сбору данных и возможности взаимодействовать

с западной наукой. Распад СССР как очевидно кризисная ситуация сопровождался популяризацией эзотерических движений, альтернативных духовных и религиозных обществ, культов и др., чему способствовала и многолетняя предшествующая стигматизация религиозных верований и конфессий.

Те же причины обусловили и появление в постсоветский период так называемого «родноверия» — славянского варианта неоязычества [36]. Хотя оно требует отдельного рассмотрения, относящиеся к этой категории движения представляют интерес в контексте магического ренессанса, поскольку, несмотря на претензии на историческую аутентичность, многие их элементы с социокультурно-функциональной точки зрения стали реакцией на те же запросы и потребности, что и западные эзотерические движения. Кроме того, движения родноверов и славянских язычников также начались с популяризации исторических верований, привлечших интерес российской общественности в XIX веке, что делает это российское направление похожим на западное эзотерическое движение (интерес к «утраченному» знанию, восстановление и частичное реконструирование славянского язычества в адаптированном к новым историческим реалиям виде). Многие элементы нынешнего славянского язычества в его популярном формате были не просто реконструированы (переосмыслены и видоизменены, чтобы быть понятными современному человеку, поэтому часто основаны на сегодняшних культурных штампах для заполнения неизбежных, исторически обусловленных «белых пятен»), но и сфальсифицированы (известные примеры — «славянские руны» и «Велесова книга» [5; 41]).

Тем не менее, общий контркультурный характер славянского неоязычества сохраняется: оно критикует чрезмерное потребительство капиталистического общества, его отрыв от природы и традиций, предоставляют своим последователям эзотерически оформленные инструменты психологической рефлексии и самовыражения, что объединяет славянское неоязычество с западными оккультными движениями. Однако глубинные философские основания родноверия и эзотерического знания радикально отличаются: эзотерические движения предполагают мультикультурный синтез для достижения знания универсального и всеобъемлющего; родноверие, напротив, ориентировано на восстановление одной конкретной культуры в ее исторически аутентичном формате, поэтому некоторые неоязыческие славянские сообщества носят выраженный националистический характер [36] (с элементами ксенофобии [18. С. 20]).

Другое принципиальное отличие родноверия от западного эзотеризма современного толка — отсутствие связи с феминистской идеологией, что обусловлено не только исторической спецификой феминистского движения на советском и постсоветском пространстве, но и мировоззренческими особенностями неоязычества. Во-первых, родноверие более политизи-

ровано (что проявилось в 1990-е годы, когда родноверы организовывали политические партии) а значит, радикализировано, но в России женщины менее вовлечены в политическую деятельность, особенно в радикальных ее формах. Во-вторых, многие направления славянского неоязычества предельно патриархальны в интерпретации роли женщины, в чем соглашаются со столь же патриархальной позицией российских институциональных религий [9]. Иными словами, родноверие провозглашает контркультурность по отношению не к «родному» обществу, а к навязываемым ему западным ценностям, в том числе к феминизму. И если викканство и другие магические «конфессии» имеют достаточно открытый, горизонтально-децентрализованный характер, то славянские неоязыческие сообщества, как правило, воссоздают традиционные социальные институты патриархального прошлого (общины с иерархическим строем и гендерно-специфическим распределением ролей).

Впрочем, нынешний этап магического ренессанса в России все же схож с западным, несмотря на определенную специфику (включение элементов православия и/или славянского (квази) язычества), и следует логике развития европейских эзотерических обществ (истернизация, мультиконфессиональность, гендеризированность и др.). Проблематичность социологического изучения «магического» в России состоит в том, что в нашей стране сложнее отследить преемственность духовных практик, эзотерических движений и суеверий (преемственность чаще характерна для повседневности, чем для институционального уровня) или рассматривать их как некое системное социокультурное образование (верования и практики столь разрознены, что их затруднительно даже однозначно концептуализировать), не говоря уже об отсутствии соответствующей исследовательской традиции, эмпирических данных и даже единой терминологии (скажем, в англоязычной трактовке викканство, (нео) язычество, ведьмовство и другие понятия по смыслу гораздо ближе друг к другу [48], чем в российской, где, например, под неоязычеством подразумевается в первую очередь «местное» славянское язычество, а вика и ведьмовство — понятия более «европеизированные»). Кроме того, когда речь заходит о магических практиках и верованиях на территории России, следует помнить о многоконфессиональном характере нашей страны, где ряд народов не только не принадлежит к главным монотеистическим религиям, но сохранил языческие верования и ритуалы практически в аутентичном виде [20; 39]. Они, однако, не носят контркультурного характера, а практикующие (например, шаманы) могут идентифицировать себя как представителей конкретных религиозных конфессий, в том числе православия [38], поэтому здесь языческие проявления некорректно относить к эзотерическим движениям современного типа.

Библиографический список

1. *Архангельская Л.С.* Значение ритуала в управлении организацией // Социология. 2010. № 2.
2. *Ахромеева Ю.В.* Движение «new age»: характерные черты // Научный вестник ВГАСУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2.
3. *Бакленд Р.* Полная книга ведьмовства. Классический курс Викки. М., 1986.
4. *Безрукова А.А.* Европейская социально-философская мысль о положении женщины в обществе до начала XX века // Вестник МГТУ. 2010. № 4.
5. *Бесков А.А.* «Славянские руны» на российских экранах: репрезентация неоязыческого мифа // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3.
6. *Бесков А.А.* О язычестве, неоязычестве и подходах к их изучению // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. № 4.
7. В 2022 году россияне стали чаще покупать курсы по эзотерике и реже — по личностному росту. URL: <https://skillbox.ru/media/education/v-2022-godu-rossiyane-stali-chashche-pokupat-kursy-po-ezoterike-i-rezhe-po-lichnostnomu-rostu>.
8. *Вебер М.* Социология религии // Избранное. Образ общества. М., 1994.
9. *Великая В.И., Кузьмина Е.В.* Неоязычество и родноверие: вариативность женского гендерного дисплея в постсекулярном обществе // Диалоги о культуре и искусстве / Отв. ред. М.М. Чудинова. Т. 3. Пермь, 2020.
10. *Воробьева О.Б., Вострякова Ю.В., Шматов Е.Н.* Предпосылки всплеска интереса к эзотерической традиции на постсоветском пространстве в 90-х годах XX века // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 2–4.
11. *Госден К.* История магии. От языческого шаманизма и средневековой алхимии до современного ведьмовства. М., 2023.
12. *Данн П.* Магия эпохи постмодерна. Искусство магии в информационном пространстве современной эпохи. М., 2005.
13. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М., 1998.
14. *Елагин С.С.* Нью-эйдж sensu lato: история термина и обзор исследований // Религиоведческие исследования. 2018. № 18.
15. *Зоря Е.В.* Автоистория в оккультизме: история фактическая и мифологическая // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма / Под. ред. С.В. Пахомова. СПб., 2010.
16. *Кавыкин О.И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007.
17. *Липанова Л.* Предсказать туманное будущее: почему растет спрос на карты таро и кто их покупает. 2023 // URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/486164-predskazat-tumannoe-budusee-pocemu-rastet-spros-na-karty-taro-i-kto-ih-pokupaet>.
18. *Макинтош Х.* Россия оккультная. Традиции язычества, эзотерики и мистики. М., 2003.
19. *Мащитко О.В.* Невидимая, рассеянная, пассивная: способы функционирования постсекулярной религиозности // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2016. № 2.
20. *Миягашева С.Б.* Городской шаманизм в Бурятии: к вопросу о модификации обрядового комплекса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1.
21. *Мосс М.* Социальные функции священного // Избранные произведения. СПб., 2000.
22. *Неклюдова М.А.* Ведьмы в суевериях Викторианской Англии // Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре / Отв. ред. Т.М. Гавристова. Ярославль, 2021.
23. *Носачев П.Г.* Блеск и нищета «социологии оккультного»: Теория ок-культуры К. Парtridge // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 70.
24. О вере и суевериях, или таинственное и загадочное рядом. 2022 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadam>.

25. Панин С.А. Современное колдовство. Викка и ее место в культуре XX — начала XXI века. М., 2016.
26. Панин С.А. Учение герметического ордена золотой зари как форма западного эзотеризма и религиозной философии: Дис. к.ф.н. М., 2014.
27. Плужникова Н.Н. Эзотерическое знание в культуре постмодерна // Вопросы культурологии. 2010. № 2.
28. Прохоренко И.В. Проблемы эволюции движения New Age в странах Запада // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2008. № 3.
29. Пруцкова Е.В., Маркин К.В., Врублевская П.В. Q-методология в изучении «слабой религиозности» // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 3.
30. Ратникова В.Е. Окультизм, философия, оккультизм: история и современность // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения / Под общ. ред. А.И. Вострецова. Душанбе, 2017.
31. Религия и общество. 2023 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring>.
32. Самелик Ю.Л. Репрессии против философско-мистических сообществ в СССР в 1920-1940-х гг.: к историографии вопроса // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза / Под общ. ред. С.Ю. Рафалюк. Т. XI. М., 2020.
33. Сорокин П. Религиозные группы и религиозные перегруппировки // Религия и общество. М., 1996.
34. Таинственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах. 2024 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh>.
35. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
36. Тютина О.С., Айтмурто К. Язычество, традиционализм, национализм. Нарративы русского родноверия // Вестник Мининского университета. 2017. № 4.
37. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.
38. Харитонова В.И. «А у нас все шаманы — православные...»: современный (нео) шаманизм и проблема культурной идентичности // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1.
39. Харитонова В.И. Тувинский (нео) шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. 2018. № 4.
40. Шевчук А.И. Феномен «христианской теософии» в России (по материалам Смоленского теософского общества) // Религиоведческие исследования. 2019. № 20.
41. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М., 2015.
42. Ashraf Q.H., Galor O. Cultural Assimilation, Cultural Diffusion and the Origin of the Wealth of Nations. London, 2007.
43. Clarke C. Colonialism and its social and cultural consequences in the Caribbean // Journal of Latin American Studies. 1983. Vol. 15. No. 2.
44. Dail C. When for «witches» we read «women»: Advocacy and ageism in nineteenth-century Salem witchcraft plays // Theatre History Studies. 2020. Vol. 39.
45. Michael P.A. New age spiritualism, mysticism, and far-right conspiracy // Educational Philosophy and Theory. 2023. Vol. 55. No. 14.
46. Miller C. How modern witches enchant TikTok: Intersections of digital, consumer, and material culture (s) on #WitchTok // Religions. 2022. Vol. 13.
47. Regardie I. The Golden Dawn. Vol. 1. The Aries Press, 1937.
48. Renser B., Tiidenberg K. Witches on Facebook: Mediatization of neo-paganism // Social Media + Society. 2020. Vol. 6. No. 3.
49. Scheitle C.P. Bringing out the dead: Gender and historical cycles of spiritualism // OMEGA — Journal of Death and Dying. 2005. Vol. 50. No. 3.
50. White E.D. Wicca: History, Belief, and Community in Modern Pagan Witchcraft. Sussex Academic Press, 2016.

Contemporary magical practices: Historical bases for typology*

I.V. Trotsuk^{1,3}, M.V. Tsymbal²

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS,
Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia

³National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; marya.tsymbal@yandex.ru)

Abstract. Despite the claims of the contemporary society to progressive scientific rationality, it is difficult not to notice in our everyday life increasingly more manifestations of the “magic” in quite standardized forms, typical for the “consumer society”. The absence of an established sociological tradition for conceptualizing the magic and of the systematized empirical data for the study of its current forms explains the need for the reconstruction of the general logic of the revival of the magical/esoteric as a sociocultural phenomenon. The authors identify four conditional periods of the “magical renaissance”, which allowed the esoteric movement to acquire its features of a countercultural movement, criticizing the social order and providing space for experimental construction of identity and non-conformist self-expression (this is not a stereotypical secret community, closed to the uninitiated and hidden from the public, but rather open, internally differentiated systems of diverse structures and holistic ideas about the world order, which combine intuitive and spiritual beliefs with religious and scientific elements). In the Russian history, there are relatively synchronous waves of popularity of esoteric practices (with the exception of the second stage of the magical renaissance), so the authors identify common features of esoteric movements: a high level of commercialization, relative institutionalization, the predominance of people with higher education among members and followers, countercultural orientation, visual aestheticization, the private nature of practices, etc. Thus, the form, content and symbolic load of magical rituals of current esoteric movements can be considered in a structural-functional context — through collective problems, requests and needs reflected in ritualized actions (esoteric practices) which only look like manifestations of the archaic magical thinking.

Key words: magical; esoteric; magical/esoteric renaissance; periodization; Western tradition; Russian society; countercultural orientation; ritualized actions/practices

References

1. Arkhangel'skaya L.S. Znachenie rituala v upravlenii organizatsiy [The importance of ritual in organization management]. *Sotsiologiya*. 2010; 2. (In Russ.).
2. Akhromeeva Yu.V. Dvizhenie “new age”: kharakternye cherty [The “new age” movement: Typical features]. *Nauchny Vestnik VGASU. Seriya: Sotsialno-Gumanitarnye Nauki*. 2016; 2. (In Russ.).

* © I.V. Trotsuk, M.V. Tsymbal, 2024

The article was submitted on 29.11.2023. The article was accepted on 20.05.2024.

3. Buckland R. *Polnaya kniga vedmovstva. Klassichesky kurs Wicci* [Complete Book of Witchcraft. The Classic Course in Wicca]. Moscow; 1986. (In Russ.).
4. Bezrukova A.A. Evropeyskaya sotsialno-filosofskaya mysl o polozhenii zhenshchiny v obshchestve do nachala XX veka [The European social-philosophical thought on the position of women in society before the beginning of the 20th century]. *Vestnik MGTU*. 2010; 4. (In Russ.).
5. Beskov A.A. “Slavyanskije runy” na rossijskikh ekranah: reprezentatsiya neoyazycheskogo mifa [“Slavic runes” on Russian screens: Representation of the neopagan myth]. *Praksema. Problemy Vizualnoy Semiotiki*. 2019; 3. (In Russ.).
6. Beskov A.A. O yazychestve, neoyazychestve i podkhodah k ih izucheniyu [On paganism, neo-paganism, and approaches to their study]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Istoriya i Filologiya*. 2020; 4. (In Russ.).
7. V 2022 godu rossiyanje stali chashche pokupat kursy po ezoterike i rezhe — po lich-nostnomu rostu [In 2022, Russians buy courses on esotericism more often, while on personal growth less often]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/v-2022-godu-rossiyanje-stali-chashche-pokupat-kursy-po-ezoterike-i-rezhe-po-lichnostnomu-rostu>. (In Russ.).
8. Weber M. Sotsiologiya religii [Sociology of religion]. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. Moscow; 1994. (In Russ.).
9. Velikaya V.I., Kuzmina E.V. Neoyazychestvo i rodnoverie: variativnost zhenskogo gendernogo displeya v postsekulyarnom obshchestve [Neo-paganism and ‘Native Faith’: Variability of the female gender display in the post-secular society]. *Dialogi o Kulture i Iskusstve*. Otv. red. M.M. Chudinova. Vol. 3. Perm; 2020. (In Russ.).
10. Vorobyeva O.B., Vostryakova Yu.V., Shmatov E.N. Predposylki vspleska interesa k ezotericheskoj traditsii na postsovetском prostranstve v 90-h godah XX veka [Prerequisites for the surge of interest in the esoteric tradition in the post-Soviet space in the 1990s]. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnyh Problem*. 2018; 2–4. (In Russ.).
11. Gosden Ch. *Istoriya magii. Ot yazycheskogo shamanizma i srednevekovoy alkhimii do sovremennogo vedmovstva* [The History of Magic. From Alchemy to Witchcraft, from the Ice Age to the Present]. Moscow; 2023. (In Russ.).
12. Dunn P. *Magiya epokhi postmoderna. Iskusstvo magii v informatsionnom prostranstve sovremennoy epokhi* [Postmodern Magic. The Art of Magic in the Information Age]. Moscow; 2005. (In Russ.).
13. Durkheim E. Elementarnye formy religioznoy zhizni [The elementary forms of religious life]. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya*. Moscow; 1998. (In Russ.).
14. Elagin S.S. Nyu-eydzh sensu lato: istoriya termina i obzor issledovaniy [New Age sensu lato: History of the term and a review of studies]. *Religiovedcheskie Issledovaniya*. 2018; 18. (In Russ.).
15. Zorya E.V. Avtoistoriya v okkultizme: istoriya fakticheskaya i mifologicheskaya [Self-history in the occult movement: Factual and mythological histories]. *Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Problemy interpretatsii ezoterizma i mistitsizma*. Pod. red. S.V. Pakhomova. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
16. Kavykin O.I. “Rodnoverie”. *Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoy Rossii* [“Native Faith”. Self-Identification of Neo-Pagans in Contemporary Russia]. Moscow; 2007. (In Russ.).
17. Lipanova L. Predskazat tumannoe budushchee: pochemu rastet spros na karty taro i kto ih pokupaet [Predicting a foggy future: Why the demand for tarot cards grows and who buys them]. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/486164-predskazat-tumannoe-budusee-pochemu-rastet-spros-na-karty-taro-i-kto-ih-pokupaet>. (In Russ.).
18. McIntosh Ch. *Rossiya okkultnaya. Traditsii yazychestva, ezoteriki i mistiki* [Occult Russia. Pagan, Esoteric, and Mystical Traditions]. Moscow; 2003. (In Russ.).
19. Mashitko O.V. Nevidimaya, rasseyannaya, passivnaya: sposoby funktsionirovaniya postsekulyarnoy religioznosti [Invisible, scattered, passive: The ways the post-secular religiosity functions in]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2016; 2. (In Russ.).

20. Miyagasheva S.B. Gorodskoy shamanizm v Buryatii: k voprosu o modifikatsii obrya-dovogo kompleksa [Urban shamanism in Buryatia: On the modification of the ritual complex]. *Oikumena. Regionovedcheskie Issledovaniya*. 2024; 1. (In Russ.).
21. Mauss M. Sotsialnye funktsii svyashchennogo [Social functions of the sacred]. *Izbrannye proizvedeniya*. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
22. Neklyudova M.A. Vedmy v sueveriyah Viktorianskoy Anglii [Witches in the superstitions of Victorian England]. *Zhenshchiny vo vlasti, biznese, nauke i kulture*. Otv. red. T.M. Gavristova. Yaroslavl; 2021. (In Russ.).
23. Nosachev P.G. Blesk i nishcheta “sotsiologii okkultnogo”: Teoriya ok-kultury Ch. Partridga [Splendor and misery of “sociology of the occult”: Ch. Partridge’s theory of occulture]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2017; 70. (In Russ.).
24. O vere i sueveriyah, ili tainstvennoe i zagadochnoe ryadom [On faith and superstitions, or the mysterious and enigmatic nearby]. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueveriyakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadom>. (In Russ.).
25. Panin S.A. *Sovremennoe koldovstvo. Wicca i ee mesto v kulture XX — nachala XXI veka* [Contemporary Witchcraft. Wicca and Its Place in the Culture of the 20th — Early 21st Century]. Moscow; 2016. (In Russia).
26. Panin S.A. *Uchenie germeticheskogo ordena zolotoy zari kak forma zapadnogo ezoterizma i religioznoy filosofii* [The Teachings of the Hermetic Order of the Golden Dawn as a Form of Western Esotericism and Religious Philosophy]. PhD Thesis. Moscow; 2014. (In Russ.).
27. Pluzhnikova N.N. Ezotericheskoe znanie v kulture postmoderna [Esoteric knowledge in the postmodern culture]. *Voprosy Kulturologii*. 2010; 2. (In Russ.).
28. Prokhorenko I.V. Problemy evolyutsii dvizheniya New Age v stranah Zapada [Evolution of the New Age movement in Western countries]. *Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2008; 3. (In Russ.).
29. Prutskova E.V., Markin K.V., Vrublevskaya P.V. Q-metodologiya v izuchenii “slaboy religioznosti” [Q-methodology in the study of “weak religiosity”]. *Nauchny Rezultat. Sotsiologiya i Upravlenie*. 2020; 3. (In Russ.).
30. Ratnikova V.E. Okkultnaya filosofiya, okkultizm: istoriya i sovremennost [Occult philosophy, occultism: History and the present time]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy i puti ih resheniya*. Pod obshch. red. A.I. Vostretsova. Dushanbe; 2017. (In Russ.).
31. Religiya i obshchestvo [Religion and society]. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>. (In Russ.).
32. Samelik Yu.L. Repressii protiv filosofsko-misticheskikh soobshchestv v SSSR v 1920-1940-h gg.: k istoriografii voprosa [Repressions against philosophical-mystical communities in the USSR in the 1920-1940s: On the historiography of the issue]. *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza*. Pod obshch. red. S.Yu. Rafalyuk. Vol. XI. Moscow; 2020. (In Russ.).
33. Sorokin P. Religioznye gruppy i religioznye peregruppirovki [Religious groups and religious regrouping]. *Religiya i Obshchestvo*. Moscow; 1996. (In Russ.).
34. Tainstvennoe i potustoronnee, ili rossiyane o magah i astrologah [Mysterious and otherworldly, or Russians’ ideas about magicians and astrologers]. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh>. (In Russ.).
35. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol, Myth, and Ritual]. Moscow; 1983. (In Russ.).
36. Tyutina O.S., Aitamurto K. Yazychestvo, traditsionalizm, natsionalizm. Narrativy russkogo rodnoveriya [Paganism, traditionalism, nationalism. Narratives of the Russian “Native Faith”]. *Vestnik Mininskogo Universiteta*. 2017; 4. (In Russ.).
37. Habermas Ju., Ratzinger J. (Benedict XVI). *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii* [The Dialectics of Secularization. On Reason and Religion]. Moscow; 2006. (In Russ.).

38. Kharitonova V.I. “A u nas vse shamany — pravoslavnye...”: sovremenny (neo) shamanizm i problema kulturnoy identichnosti [“All our shamans are orthodox Christians...”: Contemporary (neo) shamanism and the problem of cultural identity]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 2016; 1. (In Russ.).
39. Kharitonova V.I. Tuvinsky (neo) shamanizm kak kultovaya i tselitelskaya praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo) shamanism as a cult and healing practice in the contemporary world]. *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2018; 4. (In Russ.).
40. Shevchuk A.I. Fenomen “khristianskoy teosofii” v Rossii (po materialam Smolenskogo teosofskogo obshchestva) [The phenomenon of “Christian theosophy” in Russia (based on the materials of the Smolensk Theosophical Society)]. *Religiovedcheskie Issledovaniya*. 2019; 20. (In Russ.).
41. Shnirelman V.A. *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [Aryan Myth in the Contemporary World]. Moscow; 2015. (In Russ.).
42. Ashraf Q.H., Galor O. *Cultural Assimilation, Cultural Diffusion and the Origin of the Wealth of Nations*. London; 2007.
43. Clarke C. Colonialism and its social and cultural consequences in the Caribbean. *Journal of Latin American Studies*. 1983; 15 (2).
44. Dail C. When for “witches” we read “women”: Advocacy and ageism in nineteenth-century Salem witchcraft plays. *Theatre History Studies*. 2020; 39.
45. Michael P.A. New age spiritualism, mysticism, and far-right conspiracy. *Educational Philosophy and Theory*. 2023; 55 (14).
46. Miller C. How modern witches enchant TikTok: Intersections of digital, consumer, and material culture (s) on #WitchTok. *Religions*. 2022; 13.
47. Regardie I. *The Golden Dawn*. Vol. 1. The Aries Press; 1937.
48. Renser B., Tiidenberg K. Witches on Facebook: Mediatization of neo-paganism. *Social Media + Society*. 2020; 6 (3).
49. Scheitle C.P. Bringing out the dead: Gender and historical cycles of spiritualism. *OMEGA — Journal of Death and Dying*. 2005; 50 (3).
50. White E.D. *Wicca: History, Belief, and Community in Modern Pagan Witchcraft*. Sussex Academic Press; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-811-823

EDN: GFPCUW

Неполные семьи: дискурс-анализ диссертационных исследований*

Т.К. Ростовская^{1,2}, О.Д. Натсак³

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия,

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия,

³Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований при Правительстве Республики Тыва,
ул. Кочетова, 4, Кызыл, 667000, Россия

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; nod695596@gmail.com)

Аннотация. Изучение социально-экономических и иных аспектов жизнедеятельности неполных семей, а также влияния структуры семьи на успешность социализации детей сохраняет свою актуальность. Цель статьи — анализ научного дискурса о неполной семье и социальных практиках одинокого материнства и отцовства на основе диссертаций российских социологов, защищенных в период с 2003 по 2023 годы. Также был использован авторский материал диссертационных исследований по социологии за десятилетний период (с 2012 года). Источником данных послужил фонд диссертаций Российской государственной библиотеки (РГБ). Всего было выявлено и проанализировано 12 диссертаций по социологии, объектом исследования которых являлись неполные семьи. Диссертации были классифицированы по следующим параметрам: шифр специальности, год, город и организация защиты, метод и направление исследований. Авторы отмечают, что исследуемая проблематика оказалась достаточно периферийной, активность защит по данной теме снизилась после 2013 года, и за двадцать лет не было защищено докторских работ. Большинство диссертаций подготовлены по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы», и защиты проходили чаще в вузах, чем в научных организациях. Как правило, диссертанты применяли традиционные социологические методы сбора и анализа информации, редко использовали возможности цифровых платформ и технологий. Акцент в диссертациях сделан на социальных рисках и уязвимостях неполных семей. Авторы считают, что для изучения жизненных шансов, социальной мобильности и экономической успешности детей из неполных семей необходимы срезовые и панельные исследования на общенациональном и региональном уровнях. Кроме того, в отечественных диссертациях недостаточно представлены проблемы ментального и физического здоровья одиноких матерей и отцов, детско-родительских отношений и экономического статуса неполных семей.

Ключевые слова: диссертации по социологии; неполные семьи; монородительские практики; одинокое материнство; одинокое отцовство; дети в неполных семьях

* © Ростовская Т.К., Натсак О.Д., 2024

Статья поступила в редакцию 10.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

2024 год в России объявлен Годом семьи, в связи с чем возрастает социальный и государственный запрос на социологические исследования семьи. Одной из дисфункциональных форм семейной организации является семья с одним родителем (с неполной структурой), которая стала распространенным социальным явлением в современном российском обществе. Сравнительный анализ материалов Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов показывает рост доли семей с неполной структурой — с 27 % до 32 % (1). Наблюдается также рост числа и доли монородительских домохозяйств. Несмотря на меры государственной поддержки семей с детьми, экономическое положение неполных семей остается сложным: так, по уровню дохода к первой децильной группе относится 21 % неполных семей (2).

Мы проанализировали отражение этой темы в диссертациях российских ученых по социологии, чтобы выявить актуальные исследовательские направления, методологические подходы, тенденции и количественные характеристики работ в данном предметном поле. Аналитические обзоры публиковались в ведущих социологических журналах [7; 14; 15; 17; 19] и обширном указателе [1], причем объектом подобных аналитических обзоров становились не только докторские, но и кандидатские диссертации [4; 9; 10; 13; 20]. За рассмотренный период диссертаций, защищенных по социологическим специальностям и посвященных проблемам неполной семьи, оказалось не так много, и докторских диссертаций среди них нет. В целом, судя по данным авторов последних обзоров, докторских диссертаций по социологии немного: так, за десять лет российскими исследователями было защищено всего 76 докторских диссертаций по социологии [17. С. 68], что связано с реформированием российской системы подготовки научных кадров и сокращением числа диссертационных советов с 2013 года [5. С. 26, 30]. В общей массе докторских диссертаций, защищенных за последние десять лет, достаточно периферийное место занимают работы, так или иначе связанные с институциональными, структурными проблемами семьи: из 76 работ только 5 были посвящены семейной и гендерной политике [17. С. 74], и ни в одной из них неполные семьи не фигурировали как предмет исследования.

Методологические подходы диссертаций, посвященных неполным семьям

В изучении неполных семей диссертанты, как правило, придерживаются исторического, сравнительно-исторического, институционального, системного, структурно-функционального, социолого-демографического и экономического подходов, и в большинстве работ сочетаются разные общенаучные и социологические методы (в том числе количественного и качественного характера). Часто встречается вторичный анализ результатов исследований, проведенных другими институтами и коллективами, который дополняет

собственные эмпирические материалы авторов. Наиболее часто применяется метод опроса, за ним следуют контент-анализ и вторичный анализ (Рис. 1), значительно реже встречаются биографический метод, фокус-группы и экспертный опрос. Следует отметить единичные примеры интерпретативного анализа художественных фильмов, визуальной социологии и дискурс-анализа (репрезентации образов одиноких матерей и неполных семей в киноискусстве и периодической печати).

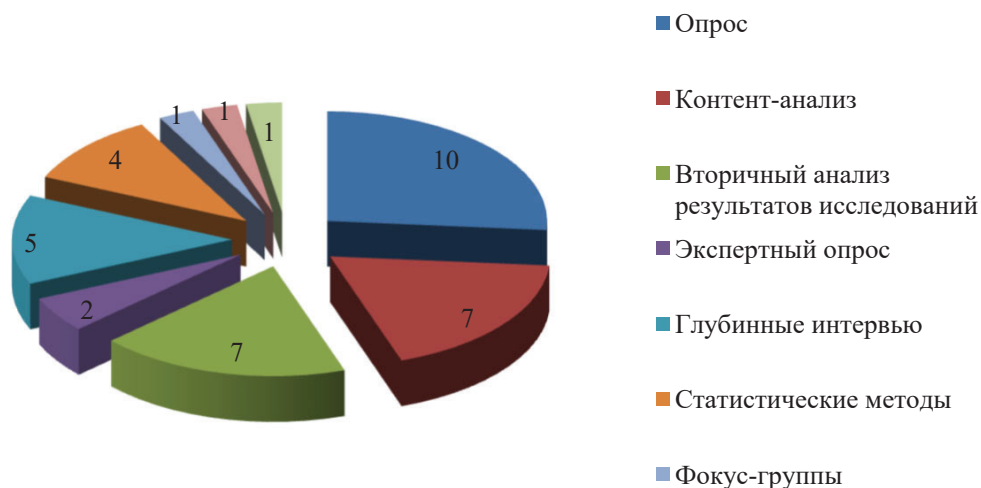

Рис. 1. Исследовательские методы, использованные в диссертациях

Инструментально-технический прогресс влияет на методы сбора и анализа эмпирических данных, благодаря чему в арсенале социолога имеются не только анкеты и гайды интервью, но также «смешанные методы» и технологии «больших данных» [8. С. 9]. Однако в рассматриваемых диссертациях использовались преимущественно традиционные инструменты получения информации о социальных явлениях и фактах, практически не применялись новые цифровые методы, дающие дополнительные возможности сбора и обработки данных. Вероятно, это обусловлено ранними годами защит — тогда социологи еще не начали активно обращаться к цифровым платформам: рост числа обращений к цифровым социальным платформам как источнику данных и объекту изучения наблюдается с 2019 года [18. С. 39].

Специальности и количественная динамика диссертаций

В электронном каталоге диссертационного фонда РГБ было выявлено всего 43 кандидатские диссертации, посвященные неполным семьям и защищенные в период с 2003 по 2023 годы. По специальностям ВАК они распределяются следующим образом: педагогика — 12 (28%), психология — 12 (28%), социология — 12 (28%), медицина — 6 (14%) и биология — 1 (2%) (Рис. 2).

Неполные семьи наряду с другими типами семей были и объектом диссертаций по экономическим наукам (в контексте исследования проблем бедности и занятости) и праву (в рамках изучения влияния социально-структурных свойств семьи на преступность).

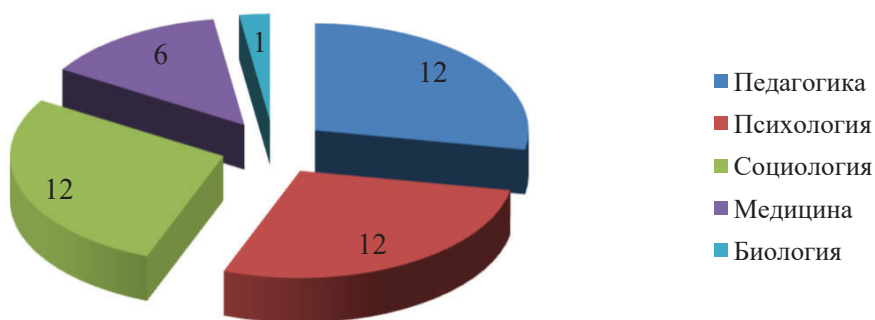

Рис. 2. Специальности диссертаций по проблемам неполных семей (2003–2023)

Число защит заметно снизилось с 2014 года (Рис. 3).

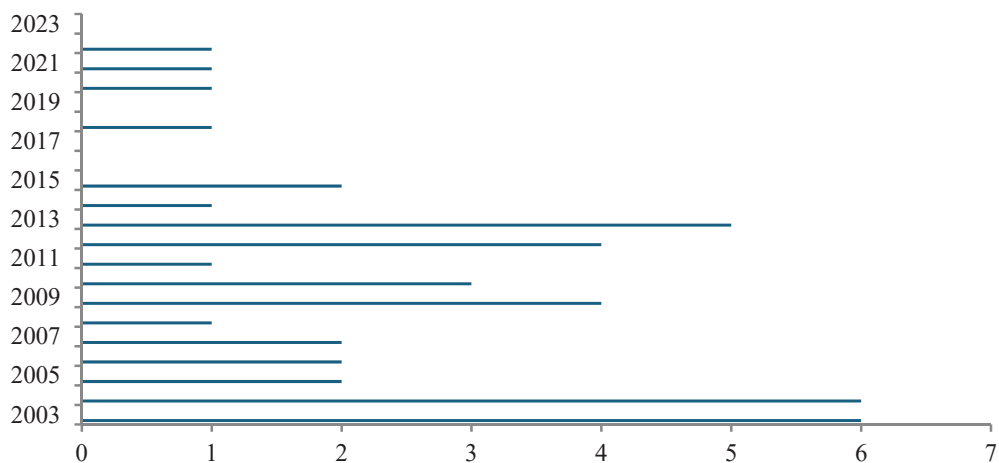

Рис. 2. Динамика числа диссертаций (2003–2023)

Сводная информация по авторефератам представлена в Таблице 1.

Диссертации, посвященные проблеме неполных семей, защищались по нескольким социологическим специальностям: 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы (8 работ), 22.00.06 — Социология культуры и духовной жизни (3 работы), 22.00.08 — Социология управления (1 работа).

Таблица 1

Перечень кандидатских диссертаций по проблемам неполной семьи по социологии (2000–2023)

Автор	Название	Год	Специальность	Организация выполнения	Организация защиты
Заякина О.А.	Жизнедеятельность монородительской семьи как социологическая проблема	2003	22,00,04	Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург	Уральская академия государственной службы, Екатеринбург
Каменева Т.Н.	Материнство в неполной семье: личные и социальные проблемы	2003	22,00,06	Курский государственный медицинский университет	Курский государственный технический университет
Кузнецова Е.В.	Социализация детей в семьях разведенных родителей	2003	22,00,04	Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск	Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск
Цыглакова Е.А.	Социальный статус монородительской семьи	2005	22,00,04	Саратовский государственный технический университет	Саратовский государственный технический университет
Буянова И.С.	Социокультурная адаптация женщины из неполной семьи в современном российском обществе	2006	22,00,06	Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь	Ставропольский государственный университет
Нухаева Б.Б.	Неполная семья как институт социализации детей: на примере Республики Калмыкия	2007	22,00,04	Институт социологии РАН, Москва	Институт социологии РАН, Москва
Кантемирова Г.А.	Социализация детей в неполной семье: на примере Республики Северная Осетия — Алания	2008	22,00,04---	Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова	Российский государственный социальный университет, Москва
Нафикова Г.Э.	Институционализация неполной семьи в трансформирующемся обществе: на примере Республики Башкортостан	2009	22,00,04	Башкирский государственный университет, Уфа	Башкирский государственный университет, Уфа
Рашитова Л.К.	Городская монородительская семья: социальные проблемы и пути их решения	2011	22,00,04	Башкирский государственный университет, Уфа	Башкирский государственный университет, Уфа
Любимова А.Д.	Социокультурные представления о формальных и неформальных практиках социальной поддержки монородительских семей	2013	22,00,06	Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина	Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
Михайлова А.И.	Монородительские (отцовские) семьи: социолого-управленческий аспект	2014	22,00,08	Забайкальский государственный университет, Чита	Забайкальский государственный университет, Чита
Левая Н.А.	Институт неполной (материнской) семьи (исследование потенциала социальной неустойчивости)	2015	22,00,04	Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону	Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Подавляющее большинство диссертаций было защищено в региональных вузах (10 — Курск, Саранск, Саратов, Ставрополь, Уфа, Екатеринбург, Чита, Ростов-на-Дону), среди которых лидируют Башкирский государственный университет (Уфа) и Саратовский государственный технический университет (по 2 работы). В Москве было всего защиты — в Российском государственном социальном университете и Институте социологии РАН. В период с 2003 по 2011 годы было защищено 9 работ, тогда как в 2013–2015 годы — всего 3, что свидетельствует о снижении как диссертационной активности, так и привлекательности темы, хотя проблема неполных семей в российском обществе остается социально и демографически значимой.

Исследовательский фокус

Общие подходы представлены в диссертациях, рассматривающих неполные семьи как социологическую проблему и вопросы их институционализации в семейной структуре общества. Также анализируются конкретные характеристики неполных семей: их социальный статус, особенности материнских практик, специфика социокультурной адаптации женщин, возглавляющих неполные семьи, потенциальные риски их социальной неустойчивости, проблемы, с которыми сталкиваются неполные семьи в городах. Единственная работа, посвященная отцовским неполным семьям, была защищена в 2014 году в Забайкальском государственном университете. Следует отметить, что обращение к теме отцовства (прежде всего социальной роли отцов) — значимый поворот в изучении семьи и гендера [см., напр.: 2; 6; 12; 16; 21]. Социализации детей в неполных семьях посвящены три работы, две из них написаны по материалам национальных республик — Северной Осетии–Алании и Калмыкии. Социализация детей в неполных семьях непосредственно связана с проблемой детско-родительских отношений, а также с потенциальными рисками девиантного, делинквентного поведения детей, но социологических работ, анализирующих монородительские семьи в этом контексте, крайне мало.

Для определения специфики российского исследовательского фокуса в изучении неполных семей был рассмотрены работы зарубежных авторов за период с 2000 по 2023 годы. Оказалось, что их исследовательский интерес созвучен российским диссертациям, но есть и отличающиеся аспекты, связанные со страновой и региональной спецификой семейной политики. Так, для Таджикистана характерен высокий уровень трудовой эмиграции преимущественно мужского населения, поэтому актуальна проблема матриархальных и неполных семей (миграционный отток мужчин и фактический разрыв отношений) [22]. Серьезные проблемы для Румынии — подростковая фертильность, ведущая к неполным семьям, а также социальная, экономическая и культурная эксклюзия таких семей [30]. В Мексике проводятся сравнительные исследования уровня депрессии, качества жизни, типа доходов

и образования, количества детей в полных и неполных семьях [26]. В Индии изучается роль семей с одним родителем в распространении подростковой зависимости от психоактивных веществ [29]. В целом очевидна некоторая общность подходов, фокусирующихся на негативных оценках: в неполной семье мать и дети живут хуже, чем в полной семье. Однако есть и исключения: в исследовании, посвященном неполным семьям в Великобритании, показано, что предположения о негативном влиянии жизни в монородительской семье на детей не всегда подтверждаются, и неполные семьи могут быть вполне благополучными с точки зрения удовлетворенности детей жизнью, качества отношений со сверстниками и родными [32]. Достаточно парадоксальные выводы сделаны в работе автора из Гонконга: деятельность исследователей, изучающих неполные семьи, и социальных служб, работающих с ними, приводит к социальному конструированию образа неполной семьи как некоей патологии, поэтому необходимо выявлять не только трудности и уязвимости неполных семей, но и их сильные стороны [28].

В зарубежных социологических работах последних трех лет появились и новые исследовательские направления: если в большинстве работ, изучающих экономические риски неполных семей с детьми, акцент делается на текущем положении, то социологи из Германии и Бельгии проанализировали влияние социальной политики 26 европейских стран с разными уровнями расходов на поддержку одиноких матерей и матерей, состоящих в партнерстве, на потенциальные долгосрочные последствия и риски бедности для них на более поздних этапах жизни [33]. Другая новая тема — рост неустойчивости неполных семей в период пандемии covid-19, в частности, сопоставление влияния пандемии на семьи с полной и неполной структурой [23; 25; 26], анализ стратегий выживания одиноких матерей [24]. В период пандемии одинокие родители с детьми столкнулись с разными проблемами: усложнение совмещения функций заботы и материального обеспечения вследствие перехода на удаленную работу, ограниченные возможности ведения трудовой деятельности в условиях карантинного закрытия детских садов и школ, рост психологической нагрузки и усталости, их негативное влияние на ментальное здоровье одиноких родителей. В то же время сопоставление данных о психическом здоровье взрослых в семье до и после пандемии показало, что по уровню стресса, истощения и одиночества семьи с двумя родителями оказались более уязвимой группой, и различия в уровне напряжения прослеживаются скорее по гендерному признаку, чем по типу семьи [27].

Основные проблемы неполных семей и выработка практических решений

По результатам анализа диссертаций были выявлены следующие проблемы неполных семей, сохраняющие свою актуальность: недостаточное внимание государства к семьям с одним родителем; фокус на ну-

клеарных семьях, тогда как одинокие матери как объект социальной политики не представляют интереса для государства; кризисное состояние неполных семей — у них высокий потенциал неустойчивости, поскольку нормы, роли и ценности в неполной семье деформированы и ряд социально значимых функций не выполняется; отсутствие специальных программ защиты и поддержки монородительских семей, неэффективность и фрагментарность системы социальной помощи неполным семьям, несоблюдение принципа адресности при предоставлении льгот и нерациональность распределения ресурсов, выделяемых на социальную защиту; отрицательные последствия социализации детей в неполной семье вследствие более низкого воспитательного потенциала семей с одним родителем, а также повышенного риска приобщения детей к асоциальному поведению; неэффективность традиционных технологий, форм и методов социальной работы с детьми из разведенных семей; низкая адаптированность и экономическая уязвимость отцовских семей — необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу, создать социально-психологические центры поддержки таких семей, установить социальные выплаты, льготы и субсидии.

В настоящее время некоторые принципиальные вопросы поддержки неполных семей, на которые обращали внимание диссертанты, на государственном уровне решены: предоставление финансовой поддержки, введение принципа адресности государственной помощи неполным семьям. Соответственно, мы провели анализ практической значимости рассматриваемых работ с точки зрения предложенных рекомендаций и решений — их актуальности в современных реалиях. Следует признать, что аргументация диссертаций совпадает: неполные семьи находятся в неблагоприятном социально-экономическом положении; социальная политика и технологии работы с такими семьями неэффективны; дети, воспитывающиеся в неполных семьях, испытывают трудности в социализации. В основном для улучшения положения неполных семей диссертанты предлагают разрабатывать специальные программы социальной помощи данной категории семей на всех уровнях управления, предоставляя им больше льгот и развивая сеть социальных учреждений. Следует отметить, что здесь важно понимать общероссийские тренды и этнорегиональную специфику семейной структуры, поэтому необходимы исследования, фокусирующиеся на ситуации в тех субъектах РФ, которые демонстрируют наиболее высокие и отклоняющиеся от средних значений показатели, например, по внебрачной рождаемости, как Республика Тыва [11].

Возрастает актуальность изучения отцовских монородительских семей, что обусловлено их количественным ростом. В настоящее время на государственном уровне принимаются меры, направленные на создание условий для формирования ответственного отцовства, и они могут быть дополнены

Стратегией действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, разработанной академическим сообществом под руководством Т.К. Ростовской в 2023 году, в соответствии с национальными целями и стратегическими задачами, которые определены указами Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», 8 ноября 2021 года № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» и 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Предлагаемая Стратегия — документ, определяющий основные направления государственной политики в отношении самосохранительного поведения мужчин и ответственного отцовства, нацеленный на укрепление социодемографического капитала мужской популяции как основного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Примечания

- (1) Всероссийская перепись населения 2010 года // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itog1612.htm; Всероссийская перепись населения 2020 // URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.
- (2) Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах. 2022 // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN_2022/index.html.

Библиографический список

1. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Прошанов С.Л. Актуальные проблемы социологии. Указатель 1088 докторских диссертаций (1990–2019 гг.). М., 2020.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2.
3. Вайсбург А.В. Обзор современных электронных количественных опросных методов социологических исследований // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55.
4. Верецагина А.В. Традиционное и инновационное в проблемном поле социологии: аналитический обзор диссертационных исследований, защищенных в 2015–2016 годы на юге России // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1.
5. Донецкая С.С. Статистика докторских диссертаций: изменения после реформы ВАК // Высшее образование в России. 2017. № 4.
6. Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2.
7. Зырянов В.В. Докторские диссертации по социологии в 2012–2022 годы в России: тематика, тренды, проблемы // Социологические исследования. 2023. № 9.
8. Иванов Д.В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. 2022. № 2.
9. Котельникова З.В. Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций по экономической социологии за 2000–2005 годы // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 5.

10. *Михеева Н.А.* Становление социологии туризма в РФ: к аналитическому обзору диссертаций, защищенных по специальностям ВАК // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 4.
11. *Натсак О.Д.* Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе / Отв. ред. Т.К. Ростовская. Абакан, 2023.
12. *Носкова А.В.* Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10.
13. *Осипова Н.Г., Кухтевич Т.Н., Соломатина Е.Н.* Обзор тематики и содержания диссертаций по социологии, рассмотренных диссертационным советом Д 501.001.01 на базе МГУ имени М.В. Ломоносова с 2005 по 2015 годы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4.
14. *Прошанов С.Л.* Докторские диссертации по социологии (1990–2010) // Социологические исследования. 2011. № 1.
15. *Рогальская Е.В.* Докторские диссертации по социологическим наукам, утвержденные в 1992 году // Социологический журнал. 1994. № 2.
16. *Ростовская Т.К.* Роль мужчины в современном российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 4.
17. *Ростовская Т.К., Фомина О.Е.* Анализ диссертационных исследований по социологии за период 2012–2022 годов // Вопросы управления. 2023. Т. 17. № 5.
18. *Смирнов А.В.* Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. 2023. № 4.
19. *Тощенко Ж.Т.* Анализ докторских диссертаций по социологии, утвержденных ВАК России в 1994 году // Социологический журнал. 1995. № 3.
20. *Харитонов Е.М.* Южный федеральный университет: к 30-летию юбилею диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5.
21. *Шевченко И.О.* Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 2.
22. *Cleuziou J.* Towards matrifocal families? Relations in transnational and single parent families in Tajikistan // S. Roche (Ed.). *Family in Central Asia. New perspectives.* Berlin, 2017.
23. *Dunatchik A., Gerson K., Glass J., Jacobs J.A., Stritzel H.* Gender, parenting, and the rise of remote work during the pandemic implications for domestic inequality in the United States // *Gender and Society*. 2021. Vol. 35. No. 2.
24. *Febrianto P.T.* Single mothers' survival strategies of university students during covid-19 pandemic // *Society*. 2021. Vol. 9. No. 1.
25. *Hipp L., Bünning M.* Parenthood as a driver of increased gender inequality during covid-19? Exploratory evidence from Germany // *European Societies*. 2021. Vol. 23.
26. *Hernandez R.L., Aranda B.E., Gonzalez M.T.* Depression and quality of life for women in single-parent and nuclear families // *Spanish Journal of Psychology*. 2009. Vol. 12. No. 1.
27. *Hiekel N., Kühn M.* Mental health before and during the covid-19 pandemic: The role of partnership and parenthood status in growing disparities between types of families // *Journal of Health and Social Behavior*. 2022. Vol. 63. No. 4.
28. *King L.Y.* Social welfare services for single parent families in Hong Kong: A paradox // *Child and Family Social Work*. 2003. No. 8.
29. *Khandelwal A. et al.* The role of single parent families in adolescent substance addiction: Indian perspective // *Indian Journal of Mental Health*. 2017. Vol. 4. No. 2.
30. *Lovan M., Oprea M.* Social aspects regarding the single-parent families vulnerability // *Academicus*. 2016. July.
31. *Pong S-L., Dronkers J., Hampden-Thomson G.* Family policies and children's school achievement in single- versus two-parent families // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65.

32. *Rabindrakumar S. et al.* Family Portrait: Single Parent Families and Transitions over Time. University of Sheffield, 2018.
33. *Zagel H., Lancker W.V.* Family policies' long-term effects on poverty: A comparative analysis of single and partnered mothers // *Journal of European Social Policy*. 2022. Vol. 32. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-811-823

EDN: GFPCUW

Single-parent families: A discourse analysis of PhD theses*

T.K. Rostovskaya^{1,2}, O.D. Natsak³

¹Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,
Fotievoi St., 6–1, Moscow, 119333, Russia,

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia,

³Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva,
Kochetova St., 4, Kyzyl, 667000, Russia

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; nod695596@gmail.com)

Abstract. The study of social-economic and other aspects of the life of single-parent families and of the influence of family structure on the success of children socialization remains relevant. The article aims at the analysis of the scientific discourse on single-parent families and social practices of single motherhood and fatherhood based on the Russian PhD theses defended from 2003 to 2023. The authors also used their PhD research data for a ten-year period (since 2012). The source of data was the Dissertation Fund of the Russian State Library (RSL). A total of 12 PhD theses in sociology, with the object and/or issues directly related to single-parent families, were identified and analyzed. Theses were classified according to the following parameters: specialty code (according to the Higher Attestation Commission List), year, city and organization of defense, methods and directions of research. The authors note that the issues under study turned out to be quite peripheral for sociology, since the number of defenses has decreased after 2013, and no doctoral theses have been defended for twenty years. Most theses were prepared in the specialty “Social structure, social institutions and processes” and defended in universities (not scientific organizations). As a rule, theses are based on traditional sociological methods to collect and analyze data and rarely use the capabilities of digital platforms and technologies. Most theses emphasize social risks and vulnerabilities of single-parent families. The authors believe that special longitudinal studies are needed to study the life chances, social mobility and economic success of children from families of different structural types and to analyze the lives of single mothers and fathers. Moreover, Russian theses do not sufficiently study the issues of mental and physical health of single mothers and fathers, parent-child relationships and economic status of single-parent families.

Key words: PhD theses in sociology; single-parent families; single-parent practices; single motherhood; single fatherhood; children in single-parent families

* © Т.К. Ростовская, О.Д. Натсак, 2024

The article was submitted on 10.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

References

1. Antsupov A.Ya., Kandybovich S.L., Proshanov S.L. *Aktualnye problemy sotsiologii. Ukazatel 1088 doktorskih dissertatsij (1990–2019)* [Urgent Issues of Sociology. Index of 1088 DSc Theses (1990–2019)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Bezrukova O.N., Samojlova V.A. Ottsovstvo v sovremennoj Rossii: smysly, tsennosti, praktiki i mezhpokolencheskaja transljatsija [Fatherhood in contemporary Russia: Meanings, values, practices and intergenerational transmission]. *Sociological Studies*. 2022; 2. (In Russ.).
3. Vajsburg A.V. Obzor sovremennyh elektronnyh kolichestvennyh oprosnyh metodov sotsiologicheskikh issledovanij [Review of contemporary digital quantitative survey methods of sociological research]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020; 55. (In Russ.).
4. Vereshchagina A.V. Traditsionnoe i innovatsionnoe v problemnom pole sotsiologii: analitichesky obzor dissertatsionnyh issledovanij, zashchishchennyh v 2015–2016 godah na jube Rossii [Traditional and innovative in the problematic field of sociology: Analytical review of theses defended in 2015–2016 in the South of Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2017;23;23;. (In Russ.).
5. Donetskaja S.S. Statistika doktorskih dissertatsij: izmenenija posle reformy VAK [Statistics of DSc theses: Changes after the reform of the Higher Attestation Commission] *Higher Education in Russia*. 2017; 4. (In Russ.).
6. Egorova N.Yu., Yanak A.L., Rjabinskaja E.S. Roditel'skie roli v sovremennoj rossijskoj sem'e: granitsy "muzhskogo" [Parent roles in the contemporary Russian family: Boundaries of the "masculine"]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 2. (In Russ.).
7. Zyrjanov V.V. Doktorskie dissertatsii po sotsiologii v 2012–2022 gody v Rossii: tematika, trendy, problemy [DSc theses in sociology in 2012–2022 in Russia: Topics, trends, issues]. *Sociological Studies*. 2023; 9. (In Russ.).
8. Ivanov D.V. Vorchanie "starikov", nytie "molodyh" i progress sotsiologii [Grumbling of the "elders", whining of the "youth" and the progress of sociology]. *Sociological Studies*. 2022; 2. (In Russ.).
9. Kotelnikova Z.V. Tematichesky obzor avtoreferatov kandidatskih dissertatsij po ekonomicheskoy sotsiologii za 2000–2005 gody [A thematic review of the abstracts of PhD theses in economic sociology for 2000–2005]. *Economic Sociology*. 2006;7;7;. (In Russ.).
10. Mikheeva N.A. Stanovlenie sotsiologii turizma v RF: k analiticheskomu obzoru dissertatsij, zashchishchjonnyh po spetsialnostjam VAK [Development of sociology of tourism in the Russian Federation: An analytical review of theses defended in the specialties of the Higher Attestation Commission]. *Teoriya i Praktika Servisa: Ekonomika, Sotsialnaya Sfera, Tekhnologii*. 2013; 4. (In Russ.).
11. Natsak O.D. *Nepolnye sem'i i monoroditel'skie praktiki zhenshchin v sovremennom tuvinskom obshchestve* [Single-Parent Families and Single-Parent Practices of Women in the Contemporary Tuvan Society]. Abakan; 2023. (In Russ.).
12. Noskova A.V. Novye metodologicheskie podkhody, issledovatel'skie fokusy, diskussionnye problemy sotsiologii sem'i [New methodological approaches, research focuses, debatable issues of sociology of family]. *Sociological Studies*. 2015; 10. (In Russ.).
13. Osipova N., Kukhtevich T.N., Solomatina E.N. Obzor tematiki i sodержanija dissertatsij po sotsiologii, rassmotrennyh dissertatsionnym sovetom D 501.001.01 na baze MGU imeni M.V. Lomonosova s 2005 po 2015 gody [Review of the topics and content of theses on sociology considered by the Dissertation Council D 501.001.01 of the Lomonosov Moscow State University from 2005 to 2015]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2016;22;22;. (In Russ.).
14. Proshanov S.L. Doktorskie dissertatsii po sotsiologii (1990–2010) [DSc theses in sociology (1990–2010)]. *Sociological Studies*. 2011; 1. (In Russ.).

15. Rogalskaja E.V. Doktorskie dissertatsii po sotsiologicheskim naukam, utverzhdennye v 1992 godu [DSc theses in sociology approved in 1992]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 1994; 2. (In Russ.).
16. Rostovskaja T.K. Rol muzhchiny v sovremennom rossijskom obshchestve [The role of men in the contemporary Russian society]. *Sociological Studies*. 2023; 4. (In Russ.).
17. Rostovskaja T.K., Fomina O.E. Analiz dissertatsionnyh issledovanij po sotsiologii za period 2012–2022 gg. [Analysis of theses in sociology for 2012–2022]. *Voprosy Upravleniya*. 2023;17;17;. (In Russ.).
18. Smirnov A.V. Rossijskaja sotsiologija v uslovijah tsifrovizatsii obshchestva: rezultaty analiza korpusa nauchnyh tekstov [Russian sociology under social digitalization: Results of the scientific texts analysis]. *Sociological Studies*. 2023; 4. (In Russ.).
19. Toshchenko Zh.T. Analiz doktorskih dissertatsij po sotsiologii, utverzhdennyh VAK Rossii v 1994 godu [Analysis of DSc theses in sociology approved by the Higher Attestation Commission of Russia in 1994]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 1995; 3. (In Russ.).
20. Kharitonov E.M. Juzhny federalny universitet: k 30-letnemu jubileju dissertatsionnogo soveta D 212.208.01 po filosofskim i sotsiologicheskim naukam [Southern Federal University: To the 30th anniversary of the Dissertation Council D 212.208.01 on philosophy and sociology]. *Gumanitarny Yuga Rossii*. 2020;9;9;. (In Russ.).
21. Shevchenko I.O. Zachem nuzhny ottsy: razmyshlenija detej o vazhnosti otsov i ih roli v sem'e [What fathers are for: Children's reflections on the importance of fathers and their role in the family]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2018; 2 (12). (In Russ.).
22. Cleuziou J. Towards matrifocal families? Relations in transnational and single parent families in Tajikistan. S. Roche (Ed.). *Family in Central Asia. New perspectives*. Berlin; 2017.
23. Dunatchik A., Gerson K., Glass J., Jacobs J.A., Stritzel H. Gender, parenting, and the rise of remote work during the pandemic implications for domestic inequality in the United States. *Gender and Society*. 2021;35;35;.
24. Febrianto P.T. Single mothers' survival strategies of university students during covid-19 pandemic. *Society*. 2021; 9 (1).
25. Hipp L., Bünning M. Parenthood as a driver of increased gender inequality during covid-19? Exploratory evidence from Germany. *European Societies*. 2021; 23.
26. Hernandez R.L., Aranda B.E., Gonzalez M.T. Depression and quality of life for women in single-parent and nuclear families. *Spanish Journal of Psychology*. 2009; 12 (1).
27. Hiekel N., Kühn M. Mental health before and during the covid-19 pandemic: The role of partnership and parenthood status in growing disparities between types of families. *Journal of Health and Social Behavior*. 2022; 63 (4).
28. King L.Y. Social welfare services for single parent families in Hong Kong: A paradox. *Child and Family Social Work*. 2003; 8.
29. Khandelwal A. et al. The role of single parent families in adolescent substance addiction: Indian perspective. *Indian Journal of Mental Health*. 2017; 4 (2).
30. Lovan M., Oprea M. Social aspects regarding the single-parent families vulnerability. *Academicus*. 2016; July.
31. Pong S-L., Dronkers J., Hampden-Thomson G. Family policies and children's school achievement in single- versus two-parent families. *Journal of Marriage and Family*. 2003; 65.
32. Rabindrakumar S. et al. *Family Portrait: Single Parent Families and Transitions over Time*. University of Sheffield; 2018.
33. Zagel H., Lancker W.V. Family policies' long-term effects on poverty: A comparative analysis of single and partnered mothers. *Journal of European Social Policy*. 2022; 32 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-824-839

EDN: GBWWLU

Социология кино: нарративные оценки зрительских практик*

Е.В. Андрианова^{1,2}, В.А. Давыденко¹

¹Тюменский государственный университет,
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия

²Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН,
ул. Свердлова, 5, к.2, Тюмень, 625003, Россия

(e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru; v.a.davydenko@utmn.ru)

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что, во-первых, ведущие социологи, изучающие кино, указывают на резкое сокращение числа эмпирических исследований вследствие «отсутствия должной информационно-социологической поддержки российского кинематографа» [3. С. 74; 22. С. 152]; во-вторых, продолжается нарративный поворот, «подчеркивающий текстовую природу всех социальных практик» [24. С. 48] и темпоральные характеристики кино. Авторы, проведя опросы посетителей кинотеатров Тюмени по заказу их владельцев весной 2024 года (N = 2502), анализируют нарративные оценки кино-зрительских практик на основе риторически-функционалистской теории нарративности [19] и других научных подходов. Были опрошены три группы респондентов: две целевые выборки по полу, возрасту, уровню дохода и месту проживания (582 человек на территории кинотеатров методом личного интервью; 438 человек из клиентской базы кинотеатров методом телефонного интервью), 1462 жителя Тюмени — выборка была стратифицирована по полу и возрасту с учетом характеристик целевой аудитории кинотеатров. Также был использован сравнительно-исторический метод анализа нарративов — собранных данных с материалами по сходной тематике, полученными Э. Альтенло 110 лет назад [11; 12]. В статье представлены эмпирические данные с результатами их содержательного анализа, включающего как строгие формальные процедуры, так и основанный на систематизации специальной литературы и медиадискурсов. Авторы делают следующие выводы: во-первых, особенно популярными для массового зрителя становятся фильмы, которые отсылают к известным сюжетам, любимым героям и актуальным нарративам; во-вторых, новые интерпретации старых историй стали ключевыми факторами развития современной киноиндустрии, которая во многом жертвует смысловой наполненностью кинотекста в угоду современным эстетическим технологиям кинопроизводства.

Ключевые слова: социология кино; социология фильма; нарративный анализ; зрительские практики; кинематограф; кинофильм

* © Андрианова Е.В., Давыденко В.А., 2024

Статья поступила в редакцию 10.03.2023. Статья принята к публикации 14.06.2024.

По социологии кино опубликовано достаточно много работ, как российских [1–21; 33; 35–36], так и зарубежных [22–26; 28; 31–32; 34; 37–39] авторов, причем компоненты нарративного анализа представлены в обеих группах: речь может идти о трактовке «фильма как дискурса» [18], о влиянии кинематографа на социальные представления (нарративы) о героизме и счастье [19; 20], методиках изучения зрительского восприятия кинолента [16; 17] и т.д. По сути, «смотря кино, мы понимаем жизнь» [15], однако в обширном наследии социологии кино наблюдаются и пробелы в области теории и эмпирики [39. С. 89]. В частности, сравнительный анализ наших эмпирических данных с материалами по сходной тематике, полученными Э. Альтенло 110 лет назад [22; 23], показал, что типичные запросы и стандартные реакции на определенные киносюжеты у молодых социальных групп разного статуса достаточно схожи, что в целом говорит о принципиальной возможности идентификации «картин мира» разных поколений через изучение соответствующих нарративов.

При этом возникают вопросы и методологического характера, например, казалось бы, простой вопрос, как фильм рассказывает/раскрывает историю. Одни ученые пытаются ответить на него, сосредоточившись на слове «история»: какие ситуации могут составить историю, как они связаны. Другие авторы делают акцент на слове «рассказывать»: фильм рассказывает историю или показывает ее, и кто именно рассказчик. Третьи исследователи фокусируются на слове «фильм»: предлагает ли он особые ресурсы для рассказывания историй, какие ресурсы использует совместно с вербальным повествованием. Возможные ответы на все перечисленные вопросы предлагает «риторически-функционалистская» теория нарративности, подчеркивающая темпоральный характер любого нарратива, будь то фильм или роман (ретроспекция, узнавание и пр.).

Помимо темпоральности (длительности развертывания кадров) этот подход рассматривает и модальность повествования, т.е. как нарративы апеллируют к нашим ощущениям посредством причинно-следственной цепочки кадров, эпизодов или сезонов. Однако большинство фильмов предлагают более сложную схему, заставляя задуматься, что может произойти, независимо от того, произойдет это в итоге или нет. Фактически киноповествование может повлиять на наше понимание возможностей [30. С. 119, 124], которые при определенных условиях могут стать реальностью. Одна из стратегий такого понимания состоит в том, чтобы полагаться на персонажей и встроенные нарративы как «сюжетные конструкции, содержащиеся в личных мирах персонажей»: когда персонаж надеется, что что-то произойдет, зритель понимает цель своих надежд как «виртуальное событие». Некоторые такие события могут произойти в сюжетном мире (например, когда сбываются худшие опасения персонажа), а другие могут не сбыться (когда страх оказывается необоснованным). В любом случае виртуальное событие формирует наше вос-

приятие повествования по мере его развития во времени, ориентируя на возможности в прошлом, настоящем и будущем [30. С. 124].

В своей работе мы опирались на концепции «базовых компонентов нарративов как специфичных черт повествования» [29] и «повествовательного кинофильма в реальном времени» [31]: «темпоральное продление» — принципиальное отличие художественного фильма в кинотеатре от сериала, поскольку первый «заранее упакован» готовыми инструментами интерпретации [31. С. 957]. В отличие от сериала художественный фильм в кинотеатре начинается с нуля, создавая структуру взаимосвязанных персонажей и ситуаций до того, как они смогут обеспечить столь же сильную эмоциональную вовлеченность зрителя, что и телевизионные эпизоды.

Наша цель — охарактеризовать нарративные и дискурсивные оценки зрительских практик просмотра фильма в контексте риторически-функционалистской теории нарративности, согласно которой социокультурные механизмы современного кино работают как некие «ментальные сжатия» информации из разных источников (речь, звук, письмо, изображения) и способов воздействия (вера, оценка, понимание, чувства), что позволяет оценивать современные ритуализированные практики восприятия фильма. Речь идет о том, что у кинозрителей формируется особая картина мира как общее эстетическое представление об увиденном и «пережитом» вместе с героями фильма, с учетом осознания художественной ценности и степени удовлетворенности кинокартиной (как способа развлечения).

Эмпирическая основа статьи — опрос посетителей кинотеатров города Тюмени по заказу их владельцев. Количественные данные были собраны на трех выборках в марте 2024 года: две целевые выборки по полу, возрасту, времени посещения (582 человека опрошено методом личного интервью в кинотеатрах, 438 человек — методом телефонного опроса по клиентской базе кинотеатров), 1462 жителей Тюмени (выборка стратифицирована по полу и возрасту с учетом базовых характеристик целевой аудитории кинотеатров). Главный вопрос исследования — «Почему люди все еще ходят в кино»? Или, шире и в другой формулировке: «Почему мы смотрим фильмы большую часть времени своей жизни?». После общения с респондентами эти вопросы обрели несколько иные формулировки: «Почему кино все еще живо?»; «Почему нас так волнуют киноперсонажи?»; «Почему мы идем в кинотеатр, хотя ту же кинокомедию (драму, трагедию) можем посмотреть дома?»; «Почему люди настолько по-разному воспринимают одни и те же фильмы?». В частности, общеизвестно, что кинофильмы могут вызывать не только позитивные, но и негативные эмоции, которых мы стараемся избегать в жизни, однако мы охотно тратим время и деньги на фильмы, которые заставляют нас чувствовать себя эмоционально плохо («парадокс болезненного искусства» [32. С. 909]).

Видимо, потому, что, согласно определению В.В. Радаева, мы «смотрим кино, понимаем жизнь» [15], получая ответы на «многие жизненные вопросы, которые волнуют каждого из нас, — о человеческих страхах и ускользающей любви, о мужской мифологии и женских играх, о межпоколенческих конфликтах и сложных профессиональных дилеммах, об особенностях национального характера и мучительном расставании с советским прошлым, о том, почему люди выставляют частную жизнь на публичное обозрение и как они ведут себя в условиях шока». Соответственно, люди ходят в кино, потому что в кинокартинах «видятся характерные образцы того, как устроена, по крайней мере, часть нашей российской жизни» [15. С. 32], и именно кинофильмы формируют наши представления о героях и героизме, светлом будущем и справедливости [16–20] и т.д. В исследованиях кинематографа применяются разные методики [9], но в изучении зрительских предпочтений, как правило, используются либо качественные методики [3; 4; 13], либо массовые опросы [см., напр.: 2], однако заслуживают внимания и специализированные платформы, систематизирующие социальные эффекты кино. В целом российская социология кино «в настоящий момент находится в затруднительном положении и только проходит этапы своей институционализации» [5. С. 30; см. также 21] на фоне резкого усиления пропагандистской, идеологической и политической функций государства [14. С. 130, 146], и этот макроконтекст не может не влиять на зрительское восприятие кино и телевидения.

Анализируя ответы на вопрос, почему люди ходят в кино, следует вспомнить об истории жанров трагедии и комедии, впервые возникших в Древней Греции: предметом трагедии были события общественного значения, ее героями — люди высокого статуса (герои комедии — «всякий сброд», предмет — повседневные происшествия из частной жизни). Эсхил, Софокл и Еврипид отображали в трагедиях психологию, идеологию и философию представителей землевладельческой аристократии и торгового капитала на разных этапах их развития, и основой трагедии были ритуальные действия в честь Диониса, которым были присущи символические черты. Гомер, выдающийся древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», безусловно, внес вклад в становление эстетического вкуса эллинов и заложил основы последующей традиции создания сценариев, спектаклей, оперы, балета и кино.

Социальную потребность людей в развлечениях, зрелищах и ритуалах удовлетворяли жанры трагедии, драмы и комедии. Если фильм — историческое продолжение театрального действия, то поставленный выше вопрос применительно к прошлому, вероятно, звучал бы так: почему древнегреческий народ любил ходить на трагедии и комедии. Вероятнее всего, потому что в таких постановках присутствовала притягательная эстетика структурирования времени в ритуализированных практиках, и данный паттерн сохраняется до сих пор: «Сосредоточившись на своем содержании, фильмы

принадлежат к театральной семье и продолжают древнюю историю драмы и комедии... только те движущиеся изображения, которые можно разумно рассматривать как произведения искусства, являются фильмами в онтологическом смысле» [28. С. 4, 6]. Отсюда следует, что хороший фильм — это качественная литература (сюжет, сценарий, пьеса, книга), неотразимая музыка, очаровательные голоса, живописные картинки, артистизм, эстетизм движений в кадре (фрейме), наполненное смыслами и значениями авторское киносодержание, которые соответствовать замыслу режиссера и гармонично сочетаются друг с другом.

Конечно, сегодня слово «кино» люди понимают преимущественно как развлечение, отдых, возможность переключиться на что-то приятное, поэтому кинопросмотр стал обширным по содержанию понятием, которое обозначает целостную структуру социальной жизни. Однако если фильм не является (ре)презентацией реальности, нам следует сосредоточиться на его уникальной способности дарить нам иллюзию чего-то реального [28. С. 13]. При ближайшем рассмотрении кадры (фреймы) фильма имеют тенденцию распадаться на мириады составных частей, часто без очевидной обусловленности или согласованности, поэтому хорошее кинопроизводство — результат интеграции эстетического, социального и технологического форматов, поэтому зритель способен адекватно интерпретировать информацию, превращая ее в том числе в практические действия в формате ритуализированных практик свободного времяпровождения. Социокультурные механизмы современного кино работают как некие «ментальные сжатия» разнообразных средств массовой информации и воздействия, которые в когнитивных срезах эстетически-художественной динамики зрительских образов как интеллектуальных (эпистемологических и гносеологических) моделей дают возможность оценить практики понимания фильма (дискурсивные зрительские оценки просмотра фильма — реальные результаты потребления кино). «Полезным и честным» воспроизводством концепций кино должны быть следующие компоненты: «восприятие, репрезентации, значения, повествовательные структуры, адаптации, оценки, идентификации, фигурации и интерпретации» [25. С. 3], которые встроены в перекрестную сеть кинокоординат. Эти компоненты надо стремиться уловить в нарративах зрителей, которые сопровождают фильм.

В качестве исходного исторического «кейса» мы рассмотрели работу Э. Альтенло, которая считается первой социологической работой о кино (с эмпирической частью), обосновывающей социальную роль кинематографа как мощного средства информации, влияющего на массового потребителя. В частности, не утратили своего значения следующие наблюдения Альтенло: «для кинозрителя одно из главных побочных преимуществ — темнота кинозала» [22. С. 8]; «каждый фильм явно несет в себе следы страны своего происхождения, и некоторые национальные особенности выражены настолько сильно и последовательно, что можно говорить о стольких типах фильмов,

сколько стран участвует в мировом кинопроизводстве; французский стиль кино стоял у колыбели всех остальных, поэтому ни одна пьеса не лишена французской пикантности и того провокационного ощущения, которое с трудом можно отделить от кинематографической драмы; но американцы полностью освободились от французских моделей и создали кинематографическую драму по своему вкусу. Их продукция больше, чем любая другая, несет в себе черты массового производства, и драма и юмор создаются по одному рецепту: в центре внимания женщина или девушка (героиня), которая защищает от враждебных индейцев город или корабль до прибытия спасателей. С ними появляется любовница типа «хороший человек». Демонстрируется удачная связь пейзажа и действия, чем часто достигаются восхитительные визуальные эффекты... Скандинавские фильмы, особенно датские, придали кинематографической драматургии новую ноту — социальной драмы. Немецкий стиль кино еще развивается, но уже характеризуется специфическими чертами, в частности сильная sentimentalность и трогательный романтизм заметны повсюду... Представлен и исторический, более патристический материал... а также «интимная» смесь загадочного энтузиазма и любопытства» [22. С. 11–12]. И сегодня мы хвалим фильмы за то, что они «затягивают», но обвиняем в создании иллюзий и разрушении нашего доверия (по крайней мере взрослые люди не верят в то, что видят на экране).

Представленные выше «компоненты» кино начала XX века работают и сегодня, что подтверждается следующими наблюдениями Э. Альтенло: «власти хотят воспрепятствовать благотворному и воспитательному эффекту просветительского кинематографа, потому что он побуждает людей думать» [22. С. 22]; «отдельные писатели, которые особенно сильны своим чутким отношением к настоящему... рассматривают кинодраму как новый художественный жанр» [11. С. 27]; «сама возможность фильма отчасти обусловлена простой формой сюжета — его должны понимать люди всех рас и культурных уровней» [22. С. 28]; «суть киноповествования — действия, совокупность последовательных событий» [22. С. 29]; «большинство посетителей кинотеатров — рабочие, т.е. люди, которые имеют ограниченные ресурсы... Для большинства из них поход в кино — воскресное развлечение... единственное время полного отрешения от... повседневной жизни» [22. С. 52]. «В чем причина огромной привлекательности кино... как оно привлекло аудиторию, которая была совершенно равнодушна к изображениям... Плата за вход невысокая, можно пойти в любое время и без особой подготовки. Важна и сильная чувственная направленность большинства киносpectаклей, с сопровождающей их приятной музыкой и притягательной темнотой, царящей в кинотеатре» [22. С. 55].

«По содержанию все кинопроизведения посвящены одному вопросу... что обуславливает их популярность... — это социальные проблемы. Кинодрамы изображают борьбу женщины — между чувственными инстинктами и кон-

фликтующими с ними социальными условиями. С одной стороны, она может стать проституткой, с другой — выйти замуж за мужчину, который обычно принадлежит к более высокому социальному классу» [22. С. 55]. Современный аналог — фильм «Интердевочка», который кардинально изменил отношение общества к «самой древней профессии», но ниже будут представлены и другие современные иллюстрации тезисов Альтенло. Определяя причины сильного увлечения молодежи кинофильмами, Альтенло справедливо утверждала, что для девушек это «любовь и моральные драмы», «лирические и сентиментальные сюжеты», а для юношей — «истории об индейцах и звероловах... для менее интеллектуально развитых зрителей», «войны и солдатские истории для более одаренных юношей» [22. С. 61]. Сравнительный анализ показал сохранение типичных запросов и стандартных реакций на схожие киносюжеты у молодежи спустя век. В принципе отношение к кино как одному из видов досуга и к кинофильму как отражению действительности не изменилось, особенно со структурной точки зрения: трактовка главных идей, их реализация и художественная оценка встроены в спектр драматических действий, главным носителем которых выступают персонажи/актеры, а главным потребителем — жаждущий отдохнуть кинозритель.

Другой вопрос, который возник после анализа ответов респондентов: в чем отличие фильма в кинозале от телесериала дома, помимо того, что последний способен репрезентировать оригинальный киномир, создавая динамичные, сложные и пересекающиеся сюжетные линии персонажей и предоставляя больше времени и повествовательного пространства для эмоционального взаимодействия с актерами. Т. Нанничелли, автор знаменитых идей о «темпоральной пролонгации» и «предварительной упаковке» кинофильма «готовыми» инструментами/смыслами [31], полагал, что художественный фильм в кинотеатре вынужден начинаться с нуля и постепенно создавать структуру взаимосвязанных персонажей и событий, чтобы обеспечить столь же сильную эмоциональную вовлеченность зрителя в кинозале, как и телевизионные сериалы. Иными словами, сочетание временной протяженности и доступности телесериала позволяет делать его эпизоды «предварительно упакованными» («готовыми») для быстрого развития самых интенсивных эмоций [20. С. 957–958]. Телевизионные криминальные драмы особенно подходят для изучения эпистемологического (киноотношения «объект–знание») — пределов наших способностей понимать, что произошло на самом деле и что за этим кроется, распознавая правду и ложь, морально сомневаясь в наших трактовках зла, насилия и справедливости. Согласно парадоксу болезненного искусства [31. С. 909], сильные негативные эмоции дают нам мощный импульс остановиться: наш внутренний голос буквально кричит «как можно меньше этого!».

Наше исследование базируется на теории «базовых компонентов нарративов как отличительных черт повествования» Г. Дэвида [29], которая

опирается на его концепт «темпоральных последовательностей» — описаний ситуаций и событий, развертывающиеся во времени». Соответственно, исследователь фокусирует внимание на «четырех фундаментальных компонентах нарратива: ситуационности, последовательности событий, создании/разрушении мира и феномене “каково это”» [29], и тогда «онтологию кинофильма» конституируют повествовательные фреймы в реальном пространстве–времени [29. С. 6].

Перечислим сначала социально-демографические характеристики посетителей тюменских кинотеатров: в основном это женская (порядка 70 %) и молодежная аудитория (средний возраст кинозрителя — 29 лет, доля кинозрителей до 25 лет — 50 %, до 35 лет — 60 %). Основную долю (60 %) составляют работающие люди, каждый третий посетитель — учащийся или студент (30 %). Значительная часть кинозрителей имеют достаточно низкие доходы (даже у 40 % работающих посетителей доход ниже 50 тысяч рублей). Существенная часть аудитории кинотеатра выбирает этот вид досуга не реже одного раз в месяц (43 % опрошенных в кинотеатре, 48 % — по телефону). «Ядро» аудитории кинотеатра (посещают не реже одного раза в месяц) — молодежь до 18 лет и женщины 19–40 лет. Посещение кинотеатра — коллективный вид досуга: в одиночку приходят лишь 5 %, чаще с семьей (57 %), в том числе с детьми (20 %), с друзьями и знакомыми (43 %). Предпочитаемый жанр — комедия и приключения (53 %), затем идет фантастика (41 %), ужасы/хоррор, детектив/триллер/криминал, драма/мелодрама и мультфильмы/анимация (32 %–35 %), исторические фильмы и боевик/блокбастер (примерно 25 %). Предпочитаемые жанры различаются по возрастам: до 18 лет — ужасы, 20–35 лет — комедии, приключения, фантастика; старше 36 лет — комедии и приключения; старше 46 лет — исторические фильмы. На выбор фильма влияет, прежде всего, трейлер (48 %), 30 % ориентируются на рекомендации друзей и знакомых, для 25 % важны актерский состав и режиссер, 24 % ориентируются на моду и лидеров мнений, случайно выбирают фильм 22 %, 20 % обращают внимание на рекламу в кинотеатре, 20 % проверяют рейтинги фильма. Факторы выбора кинотеатра: фильм, который хотелось бы посмотреть; удобный сеанс; местоположение; цена билетов (приоритетна для молодежи и пожилых). Критичная цена билета для тюменской аудитории — 400 рублей, при стоимости в 500 рублей 60 % откажется от посещения кинотеатра.

Ограниченный объем статьи не позволяет провести нарративный анализ всех фильмов, которые шли тюменских кинотеатрах в период опроса, поэтому мы кратко остановимся на их главных моментах, сюжетах и оценках, которые могут объяснить, почему люди идут смотреть эти фильмы в кинотеатрах. Так, фильм «Лед 3» занимает первое место в тюменском рейтинге по посещаемости, однако не на всех зрителей он произвел такое же сильное впечатление, как «Лед 1» и «Лед 2», поскольку создатели в третий раз вос-

произвели сюжетную формулу первых двух фильмов, заменив героев Саши Петрова и Аглаи Тарасовой на новых молодых актеров. В первом фильме всем понравилось буквально все: главные герои, их романтическая история, музыкальное оформление, трогательность и самобытность кинотекста. «Лед 2», по оценкам зрителей, сильно проигрывал первому фильму. Сюжет третьей части копирует «Лед 1», но теперь это история любви между повзрослевшей дочкой Горина и Лапшиной — Надей — и хоккеистом: красивые главные герои, знакомые песни, перепетые по-новому, грандиозный замерзший Байкал, яркая кинокартинка, добрый фильм о любви, заботе, целеустремленности, силе воли, поддержке любимых. История любви выглядит банально, но, тем не менее, красиво и трогательно, но сюжетным повторам не хватило искренности и романтизма первой части. По сути, постепенно в этой франшизе пропадает «нарративная сложность» — эпизодическая последовательность уже не формирует непрерывную историю, несмотря на сильные эмоции, переживания и конфликты, через которые проходят герои всех «Льдов», что еще раз фиксирует главный кинотренд — первичность эмоций в примитивно линейной повествовательной структуре.

«Мастер и Маргарита» — второй по популярности фильм у кинозрителей Тюмени. Это «другой взгляд» на роман М.А. Булгакова, который нравится большинству зрителей «картинкой и дизайном». Вместо тонкого юмора и сарказма Булгакова мы видим мрачную готическую картину, где идеи (нарративы) о квартирном вопросе и чрезмерной меркантильности, вечной жажде наживы, раскрываются в том числе через образ мрачной, футуристичной и разрушающейся Москвы, которая в конце концов становится похожей на преисподнюю (превращается в своего рода Готэм, где смех граничит с ужасом от происходящего). Поскольку это «адаптация», а не «экранизация», последовательность событий в фильме меняется по сравнению с первоисточником: понятный религиозный нарратив («вечная история» в романе Булгакова) растворяется — остается лишь идея о самовыражении и свободе на фоне крайне изобретательной эстетики.

«Холоп 2» — третий по рейтингу посещаемости фильм в Тюмени на период опроса. Это продолжение комедийного фильма «Холоп», которое получило противоречивые оценки: похвалу за масштаб, монтаж и «картинку», критику за неоригинальности и «бездушность» проекта, сюжет которого полностью копирует первый фильм, но в «женской» его версии.

«Бременские музыканты» — четвертый фильм в рейтинге. Его название отсылает к одноименной сказке братьев Гримм и одновременно к снятому в 1969 году анимационному мюзиклу по ее мотивам, который имел всенародный успех в СССР, хотя к ансамблю животных добавился Трубадур, а в основу сценария легла история двух влюбленных, которая переплетается с вечным конфликтом отцов и детей. Важной особенностью советского мультфильма стал броский визуальный нарратив, отсылающий зрите-

лей к культуре хиппи: брюки клеш, длинные волосы, пестрые расцветки, бродяжнический образ жизни, мода на зажигательную западную музыку и субкультурное самовыражение — все это находило отклик у советской молодежи. Фильм 2024 года в целом сохраняет визуальное пространство и музыкальное сопровождение мультфильма, и создатели современных «Бременских музыкантов» затрагивают те же проблемы (конфликт поколений, любовь, месть, поиск себя), но не доводят их до логического конца — все сюжетные линии подвисают в воздухе, что усложняет структуру повествования. Последовательность событий как таковая не меняется, но сюжет расширяется за счет историй о детстве Трубадура и музыкальном фестивале, которые меняют исходные идеи мультфильма как оригинальной истории. Герои теперь мечтают не только о свободе и любви, но также о богатстве (музыкальный фестиваль) и мести (за испорченное детство, проведенное в тюрьме). В результате фильм получил противоречивые оценки: позитивные — за красивую картинку, негативные — за не свойственные классическим историям мотивы цинизма, натужность прикрывающего их веселья, пугающих внешне и разочаровывающих на уровне характеров животных, новые песни, разрушающие ностальгические настроения и прежний всем полюбившийся сказочный мир.

«Три мушкетера: Миледи» — пятый в рейтинге Тюмени и единственный в этой пятерке зарубежный фильм, также вызвавший противоречивые оценки зрителей: с одной стороны, выдающаяся по выразительности картинка и убедительно показанное противостояние короля Франции Людовика XIII (католицизм) и английского министра герцога Бекингема (протестантизм); с другой стороны, слишком картонный образ французского короля со смешными и глупыми ритуалами (вопреки умным и точным действиям английского министра, который постоянно издевался и подшучивал над Людовиком XIII), а также удивительные для того времени лазерные технологии, используемые для защиты спальни королевы в 1625 году.

«Барби» — шестой фильм в рейтинге Тюмени, хотя в мировом кино ослепительно-розовая и беззаботная кукла Барби внезапно стала главной премьерой 2023 года. Вероятно, причина столь колоссального успеха не только гениальная маркетинговая раскрутка, но также визуально-сюжетная комбинация, позволившая под маской «розовой» комедии представить широкой аудитории множество важнейших социальных проблем. Хотя в основе сюжета лежит исключительно детский и «девчачий» нарратив (история всем известной куклы Барби), фильм определенно не ориентирован только на детей, а скорее играет на ностальгических настроениях женщин, выросших «с куклой Барби в руках», и нынешней «гендерной повестке»: Барби — это бренд, который выходит далеко за рамки «игрушки» и олицетворяет расширение прав и возможностей женщины. В фильме отчетливо прослеживаются идеи феминизма, ток-

сичной маскулинности, сексизма, взаимоотношений поколений, принятия себя и потери идентичности, созависимых отношений, равноправия и т.д. В целом создатели развернули серьезную дискуссию о месте человека в современном мире, балансируя на грани между привлекательной картинкой с «игрушечной» эстетикой (типичный коммерческий блокбастер) и важными экзистенциальными вопросами, не впадая в грубое морализаторство.

Таким образом, социологический анализ кино оформился уже в начале XX века в работах Э. Альтенло, чьи социологические размышления о специфике кино в разных странах, основанные на фактах, четких и систематических обобщениях и анализе социальной роли кинематографа, не утратили своей актуальности и методологического значения. Следуя предписаниям немецкой школы и опираясь на традицию опросов, которая сложилась в Германии, Альтенло тщательно изучала доступные ей компоненты кинематографа: аудиторию зрителей, их нужды, интересы, запросы, вкусы, привычки, предпочтения и ограничения, социальный состав. В контексте нарративного и дискурсивного анализа важен предложенный ею комплексный подход к кино как «развлечению», которое было сопоставлено с театром (драматическим, оперным, балетным, кукольным, пантомимным), музыкой, живописью, поэзией, литературой, фотографией, спортом — как инструмент утверждения ценностей разных социальных (статусных) групп в формате «зрелища». Сегодня нарративно-дискурсивный анализ позволяет понять не столько «что такое кино на самом деле», сколько причины, по которым кино до сих пор сохраняет свое повседневное и институциональное значения.

В концептуальном смысле социологические исследования кино, как правило, фокусируются на роли фильма в культурном и эстетическом смысле (кино как вид современного искусства или искусство, отражающее опыт современности). Однако кинематограф сопротивляется своему приравниванию к «седьмому искусству» по причине своей массовости (популярности) и потому гибридного статуса, что привело к формированию социологической теории кино как особого средства массовой информации, способного бросить вызов традиционным эстетическим теориям, в частности, благодаря таланту улавливать эфемерные, отвлеченные переживания современности. В свою очередь, эмпирические исследования кино позволяют увидеть, что сегодня особую популярность у массового зрителя приобретают фильмы, которые в большинстве своем отсылают к известным сюжетам, любимым героям и актуализированным знакомым нарративам, однако (ре)интерпретация старых историй во многом имеет визуально-эстетически-технологий характер, обеспечиваемый за счет утраты прежней смысловой наполненности без добавления новых социокультурных значений.

Библиографический список

1. Алексеев А.А., Наливайко К.В., Поляков А.А. Социологический анализ влияния кинематографа на духовную жизнь современной молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3.
2. Багрова А. Фонд кино и ВЦИОМ обрисовали портрет посетителя российского кинотеатра // Бюллетень кинопрокатчика. 2017. 27 февраля.
3. Ваньке А.В. и др. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М., 2021.
4. Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. М., 2019.
5. Дармаева К.А. Развитие теоретических подходов в социологии кино // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 3.
6. Жабский М.И. Социология кино. М., 2020.
7. Жабский М.И., Тарасов К.А. Российская социология кино в контексте развития общества // Социологические исследования. 2019. № 11.
8. Жабский М.И., Жидков В.С., Хренов Н.А. Кино и коллективная идентичность. М., 2013.
9. Корте Г., Дрекслер П., Роденберг Г.-П., Тиле Й. Введение в системный кино-анализ с примерами исследований на материале фильмов «Забриски Поинт» (Антониони, 1969), «Мизери» (Райнер, 1990), «Список Шиндлера» (Спилберг, 1993), «Ромео и Джульетта» (Лурман, 1996). М., 2020.
10. Мартыненко Т.С. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2023. Т. 29. № 2.
11. Каспэ И.М. «Я есть!»: позднесоветское кино через призму реляционной социологии Харрисона Уайта (et vice versa) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3.
12. Петрова А.П. Культурный герой и экранный герой: сущностные характеристики образа // Художественная культура. 2021. № 1.
13. Полухина Е.В. и др. Практики анализа качественных данных в социальных науках. М., 2023.
14. Полуэхтова И.А., Овчинская Е.В. Телевидение в периоды общественных кризисов // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 3.
15. Радаев В. Смотрим кино, понимаем жизнь: 20 социологических очерков. М., 2023.
16. Субботина М.В. Применение метода неоконченных предложений в изучении понятий со сложными коннотациями: концептуализация героизма и справедливости // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5.
17. Субботина М.В. Негероические герои: два подхода к анализу медийных образов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021 Т. 21. № 3.
18. Троцук И. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2.
19. Троцук И.В., Субботина М.В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4.
20. Троцук И.В., Субботина М.В. Счастье и героизм, личное и коллективное как основные элементы «светлого будущего» в советской (не) утопии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4.
21. Шарков Ф.И. Генезис социологии медиапространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
22. Altenloh E. Zur Soziologie des Kino. Heidelberg Sophie Digital Library, 1914.
23. Altenloh E. A Sociology of the cinema: The audience // Screen. 2001. Vol. 42. No. 3.
24. Andrew D.J. The Major Film Theories. An Introduction. Oxford, 1976.
25. Andrew D. Concepts in Film Theory. Oxford, 1984.
26. Andrew D. The core and the glow of film studies // Critical Inquiry. 2009. Vol. 35. No. 4.

27. *Bartmanski D.* I conicity // *The Sage Handbook of Cultural Sociology* / Ed. by D. Inglis, A.-M. Almila. Sage, 2018.
28. *Boardman F.* Film ontology: Extension, criteria and candidates // *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures* / Ed. by N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht. L., 2019.
29. *Herman D.* Basic Elements of Narrative. Wiley-Blackwell, 2009.
30. *Keating P.* Narrative and the moving image // *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures* / Ed. by N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht. L., 2019.
31. *Nannicelli T.* The television medium // *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures* / Ed. by N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht. L., 2019.
32. *Prinz J.* Affect and motion pictures // *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures* / Ed. by N. Carroll, L. di Summa Knoop, Sh. Loht. L.; 2019.
33. *Stepanov B.* “Coming soon?”: Cinematic sociology and the cultural turn // *Russian Sociological Review*. 2020. Vol. 19. No. 4.
34. *Sinnerbrink R.* Cinematic experience: From moving images to virtual reality // *The Oxford Handbook of Film Theory* / Ed. by K. Stevens. Oxford, 2022.
35. *Trotsuk I.* When methodology beats techniques; or, why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data // *Russian Sociological Review*. 2015. Vol. 14. No. 3.
36. *Trotsuk I.* “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.
37. *Tudor A.* Sociology and film // *The Oxford Guide to Film Studies* / Ed. by J. Hill, P.C. Gibson. Oxford, 1998.
38. *Tudor A.* Decoding Culture: Theory and Method in Cultural Studies. Sage, 1999.
39. *Wejbert-Wąsiewicz E.* Film and cinema as a subject of sociological study: Between tradition and the present // *Acta Universitatis Lodzianensis Folia Sociologica*. 2020. Vol. 73.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-824-839

EDN: GBWWLU

Cinematic sociology: Narrative assessments of the audience practices*

E.V. Andrianova^{1,2}, V.A. Davydenko¹

¹University of Tyumen,

Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia

²West-Siberian Branch of FCTAS RAS,

Sverdlova St., 5, bldg. 2, Tyumen, 625003, Russia

(e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru; v.a.davydenko@utmn.ru)

Abstract. The relevance of the issue under consideration is determined by at least two circumstances: first, leading representatives of cinematic sociology point to a sharp reduction in the number of empirical studies of films due to the “lack of proper informational and sociological support for the Russian cinema” [3. P. 74; 22. P. 152]; second, the narrative turn continues, “emphasizing the textual nature of all social practices” [24. P. 48] and the temporal

* © E.V. Andrianova, V.A. Davydenko, 2024

The article was submitted on 10.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

characteristics of films. The authors, having conducted surveys of Tyumen moviegoers, which were ordered by the cinema owners in the spring of 2024 (N = 2502), use narrative analysis to explain moviegoers' practices based on the rhetorical-functional theory of narrativity [19] and other relevant scientific approaches. Three groups of respondents were questioned: two target samples structured by gender, age, income and place of residence (582 people in cinemas using personal interviews; 438 people from the cinemas' customer base using telephone interviews), and 1462 residents of Tyumen, and this sample was stratified by gender and age taking into account the characteristics of the cinemas' target audience. The comparative historical method of narrative analysis was also used — the collected data were compared with materials on similar issues obtained by E. Altenloh 110 years ago [11; 12]. The article presents some empirical data with the results of analysis which included both formal procedures and those based on systematization of specialized literature and media discourses. The authors make the following conclusions: first, films that refer to famous plots, favorite characters and current narratives become especially popular with the mass audience; second, new interpretations of old stories have become key factors in the development of the contemporary film industry which largely sacrifices the semantic content for new aesthetic technologies.

Key words: cinematic sociology; sociology of film; narrative analysis; moviegoer practices; cinema; movie

References

1. Alekseenok A.A., Nalivaiko K.V., Polyakov A.A. Sotsiologicheskyy analiz vliyaniya kinematografa na dukhovnyuyu zhizn' sovremennoy molodezhi [Sociological analysis of the cinematic influence on the spiritual life of the contemporary youth]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye Nauki*. 2023; 3. (In Russ.).
2. Bagrova A. Fond kino i WCIOM obrisovali portret posetatelya rossijskogo kinoteatra [Cinema Fund and WCIOM outlined a portrait of the Russian moviegoer]. *Byulleten Kinoprokatchika*. 2017. February. (In Russ.).
3. Vanke A.V. et al. *Kak sobrat dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in the Qualitative Field Study]. Moscow; 2021. (In Russ.).
4. Gotlib A.S. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznatelnye i ekzistentsialnye gorizonty* [Qualitative Sociological Research: Cognitive and Existential Horizons]. Moscow; 2019. (In Russ.).
5. Darmaeva K.A. Razvitie teoreticheskikh podkhodov v sotsiologii kino [Development of theoretical approaches in cinematic sociology]. *Vostochny Vektor: Istoriya, Obshchestvo, Gosudarstvo*. 2023; 3. (In Russ.).
6. Zhabsky M.I. *Sotsiologiya kino* [Cinematic Sociology]. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. Zhabsky M.I., Tarasov K.A. Rossijskaya sotsiologiya kino v kontekste razvitiya obshchestva [Russian cinematic sociology in the context of social development]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 11. (In Russ.).
8. Zhabsky M.I., Zhidkov V.S., Khrenov N.A. *Kino i kollektivnaya identichnost* [Cinema and Collective Identity]. Moscow; 2013. (In Russ.).
9. Korte G., Dreksler P., Rodenberg G.-P., Tile J. *Vvedenie v sistemny kino-analiz s primerami issledovaniy na materiale filmov "Zabriskie Pojnt" (Antonioni, 1969), "Misery" (Rajner, 1990), "Spisok Schindlera" (Spielberg, 1993), "Romeo and Juliet" (Lurman, 1996)* [Introduction to the Systematic Film Analysis with Research Examples Based on the Zabriskie Point (Antonioni, 1969), Misery (Rainer, 1990), Schindler's List (Spielberg, 1993), Romeo and Juliet (Luhmann, 1996)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
10. Martynenko T.S. Kino kak predmet sotsiologicheskogo analiza: osobennosti sovremennoy kinematografa [Movie as an object of sociological analysis: Features of the contemporary cinema]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2023; 29 (2). (In Russ.).

11. Kaspe I. “Ya est!”: pozdnesovetskoe kino cherez prizmu relyatsionnoj sotsiologii Harrisona Whitae (et vice versa) [“I still exist!”: Late Soviet cinema through the prism of the relational sociology of Harrison White (et vice versa)]. *Russian Sociological Review*. 2017; 16 (3). (In Russ.).
12. Petrova A.P. Kulturny geroj i ekranny geroj: sushchnostnye kharakteristiki obraza [Cultural hero and screen hero: Essential characteristics of the image]. *Khudozhestvennaya Kultura*. 2021; 1. (In Russ.).
13. Polukhina E.V. et al. *Praktiki analiza kachestvennyh dannyh v sotsialnykh naukah* [Practices of Analysis of Qualitative Data in Social Sciences] Moscow; 2023. (In Russ.).
14. Poluekhtova I.A., Ovchinskaya E.V. Televidenie v periody obshchestvennykh krizisov [Television in times of social crises]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2023; 3. (In Russ.).
15. Radaev V. *Smotrim kino, ponimaem zhizn: 20 sotsiologicheskikh ocherkov* [Watching Movies, Understanding Life: 20 Sociological Essays]. Moscow; 2023. (In Russ.).
16. Subbotina M.V. Primenenie metoda neokonchennykh predlozhenij v izuchenii ponyatij so slozhnymi konnotatsiyami: konceptualizatsiya geroizma i spravedlivosti [Application of the unfinished sentences technique in the study of concepts with complex connotations: Conceptualization of heroism and justice]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2021; 5. (In Russ.).
17. Subbotina M.V. Negeroicheskie geroi: dva podkhoda k analizu medijnykh obrazov [Non-heroic heroes: Two approaches to the analysis of media images]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
18. Trotsuk I. Diskursivnoe konstruirovanie sotsialnoj realnosti: kontseptualnye osnovaniya i empiricheskie priemy razoblacheniya “skvernyh” praktik [Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the “abominable” practices]. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (2). (In Russ.).
19. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Otsenka vliyaniya kinematografa na sotsialnye predstavleniya o geroizme: aprobatsiya odnogo podkhoda [Assessment of the cinematographic influence on social representations of heroism: Approbation of an approach]. *Kommunikologiya*. 2018; 6 (4). (In Russ.).
20. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Schastie i geroizm, lichnoe i kollektivnoe kak osnovnye elementy “svetlogo budushchego” v sovetskoj (ne) utopii [Happiness and heroism, personal and collective as main elements of the ‘bright future’ in the Soviet (non) utopia]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
21. Sharkov F.I. Genezis sotsiologii mediaprostranstva [Genesis of sociology of media space]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
22. Altenloh E. *Zur Soziologie des Kino*. Heidelberg Sophie Digital Library; 1914.
23. Altenloh E. A sociology of the cinema: The audience. *Screen*. 2001; 42 (3).
24. Andrew D.J. *The Major Film Theories. An Introduction*. Oxford; 1976.
25. Andrew D. *Concepts in Film Theory*. Oxford; 1984.
26. Andrew D. The core and the glow of film studies. *Critical Inquiry*. 2009; 35 (4).
27. Bartmanski D. I conicity. Inglis D., Almila A.-M. (Eds.). *The Sage Handbook of Cultural Sociology*. Sage; 2018.
28. Boardman F. Film ontology: Extension, criteria and candidates. Carroll N., di Summa Knoop L., Loht Sh. (Eds.). *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures*. London; 2019.
29. Herman D. *Basic Elements of Narrative*. Wiley-Blackwell; 2009.
30. Keating P. Narrative and the moving image. Carroll N., di Summa Knoop L., Loht Sh. (Eds.). *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures*. London; 2019.
31. Nannicelli T. The television medium. Carroll N., di Summa Knoop L., Loht Sh. (Eds.). *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures*. London; 2019.
32. Prinz J. Affect and motion pictures. Carroll N., di Summa Knoop L., Loht Sh. (Eds.). *The Palgrave Handbook for the Philosophy of Film and Motion Pictures*. London; 2019.

33. Stepanov B. “Coming soon?”: Cinematic sociology and the cultural turn. *Russian Sociological Review*. 2020; 19 (4).
34. Sinnerbrink R., Stevens K. Cinematic experience: From moving images to virtual reality. *The Oxford Handbook of Film Theory*. Oxford; 2022.
35. Trotsuk I. When methodology beats techniques; or, why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data. *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (3).
36. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
37. Tudor A. Sociology and film. Hill J., Gibson P.C. (Eds.). *The Oxford Guide to Film Studies*. Oxford–New York; 1998.
38. Tudor A. *Decoding Culture: Theory and Method in Cultural Studies*. Sage; 1999.
39. Wejbert-Wąsiewicz E. Film and cinema as a subject of sociological study: Between tradition and the present. *Acta Universitatis Lodzianis Folia Sociologica*. 2020; 73.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-840-847

EDN: FZKLOA

Религиозное многообразие и новые религиозные движения в современном социуме*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию В.А. Мартиновича «Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь» (Минск: РИВШ, 2024. 664 с.). В книге представлен малоизученный пласт культуры — многообразие новых религиозных движений (далее — НРД), особенности их отношения к обществу и его реакции на их деятельность. На примерах из истории социологии религии в монографии показан разрыв между типологией религиозных движений и анализом многообразного конфессионального пространства, включая эмпирическую апробацию его методов: идентификация религиозных организаций с тем или иным типом религиозных движений зачастую смещается в сферу исследования религиозности людей с точки зрения ее измерений и влияний на жизнь человека и общества. Мартинович создал специализированный архив, включающий более 600 тысяч единиц хранения, и разработал информационно-аналитический механизм фиксации, систематизации и анализа информации — реестр религиозных организаций, что позволило охарактеризовать источники информации, дифференцировать их по разработанным показателям с учетом всех представителей конфессионального пространства и ввести систематизированную информацию о НРД в научный оборот. В результате количественные показатели акторов конфессионального пространства и степень актуальности содержания НРД становятся предметом социального конструирования. Конкретная конфигурация религиозных организаций конфессионального пространства и их совокупные характеристики в общественном мнении способствуют формированию стереотипов и иллюзий о НРД. Исследование социальной идентификации религиозных организаций обладает значительным эвристическим потенциалом, внося существенный вклад в изучение категориально-понятийного аппарата общественного дискурса в отношении НРД, их развития, трансформации и стигматизации, моральных и этических дилемм в их деятельности.

* © Данилов А.Н., 2024

Статья поступила в редакцию 22.04.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Ключевые слова: В.А. Мартинович; религиозное многообразие; новые религиозные движения; социальная идентификация; коммуникация; общественная реакция

Доктор теологии, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии Владимир Александрович Мартинович известен российскому и белорусскому читателю по таким крупным работам, как монография «Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция» (Минск, 2015) и учебник «Сектоведение» (Москва, 2023), а также по статьям в ведущих научных изданиях. Религиозное многообразие — основной объект его исследования в во многом уникальной монографии «Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь», для написания которой автору потребовалось более двух десятилетий неустанного научного поиска. В частности, он создал специализированный архив, включающий более 600 тысяч единиц хранения, и разработал реестр религиозных организаций для систематизации информации. Поистине титанический труд позволил автору собрать уникальную информацию по всему миру, идентифицировать источники, дифференцировать их по разработанным показателям с учетом всех представителей конфессионального пространства, ввести систематизированную информацию о НРД в научный оборот. В.А. Мартинович убедительно показал, что исследование религиозного многообразия и механизмов социальной идентификации и коммуникации религиозных организаций чрезвычайно актуально, поскольку напрямую связано с проблемами устойчивого развития и безопасного функционирования страны.

Проделанная работа позволила автору критически взглянуть на социологию религии, показав ее кризисное состояние: «Разрыв между теорией и практикой имеет одно принципиально важное следствие, не просто затормозившее, но поменявшее весь ход развития социологии религии в целом. Дело в том, что типологии религиозных организаций, призванные отразить все многообразие акторов конфессионального пространства, практически никогда не апробировались их авторами на больших массивах разных религиозных организаций, в том числе не использовались по своему прямому предназначению в качестве инструментария для выявления и типологизации религиозного многообразия в конкретной стране и местности. Из огромного массива существующих в мире и конкретной стране религиозных организаций ученые легко находили примеры, полностью удовлетворяющие выделенным ими типам, но не пытались проверить свои типологии на генеральной совокупности религиозных организаций любого региона» (С. 69). Соответственно, «типологии религиозных организаций не получали подтверждения на репрезентативном эмпирическом материале, а существующий независимо от них эм-

пирический материал не находил адекватного осмысления в типологиях. В результате исследование религиозных организаций зашло в тупик. Большая часть истории поисков понятийной явности в сфере типологизации религиозных организаций являлась, по существу, заранее обреченной на провал попыткой преодоления этого тупика, так как ученые продолжали разрабатывать свои типологии в отрыве от исследования религиозного многообразия и, соответственно, наоборот, пытались изучить религиозное многообразие без глубокой предшествующей и (или) заключительной теоретико-методологической проработки темы. Теоретическая бесплодность данного блуждания становится очевидна, и в исследовании организованных форм религии разрастается кризис. При этом продолжается воспроизводство замкнутых на себя типологий религиозных организаций и их определений, оторванных от эмпирической апробации на репрезентативных массивах данных... В этом контексте особое развитие получают исследования религиозности населения в многообразии ее измерений и влияний на жизнь человека и общества. Данный поворот в сторону исследований религиозности населения принес множество интересных результатов, вдохнул в социологию религии новую жизнь и в целом более чем оправдан. Однако стратегическая задача в развитии социологии религии в XXI веке состоит в возвращении в повестку дня анализа религиозных организаций, который более чем гармонично может сосуществовать с анализом религиозности населения» (С. 70).

Мартиневич посвящает монографию теоретико-методологическому изучению религиозного многообразия, анализу средств коммуникации НРД и социальной идентификации религиозных организаций в Республике Беларусь, оценке генеральной совокупности таких организаций и разрабатывает алгоритм расчета динамики их деятельности, вскрывая специфику их коммуникации с обществом и особенности общественных реакций на религиозное многообразие в процессе коллективного конструирования представлений о нем.

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы, который насчитывает более 900 источников преимущественно на английском языке. В первой главе «Религиозное многообразие и социальная идентификация религиозных организаций как предмет социологического исследования» Мартиневич представляет категориально-понятийный аппарат исследования, проводит критический анализ идентификации НРД в трудах социологов и исследованиях религиозного многообразия в XX–XXI веках, сосредотачиваясь на теории религиозной экономики. Вторая глава посвящена теоретико-методологическим проблемам изучения религиозного многообразия, средств коммуникации и социальной идентификации НРД в Республике Беларусь на материале трех масштабных исследований. В третьей главе

«Идентификация новых религиозных движений в практике социальных институтов» Мартинович рассматривает социальную идентификацию НРД в практике редакций и журналистов СМИ, общественных организаций, научного сообщества, религиозных структур, политических партий и органов государственного управления. В четвертой главе «Религиозное многообразие, средства коммуникации новых религиозных движений и социальная идентификация в Республике Беларусь» автор характеризует исторический контекст деятельности НРД, приводя основные результаты исследований их средств коммуникации и социальной идентификации. И, наконец, в заключительной главе Мартинович анализирует теорию религиозной экономики с учетом полученных результатов и раскрывает эвристический потенциал изучения социальной идентификации НРД на примере проблем трансформации сект, стигматизации и моральной паники.

Рассмотрев в исторической ретроспективе попытки исследователей выявить генеральную совокупность религиозных организаций (начиная с труда святого Епифания Кипрского «На восемьдесят ересей Панарий» (IV в.) и заканчивая «Энциклопедией религий Америки» Г. Мелтона (2016) и «Всемирной христианской энциклопедией» Т. Джонсона (2020)), Мартинович отмечает, что «за более чем 120 лет своего существования социология религии так и не смогла со сколько-нибудь существенным уровнем достоверности для любой страны ответить на два вопроса: сколько разных религиозных организаций действует в стране, и сколько людей вовлечено в деятельность религиозных организаций всех типов?» (С. 98).

Вполне обоснованно Мартинович опирается на исследовательскую программу международной научной школы социологии религии Р. Старка, одного из самых влиятельных социологов религии второй половины XX — начала XXI века. По его мнению, Старк инициировал два взаимодополняющих методологических сдвига: сместил акцент с изучения представлений верующих на анализ религиозных организаций и обосновал эвристический потенциал исследований конфессионального пространства в рамках исторической социологии. Мартинович полагает, что проведенные им исследования «1) доводят до логического конца незавершенную Старком программу исследования религиозных организаций, а через это: впервые в истории социологии религии предлагают пример анализа генеральной совокупности действующих в стране религиозных организаций и впервые доказывают корректность исходных посылок Старка, лежащих в основании его сдвига в сторону анализа религиозных организаций; многократно повышают стандарт в исследованиях религиозного многообразия; 2) в существенных пунктах дополняют и корректируют базовую типологию религиозных организаций Старка,

в том числе в части определения типов “секты и культы”, “клиентурные культы”, “аудиторные культы”; 3) проблематизируют вызванную теорией религиозной экономики полемику вокруг темы секуляризации и масштабов религиозного многообразия как оторванную от реального эмпирического материала; 4) являются основанием для существенной модификации концепции напряжения в теории религиозной экономики и совокупности сопряженных с ней выводов относительно возникновения, развития и распада религиозных организаций, а также их отношений с обществом; 5) выступают основанием для существенной модификации фундамента теории религиозной экономики — концепции “естественного состояния конфессионального пространства”» (С. 125).

В частности, Мартинович разработал методiku сбора и анализа информации по конфессиональному пространству, позволившую выявить генеральную совокупность религиозных организаций в Республике Беларусь; методологию идентификации документов религиозных организаций; индекс религиозного многообразия, апробация которого позволила установить новый стандарт в оценке результатов изучения конфессионального пространства разных стран; алгоритм расчета динамики деятельности религиозных организаций, апробированный в Республике Беларусь. Кроме того, он сконструировал и апробировал в эмпирическом исследовании систему показателей, характеризующих социальную идентификацию религиозных организаций; определил особенности общественных реакций социальных институтов на религиозные организации и динамику изменений конфессионального пространства Республики Беларусь; выявил механизмы формирования в общественном дискурсе представлений и стереотипов о различных сегментах конфессионального пространства.

Стратегическую задачу социологии религии в XXI веке Мартинович видит в возвращении в основную исследовательскую программу дисциплины религиозных организаций, что будет способствовать переводу анализа религиозности населения на качественно иной уровень. Разработанный автором инструментарий анализа религиозного многообразия эффективно используется в исследовании средств коммуникации НРД: показана совокупность способов и технологий религиозных организаций для трансляции своих сообщений в общественном дискурсе, зафиксирована доля религиозных организаций, открыто пытающихся в той или иной форме публично заявить о своем существовании. Оценка генеральной совокупности религиозных организаций позволила рассчитать по новым формулам индекс религиозного многообразия, задающий, по существу, новый стандарт в исследованиях религиозного многообразия, и динамику деятельности религиозных организаций, учитывающую не только возникновение, но и распад действующих НРД (С. 597).

Книга представляет целостную макроуровневую характеристику социальной идентификации НРД для конкретного периода и страны на основе 11 показателей: объем внимания к теме (количество опубликованных общедоступных источников); объем внимания к НРД (общее количество НРД, идентифицированных в совокупности источников); объем внимания к религиозному многообразию (количество идентифицированных НРД из числа действующих); уровень теоретического интереса (разница между вторым и третьим объемами); интенсивность идентификаций НРД (сумма упоминаний в заданный период); интенциональность внимания (степень интенсивности идентификаций отдельных НРД); временной интервал реакций на НРД (промежуток между началом работы НРД в стране и его первой идентификацией); активность внимания (доля ежегодно идентифицируемых НРД, ранее не упоминавшихся в общественном дискурсе); совместность внимания (уровень консенсуса в идентификации одних и тех же НРД разными социальными институтами); характер внимания (распределение идентифицированных НРД в соответствии с набором их качественных и количественных характеристик); устойчивость внимания (уровень рекурсивности идентификации НРД). Совокупность показателей определяет страновую специфику социальной идентификации религиозных организаций и особенности общественных реакций на НРД.

Интенсивность и устойчивость социальной идентификации НРД на протяжении длительного времени, количество и вариативность вовлеченных в нее акторов из разных социальных институтов достаточно высоки и свидетельствуют о ее нормативном характере в Республике Беларусь. В то же время пассивность социальных институтов по отношению к НРД, высокая децентрализация и независимость субъектов социальной идентификации, доминирование в конфессиональном пространстве средне- и слабоорганизованных типов НРД, преобладание возникающих в стране менее заметных групп над мигрирующими из-за рубежа обуславливают высокую селективность социальной идентификации — в общественном дискурсе предметом обсуждения становится не более трети действующих в стране НРД и не более пятой части ежегодно.

Мартиневич подчеркивает, что и наука избирательна в социальной идентификации НРД, хотя в сравнении с другими институтами более точно фиксирует и воспроизводит информацию о конфессиональном пространстве. Внимание ученых и представителей религиозных организаций к НРД отличается большей стабильностью, чем у СМИ и общественных объединений. Наука лидирует по уровню независимости и самостоятельности в выборе объектов для идентификации, по общему объему совместного внимания к НРД, т.е. вносит наибольший вклад в формирование общественного консенсуса к этой теме. В свою очередь,

СМИ наиболее чувствительны к динамике деятельности НРД, а внимание общественных объединений наименее устойчиво (С. 599).

Общество реагирует на изменения в динамике деятельности НРД наращиванием или уменьшением объема внимания к ним, однако совершенно нечувствительно к масштабам протекающих процессов, что приводит к несоразмерности и внутренней противоречивости реакций на конфессиональное пространство. В результате «представления о количестве акторов конфессионального пространства и их характеристиках, о степени актуальности темы НРД в целом и отдельных НРД в частности становятся предметом коллективного социального конструирования, оторванного от протекающих в обществе процессов» (С. 599–600). Исследования Мартиновича показывают, что «диспропорция в сторону социальной идентификации иностранных НРД ведет к появлению стереотипа о преимущественно иностранной, западной природе феномена НРД, несмотря на доминирование в генеральной совокупности местных НРД. Диспропорция в сторону идентификации НРД с криминальным прошлым приводит к некорректным обобщениям о феномене НРД как целиком связанном с правонарушениями, несмотря на законопослушность большинства НРД» (С. 600). Высокий уровень избирательности социальной идентификации обусловлен не только институциональной спецификой общественных реакций на НРД, но и действиями самих НРД, направленными на уклонение от негативных и увеличение позитивных реакций общества. При этом стратегия имитации нормы выполняет стабилизирующую функцию в системе отношений НРД с социальными институтами, но в долгосрочной перспективе оказывает дестабилизирующее воздействие на НРД.

Монография отличается актуальностью и масштабом поставленных задач, новизной полученных результатов и целеустремленностью поисков: автору удалось собрать и проанализировать огромное число источников и научной литературы на разных языках, обоснованно и четко очертить круг проблем, заложить реальные предпосылки для теоретико-методологического обновления социологических исследований религиозного многообразия в современном обществе, в частности НРД. Монография информационно насыщена, каждый ее тезис аргументирован, доказан и выверен историческими фактами, статистическими и социологическими данными. Книга рассчитана на широкий круг читателей — научных работников, преподавателей гуманитарных специальностей, социологов, религиоведов, государственных служащих, студентов и аспирантов, а также всех, кто интересуется проблематикой нетрадиционной религиозности. Несомненно, монография В.А. Мартиновича «Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь» вызовет большой общественный интерес и будет востребована исследователями.

Religious diversity and new religious movements in the contemporary society*

A.N. Danilov

Belarusian State University,
Kalvariyskaya St., 9, Minsk, 220004, Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Abstract. The article is a review of the book *Social Identification of New Religious Movements in the Republic of Belarus* (Minsk, 2024. 664 p.) by V.A. Martinovich. This book presents a little-studied aspect of culture — diverse new religious movements (NRM), peculiarities of their attitudes to society and public reactions to their activities. Based on the examples from the history of sociology of religion, the author argues that there is a gap between the typology of religious movements and the analysis of the diverse confessional space, including the empirical testing of its methods: identification of religious organizations with some types of religious movements is often replaced by the study of religiosity in its various dimensions and influences. Martinovich created a specialized archive with more than 600,000 units and developed an information-analytical mechanism for the data description, systematization and analysis — register of religious organizations, which allowed to identify information sources, differentiate them by the developed indicators, taking into account all representatives of the confessional space, and introduce the systematized data about NRM into scientific circulation. Thus, the quantitative indicators of actors in the confessional space and the degree of relevance of the content of NRM became an object of social construction. The study of the social identification of religious organizations shows considerable heuristic potential, making a substantial contribution to the conceptual apparatus of public discourse regarding NRM — their development and transformation, stigmatization, and moral and ethical problems associated with their activities.

Key words: V.A. Martinovich; religious diversity; new religious movements; social identification; communication; public reaction

* © A.N. Danilov, 2024

The article was submitted on 22.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-848-855

EDN: FXTOKY

Теория «малых дел» как народническая практика среднего класса*

А.М. Никулин^{1,2}, Е.С. Никулина¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

²Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Газетный пер., 3–5, стр. 1, Москва, 125009, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru; kat2108@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу В.В. Зверева «Очерки идейного наследия Я.В. Абрамова» (М.: Изд-во РУДН, 2024. 157 с.). Хотя, как утверждает автор книги, еще не написана обширная и фундаментальная монография о жизни и деятельности Якова Васильевича Абрамова (1858–1906), замечательного российского публициста и идеолога умеренного народнического направления, рецензируемая монография представляет собой ценный в историко-социологическом отношении и основательный труд о творце так называемой «абрамовщины», или, в более традиционной для научно-публицистического дискурса, «теории малых дел», из которых «слагается жизнь миллионов» (С. 28).

Ключевые слова: Я.В. Абрамов; идейное наследие; «теория малых дел»; народничество; интеллигенция; народ; идеология

Как правило, в российском общественном сознании народничество ассоциируется прежде всего с героической борьбой интеллигенции за права народа против косного режима самодержавия в экстремально радикальных формах, вплоть до покушения на царей и представителей высших слоев имперской бюрократии. Причем подобная подпольно-революционная деятельность сопровождалась хождением интеллигенции в народ с агитационно-просветительско-революционными задачами, о чем со школьной скамьи напоминает нам репродукция в учебнике истории картины И.Е. Репина «Арест пропагандиста». Также народническое движение ассоциируется преимущественно с такими знаменитыми его вождями, как А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, М.И. Бакунин и П.Н. Ткачев, в сочинениях которых (1850-е–1870-е годы) обнаруживались грозные призывы

* © Никулин А.М., Никулина Е.С., 2024

Статья поступила в редакцию 20.03.2024 г. Статья принята к публикации 20.05.2024 г.

в духе «Зовите Русь к топору!». Значительно менее известно умеренное направление народнической идеологии, вышедшее на сцену общественно-политической жизни России в 1880-е годы. С одной стороны, его появление предопределило разочарование общества в народнической террористической деятельности, венцом которой стало убийство царя Александра II. С другой стороны, последовавшее консервативное правление Александра III в значительной степени блокировало попытки продолжить радикальную политическую деятельность.

В этих условиях особое значение и широкую популярность обрели призывы к последовательной трудолюбивой деятельности интеллигенции в повседневной земской работе, связанной с развитием народного образования и медицины, роста профессиональных знаний, навыков и умений широких масс. И такого рода деятельность часто была достаточно аполитичной: предполагалось, что сама по себе самоотверженная и многолетняя повседневная работа интеллигенции на ниве просвещения и обеспечения благосостояния народных масс в конце концов принесет полезные плоды, и тогда количество добрых дел перерастет в искомые качества новой жизни. Выразителем такой идеологии стало поколение народников 1880-х годов, наиболее яркими представителями которого были П.П. Червинский, И.И. Каблиц и главный герой рецензируемой книги — Яков Васильевич Абрамов.

Монография состоит из трех частей и восьми очерков, посвященных основным идейным и биографическим вехам жизни Я.В. Абрамова. В начале книги автор реконструирует эволюцию умеренного направления российского народничества, отмечая роль в нем Абрамова и сосредотачиваясь на анализе так называемой «абрамовской теории малых дел» в ее неразрывной связи с разными аспектами социально-политической жизни России в конце XIX века. Тезисно представлены и биографические сведения об Абрамове, происходившем из мещан Ставрополя. Как систематического, так и высшего образования ему получить не удалось — вследствие разного рода неприятностей политического характера он не завершил обучение в Ставропольской гимназии, но окончил впоследствии Кавказскую духовную семинарию. В 1878 году он поступил в петербургскую Медико-хирургическую академию, но уже в 1879 году был отчислен. Затем он пытался продолжить образование в Киевском университете, но также безуспешно. Тем не менее, в 1880-е годы Абрамов достаточно стремительно врывается в круг известных публицистов и писателей своего времени (Г.И. Успенский, В.М. Гаршин, Г.З. Елисеев, Н.К. Михайловский и др.), став сотрудником влиятельнейшего на тот период журнала «Отечественные записки», где публиковал статьи о проблемах и противоречиях повседневной жизни сектантов, мещан и крестьян. Одновременно Абрамов много печатался и в других журналах, таких как «Слово», «Дело», «Устой»,

«Наблюдатель», «Детское чтение», «Русская мысль», «Русский курьер», «Новое обозрение» и «Московский телеграф».

Наибольшую популярность Абрамов обрел как ведущий публицист газеты «Неделя» в середине 1880-х годов: в этот период в своих публицистических выступлениях и материалах он формулирует основные положения своей версии «теории малых дел». В отличие от предшествующего поколения народников Абрамов признавал и принимал капиталистическую эволюцию российского общества и в этой связи призывал «образованное общество» усилить помощь русской деревне в просвещении, здравоохранении и повышении благосостояния. Важным мировоззренческим отличием абрамовской «теории малых дел» от известных концепций П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, утверждавших, что общественная эволюция ведет и к положительному прогрессу человеческой личности, было однозначно пессимистическое восприятие прогресса — он «вовсе не обуславливает собою прогресса личности, и личность в прогрессирующем обществе отнюдь не прогрессирует» (С. 16). Именно по причине такой «внеморально личностной» поступи общественного прогресса Абрамов считал, что «пора перестать бесполезно рассуждать о невозможности укрепления капиталистических порядков в нашем отечестве и обратить все внимание на то, чтобы... оградить население от печальных сторон этих порядков» (С. 17). Для этого так называемая «трудовая интеллигенция» (учителя начальных школ, земско-медицинский персонал, местное духовенство, образованные крестьяне и мещане) должна была жить и работать в деревне, «слиться с народом, радея о его благе».

Главное в этой концепции Абрамова — повышение общественного благосостояния широких народных масс как ключевое условие устойчивого развития России, поскольку «пока наш народ не выйдет из принижавшей его нищеты... все начинания будут разбиваться об эту бедность» (С. 17). В.В. Зверев достаточно объективно и всесторонне характеризует суть абрамовского подхода: «Демократический характер “теории малых дел” состоял в оказании поддержки деревне в трудное время становления товарно-денежных отношений. Сильные стороны теории заключались в четкой адресности (трудовая интеллигенция), выборе организационной структуры (земство) и признании серьезной социальной проблемы, порожденной капитализмом. Отечественная интеллигенция получала возможность применить свои силы на ниве культурно-просветительской работы. Именно в этом состояла идея нового деполитизированного “хождения в народ”. “Теория малых дел” позволяла интеллигенции лучше понять нужды крестьянства, найти применение своим силам. Однако она не содержала требований политических преобразований. Исчезали в ней и социалистические идеи» (С. 18–19).

В своих текстах Абрамов формулировал и задачу самовоспитания российской интеллигенции, потому что эффективная реализация идей теории малых дел требовала по крайней мере добротного среднего уровня профессионализма и деловых качеств от интеллигентов-активистов: «Наша интеллигенция считает себя или слишком героической, или ни на что не способною. У нас все или герои, или тряпки. Не пора бы народиться среднему типу — человеку, способному на простое честное дело. Нужда в таком человеке великая, и будущее принадлежит ему» (С. 24). Кроме того, поскольку в основном российская интеллигенция формировалась в городах (как преимущественно продукт и результат городской культуры), Абрамов призывал ее направить свою энергию туда, где более всего в ней нуждались народные массы — в бедную и малограмотную российскую деревню. Абрамов изначально и неоднократно выступал с публицистическими призывами к просвещенному меньшинству в крупных городских центрах «идти в деревню» — жить и работать в сельской местности, подчеркивая, что жизнь в городах должна быть невыносимой для интеллигенции, в том числе по чисто экономическим причинам: концентрация в крупных городах множества лиц интеллектуального труда создает меж ними жестокую конкуренцию, заставляющую при низкой оплате браться за всякую работу, часто имеющую мало отношения к изначальным профессиям (С. 27).

Впрочем, Абрамов вполне объективно оценивал ситуацию, отмечая, что предлагаемое им расселение интеллигенции «из центров по глухим углам нашей родины» — это «задача расчистки пути для следующих поколений»: не сразу будут видны плоды труда и не многие решатся на такой трудный шаг, поэтому «выйти первыми на новый путь могут и должны люди наиболее сильные» (С. 27). Для стабильной интеллигентской «смычки» города и деревни Абрамов считал необходимым развивать правильную организацию местного самоуправления, которое и должно было облегчить перемещение интеллигентных сил из центров в глушь, сделав деятельность интеллигенции действительно плодотворной. По мнению Абрамова, органы местного самоуправления должны были стать своеобразными форпостами устойчивого сельско-городского развития, представляя к тому же в условиях первоначального развития капитализма влиятельные силы для борьбы «с представителями своекорыстия и личных интересов» (С. 28). Абрамов даже предложил использовать учреждения местного самоуправления в роли своеобразного буфера между банками и крестьянскими хозяйствами — как чрезвычайную практическую меру усиления позиций земской организации. В реализации таких банковских проектов он видел взаимную выгоду крестьянства (облегчение участи) и интеллигенции (успешная деятельность): крестьяне могли получить столь необходимую им землю, а интеллигенция бра-

ла на себя моральную и финансовую ответственность за проведение соответствующих экономических мероприятий.

Здесь автор книги вполне резонно упрекает как Абрамова, так и ряд земско-интеллигентских работников в излишнем благодушии и идеализме: «Без всякого сомнения, попытки земств решить проблему малоземелья и облегчить финансовую ситуацию в деревне сами по себе были полезными и нужными. Однако как по форме, так и по содержанию они были весьма наивными. В условиях наращивания товарного производства эти усилия выглядели проявлением благотворительности, которая продолжается до тех пор, пока имеются денежные резервы» (С. 32–33). Зверев считает гораздо более реалистичными идеи Абрамова о налаживании сбыта сельскохозяйственной продукции. Отмечая тот очевидный факт, что между производителями и потребителями, как правило, всегда оказывается своекорыстный посредник, Абрамов призывал земства становиться посредниками, вытесняя спекулятивных дельцов-перекупщиков и обеспечивая крестьянам сбыт продукции по приемлемым для них ценам. Организацию закупок, хранения и продажи местной сельской продукции Абрамов считал насущной и выполнимой задачей для местного самоуправления.

Пожалуй, главная идея абрамовской теории малых дел — вера, что образованность и совестливость составляют основу идеального типа делового человека. Абрамовская трактовка ведения торговых операций была построена в значительной степени на критериях моральной экономики как фундамента взаимоотношений между производителем и покупателем (когда экономической целью является не получение прибыли, а обеспечение нормальных условий существования для крестьянина). Таким образом, земская интеллигенция, по мысли Абрамова, должна была выполнять функции регуляции и координации развития товарно-денежных отношений в русской деревне, приспособливая ее к новым капиталистическим условиям. Абрамов настаивал на необходимости обязательного и всестороннего «вмешательства земств в местную экономическую жизнь с заботами о процветании и развитии производительных сил населения... с пропагандой опыта снабжения населения семенами высокопродуктивных сортов растений, распространения породистого скота и пчеловодства, изготовления и использования улучшенных сельхозорудий» (С. 35).

Важное значение Абрамов придавал и развитию народных промыслов при земской поддержке: подчеркивая, что изделия кустарной промышленности становятся конкурентноспособным при их высоком качестве и приемлемой цене, он всячески пропагандировал применение новых технологий на основе новых знаний. Главным доступным для крестьян способом получения таких знаний и умений Абрамов считал раз-

витие местных выставок, однако со временем разочаровался в них и был вынужден признать, что в целом эффект выставочного воздействия оказывался незначительным, поскольку крестьяне и ремесленники предпочитали знакомиться с новыми для них образцами в более привычной для себя среде — на местном базаре или ярмарке. Поэтому Абрамов призывал к созданию образцовых мастерских, в которых любой желающий имел бы возможность обучиться интересному для него ремеслу (С. 38). К сожалению, как и во многих других случаях, отсутствие необходимых средств у органов местного самоуправления сдерживало развитие народных промыслов (С. 40).

Абрамов считал особой заслугой земства разработку системы оказания неотложной медицинской помощи населению на принципах общедоступности или минимальной стоимости. Его идеалом была «стройная организация земской медицины с ее сельскими больницами и больничными покоем, по несколько на уезд, с сетью амбулаторий, охватывающих все население, с десятком врачей на уезд или лекарскими помощниками на особых пунктах» (С. 48), и в ряде земств этот идеал воплотился в жизнь. Зверев, кратко описывая успехи земской медицины, отмечал, что земские врачи не просто лечили пациентов, а меняли отношение крестьян к профессиональной медицинской помощи, поднимая авторитет докторов и отваживая больных от сомнительных деревенских лекарей. Под влиянием медицинских специалистов менялся и уход крестьян за детьми, что способствовало снижению детской смертности в селах: «Если в 1870 году на службе земств находилось лишь 613 специалистов-медиков, то в 1910 году — уже 3802 врача. Справедливы и выводы о понижении смертности среди сельского населения: 37 человек на 1 тысячу в 1867 году и 34 человека в 1887 году» (С. 50).

В заключение характеризуя абрамовское видение роли земств в сельско-городских преобразованиях на основе союза земской интеллигенции и крестьянства, Зверев подчеркивает, что от работ Абрамова нередко возникает впечатление полного тождества позиций автора и требований органов местного самоуправления (С. 43). По ряду вопросов политического и экономического развития России взгляды Абрамова совпадали с российскими либералами, но, по мнению автора книги, это не говорит об отказе теоретика малых дел от основополагающих принципов народничества — абрамовская экономическая программа исходила из первенства общественных интересов, второстепенности индивидуализма и идеализации морального долга интеллигенции перед народом (С. 45).

Возникает вопрос: насколько актуальны для современной науки и политики идеи «теории малых дел» Абрамова, бережно и подробно реконструированные в монографии Зверева? Ответ на этот вопрос прослеживается в неуклонном росте числа публикаций российских и зару-

бежных авторов, где концепт «малых дел» оказывается в центре исследовательских поисков [4; 5; 6; 8; 9]. Так, в 2020 году в рамках работы междисциплинарного симпозиума «Пути России», посвященного истории и современности народничества и популизма [3], была организована специальная секция «Теория малых дел: история и современность» [2], где отмечалось, что целый ряд социальных процессов, описанных в свое время Абрамовым, получает своеобразное второе дыхание в современной России, например, движение (переезд) горожан в современную сельскую местность, правда не столько с просветительско-крестьянскими, сколько с культурно-экологическими проектами [1]. Анализ новейших зарубежных и российских подходов к исследованию феномена русского народничества в прошлом и настоящем с упоминанием «теории малых дел» представлен в недавно опубликованной книге С. Эли [7]. Чрезвычайно актуальным остается вопрос о причинах и цене аполитичности активистов «теории малых дел», хотя, как и сто лет назад, по своей социально-стратификационной принадлежности «теория малых дел» оказывается преимущественно практикой и идеологией представителей среднего класса российского общества.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. *Виноградская О.Я., Виноградский В.Г., Никулина Е.С.* Мир новых поселян: малые дела vs большие надежды // Под общ. ред. М.Г. Пугачевой. М., 2020.
2. *Никулина Е.С., Полещук И.К.* Секция «Теория малых дел: история и современность» в работе симпозиума «Пути России: Народничество и популизм» // *Крестьяноведение*. 2019. Т. 4. № 4.
3. *Пути России: Народничество и популизм* / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой. М., 2020.
4. *Троцук И.* Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 4.
5. *Троцук И.В.* Повседневный народный российский патриотизм: возможности и ограничения социологического исследования и типологизации // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 4.
6. *Троцук И.В.* Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения // *Крестьяноведение*. 2020. Т. 5. № 2.
7. *Nikulin A., Trotsuk I.* “Humanitarian populism” // *Russian Sociological Review*. 2022. Vol. 21. No. 4.
8. *Nikulin A., Trotsuk I.* Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below” // *Politics and Policies of Rural Authenticity* / Ed. by P. Pospěch, E.M. Fuglestad, E. Figueiredo. Routledge, 2022.
9. *Trotsuk I.V.* A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russian Non-Black Earth Region // *Russian Peasant Studies*. 2024. Vol. 9. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-848-855

EDN: FX TOKY

Theory of “small deeds” as a populist practice of the middle class*

A.M. Nikulin^{1,2}, E.S. Nikulina¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

²Moscow School of Social and Economic Sciences,
Gazetny Per., 3–5, 1, Moscow, 125009, Russia

(e-mail: harmina@yandex.ru; kat2108@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the book by V.V. Zverev *Essays on the Intellectual Heritage of Ya.V. Abramov* (Moscow: RUDN University Press, 2024. 157 p.). Although, as the author argues, an extensive and fundamental book on the life and work of Yakov Vasilyevich Abramov (1858–1906), a remarkable Russian publicist and ideologist of the moderate populist movement, has not yet been written, the monograph under review is a valuable, historically and sociologically sound and thorough work about the creator of the so-called “Abramovshchina”, or, according to the more traditional scientific-publicist discourse, the “theory of those small deeds” that “make up the lives of millions” (P. 28).

Key words: Ya.V. Abramov; intellectual heritage; “theory of small deeds”; populism; intelligentsia; people; ideology

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

* © A.M. Nikulin, E.S. Nikulina, 2024

The article was submitted on 20.03.2024. The article was accepted on 20.05.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-856-862

EDN: FULCBV

Многоликость глобальной субурбанизации*

Л.А. Овчинцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: ovchintseva-la@ranepa.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу А.С. Бреславского «Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику» (М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 170 с.). В книге тезисно представлен обзор и интересные примеры региональных форм и различных вариантов субурбанизации, поскольку издание заявлено как введение в проблематику. Автор сосредоточивается не на деталях (цифрах и иллюстрациях), а на систематизации накопленных знаний и данных, поэтому в книгу включена обширная библиография, позволяющая всем заинтересованным читателям продолжить дальнейшее изучение предмета исследования.

Ключевые слова: урбанизация; субурбанизация; сельско-городское развитие; пригород; сравнительный контекст; региональные особенности; сельское и городское население; развитые и развивающиеся страны

Быстрый рост населения городов — характерный тренд сельско-городского развития в глобальном масштабе: если в 1950-е годы городское население превышало сельское лишь в наиболее развитых странах Европы и Северной Америки, в Австралии и Японии, то к концу XX века рост городского населения охватил все континенты и страны. К началу 2010-х годов городское население стало преобладать на всей планете: на африканском континенте выделился простирающийся с севера на юг по западному побережью пояс урбанизированных стран, а в Азии доля сельского населения выше городского лишь в Индии, хотя и там очевидна тенденция сокращения сельского населения и стягивания населения в города. Такое охватывающее весь мир и быстрое изменение расселения ведет к тому, что растет численность населения не только городов, но и прилегающих к ним территорий. Именно эти значительные пространства находятся в фокусе исследований А.С. Бреславского [см. также: 2; 3; 4;], поскольку в изучении направлений развития таких территорий возникает целый спектр тематик, часть из которых противоречиво оценивается и явно недостаточно изучена.

* © Овчинцева Л.А., 2024

Статья поступила 22.04.2024 г. Статья принята к публикации 14.06.2024 г.

Прежде всего автор предлагает разобраться в многочисленных понятиях, которые различаются концептуально, исторические и географически. Термин «субурбанизация» возник в англо-американской литературе второй половины XX века как обозначение переселения из центра крупных городов и агломераций на их окраины. Лидером промышленного развития, как известно, была Великобритания, где соотношение долей городского и сельского населения сравнялось уже к середине XIX века, а к его концу городское население составляло более 70 %. В условиях высокой концентрации населения в городах, скученности и неблагоустроенности жилья, обилия трущоб в промышленных центрах формировалась уходящая корнями в идеи утопизма концепция города-сада, где каждая семья живет в благоустроенных домах с палисадником перед домом и небольшим садиком позади него, улицы просторны, сады окультурены и имеются зеленые и благоустроенные общественные пространства [см., напр.: 8; 11; 12; 13]. Главным идеологом этого движения выступил Э. Говард, разработавший новую концепцию городского планирования: по его планам были построены два первых города-сада — Лечворт и Хемпстед, и последний благодаря близости к Лондону, но вопреки желанию автора, который вовсе не хотел, чтобы города разрастались за счет пригородов, быстро стал популярной моделью удобного для жителей, зеленого и благоустроенного пригорода, которую часто воспроизводили в Европе, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

Наибольшее распространение модель города-сада получила в США, где благодаря росту благосостояния населения, формированию широкого среднего класса со стремлением к реализации «американской мечты» (один из ее компонентов — собственный дом), сравнительной дешевизне пригородной земли, автомобилизации населения и инфраструктурным проектам государства, направленным на развитие дорожной сети и транспорта, создавались благоприятные условия для возникновения масштабной субурбии — комфортабельных пригородов, сочетающих к себе близость к городскому центру и преимущества жизни за его пределами. Стремительный рост «одноэтажной Америки», несколько замедлившийся в годы Великой депрессии и Второй мировой войны, вновь активизировался на фоне послевоенного роста рождаемости, чему способствовало ипотечное кредитование и конвейерное производство компонентов жилья, удешевлявшее строительство. Следует отметить, что застройщики возводили жилые кварталы для разных социальных групп и семей разного достатка, однако чаще всего жителями пригородов были белые семьи среднего класса, консервативно настроенные и желающие отгородиться от афроамериканского населения и иммигрантов, концентрировавшихся в городах. В результате согласно переписи 1980 года население пригородов США превысило городское и составило 40 % населения страны. Однако к этому времени стали очевидны и недостатки субурбанизации: огромные затраты на развитие транспортной и пригородной инфра-

структуры, рост экологической нагрузки, увеличение продолжительности времени, которое работающий глава семьи проводил в дороге в ущерб собственному здоровью и общению с близкими, проблемы женщин-домохозяек, чьи возможности по трудоустройству и личному развитию были крайне ограничены.

Поскольку было очевидно, что остановить рост городских агломераций вряд ли удастся, архитекторы и ученые задумались над созданием альтернативных моделей развития городов и их пригородов, вследствие чего оформились такие концепции, как «новый урбанизм», «умный рост» или «транзитно-ориентированное проектирование». Их авторы стремились создать компактные, удобные для пешеходов и велосипедистов городские пространства, повысить значение общественного транспорта, особенно экологичного, развивать соседские сообщества, учитывать в застройке интересы разных социальных групп и придерживаться принципов устойчивого развития (строительство пригородных районов в Австралии и Новой Зеландии во многом идет с учетом этих новых идей и подходов).

Англо-американская концепция субурбанизации с ходом времени обрела черты градостроительной классики, и одновременно ко второй половине XX столетия стало очевидно, что урбанизация и обширные пригороды появляются на всех континентах, однако пригороды латиноамериканских, африканских, азиатских и постсоветских городов отличаются от классической субурбанизации до такой степени, что исследователи стали вводить новые термины, указывающие на региональные особенности пригородного развития (например, «фавелизация» или «народная урбанизация» применительно к быстро растущей периферии городских агломераций Бразилии). Соотношение городского и сельского населения в этих странах менялось быстрее, чем, например, в странах Европы, что связано с особенностями землепользования и институциональными особенностями. Из личных наблюдений могу отметить, что в Бразилии обедневшие сельские жители селятся в пригородах фактически методом самозахвата свободных участков земли, на которых в благоприятном климате можно самостоятельно построить облегченное жилище, потом, используя неформальные рычаги, подсоединить это жилье к городским сетям электроснабжения и водопровода, после чего хозяева такого жилья создают своего рода объединение жителей квартала, пишут ходатайство местным властям, и участок самовольной застройки становится частью большого города.

В работах о развитии городских пригородов в странах африканского континента и Китая можно встретить термины «периферийная урбанизация» или «периурбанизация» [см., напр.: 1; 10]. Хотя первоначально они применялись для описания сельско-городского развития Франции и Швейцарии, обозначая развитие территорий между селом и городом, теперь периурба-

низация указывает скорее на особенности периферии таких городских агломераций, как, например, Лагос. В Китае по отношению к пригородам, где в коммунистический период возводились поселки для людей с низкими доходами, использовался термин «пассивная субурбанизация под руководством правительства», а для характеристики стремительной трансформации пригородов после реформ конца 1980-х годов — «рыночно-ориентированная субурбанизация, опирающаяся на средний класс». В России и некоторых странах постсоветского пространства субурбанизация носит в определенной степени дачный характер — когда наряду с малоэтажной застройкой и коттеджным строительством имеющие удобную транспортную доступность и развитую инфраструктуру садовые и дачные кооперативы постепенно обретают черты субурбии с постоянно проживающим населением. Главное отличие развития пригородов в развивающихся странах от англо-американской модели состоит в том, что городское и пригородное население растет, а средний класс — нет. Кроме того, возникли быстрорастущие города-государства (Гонконг или Сингапур), где для пригородов вообще места нет. Во всех этих случаях исследовательские подходы из арсенала классической субурбанизации оказываются непригодны.

Следующая важная тема книги — количественная оценка масштабов субурбанизации, которую во многих странах нельзя провести методами статистики, которая, как правило, оперирует понятиями «городское и сельское население», но не «население пригородов». В одних странах для оценки численности населения и развития пригородов используется анализ по типам населенных пунктов и их удаленности от центров агломераций, в других — аэрофотосъемка, геоинформационные системы и «большие данные», позволяющие отследить, например, локацию населения по телефонным звонкам, а также массивы других косвенных данных. Но чаще всего сравнительных данных национальных статистик по населению пригородов просто нет, и исследователям приходится опираться на качественные и экспертные оценки.

Особенно интересен для социологов пригородный образ жизни — социально-экономические особенности жизни семей в сельско-городском пространстве, преимущества и ограничения пригородного образа жизни. С одной стороны, субурбанизация выросла из стремления представителей среднего класса к созданию индивидуального, комфортного и автономного пространства для семейной жизни, воспитания детей в хороших экологических условиях и благоприятной социальной среде. С другой стороны, в некоторых странах субурбанизация — это вынужденная стратегия преодоления ограничений и решения жизненных проблем. В обоих случаях в рамках пригородного образа жизни формируется особый тип поведения и ценностей, отличающийся от сугубо городского или сугубо сельского образа жизни и сочетающий черты обоих.

Немало места в монографии уделено пригородному развитию в отечественном контексте. Российские дачные пригороды имели несколько различающихся «образов»: на смену шикарным дачам-дворцам знати XVIII века, расположившимся поблизости от столичного Петербурга, Москвы и других крупных городов, в XIX веке пришли блестяще описанные А.П. Чеховым дачи буржуазии и среднего класса. В советский период их сменили коллективные дачные поселки советской элиты и творческой интеллигенции, а в послевоенные годы получили широкое распространение народные дачи: садовые и огородные кооперативы. Поскольку в концепции социалистического народнохозяйственного планирования пригородные сельские территории рассматривались преимущественно как пространство для размещения сельского хозяйства, предназначенного для удовлетворения потребности городского населения в продуктах питания, земли для садовых и дачных кооперативов выделялись весьма скупой и преимущественно на неудобьях. Перелом произошел в трудные годы социально-экономической трансформации конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда все ограничения на пользование землей и застройку садовых участков были сняты. Половина жителей крупных городов обзавелась садовыми участками или землей в пригородных селах, где в начале перестройки на огородах горожане выращивали продукты питания, но постепенно эти владения обретали вид второго жилья, причем не только сезонного, но и постоянного.

Со временем правила перевода земель из категории сельскохозяйственного назначения под жилое строительство были несколько смягчены. В 2010-е годы завершилась реформа местного самоуправления, которая фактически стерла границу между городом и селом в масштабе районов. Города получили новые пространства для расширения — усилился приток частных инвестиций на строительство в городских пригородах таунхаусов, коттеджных поселков, площадок для индивидуальной застройки с подведенной инфраструктурой, а также кварталов многоэтажной застройки, что по сути стало формой классической субурбанизации, поскольку живут здесь и представители городского среднего класса, желающие улучшить свои жилищные условия или разделить составные семьи, дав каждой семейной ячейке возможность обзавестись индивидуальным жильем.

В постсоветских и постсоциалистических странах в 1990-е — 2010-е годы также наблюдался бум пригородного строительства под влиянием переселения семей среднего класса и зажиточных горожан из городских центров в экологически более благоприятные пригороды. В странах с низким уровнем жизни продолжилась урбанизация (миграция из сельской местности в города), но в тех, что быстрее оправались от последствий постсоциалистической трансформации, как Россия и Казахстан, либо получали поддержку зарубежных доноров, как страны Балтии, явно прослеживались субурбанизационные

процессы. Однако правильнее говорить, что урбанизация и субурбанизация до сих пор идут параллельно. Следует отметить, что недавняя пандемия и быстрое развитие дистанционных форм занятости дали дополнительный стимул развитию пригородов, расширив радиус удаления места занятости от места проживания, что требует ответных действий как со стороны органов, планирующих развитие регионов, так и от органов местного самоуправления, как минимум в части развития дорожной инфраструктуры, в том числе перехватывающих парковок вблизи остановок железнодорожного транспорта, линий связи, инфраструктуры дошкольного и школьного образования, первичного медицинского обслуживания, учреждений спорта и сферы досуга.

Обозначением ждущих своего решения проблем автор завершает свою небольшую, но очень емкую монографию. В развитии субурбии, особенно в нашей стране [см., напр.: 5; 6; 7; 9], остаются открытыми множество вопросов, касающихся территориального планирования, развития инфраструктуры и пригородного землепользования, бюджетов местных органов самоуправления, экологии, мониторинга и статистического наблюдения за развитием пригородов, вовлечения населения в решение местных вопросов и формирования локальных сообществ, научного осмысления процессов сельско-городского развития.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Барков С.А., Чжан Ц. Политика новой урбанизации в Китае: причины и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2.
2. Бреславский А.С. Время изучать пригороды // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4.
3. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ, 2014.
4. Бреславский А.С. Что мы знаем о современных российских пригородах? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4.
5. Виноградская О.Я. Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3.
6. Гусаков Т.Ю. Сельско-городская миграция на Крымском полуострове // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
7. Нефедова Т.Г. Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1.
8. Никулин А.М., Троцук И.В. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. № 3.
9. Овчинцева Л.А. Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
10. Пугачева М.Г., Троцук И.В., Никулин А.М., Бабашкин В.В., Бони Л.Д., Гордон А.В., Кисель Р., Янь Х. Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития. Круглый стол // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.

11. Nikulin A., Trotsuk I. Pitirim Sorokin 's contribution to rural sociology: Russian, European and American milestones of a scientific career // *Journal of Peasant Studies*. 2018. Vol. 45. No. 7.
12. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023. Т. 23. № 3.
13. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Utopian visions of contemporary rural-urban Russia // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2017. Vol. 1. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-856-862

EDN: FULCBV

Many-faced global suburbanization*

L.A. Ovchintseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: ovchintseva-la@ranepa.ru)

Abstract. The article is a review of the book by A.S. Breslavsky *Suburbanization and the Future of Russian Cities: An Introduction* (Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; 2024. 170 p.). The author briefly presents an overview and interesting examples of regional forms and various ways of suburbanization, since the book is an introduction to this subject field. The author focuses not on details (figures and illustrations) but on the systematization of knowledge and data — the book includes an extensive reference list, allowing all interested readers to continue studies of suburbanization.

Key words: urbanization; suburbanization; rural-urban development; suburb; comparative context; regional features; rural and urban population; developed and developing countries

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

* © L.A. Ovchintseva, 2024

The article was submitted on 22.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-863-867

EDN: HVUXAV

Музейный менеджмент: социологические аспекты*

А.С. Бигвава

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: 1142230549@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу трех чешских специалистов музейного дела — М.Я. Пучека, М. Плачека и Ф. Охраны — «Музейный менеджмент: возможности и угрозы для успешных музеев» (M.J. Půček, M. Plaček, F. Ochrana. *Museum Management: Opportunities and Threats for Successful Museums*. Springer International Publishing, 2021. 176 p.). Рассматривая музеи как важнейшие институты сохранения и передачи информации о прошлом, авторы подчеркивают их важную социальную роль, что подтверждается огромным количеством музеев (по данным ЮНЕСКО на 2020 год — 95 тысяч) и их посетителей (ежегодно от 10 тысяч в самых небольших музеях до 10 млн в самых крупных и известных). Книга будет полезна и интересна социологу, потому что показывает, что функции музея не ограничиваются эстетическим опытом или обучающим воздействием. Музеи предоставляют важнейшую информацию о развитии общества и его подсистем в формате «коллекций прошлого», т.е. помогают нам взглянуть на нынешние проблемы и явления ретроспективно — через творчески организованные, систематически подобранные и «адаптированные» под разное восприятие выставки. Для выполнения столь разнообразных функций музей необходимо воспринимать как особую организацию, требующую четкого стратегического управления, особенно возможностями и рисками, и авторы книги намечают те управленческие пути, что способны сделать музей востребованным и успешным.

Ключевые слова: музей; функции; социальная роль и значение; (стратегическое) управление; цифровые технологии; управление рисками и возможностями

Вряд ли музеи можно считать полноправным объектом социологического анализа, однако в современном обществе они превращаются из пассивных хранителей истории в активных участников культурного диалога, просвещения и научно-инновационных поисков, что не может не менять социокультурного значения и функций музеев, а значит, требует междисциплинарного изучения, в том числе социологического. Рецензируемая книга сфокусирована на управленческом аспекте музейной работы в эпоху глобализации и цифровизации: авторы описывают трансформации, которые переживают музеи

* © Бигвава А.С., 2024

Статья поступила в редакцию 13.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

в нынешних реалиях, делая акцент на возможностях и вызовах для музейного дела в сфере стратегического управления (рисками и потенциалом) применительно к технологическим, финансовым, методологическим, кадровым, визуальным и прочим ресурсам музейного сектора.

Если попытаться тезисно изложить содержание книги, то оно будет формироваться переплетением трех основных сюжетных линий — искусство, культура и управление. По сути, авторы пытаются разработать и обосновать такой подход к управлению музеями, который признает важность как искусствоведческих исследований, так и инновационных поисков в сфере организационного управления, причем все высказываемые идеи авторы подкрепляют ссылками на релевантные источники и конкретными практическими примерами. Так, в книге представлены инструменты и тактики оптимизации управленческих решений и навыков в сфере музейного менеджмента; трансформации взаимосвязей между искусством и обществом, превращающие музеи в пространства для обмена знаниями и поиска вдохновения; технологические и социальные новшества, необходимые для удовлетворения постоянно меняющихся вкусов музейной аудитории в реальном и цифровом пространстве; рекомендуемые варианты организации разных аспектов управления музеями — от финансового планирования до создания образовательных программ и повышения маркетинговой эффективности и т.д. Все эти примеры призваны показать, что в современном мире музеи не перестают служить своего рода мостами между прошлым, настоящим и будущим, в том числе благодаря внедрению современных технологий взаимодействия с посетителями и представления экспонатов (использование виртуальной и дополненной реальности для создания интерактивных выставок; формирование онлайн-архивов и цифровых коллекций, позволяющих людям изучать искусство и культуру, не выходя из дома и т.д.).

Как следует из названия книги, она посвящена преимущественно вопросам управления и стратегического планирования, причем авторы сосредоточены на тех методах и инструментах музейного менеджмента, которые призваны помогать музеям максимально безболезненно и эффективно адаптироваться к быстро меняющейся культурной среде и технологическим инновациям. В частности, речь идет о значении стратегического планирования для достижения долгосрочных целей музея: расширение аудитории и экспозиций, укрепление финансовой устойчивости (разнообразие источников финансирования — государственные субсидии, частные пожертвования, доходы от продажи билетов и мерчандайзинга), маркетингово-коммуникативное конструирование привлекательного имиджа музея (включая продвижение в социальных сетях, проведение виртуальных и интерактивных выставок), гибкий подход к анализу и управлению рисками и возможностями на основе их постоянного мониторинга, социальная ответственность (принципы широ-

кого просвещения, культурной интеграции меньшинств и поддержания культурного разнообразия, социальной инклюзии уязвимых групп и интеграции в глобальное культурное сообщество) и экологическая ответственность («чистые» технологии и принципы устойчивости).

Книга будет интересна и полезна широкому кругу социальных исследователей, а не только музейным работникам, поскольку в ней представлен комплексный междисциплинарный анализ деятельности музея как особой социокультурной институции современного общества, достаточно успешно адаптирующейся к происходящим в нем объективным и мировоззренческим переменам. Вероятно, для читателя-социолога наиболее интересна будет вторая глава «Современный музей: его роль, функции и социальная миссия». Сначала авторы последовательно переходят от основ музейной деятельности (формирование, охрана и управление коллекциями) и уточнения основных понятий исследования (музеи — культурные, образовательные и исследовательские учреждения, собирающие и охраняющие коллекции — уникальные объекты, обычно имеющие значительную финансовую ценность помимо своего неопределимого социокультурного и исторического значения) к разведению музейной и частной коллекций (на основе комплектования предметов) и систематизации потенциальных угроз музейной деятельности (глобальные, локальные и конкретные угрозы различаются по масштабам ущерба для коллекции).

Вторая часть главы посвящена функциям музея, которые и определяют его нынешнюю социальную роль. Во-первых, возможна классическая трактовка функций музея как профессионального «хранителя» неких «ценностей» посредством их отбора, накопления, презентации (включая связанные с ними знания) и институционализации (административное и экономическое обеспечение музейной работы). Во-вторых, ЮНЕСКО обрисовало зону ответственности музеев как сформированную функциями сохранения (приобретение, хранение, охрана), научного исследования (изучение и интерпретация коллекций), коммуникации (выставочная деятельность и публикации), образования (передача знаний) и управления (административная структура). Третий подход основан на понятии социального служения музея — посредством выполнения функций коллективной памяти (авторы считают самым важным для музея сохранение прошлого и настоящего для будущих поколений), оформления коллективного опыта (отсюда, в частности, проистекает важность музея для развития туризма в конкретном населенном пункте/регионе), обучения (через коллекционные предметы и их истории) и институционализации (вся экономическая, юридическая и прочая административная деятельность музея, связанная с созданием и сохранением коллекции и регулируемая национальным законодательством).

Столь широкий перечень функций обуславливает комплексный характер музейного менеджмента, для успешности которого необходимо: четко знать,

на кого (какие группы) ориентирован музей и какую роль играет в обществе в целом; уметь управлять угрозами и возможностями в контексте всех музейных функций; грамотно сочетать музейную работу с экономической (предпринимательской) деятельностью; активно использовать маркетинговые инструменты при привлечении «клиентов» в широком смысле этого слова (посетителей, спонсоров и меценатов, местные сообщества и органы государственного управления и т.д.), своевременно меняя приоритеты (расширение аудитории, привлечение финансирования, построение имиджа, ребрендинг и т.д.); развивать стратегии общественно-музейного партнерства в интересах устойчивого развития на местном/региональном уровне (экономическое, образовательное, культурное и прочее воздействие на локальное сообщество); сохранять и реализовывать исторически первоначальную научно-исследовательскую функцию во взаимодействии с заинтересованными акторами (университетами, научными центрами, библиотеками, школами и др.).

Авторы завершают эту принципиально важную и крайне интересную для социологического читателя главу призывом отказаться от принципа приоритетности какой-либо функции в музейной деятельности (такая односторонность не позволит музею играть свою социальную роль как социокультурного института) и стремиться к продуманной интеграции всех функций (для достижения «синергического эффекта»). Авторы уточняют, что имеют в виду, прежде всего, три ключевые функции музея в современном обществе — запоминания/сохранения, образования/обучения/просвещения и исследования/экспериментирования, которые считают содержательно-типичными и объединяют в понятии «имманентной функции». Соответственно, все прочие экономические, юридические, кадровые и административные задачи, которые решают музейные менеджеры в целях поддержания функционирования музея как социокультурной организации/института, авторы предлагают объединить в понятии «институциональной функции».

Библиографический список

1. Бак Д.П. Проект издания энциклопедии «Литературные музеи России» и новые алгоритмы работы сети российских литературных музеев // Диалог со временем. М., 2015. Вып. 52.
2. Методические материалы к Советской музейной энциклопедии / Сост. В.Ю. Дукельский, Д.А. Равикович, Т.О. Размустова, А.А. Сундиева. М., 1999.
3. Российская музейная энциклопедия / Сост. А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: в 2-х тт. М., 2001.
4. Троцук И. Нарративность визуального, или о пользе несоциологического чтения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1.
5. Троцук И.В. Искусство истолкования и его критика: новое звучание идей полувековой давности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 1.
6. Троцук И.В. О природе фотографического изображения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3.
7. Bjerregaard P. (Ed.). Exhibitions As Research. Experimental Methods in Museums. Routledge, 2021.

8. Chynoweth A., Lynch B., Petersen K., Smed S. (Eds.). *Museums and Social Change: Challenging the Unhelpful Museum*. Routledge, 2020.
9. Forbes J., Adams M., Ancelet J. *Family Spaces in Art Museums: Creating Curiosity, Wonder, and Play*. Rowman & Littlefield Publishers, 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-863-867

EDN: HVUXAV

Museum management: Sociological aspects *

A.S. Bigvava

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: 1142230549@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of the book by three Czech museum experts — M.J. Půček, M. Plaček and F. Ochrana *Museum Management: Opportunities and Threats for Successful Museums* (Springer International Publishing; 2021. 176 p.). The authors consider museums as the most important institutions for preserving and transmitting information about the past, emphasizing their important social role confirmed by the huge number of museums (according to UNESCO data for 2020 — 95 thousand) and their visitors (annually from 10 thousand in the smallest museums to 10 million in the largest and most famous ones). The book will be useful and interesting for the sociologist, since it shows that the museum functions are not limited to aesthetic experience or educational impact. Museums provide essential information about the development of society and its subsystems in the form of “collections of the past”, i.e. museums help us to consider current problems and phenomena retrospectively — through exhibitions creatively organized, systematically selected and “adapted” to different perceptions. To perform such diverse functions, the museum should be perceived as a special organization that requires clear strategic management, especially of opportunities and risks, and the authors outline those management paths that can make a museum popular and successful.

Key words: museum; functions; social role and significance; (strategic) management; digital technologies; management of risks and opportunities

* © A.S. Bigvava, 2024

The article was submitted on 13.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-868-877

EDN: HVQGJO

Компендиум по типам «типологического» в социологии*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: trostuk-iv@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой попытку рецензирования коллективной монографии «Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура» (Г.Г. Татарова, Н.С. Бабич, Г.П. Бессокирная, А.В. Кученкова; отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с.), обобщающей многолетние исследовательские поиски и находки Г.Г. Татаровой с учениками и коллегами в предметном поле типологического анализа как социологического метода, метаметодики, диагностической процедуры и особого направления развития социологической методологии. В книге реконструирована общая логика эволюции типологического метода, подтверждающая междисциплинарный статус социологии как дисциплины, успешно заимствующей и адаптирующей под собственные задачи философские концептуализации, психологические подходы и инструменты математической формализации. На конкретных примерах показаны возможности применения типологического анализа как диагностической процедуры и инструмента работы с «большими данными», обозначен эвристический потенциал используемых методических решений и неизбежные «методологические ловушки».

Ключевые слова: типологический метод; типологический анализ; диагностическая процедура; теоретическая и эмпирическая социология; понятие типа в социологии; методологическая рефлексия

Проблематика метатеоретического поиска — нечастый сюжет социологических публикаций, что объясняется как объективными сложностями подобной работы (незавершенные дискуссии о критериях выбора концептуальной «оптики» и «риторики», отсутствие общепризнанных теоретических и эмпирических интерпретаций ключевых понятий, междисциплинарные заимствования, «постоянные сомнения в истинности любой теории, техники и метода» в контексте постмодерна [12] и т.д.), так и множеством накопленных внутри нашей дисциплины проблем (непрозрачность исследовательских процедур и закрытость методической «кухни», нелюбовь к математи-

*© Троцук И.В., 2024

Статья поступила в редакцию 24.04.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

ке и «методическому симбиозу», «методологическая травмированность» [5], неоднозначный статус метатеоретизирования [4. С. 23; 8. С. 125] и т.д.). Тем не менее, можно выделить несколько сложившихся в рамках социологической традиции форматов метатеоретического поиска: изучение фундаментальной структуры (реконструкция общей логики развития) социологической теории [2; 3; 9; 10; 13; 14; 15]; концептуальное упорядочивание отдельных предметных областей [1; 6]; систематизация категориального аппарата [11].

Если суммировать задачи метатеоретизирования в социологии как инвентаризацию накопленного знания, каталогизацию достижений (концептуальных моделей и методологических подходов), преодоление понятийного и методического эклектизма, уточнение категориального аппарата и инструментов математической формализации в конкретных предметных областях, то, безусловно, рецензируемая книга представляет читателю результаты метатеоретического поиска в поле типологического анализа в социологии. Этим поиском Г.Г. Татарова занимается уже несколько десятилетий, но прежде публиковала его результаты в формате учебных изданий, на основе которых читала университетские курсы. Первым был учебник по методологии анализа данных [6], предельно четко и «типологически» систематизирующий задачи и логику измерения и анализа в социологическом исследовании: виды (типы) социологических данных, стратегии (восходящая и нисходящая) и языки анализа данных, классы исследовательских практик и метаметодики (типологический, факторный и причинный анализ). Вторым стало учебное пособие по основам типологического анализа [7], где были систематизированы его особенности как методологической процедуры в эмпирической социологии и как метаметодики с особой системой языковых конструкторов применительно к жестко- и слабоструктурированным данным.

Все три книги основаны на бесспорном утверждении, что мозаичность методологического знания в социологии (в частности, «бесконечное, не всегда оправданное увеличение числа языковых конструкторов») допустима в «области теоретических построений как порожденная полипарадигмальностью социологии как науки, но в области инструментальной части эмпирической социологии представляет значительную опасность, ибо не способствует ни систематизации знаний, ни их углублению, ни их взаимопроникновению и взаимообогащению... а в области социологического образования не способствует в полной мере формированию социологического мышления и усвоению навыков эффективного выбора и применения различных методов соразмерно исследовательской ситуации» [7. С. 8–9], чем и обусловлена необходимость систематизации арсенала исследователя в условиях расширения проблемного поля эмпирической социологии.

В аннотации монографии отмечено, что она «адресована исследователям, интерес которых к сфере теоретико-методологической рефлексии в эмпирической социологии повышен» (С. 2). Это честное предупреждение чита-

теля, что перед ним сложная для понимания книга, требующая достаточно большого запаса социологических знаний, а в идеале — весьма близкого знакомства с двумя предшествующими изданиями. В большей степени это касается учебного пособия по основам типологического анализа, поскольку монография продолжает, но на более высоком уровне систематизации, решать те же задачи: «В социологии накоплен богатый практический опыт проведения всевозможных типологических группировок, классификаций, типологизаций, опирающихся на эмпирические данные... существуют и разработки теоретико-методологического характера, включая принципы конструирования теоретической типологизации... Типологический метод как один из важных методов познания перманентно требует научной рефлексии, исходя из необходимости ее углубления и опираясь на новые научные разработки. Более того, современная ситуация “атомизации” социологии как науки выдвигает на первый план задачу упорядочения методологического знания, что... относится и к типологическому методу» [7. С. 3]. В учебном пособии представлен категориальный аппарат типологического анализа — разведены «тип» и «типологический синдром», выделены экзогенные и эндогенные понятия, обозначены те из них, что благодаря многозначной эмпирической интерпретации выступают «мостиком между теоретическими и математическими конструктами» (априорная типология, основание типологии, ядро предмета типологии, типобразующие признаки) [7. С. 4]; обоснован логически непротиворечивый и достаточно полный характер развернутой систематизированной характеристики типологического анализа в социологии, но также ее открытость для дополнений, чем и объясняется значительно более систематическая и междисциплинарная «презентация» типологического анализа в монографии.

Для этой «презентации» была выбрана следующая структурная организация очень насыщенного — понятийно, концептуально, методически и иллюстративно — материала: от реконструкции исторической логики становления типологического метода (в широком смысле слова) и его характеристики как элемента социологической методологии (результат «типологического поворота» в эмпирической социологии) к демонстрации возможностей типологического анализа как технологии социологической диагностики производственной ситуации и эвристического потенциала логико-комбинаторных методов. Структура книги и ее содержательное наполнение помогают осознать негативные последствия «превалирования корреляционного мышления в эмпирических исследованиях» и очерчивают «понятийное поле типологического метода в социальном познании». Причем авторы сразу обосновывают выбор ключевого понятия: типологический анализ — это особый вид стратегии эмпирического исследования (с опорой на математические методы многомерного анализа), особый язык (метаметодика) анализа данных, позволяющий сконструировать частную (локальную) методiku поиска типо-

логического в определенной исследовательской ситуации, и специфическая диагностическая процедура реконструкции социальных типов (как объектов управления/контроля) (С. 5).

Понимая бессмысленность попыток сжатого изложения содержания монографии, попробуем обозначить ее основные тематические линии, объединенные в четыре раздела. Во-первых, эволюция типологического метода в социальных науках представлена как последовательность вариантов обоснования «качественного сущностного различия “типа как средства познания” и “типа как цели познания”, т.е. как стремление в переходе от формальных классификаций к содержательным, от классификационного к типологическому анализу» (С. 8). От систематизации целей типологического метода (на основе функционального подхода) авторы переходят к характеристике путей, с помощью которых исследователи в разное время пытались решать задачу «поиска одновременного сочетания многих существенных признаков для адекватного схватывания общности объектов» (С. 14). В частности, «типологические конструкции могут лучше многих других играть роль социальной памяти в науке и управлении» (С. 15), а «типологический метод служит инструментом теоретизирования в силу того, что помогает упорядочивать наблюдения реальности; важнейшая функция типологии в рамках построения теории, обеспечивающая осмысленное упорядочение реальности, — объяснение» (С. 16).

Далее приведены убедительные примеры этой и других функций типологического метода (организация опыта, проверка гипотез, упрощение описания данных и др.), уточнены возможности и ограничения разных классификаций типов социальных объектов, реконструированы наиболее значимые дискуссии, посвященные типологическому методу в социологии. Одни сюжеты (персоналии, вопросы, аргументы и пр.) покажутся читателю-социологу знакомыми (как природа и функции исторических и социологических идеальных типов у М. Вебера, сведение типологического метода к повседневной типизации у А. Шюца, концепция типологических операций/пространства свойств П. Лазарсфельда, типология аномии Р. Мертона или авторитарных семейных отношений Э. Фромма), другие, напротив, несколько неожиданными (как интерпретации идеальных типов Г. Беккера и Д. Маккинни), однако выбор имен и подходов неизменно обоснован их теоретической и/или эмпирической конкретизацией под задачи социологического анализа (кейс-ориентированная квантификация, редукция, субструкция и трансформация как совокупности типологических операций). Несколько странно выглядит отсутствие Г. Зиммеля, традиционно упоминаемого в социологических учебниках приверженца идеи «типа» как практически единственной «формы», в которую можно «утрамбовать» ускользающую от широких обобщений мозаичную социальную реальность.

Важный вывод первой главы, о чем, к сожалению, нередко забывают исследователи, иступленно борющиеся за «чистоту» придуманных ими по-

нятий и типологий, — признание подвижности и множественной обусловленности социологических категоризаций, даже если таковые основаны на больших эмпирических массивах и стройном теоретизировании: «благодаря разнообразию семантических влияний, типы способны получать некоторую автономию от собственных логических определений. Ярким примером может служить судьба понятия “средний класс” — этот стратификационный тип не всегда выводится из какого-то пространства признаков (т.е. развернутой теории стратификации), напротив, новые пространства часто создаются специально под него» (С. 57).

Итог исторического развития типологического метода — «глубокое укоренение типологий в теоретических представлениях в анализе нечисловых данных» и популярность кластерного анализа как «эмпирического подхода, основанного на “извлечении” знаний о типах из числовых данных» (С. 9). Завершающий первую главу обзор возможностей и ограничений кластерного анализа в построении социологических типологий можно брать на вооружение для описания практически любых концепций и методов (С. 82–84): за обманчивой простотой и строгостью применения обычно скрывается историческое своеобразие развития, разные пути междисциплинарных заимствований и сложная внутренняя структура с размытыми границами; любые адаптированные социологией модели и приемы далеко не всегда соответствуют ее сложному объекту с множественными связями (особенно если разрабатывались для абстрактных признаков пространств); устойчивые связи как результат аналитической работы всегда зависят от теоретического отбора критериев и методик эмпирической работы.

Во-вторых, в книге систематизированы общие факторы развития методологического знания, доказывающие необходимость его перехода к «интеграционному этапу». Для типологического анализа этот этап предполагает его «многосложную» трактовку — как элемента социологической методологии, особого языка анализа, метаметодики (инструмента разработки частных версий аналитической работы), средства концептуализации в эмпирических исследованиях и диагностической процедуры в управленческой деятельности, однако при создании «архитектоники» типологического анализа следует помнить о «методологических ловушках» и необходимости сравнения исследовательских практик. Содержательно вторая глава покажется знакомой исследователю, который читал статьи Г.Г. Татаровой о состоянии социологической методологии (амбивалентности факторов ее развития в эмпирической социологии, недостаточном уровне методологической культуры эмпирических исследований, атомизации проблемного поля, «эпистемологической дилемме» и др.), потому что здесь обобщены ее многочисленные публикации в данном предметном поле (на них даны ссылки во всех параграфах раздела).

Эти обобщения проиллюстрированы показательными «типологиями», подтверждающими, что одна из проблем «типического» заключается в его

привычной повседневной метафорике. Например, приведены типы исследователей, важные для понимания особенностей влияния на них негативных аспектов развития методологического знания и, видимо, для оценки степени их «методологической травмированности» (С. 93–95): методологи и методисты (производят знание теоретико-методического характера, сторонники «методной модернизации»); те, кто проводит массовые опросы (применяют методологическое знание по усеченной схеме, склонны рефлексировать скорее о социальных, чем о социологических проблемах); те, кто работает преимущественно в рамках качественного подхода (склонны к субъективизму интерпретаций); «модельеры», или специалисты по математическим методам многомерного анализа и математическому моделированию (сосредоточены на «модернизации» математической формализации в ущерб измерению показателей); «модальные [от слова «мода»] потребители» (демонстрируют подражательную логику без глубокой научной рефлексии). За «типологией» социологов следует группировка их профессиональных болезней «в зависимости от доминирующих источников возникновения и способов “лечения”» (С. 105–106), обоснование одного способа «лечения» в рамках общей интеграции методологического знания (изучение взаимообусловленности методов на макро-, мезо- и микроуровне) (С. 112), «типологизация» факторов (эндогенных и экзогенных), обуславливающих необходимость принципиального отказа от дифференциации социологического знания в пользу его интеграции, «типология» методологических ловушек, возникающих на разных этапах типологического анализа вследствие «ограниченности исследовательских решений, избыточных методических проблем сбора, измерения и анализа данных» (С.129–140), и характеристика этапов типологического анализа (априорная типологизация, выявление классов объектов или внутренней дифференциации групп, интерпретация классов как носителей разных социальных типов) (С. 142).

В-третьих, представлен ход (исследовательские практики) и результаты апробации языковой и логической структуры «типологического поля» в двух областях: социологическая диагностика производственной ситуации в целях реконструкции социальных типов рабочих на промышленных предприятиях (апробация трехкомпонентной модели измерения «идентификации с предприятием» в качестве основания типологии, переход от классификации к типологизации и методная триангуляция в поиске управляемых факторов трудовой деятельности); применение логико-комбинаторных методов в качестве инструментов классификации при решении задач типологического анализа (разбиение объектов на классы по близости к «идеальным типам» и выявление «типологических синдромов» методом «качественного сравнительного анализа»).

Обращение к типологическому анализу как диагностическому инструменту объясняется тем, что «мышление социальными типами диктуется жела-

нием исследователей в методологическом плане решить проблему качественной однородности, а в прагматическом плане — реконструировать из данных такие группы, которые являются носителями одного и того же социального типа и их можно было бы интерпретировать как объект социального управления или контроля. Сама типологическая структура (совокупность выделенных групп) также является объектом управления» (С. 119). В третьей главе «процедура типологического анализа рассматривается для социологического сопровождения процессов принятия управленческих решений на конкретных промышленных предприятиях» (С. 156), соответственно, объект эмпирических исследований — рабочие, цель — выявление их типологических групп и поиск управляемых факторов их трудовой деятельности, результат — основания для принятия управленческих решений, объекты управления — типологические группы и типологическая структура как целостное образование (С. 158). Авторы пошагово объясняют, как работает типологический анализ: от исследовательских вопросов и выдвижения гипотезы о существовании типологических групп рабочих (социальных типов) к определению основания типологии (ядро и периферия предмета типологии — разные группы типологических признаков) и представлению результатов «апробации разных методических решений на отдельных этапах типологического анализа... несмотря на то, что методики... несколько различались, результаты дополняли друг друга» (С. 166).

В четвертой главе представлены подтверждения эвристического потенциала логико-комбинаторных методов в типологическом анализе — не столько конкретные примеры (как с рабочими на промышленных предприятиях), сколько обоснования необходимости логически и предметно (а не только концептуально и методически) выверенной работы с любыми математически инструментами для подтверждения гипотезы — изначально/исторически о детерминации (каузальности), сегодня — о допустимости классификации, и «в зависимости от постановки содержательной задачи исследования возможны различные стратегии использования логико-комбинаторных методов» (С. 235). Во второй части четвертой главы стратегия совместного использования логико-комбинаторных методов для «“наложения” двух классификаций с целью выявления “устойчивых” в содержательном смысле эмпирических закономерностей (типологических синдромов)» рассмотрена как «позволяющая реализовать методную триангуляцию», классифицировать страны «по уровню одобрения права на протестное поведение» и создать «упрощенную типологию политических субкультур». Также сделаны выводы о специфике логико-комбинаторных методов: «в ситуации небольшого числа объектов их целесообразно использовать для порождения гипотез о существовании социальных типов... выделяя пересекающиеся группы объектов, часть характеристик которых полностью совпадает, и использовать переменные, измеренные на номинальном и порядковом уровнях. К недостаткам методов

для целей типологического анализа относится дробное деление совокупности объектов на большое количество пересекающихся групп, выявление закономерностей в виде длинных комбинаций значений признаков, что затрудняет восприятие, описание и интерпретацию результатов, чувствительность к “шуму” (к нестандартным и отличающимся от большинства объектов)» (С. 274).

Следует признать, что авторы стараются облегчить «повышенно заинтересованному» читателю понимание своего терминологически сложного и содержательно насыщенного текста: во Введении суммированы все тематические акценты книги и понятийное поле типологического анализа; Заключение не просто подытоживает проделанную авторами работу без дублирования сделанных в конце глав выводов, но и уточняет принципиальные для социологической методологии поисковые вопросы; все концепции и методические решения обязательно характеризуются с точки зрения сложного переплетения их достоинств и недостатков (реальных, потенциальных и относительных); каждое понятие четко и последовательно разъяснено; сложные понятия представлены на схемах (например, в языковой структуре типологического анализа выделены экзогенные и эндогенные понятия, и вторые разделены на поддающиеся эмпирической интерпретации и формализации); обоснованы возможности экспликации результатов проделанной работы. Так, представленная в третьей главе апробированная модель и процедура типологического анализа рекомендована как «технология социологической диагностики производственной ситуации в ходе принятия управленческих решений на уровне конкретных промышленных предприятий... и технология реконструкции социальных типов среди других массовых профессиональных групп работников промышленных предприятий», а типологический подход в целом — как инструмент «измерения субъективного благополучия на работе... в сфере труда» (С. 222).

Кроме того, авторы постоянно упоминают свою аналитическую «дистанцированность» от однозначных позиций, подчеркивая сосредоточенность на «практических аспектах» — «возможностях и ограничениях» любого приведенного в книге понятия, методики или подхода в социологических исследованиях (С. 23). Например, речь не идет о методологическом и/или аналитическом приоритете математики — подчеркивается ее инструментальная и подчиненная по отношению к содержательным аспектам роль. Об этом склонны забывать исследователи-«математики», апеллирующие к значениям коэффициентов связи и «забывающие» о том, что «для социологических исследований вполне естественны их малые значения» (С. 205), и «социологу-практику важно не столько овладеть математическими методами, сколько уметь связать воедино процедуры логической и математической формализации» [7. С. 202].

Несомненно, освоить (в дидактическом смысле) книгу за несколько часов (или дней) вдумчивого чтения крайне сложно, но она не требует и даже

не предполагает такого подхода. Перед читателем своего рода компендиум или энциклопедический справочник, к которому можно обращаться за конкретными уточнениями (понятий, методик, исследовательских и аналитических практик) по мере необходимости, получая требуемую информацию в предельно систематизированном виде и с ссылками на источники, которые обосновывают предложенную логику знакомства с разделами «науки о типологическом в социологии» и направляют читателя на путь дальнейших самостоятельных поисков (теоретического и эмпирического, фундаментального и прикладного характера).

Помимо явной энциклопедически-просвещенческой функции, в книге прослеживается и функция латентная (в мертоновском смысле) — она учит читателя даже с самыми высокими (и формально признанными) социологическими компетенциями смирению — имплицитно (по мере чтения он осознает, что в дифференцированном поле современной социологии неизбежно столкнется с белыми пятнами) и эксплицитно: авторы спокойно признают неустранимые ограничения социологической работы — объективные (невозможность «чистых» типов применительно к эмпирическим данным, неизбежность «методологических ловушек» и коннотированности многих социологических категорий) и субъективные («отбор данных в эмпирическом исследовании... направляется явно или неявно тяготением социолога к определенным научным школам»). Книга призвана не столько убедить в чем-то читателя, сколько заставить его задуматься: «возможно, термин не вполне удачен... но эта социологическая абстракция имеет смысл»; «определение является достаточно конструктивным... и не противоречит классическим разработкам»; «такое понимание устойчивости кластерной структуры представляется вполне оправданным» и т.п. Отчасти авторы намеренно используют метафоры, «травмирующие сознание отдельного исследователя», считая «логичным несколько сгустить краски для привлечения внимания к накопившимся проблемам» (С. 105). В то же время книга предлагает убедительный, хотя и сложный «модельный» вариант их решения, поэтому следует смириться как со своей «методологической травмированностью», так и с рекомендованным способом ее «излечения».

Библиографический список

1. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
2. *Иванов Д.* Эволюция социологии и эволюционное метатеорезирование // *Телескоп*. 2013. № 4.
3. *Иванов Д.В.* Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // *Социологические исследования*. 2013. № 9.
4. *Панако́стас А.* Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. М., 2016.
5. *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // *Социологические исследования*. 2006. № 9.

6. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение): Учебник. М., 1999.
7. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях: Учебное пособие. М., 2007.
8. Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Thesis. 1994. Вып. 4.
9. Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992.
10. Burawoy M. For public sociology // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. No. 1.
11. Lewis M.W., Smith W.K. Paradox as a metatheoretical perspective: Sharpening the focus and widening the scope // Journal of Applied Behavioral Science. 2014. Vol. 50.
12. Richardson L. Writing sociology // Cultural Studies↔Critical Methodologies. 2002. Vol. 2. No. 3.
13. Ritzer G. Metatheorizing in sociology // Sociological Forum. 1990. No. 5.
14. Ritzer G., Zhao Sh., Murphy J. Metatheorizing in sociology: The basic parameters and the potential contributions of postmodernism // Handbook of Sociological Theory / J.H. Turner (Ed.). University of California, 2001.
15. Sztompka P. Focus on everyday life: A new turn in sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-868-877

EDN: HVQGJO

Compendium of types of the “typological” in sociology*

I.V. Trotsuk

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: trostuk-iv@rudn.ru)

Abstract. The article presents an attempt to review the collective monograph *Typological Analysis in Sociology as a Diagnostic Procedure* (G.G. Tatarova, N.S. Babich, G.P. Bessokirnaya, A.V. Kuchenkova; ed. by G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova. Moscow: FCTAS RAS, 2023, 358 p.), which summarizes many years of searches and findings of G.G. Tatarova with her students and colleagues in the subject field of typological analysis as a sociological method, meta-methodology, diagnostic procedure and a special direction in the development of sociological methodology. The book reconstructs the general logic of the evolution of the typological method, once again confirming the interdisciplinary status of the sociological discipline as successfully borrowing and adapting philosophical conceptualizations, psychological approaches and tools of mathematical formalization to its own tasks. The authors provide examples to demonstrate the possibilities of typological analysis as a diagnostic procedure and a tool for working with “big data”, clarifying both the heuristic possibilities of its methodological solutions and inevitable “methodological traps”.

Key words: typological method; typological analysis; diagnostic procedure; theoretical and empirical sociology; concept of type in sociology; methodological reflection

*© I.V. Trotsuk, 2024

The article was submitted on 24.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

К ЮБИЛЕЮ Г.Г. ТАТАРОВОЙ

Поздравляем с юбилеем Галину Галеевну Татарову, замечательного Человека, ученого и педагога, доктора социологических наук, профессора, главного научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущего отечественного специалиста в области методологии социологических исследований!

Г.Г. Татарова — автор более 200 работ, в том числе нескольких фундаментальных монографий, и многочисленных статей, опубликованных в самых престижных профессиональных изданиях. Ее работы охватывают самые разные аспекты социологического знания, но всегда находятся в русле ее главного научного интереса — социологической методологии, неизменно вызывая широкий отклик в профессиональном сообществе.

Г.Г. Татарова была одним из основателей и много лет возглавляла журнал «Социология: методы, методология, математическое моделирование» («Социология: 4М»), который под ее руководством стал одним из ведущих профессиональных социологических журналов, на протяжении многих лет является членом редколлегии главного социологического журнала страны «Социологические исследования». Г.Г. Татарова — признанный эксперт в научно-образовательной системе: на протяжении нескольких сроков она была членом экспертной комиссии ВАК РФ, членом диссертационных советов ряда ведущих вузов, много лет ведет большую педагогическую работу, и в настоящее время является заведующей кафедрой математического моделирования и анализа данных ГАУГН.

Мы гордимся тем, что в течение продолжительного времени Г.Г. Татарова активно работала на кафедре социологии РУДН, была членом редколлегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология», членом диссертационного совета по социологическим наукам. Во много благодаря ей проблематика методологии и методов социологии стала на кафедре социологии РУДН приоритетной как в учебной, так и в научной работе. Под ее руководством два наших преподавателя стали докторами наук и являются сегодня ведущими

профессорами кафедры. В свою очередь, они уже подготовили более десяти кандидатов наук, четверо из которых работают в РУДН.

Дорогая Галина Галеевна, примите самые искренние поздравления с юбилеем. Доброго Вам здоровья, благополучия, новых научных и творческих достижений!

С уважением и признательностью,
коллектив кафедры социологии РУДН.

НАШИ АВТОРЫ

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: borges75@mail.ru).

Анамоа-Покоо Стэндхоуп — соискатель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: standhope-mail@gmail.com).

Андрианова Елена Владимировна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru).

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: babintsev@bsu.edu.ru).

Белов Андрей Александрович — кандидат социологических наук, директор филиала технопарка ООО «ИнКата» в Минской области (e-mail: belov404.net@gmail.com).

Бигвава Арина Сурамовна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1142230549@rudn.ru).

Богданов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: valarf@mail.ru).

Валеева Марина Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru).

Давыденко Владимир Александрович — доктор социологических наук, начальник Научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета (e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Денисов Артур Юрьевич — заведующий отделом компьютерных сетей и информационных систем Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы (e-mail: denisovartur@gmail.com).

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

Злотковский Владимир Ильич — кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры экономики труда и профсоюзного движения Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений (e-mail: nn101@yandex.ru).

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: julyamarkova@gmail.com).

Мухортов Денис Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1 факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: dennismoukhortov@mail.ru).

Матвеева Наталья Александровна — доктор социологических наук, проректор по научной работе и инновационной деятельности Алтайского государственного педагогического университета (e-mail: matveeva_n_a@mail.ru).

Назарова Инна Борисовна — доктор экономических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; заведующая Лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: inna-nazarova@mail.ru).

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философский наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (e-mail: nod695596@gmail.com).

Нестеров Роман Сергеевич — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов; научный сотрудник Лаборатории исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: rnesterov100@gmail.com).

Нидергаус Елена Олеговна — кандидат социологических наук, исполняющая обязанности директора департамента политологии и социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; проректор по научной работе Московской высшей школы социальных и экономических наук (e-mail: harmina@yandex.ru).

Никулина Екатерина Сергеевна — научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: kat2108@mail.ru).

Овчинцева Любовь Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: lovchintseva@gmail.com).

Осипов Александр Михайлович — доктор социологических наук, научный сотрудник Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (e-mail: osipov.al58@gmail.com).

Павлова Ульяна Олеговна — магистрант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1132236786@rudn.ru).

Подлесная Мария Александровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: yamar@yandex.ru).

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: irina.polyakova@urfu.ru).

Почестнев Александр Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента, руководитель отдела социологических исследований Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (e-mail: apochestnev@yandex.ru).

Радкевич Константин Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: radkevich@rambler.ru).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Савенкова Анастасия Сергеевна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru).

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: sagitil@mail.ru).

Субботина Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: subbotina-mv@rudn.ru).

Тертышникова Анастасия Геннадьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: tertyshnikova-ag@rudn.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Филинская Лариса Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: filinskalv@gmail.com).

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой этики и декан факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru).

Цимбал Мария Владимировна — младший научный сотрудник Лаборатории гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: marya.tsimbal@yandex.ru).

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: shabaga-av@rudn.ru).

Юдина Мария Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении Института государственного и муниципального управления Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: m.yudina@hse.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.